

С Е Т Е В О Й Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

НОМОТНЕТІКА: ФИЛОСОФІЯ. СОЦІОЛОГІЯ. ПРАВО

S C I E N T I F I C J O U R N A L

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

2023. Том 48, №1

НОМОТНЕТІКА:
Философия. Социология. Право
2023. Том 48, № 1

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А., доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философских наук, профессор (Белградский университет, Сербия)

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор (Университет Северной Каролины, США)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (МГУ)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (Институт социально-политических исследований РАН)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Мареева Е.В., доктор философских наук, профессор Московского государственного института культуры (Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета правосудия, профессор (Саратов, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Никольский С.А., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор (Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Болгария)

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Шнопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор (Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор (Высшая школа экономики)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77 – 77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; rosheptsov@bsu.edu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 22,3. Дата выхода 30.03.2023. Оригинальный макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 5 Тонковидова А.В., Бойко П.Е., Орлов М.О. Соборность и общественность в философии Вл. Соловьева

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 14 Элбакян А.А. Концепция рационального познания в астрологии

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 25 Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Контексты социального недовольства и деконсолидации в социальных медиа региональных кластеров РФ
- 31 Гладкова И.А., Демененко И.А. Общие траектории использования ресурсов коммуникативных практик студенческой молодежи в сети Интернет
- 41 Лушникова О.Л. Ипостаси сельского труда (на материалах исследования в Хакасии)

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 51 Иванова О.С., Чалых И.С. Интеграция права и морали в системе обеспечения прав и свобод личности
- 64 Ситников К.А. Правовые основы обеспечения уездной полицейской стражи Российской империи вооружением (на примере Воронежской губернии)
- 73 Тонков Е.Е., Хмелевская И.Г. Молодежный парламентаризм: тернистый путь обретения правового статуса

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 82 Волченко О.Ю. Конституционная ориентированность судебной практики и ее направленность на эффективную реализацию прав человека
- 95 Максуров А.А. Функция гаранта у Президента Российской Федерации
- 107 Стус А.А. Генезис законодательного регулирования институциональной основы формирования ответственного отношения к животным
- 114 Шавеко Н.А. К вопросу о соотношении понятий права и морали

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ

- 127 Даренская В.Н. Процессы отчуждения человека в социогенезе
- 137 Малахов А.Г., Римский А.В. Культурно-исторические практики экстремизма
- 147 Песоцкая К.И., Дунаев Р.А. Этические проблемы в разработке систем искусственного интеллекта
- 153 Сафронова Е.В. Правовые проблемы выхода России из Всемирной организации здравоохранения

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 167 Щипков В.А. Обмирщение как религиозно-философская проблема в творчестве В. Н. Лосского

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- 174 Адань. Аксиология вещного мира повседневной культуры звенков (философский аспект)
- 181 Кожяева И.В., Гэ Цзили. Между репликой и новацией: к определению фигуры режиссера
- 188 И Лань. Китайское аккордеонное искусство: национальный характер и духовные приоритеты

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 195 Исмагилова М.М. Философское обоснование традиционализма в русской правовой культуре

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ И ЭССЕ

- 201 Стоянович В. Другой как основа своей значимости

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ

- 207 Трунов А.А., Олещенко Е.О. Встречи с Утопией (рецензия на книгу Т.С. Паниотовой «Миры утопии: избранные труды = Mundos de la utopia: obras seleccionadas». Ростов-на-Дону ; Таганрог : Изд. Южного федерального университета. 2022. 351 с.)

NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law 2023. Volume 48, No. 1

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House. Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Doctor of sociology (Belgorod National Research University)

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)

Bykova, M.F., Doctor of philosophy, Professor (North Carolina State University, USA)

Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)

Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor (Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State Institute of Arts and Culture)

Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Mareeva E. V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Malko A.V., Doctor of Law, Professor of the Volga Institute (branch) All-Russian State University of Justice, Professor (Saratov, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (Tolstoy Tula State Pedagogical University)

Nikolskiy, S.A., Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpoper, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (Higher School of Economics)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФЦ 77 – 77840 от 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor YU.V. Ivakhnenko. Editing, computer imposition O.G. Tomusyak. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 22,3. Date of publishing 30.03.2023. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 5 Tonkovidova A.V., Boyko P.E., Orlov M.O. Sobornost and the Public in the Philosophy of Vladimir Solovyov

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 14 Elbakyan A.A. Understanding of Rationality in Astrology

SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

- 25 Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu. Social Discontent and Consolidation
Contexts on Social Media of the Russian Federation Regional Clusters **RETRACTED 21.09.2023**
- 31 Gladkova I.A., Demenenko I.A. General Trajectories of Using Resources of Student Youth Communicative
Practices on the Internet
- 41 Lushnikova O.L. Hypostases of Rural Labor (Based on Survey in Khakassia)

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- 51 Ivanova O.S., Chalykh I.S. Integration of Law and Morality in the System of Ensuring the Rights
and Freedoms of the Individual
- 64 Sitnikov K.A. The Legal Basis for Providing the County Police Guards of the Russian Empire
with weapons (On the Example of the Voronezh Province)
- 73 Tonkov E.E., Khmelevskaya I.G. Youth Parliamentarism: The Thorny Path of Gaining Legal Status

PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

- 82 Volchenko O. Yu. Constitutional Orientation of Judicial Practice and Its Focus on the Effective Implementation
of Human Rights
- 95 Maksurov A.A. The Function of the Guarantor of the President of the Russian Federation
- 107 Stus A.A. Genesis of Legislative Regulation of the Institutional Basis for the Formation of a Responsible
Attitude to Animals
- 114 Shaveko N.A. On the Correlations Between Law and Morality

HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

- 127 Darenskaya V.N. Processes of Human Alienation in Sociogenesis
- 137 Malakhov A.G., Rimsky A.V. Cultural and Historical Practices of Extremism
- 147 Pesotskaya K.I., Dunaev R.A. Ethical Issues in the Development of Artificial Intelligence Systems
- 153 Safronova E.V. Legal Problems of Russia's Exit from the World Health Organization

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- 167 Shchipkov V.A. Secularization as Religious and Philosophical Problem in the Works of V. N. Lossky

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

- 174 Adan. Axiology of the Material World of Everyday Evenk Culture (Philosophical Aspect)
- 181 Kozhaeva I.V., Zili Ge. Between Replica and Innovation: To the Definition of the Figure of the Director
Lan' I. Chinese Akkordeone Art: National Character and Spiritual Priorities

THESIS

- 195 Ismagilova M.M. Philosophical Grounding of Traditionalism in Russian Legal Culture

ARCHIVED PUBLICATIONS, TRANSLATIONS AND ESSAYS

- 201 Stojanovich V. The Other as the Basis of Its Significance

SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

- 207 Trunov A.A., Oleshchenko E.O. Meetings with Utopia (Review of the book by T.S. Paniotova
"Worlds of Utopia: selected works = Mundos de la utopía: obras seleccionadas". Rostov-on-Don; Taganrog :
Publishing House of the Southern Federal University. 2022. 351 p.)

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 101.1

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-5-13

Соборность и общественность в философии Вл. Соловьева

¹Тонковидова А.В., ²Бойко П.Е., ³Орлов М.О.

¹Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма,
Россия, Краснодар, 350015, ул. им. Буденного, 161;

²Кубанский государственный университет,
Россия, Краснодар, 350040, ул. Ставропольская 149;

³Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского,
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83

E-mail: tonkovidova@mail.ru; pboyko@mail.ru; orok-saratov@mail.ru

Аннотация. Соборность рассматривается в качестве основания традиционных ценностей, которые постулируются в современном обществе в качестве целей деятельности, личного и общественного развития. В связи с этим важно определить онтологию соборности, значение которой в философии В. Соловьева расширяется за пределы исключительной церковности и рассматривается как отражение соборности в общественности. Посредством применения диалектического метода, имманентно присущего соловьевским текстам, нами выявлено, что церковная общественность, светская общественность и церковно-светская общественность в своем основании содержат соборный принцип. Человек в своей деятельности реализует соборность в общественности.

Ключевые слова: соборность, всеединство, диалектика, общественность, солидарность, нормальное общество, свободная общинность

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44127 «Взаимодействие светского и религиозного мировоззрения как теологическая проблема: социальные риски, вызовы цифровизации и основания гражданского диалога».

Для цитирования: Тонковидова А.В., Бойко П.Е., Орлов М.О. 2023. Соборность и общественность в философии Вл. Соловьева. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 48(1): 5–13. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-5-13

Sobornost and the Public in the Philosophy of Vladimir Solovyov

¹Anna V. Tonkovidova, ²Pavel E. Boyko, ³Mikhail O. Orlov

¹Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism,
161 Budennogo St, Krasnodar 350015, Russian Federation;

²Kuban State University,
149 Stavropol'skaya St, Krasnodar 350040, Russian Federation;

³N.G. Chernyshevsky Saratov State University,
83 Astrakhanskaya, Saratov 410012, Russia

E-mail: tonkovidova@mail.ru; pboyko@mail.ru; orok-saratov@mail.ru

Abstract: The category of conciliarity is currently gaining relevance in connection with the declaration of universally valid ideals, the need for their meaningful content and conceptualization. Sobornost is

considered as the basis of traditional values, which are postulated in modern society as the goals of activity, personal and social development. In this regard, it is important to define the ontology of sobornost, the meaning of which in the philosophy of V. Solovyov expands beyond the limits of exclusive ecclesiasticism and is seen as a reflection of sobornost in the public. Through the application of the dialectical method, which is immanent in Solovyov's texts, we have revealed that the church community, the secular community, and the church-secular community at their core contain the conciliar principle. A person in his activity realizes sobornost in the public. In the Solovyov texts there are such dialectical stages of the disclosure of concord as its realization in the church community. Conciliarity is preserved at the level of the secular public, where the eternal principles referred to the absolute sphere are defined in a contradictory meaning. The present reality is a stage, a step on the way to the eternally existing, to what should be, or conciliarity in the church-secular community, which VI. Solovyov calls "normal society", free community, solidarity.

Keywords: sobornost, vseedinstvo, dialectics, public, solidarity, normal society, free communality

Acknowledgements: The study was performed with financial support from the Russian Foundation for Basic Research, as part of a research project No. 21-011-44127 "Interaction of secular and religious worldviews as a theological problem: social risks, challenges of digitalization and the foundations of civil dialogue"

For citation: Tonkovidova A.V., Boyko P.E., Orlov M.O. 2023. Sobornost and the Public in the Philosophy of Vladimir Solovyov. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 5–13 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-5-13

Введение

Категория соборности в настоящее время получает актуальное значение в связи с декларацией общезначимых идеалов, необходимостью их содержательного наполнения и концептуализации. Возникнув в философии славянофильства, соборность получила свое дальнейшее развитие в работах В. Соловьева, который расширил значение идеи соборности, введя ее в космическое единство, превращая религиозное единство во всеединство. А. Посацкий отмечает, что идея расширения понятия соборности воплотилась в философии всеединства Владимира Соловьева через терминологическую подмену, то есть, прямо Владимир Соловьев практически не использует понятие «соборность», но парадоксальным образом укрепляет через свою философию его онтологический статус [Posacki, 2021, p. 207].

Диалектичность работ В. Соловьева прослеживается как отечественными, так и зарубежными исследователями [Акулинин, 1990; Лосев, 2009; Кожève, 2008; Dahm, 2011]. В работе Г.Л. Клайна прослеживается мысль о том, что В. Соловьев распространил принципы гегелевской диалектики на практическую и духовную деятельность [Kline, 1974], в то же время отмечается, что диалектические принципы не распространяются В. Соловьевым на историческую действительность и общественность [Сидорин, 2012, 2014].

Предпосылки «грядущего синтеза» в текстах В. Соловьева находит С. Булгаков, которым отмечается антиномизм не как метод соловьевской философии, а как сложность, возникающая при актуализации соборности в общественности [Булгаков, 2008, с. 401, 402]. В.П. Рожков, описывая особенности соловьевской диалектики, отмечает, что В. Соловьев «создает первую систему русской религиозной философии, ядро которой составляет метафизика всеединства, а методологию – «положительная диалектика» [Рожков, 2009, с. 26]. К.М. Антоновым также прослеживается жизненная диалектика в работах В. Соловьева и определяются два диалектических этапа общественного развития: «период некоторой слитности», «период дифференциации жизненных областей», период восстания

против религии, некий антитезис, вслед за которым должен следовать синтез [Антонов, 2004, с. 176].

При всей глубине и полноте проведенных исследований диалектических оснований философии В. Соловьева, остается открытым вопрос, распространяет ли В. Соловьев сферу диалектики на общественность и соборность, либо общественность и соборность выносятся им «за скобки» диалектики. Сохраняются вопросы нахождения в философии В. Соловьева диалектических оснований общественности и обозначения уровней диалектического становления соборности как актуализации всеединства в общественности, которую мы можем на основании соловьевских текстов рассмотреть как церковную, светскую, церковно-светскую. В. Соловьев пишет о невозможности «исключительной наличности» каждой из обозначенных им форм общественности, что исключает линейный переход одной формы общественности в другую или их простую последовательную смену. «Столкновение между стадиями личностно-общественного развития», «последовательное преобладание» их в одной исторической действительности говорит о диалектике общественного развития [Соловьев, 2012а, с. 53, 54]. По словам В. Соловьева, «великий синтез, к которому идет человечество, – это осуществление положительного всеединства в жизни, знании и творчестве» [Соловьев, 2012б, с. 3]. В человеческом обществе всеединство «восстанавливается идеально» как раскрытие соборности, присутствуя при этом потенциально [Соловьев, 2012б, с. 382]. Соборность, на наш взгляд, выступает как раскрытие всеединства в общественности в диалектическом аспекте.

Соборность в церковной общественности

Церковная общественность рассматривается нами как начальный пункт становления соборного единства в общественном, социальном. В текстах В. Соловьева мы находим упоминание о том, что человеческий дух поглощается абсолютным духом, не может найти реализации в общественности [Соловьев, 2012б, с. 203]. Человек, проживая жизнь в мире имманентном, вместе с тем устремлен в трансцендентное, вынимает себя из мира, истории, культуры, что описывается В. Соловьевым в таких терминах, как «пустыннический аскетизм», «созерцательный мистицизм», «псевдохристианский индивидуализм», определяется «антихристианским догматизмом, индивидуализмом и спиритуализмом». Присутствует индивидуализм в стремлении к Богу через молитву [Соловьев, 1989, с. 353, 355; Соловьев, 2012 в, с. 50].

Мы можем отметить, что В. Соловьев определяет два типа церковной общественности: церковную общественность первохристианства, этические принципы устройства которой на основе соборности описываются в работе Горзака [Goršak, 2021], и внешнюю насильственную теократию, в подчинении которой находится гражданское общество. В зависимости от типа церковной общественности выделяются и религиозные начала. Религиозные начала, соответствующие церковной общественности первохристианства, обладают такими характеристиками, как личное восприятие, мистицизм, созерцательность. Традиционные религиозные начала определяются верой в авторитет, опосредуются историческим преданием в внешней насильственной теократии [Соловьев, 2012б, с. 22].

Мы обращаем внимание на то, что В. Соловьев при описании церковной общественности отмечает ее противоречивый характер, проявляющийся в том, что она исторична, внешне погружена в историю через мессианство, папство, определяется во «внешнем», «в себе замкнутом» Боге. Это приводит к тому, что общественность находится в подавленном, порабощенном, подчиненном положении по отношению к церковной власти, рассматриваемой как безусловный принцип, источник которого – божественное. Безусловным принципом выступает в этом случае божественный элемент, а общественность ему должна подчиниться. Все, что есть в человеке от природного либо рационального начал приравнивается ко злу. В церковной общественности невозможно говорить о равноправии

церкви и государства в связи с тем, что они не могут выступать независимыми, безусловными началами [Соловьев, 2012б, с. 191, 192, 196].

Как отмечает М.О. Орлов, «сам смысл глобальной религиозности сводится к индивидуальной реализации. Для новой религиозности характерна высокая степень индивидуальной вовлеченности» [Орлов, 2008, с. 91]. Но индивидуальная религиозная жизнь не согласуется с христианской общественностью, где должно быть реализовано «социальное единство» и должен возникнуть вселенский субъект истинной религии [Соловьев, 2012в, с. 125, 131].

Соборность в светской общественности

Отвлеченные начала в философии В. Соловьева служат основанием для выделения в его текстах описания соборности в светской общественности. Отвлеченные начала выносятся вне целого. Противоречивость всеединства состоит в направленности части встать на место целого, в чем мы прослеживаем диалектику части и целого. В светской общественности присутствует борьба между обособившимися началами, состояние умственного разлада [Соловьев, 2012б, с. 3].

В светской общественности в качестве критериев деятельности человека можно обозначить отвлеченно-эмпирические понятия (мера реализации удовольствия, счастья, полезности) и отвлеченно-рациональные понятия (принцип долженствования). Мы склонны рассматривать обозначенные критерии как промежуточный этап актуализации высшего нравственного принципа в светской общественности.

Светская общественность может быть реализована в отвлеченном начале социализма, где превалирует общественное над индивидуальным, что влечет за собой стремление части стать целым, и внутреннюю противоречивость. Крайняя общинность поглощает личность приводя к возникновению «пустой личности» «в бессодержательности самоутверждения» [Соловьев, 2012б, с. 149, 152, 171].

Светскую общественность с ее механическим, несвободным единством философ описывает метафорой «муравейник» [Соловьев, 1989, с. 306]. Интересно, что, следуя соловьевской традиции, С.Л. Франк светскую социальность описывает этой же метафорой [Франк, 2016, с. 226].

В светской общественности, как правило, доминирует над человеком материальный элемент. Невозможно установить равенство людей в ситуации свободной общинности на основании юридических принципов. Принципы альтруизма и симпатии не представляются универсальными нравственными максимами. Осуществление экономического, гражданского, политического общества не представляет в полноте своей реализацию нормального общества, основанного на солидарности всех. Нравственное начало утрачивается в светской общественности либо в «противоречии частных», либо в «безразличии общего» [Соловьев, 2012б, с. 197, 198, 199, 201]. Индикаторами светской общественности могут быть потеря «веры в Бога», «осознание своей греховности», поиск отвлеченной правды [Соловьев, 1989, с. 307, 325]. Соловьев приводит сравнение человека в светской общественности с Сизифом [Соловьев, 2012б, с. 14]. В светской общественности устанавливается внешний общественный идеал, заключающийся в принудительном общественном строе (экономическом или социальном).

Как и в церковной общественности, человек вынесен за историю, вне истории нет погруженности в историю, которая воспринимается извне. Достижение идеала переносится в будущее, в настоящем он не достижим. Вследствие того, что окружающая действительность входит в противоречие с идеалом, деятельность человека нацелена на ее разрушение, борьбу с тем, что его окружает, проведение «внешнего переворота» [Соловьев, 1989, с. 332, 333].

Но интересно отметить, что Соловьев пишет о том, что по отношению к светской общественности «неверующие двигатели новейшего прогресса действовали в пользу ис-

тинного христианства», так как нужно создать «христианство живое, социальное, вселенское». Таким образом, в диалектике развития присутствует возможность возникновения церковно-светской общественности [Соловьев, 1989, с. 355].

Соборность в церковно-светской общественности

Символ подвижничества, в котором отражается соборность церковно-светской общественности, обозначен в работах В. Соловьева. Возникновение церковно-светской общественности, или духовное рождение России, может произойти через «труд и подвиг», «всенародный подвиг» [Соловьев, 1989, с. 305, 314]. Соборность определяемой нами в текстах Вл. Соловьева церковно-светской общественности, – это «свободное согласие на единство». Соборность актуализуется в форме «свободной общинности», «практического всеединства», «солидарности» [Соловьев, 2012б, с. 5; Соловьев, 1989, с. 355, 307, 325]. Соловьев определяет общество в соборном единстве церковно-светской общественности как «нормальное общество». Идея всеединства может быть реализована в идее соборности, актуализирующейся в общественности, где благо рассматривается также в аспекте соборности, «относительно которого все есть суть одно». При совпадении индивидуализма и общинности формируется свободная общинность в единстве церкви, государства и общества, или социальная троица, в основании которой лежит свобода [Соловьев, 2012б, с. 6, 150, 151, 209, 213; Русская идея, с. 204].

В государственной сфере и в сфере экономики нормального общества, основанного не на внешнем авторитете, не на слепой вере, а на свободе, актуализуется трансцендентное начало [Соловьев, 2012б, с. 6].

В соловьевских текстах мы можем найти ответ на вопрос, что будет основанием для реализации божественного начала в практической деятельности, или как возможна церковно-светская общественность, актуализация всеединства в диалектике соборности в нормальном обществе. Ответ на вопрос заключается в том, что для реализации в церковно-светской общественности соборности необходимо прийти к знанию о социальном всеединстве, или соборности. Истина, по В. Соловьеву, равна всеединому существу, а системой истинного знания является свободная теософия, или великий синтез, в чем проявляется диалектика всеединства. Церковно-светская общественность раскрывается посредством свободной теософии [Соловьев, 2012б, с. 6, 7].

В. Соловьев определяет в человеке некую двойственность: внутренне человек свободен, внешне – подчинен необходимости. В. Соловьев пишет, что в человеке присутствует некое «движущее начало его бытия и жизни». В. Соловьев различает «механический внешний эклектизм» и «внутреннюю синтетическую силу», или душу организма. Отвлеченные начала могут быть эмпирическими, материальными и формальными или чисто-рациональными. Человек, по В. Соловьеву, выступает и как явление, одновременно будучи и сущим в себе. Человек подчинен законам причинности и трансцендентной свободы [Соловьев, 2012б, с. 9, 15, 23, 111].

Отвечая на вопрос о сущности человека, на основании текстов Вл. Соловьева мы приходим к тому, что человек раскрывается в божественной идее, равной идее всечеловечества. Определение человека возможно через его рациональность, связь с природой и религиозность. Мы видим, что здесь встречаются две линии в определении человека: идущие от его рациональности, светскости, природного естества и от божественного. В качестве цели становления человека мы можем определить такие максимы, как «человек в Боге», «человек как Бог». Человек должен, по Соловьеву, слиться, или встроиться в систему всеединства мира, чему могут служить средства материального и рационального мира [Соловьев, 2012 б, с. 202, 203, 214].

Мы можем рассмотреть и вопрос социального идеала церковно-светской общественности на основании текстов В. Соловьева. В этом случае мы усматриваем диалектику формы и содержания, вершиной которой является синтез – синтез отвлеченного индивидуализма и отвлеченной общинности как абстрактных понятий церковной общественности и светской общественности, в «самом понятии» всеединства общества церковно-светской общественности, где отвлеченные, абстрактные идеалы соборности, всеединства реализуются в нормальном обществе церковно-светской общественности, в свободной общинности, которая наделяется В. Соловьевым такими характеристиками, как всеобъемлющая по форме и неопределенная в своем содержании.

Нравственное содержание наполняет форму или переходит из возможного своего состояния в действительное в нормальном обществе, основной чертой которого является солидарность [Соловьев, 2012 б, с. 146; Соловьев, 1989, с. 355].

В том случае, если мы применим компаративистский подход к раскрытию значения понятия солидарности, то можно найти в его текстах гегелевский подход к пониманию солидарности, в соответствии с которым личность солидарна с нравственной субстанцией на уровне семьи, гражданского общества и государства [Соловьев, 1988, с. 434].

Свободная общинность, солидарность как цель становления соборности в общественности определяется как всеобъемлющая по форме и неопределенная в своем содержании. На пути к нормальному обществу или свободной общинности происходит восхождение от форм общественного устройства, основанных на отвлеченных началах, или общественности церковной и светской общественности [Соловьев, 2012 б, с. 151].

Таким образом, мы можем определить диалектику формы и содержания, части и целого в социальной концепции В. Соловьева. Философ пишет «все составляют цель деятельности для каждого и каждый для всех». В текстах В. Соловьева мы находим диалектику общего и единичного в диалектике начал общинности и индивидуализма, отмечается их относительность и невозможность их абсолютной реализации как в церковной общественности, так и в светской общественности [Соловьев, 2012 б, с. 5, 6, 147, 148]. Достичь синтеза общинности и индивидуализма возможно в церковно-светской общественности, или нормальном обществе, где понимание сути индивида обусловлено всеобщностью идеи, которая в нем актуализуется, а общественное начало получает реализацию в действительности, что приводит нас к пониманию личной нравственности как нравственности общественной [Соловьев, 2012 б, с. 150,151].

Общество, возникшее на религиозных, нравственных, соборных началах приходит к «нормально-нравственному» характеру. Общественность определяется через деятельность человека, который ее реализует, руководствуясь религиозными началами. При этом необходимо отметить, что рациональные, материальные, природные факторы в человеке отходят на второй план.

Интересно отметить, что Вл. Соловьев определяет структуру деятельности, где в качестве мотивов выступает любовь, средством деятельности является справедливость, а результатом – польза. В церковно-светской общественности результатом деятельности должна выступать польза, представленная как единая для всех людей цель [Соловьев, 2012 б, с. 254, 344, 345, 418; Соловьев, 1989, с. 307, 325].

В нормальном обществе сферы экономики и права вводятся в объем религиозной сферы. Экономическая деятельность, хозяйственная жизнь представляется как актуализация свободной общинности, социального воплощения идеи всеединства или религиозного начала. В синтезе соединяются степень индивидуального развития и юридического права собственности [Соловьев, 2012 б, с. 214, 216, 217].

Идеал Церкви, которая рассматривается В. Соловьевым как Духовное братство, обладает религиозно-нравственным значением. Е.В. Бессчетнова рассматривает церковь в работах Соловьева как наилучшую форму общественного устройства [Бессчетнова,

2021]. При внутреннем единстве сохраняется внешнее неравенство в общественном устройстве. В государственном строе должна быть воплощена истина Христова [Соловьев, 1989, с. 309, 312, 313, 344]. На наш взгляд, это реализация в исторической действительности церковно-светской общественности.

Заключение

В. Соловьев включает в область диалектики общественность и соборность. Раскрытие всеединства через актуализацию соборности происходит в «реальном историческом процессе», который переживается самим человеком. Интересна мысль В. Соловьева о том, что всеединство, соборность всегда присутствует в общественности, в человеке, в разных своих актуализациях. Целью же выступает осознание самим человеком соборности, формирование понятия соборности [Соловьев, 2012а, с. 54; Соловьев, 2012б, с. 8].

В соловьевском учении о соборности просматривается гегелевская триада становления [Гегель, 2019]. Тезисом выступает теологическая система церковной общественности, «общее предание» в своей непосредственной устремленности к божественному. Антитезисом, или, по определению В. Соловьева, «результатом отрицательного развития» является «эмпирическая наука», «философия», формы общественного устройства на уровне светской общественности, обозначаясь как «общественное служение» [Соловьев, 2012б, с. 8, 9]. Соборность возникает в церковно-светской общественности как «целость общей жизни», «солидарность», «общий идеал», всеединство в общественной жизни [Соловьев, 2012 а, с. 54; Соловьев, 1989, с. 307, 325].

В соловьевских текстах присутствуют такие диалектические ступени раскрытия соборности, как ее реализация в церковной общественности. Соборность сохраняется на уровне светской общественности, где определяются в противоречивом значении вечные начала, относимые к сфере абсолютной. Действительность наличная – это этап, ступень на пути к вечно сущему, к тому, что должно быть, или соборности в церковно-светской общественности, которую Вл. Соловьев называет «нормальное общество», свободная общинность, солидарность.

Список литературы

- Акулинин В.Н. 1990. Философия всеединства: От В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 158 с.
- Антонов К.М. 2004. Концепт религиозного обращения в философии Вл. Соловьева. Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института, 2: 159–189.
- Бессчетнова Е.В. 2021. Идея церкви как наилучшего общественного устройства: Ф.М. Достоевский и Вл. С. Соловьев. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия, 25(1): 34–43.
- Булгаков С.Н. 2008. Два града: исследования о природе общественных идеалов. Москва, Астрель, 783 с.
- Лосев А.Ф. 2009. Владимир Соловьев и его время. М., Молодая Гвардия, 617 с.
- Орлов М.О. 2008. Место и роль религии в глобальных процессах современности. Власть. 4: 91–94.
- Рожков В.П. 2009. Методологические основания "нового религиозного сознания" в философии В.С. Соловьева. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика, 9(4): 26–31.
- Русская идея. 1992. М., Республика, 496 с.
- Сидорин В.В. 2012. Интерпретация диалектики Гегеля в «Оправдании добра» В.С. Соловьёва. Соловьёвские исследования, 33(1): 140–151.
- Сидорин В.В. 2014. В.С. Соловьев и Г.В.Ф. Гегель: диалектические аспекты "Философских начал цельного знания". Соловьёвские исследования, 2(42): 67–80.
- Соловьев В.С. 2012а. Оправдание добра. М., Институт русской цивилизации, Алгоритм, 656 с.
- Соловьев В.С. 1988. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., Мысль, 824 с.

- Соловьев В.С. 1989. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., Издательство «Правда», 736 с.
- Соловьев В.С. 2012б. Критика отвлеченных начал. М., Директ-Медиа, 474 с.
- Соловьев В.С. 2012в. Россия и вселенская церковь. Русская идея. Талмуд и новейшая полемическая литература о нем в Австрии и Германии. М., Директ-Медиа, 346 с.
- Франк С.Л. 2016. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия. Москва, Директ-Медиа, 389 с.
- Dahm H. 2011. Vladimir Solovyev and Max Scheler: Attempt at a Comparative Interpretation. Springer, 34: 321.
- Goršak B. 2021. Same Four-Fold Structure of Sobornost and Christian Trilateral Situation Ethics. *Res novae*, 6: 7–26.
- Kline G.L. 1974. Hegel and Solovyov. O'Malley J.J., Algozin K.W., Weiss F.G., editors. *Hegel and the History of Philosophy*. Springer, Dordrecht: 159–170.
- Kojève A. 2018. The Religious Metaphysics of Vladimir Solovyov. In: *The Religious Metaphysics of Vladimir Solovyov*. Palgrave Pivot, Cham: 15–49.
- Posacki Aleksander. 2021. „Sobornost” jako idealny model „solidarności mistycznej” w kulturze rosyjskiej Is part of: *Solidarność: człowiek w sieci zależności społecznych*, pod redakcją Jarosława Jagiełły i Karoliny Tytko. Kraków, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie. Wydawnictwo Naukowe, 203-214.

References

- Akulinin V.N. 1990. *Filosofiya vseidinstva: Ot V.S. Solov'eva k P.A. Florenskomu*. [The philosophy of total-unity: From V.S. Soloviev to P.A. Florensky] Novosibirsk: Publ. Nauka. Sibirskoe otdelenie, 158 p. (In Russian).
- Antonov K. M. 2004. The concept of religious conversion in the philosophy of Vl. Solovyov. *St. Tikhon's University Review*, 2: 159–189. (In Russian).
- Besschetnova E.V. 2021. The idea of the church as the best social structure: FM Dostoevsky and VI.S. Solovyov. *RUDN Journal of Philosophy*, 25(1): 34–43. (In Russian).
- Bulgakov S.N. 2008. *Dva grada: issledovaniya o prirode obshchestvennyh idealov*. [Two Cities: Studies on the Nature of Social Ideals]. Moscow, Publ. Astrel, 783 p. (In Russian).
- Losev A.F. 2009. *Vladimir Solov'ev i ego vremena*. [Vladimir Solovyov and his time]. Moscow: Publ. Young guard, 617 p.
- Orlov M.O. 2008. The role of spiritual enlightenment in the formation of Russian religiosity: A historical and philosophical analysis. *Publ. Power*. 4: 91-94. (In Russian).
- Rozhkov V. P. 2009. Methodological Basis of «New Religious Consciousness» in V.S. Solovyov's Philosophy. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 9 (4): 26–31. (In Russian)
- Russkaya ideya [Russian idea] 1992. Moscow, Publ. Respublika, 496 p. (In Russian)
- Sidorin V.V. 2012. Interpretation of Hegel's dialectics in "Justification of Good" by V.S. Solovyov. *Solovyov Studies*, 33(1): 140–151. (In Russian).
- Sidorin V.V. 2014. V.S. Solovyov and G. V. F. Hegel: Dialectical Aspects of "Philosophical Principles of Integral Knowledge" *Solovyov Studies*, 42(2): 67-80. (In Russian).
- Solovyov V.C. 1988. *Sochineniya [Works]*. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow, Publ. Thought, 824 p. (In Russian).
- Solovyov V.C. 1989. *Sochineniya [Works]*. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow, Publ. Truth, 736 p. (In Russian).
- Solovyov V.C. 2012a. *Opravdanie dobra [Justification of good]* Moscow, Publ. Institute of Russian civilization Algorithm, 656 p. (In Russian).
- Solovyov V.C. 2012б. *Kritika otvlechennykh nachal [Criticism of abstract principles]*. Moscow, Publ. Direkt-Media, 474 p. (In Russian).
- Solovyov V.C. 2012в. *Rossiya i vselenskaya cerkov'. Russkaya ideya. Talmud i novejschaya polemicheskaya literatura o nem v Avstirii i Germanii*. [Russia and the Ecumenical Church. Russian idea. Talmud and the latest polemical literature about him in Austria and Germany]. Moscow, Publ. Direkt-Media, 346 p. (In Russian).

- Frank S. L. 2016. Real'nost' i chelovek. Metafizika chelovecheskogo bytiya. [Reality and Man. Metaphysics of human existence]. Moscow, Publ. Direkt-Media, 389 p. (In Russian).
- Dahm H. 2011. Vladimir Solovyev and Max Scheler: Attempt at a Comparative Interpretation. Springer, 34: 321.
- Goršak B. 2021. Same Four-Fold Structure of Sobornost and Christian Trilateral Situation Ethics. Res novae, 6: 7–26.
- Kline G.L. 1974. Hegel and Solovyov. O'Malley J.J., Algozin K.W., Weiss F.G., editors. Hegel and the History of Philosophy. Springer, Dordrecht: 159–170.
- Kojève A. 2018. The Religious Metaphysics of Vladimir Solovyov. In: The Religious Metaphysics of Vladimir Solovyov. Palgrave Pivot, Cham: 15–49.
- Posacki Aleksander. 2021. „Sobornost” jako idealny model „solidarności mistycznej” w kulturze rosyjskiej Is part of: Solidarność : człowiek w sieci zależności społecznych pod redkcją Jarosława Jagiełły i Karoliny Tytko. Kraków, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II w Krakowie. Wydawnictwo Naukowe, 203–214. (In Poland).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.04.2022
Поступила после рецензирования 02.05.2022
Принята к публикации 25.05.2022

Received April 2, 2022
Revised May 2, 2022
Accepted May 25, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тонковидова Анна Викторовна, старший преподаватель кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Краснодар, Россия

Anna V. Tonkovidova, Senior Lecturer of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Krasnodar, Russia

Бойко Павел Евгеньевич, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, теологии и религиоведения, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Pavel E. Boyko, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Theology and Religious Studies, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Орлов Михаил Олегович, доктор философских наук, декан философского факультета, заведующий кафедрой философии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Mikhail O. Orlov, Doctor of Philosophy, Dean, Faculty of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Religious Studies, N.G. Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 133.52.

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-14-24

Концепция рационального познания в астрологии

Элбакян А.А.

Институт Философии РАН,
Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12/1
E-mail: alexandra@elbakyan.io

Аннотация. Вопрос о рациональном познании является одним из самых важных в современной философии, так как является в своей сути вопросом о методах и способах получения достоверного знания. Достижению точного и глубокого понимания феномена рациональности может способствовать детальное изучение представлений о рациональности не только в философии, но и в других формах духовной культуры – в том числе таких, которые сами по себе не считаются рациональными. К ним относится, например, астрология – учение о возможности предсказывать события на основе информации о положении небесных тел, которое существует на протяжении нескольких тысяч лет. Наряду с другими формами эзотеризма астрология в современном научном сообществе серьезно стигматизирована, что во многом препятствует исследованию астрологии как историко-культурного феномена. Целью данного исследования является изучение концепции науки и рациональности в том виде, в котором она представлена в работах астрологов. Источники позволяют сделать вывод о том, что астрологическая концепция рациональности отражает распространенные представления о науке и перекликается с современными философскими концепциями рационального познания.

Ключевые слова: рациональность, наука, астрология, философия, история науки

Для цитирования: Элбакян А.А. 2023. Концепция рационального познания в астрологии. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 48(1): 14–24. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-14-24

Understanding of Rationality in Astrology

Alexandar A. Elbakyan

Russian Academy of Sciences,
12/1 Goncharnaya St, Moscow 109240, Russian Federation
E-mail: alexandra@elbakyan.io

Abstract. Rationality is one of the key issues in modern philosophy. By the wide variety of proposed approaches and general complexity the issue of rationality can be compared even to the hard problem of consciousness. To gain better understanding of what rational knowledge is, it may be helpful to study various views on rationality – not only those in science and philosophy, but also in the areas that are traditionally considered non-rational. One of such areas is astrology, a thousands-year-old belief that future events in human life can be predicted from positions of the stars at the time of birth. Just as other esoteric knowledge, astrology is severely stigmatized in modern scientific community, that prevents serious research in this area. This article is an inquiry into how astrologers conceive of rationality, based on their works ranging from the oldest available ones to modern sources. The sources confirm that astrological view of rationality aligns well with common view of science and is similar to some modern philosophical theories of rational thinking.

Keywords: rationality, science, astrology, philosophy, history of science

For citation: Elbakyan A.A. 2023. Understanding of Rationality in Astrology. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 14–24 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-14-24

Введение

Вопрос о рациональности стал одной из самых обсуждаемых тем в современной философии. Рациональность относится к такой группе понятий, интуитивное понимание которых есть у каждого человека: рациональным, как правило, называется разумное, логичное рассуждение. Одновременно с этим само понятие рациональности трудно поддается теоретизации. В определенном смысле это понятие может претендовать на статус трудной проблемы философии наряду с проблемой сознания. Неудивительно, что рациональность породила множество философских концепций.

Исследованием рациональности занимались многие отечественные философы [Автономова, 1998; Порус, 1990; Степин 1997, 2003; Швырев, 2003; Шульга, 2003]. Как правило, это современные философы, поскольку наибольшее внимание проблема рациональности получила в XX веке. Например, Владимир Швырев предложил концепцию открытой рациональности, которая непрерывно развивается, постоянно подвергая критическому анализу собственные предпосылки. Вячеслав Стёпин выделял три стадии в развитии научной рациональности, на каждой из которых объект исследования постепенно усложняется. Елена Шульга исследует вопрос рациональной социальной коммуникации. За рубежом о рациональности писал классик социально-философской мысли Макс Вебер [1990]; получила широкое распространение концепция Роберта Нозика [Nozick, 1995]. Рациональное познание часто отождествляют с научным познанием: в таком ракурсе практически любая работа по философии науки, затрагивающая проблему демаркации научного знания от ненаучного, говорит о рациональности.

Однако философия – не единственная форма духовной культуры. Представления о рациональности и научном познании можно встретить и в художественной литературе, и в искусстве. Изучение и анализ таких не-философских концепций отнюдь не бесполезны: они дают возможность взглянуть на объект исследования с нового ракурса, понять те свойства объекта, которые ранее оставались незамеченными.

Далее в статье будет рассмотрено, как наука и рациональность отображается в наиболее удаленных, на первый взгляд, от рациональных методов областях: в работах астрологов.

Астрология в историко-философской перспективе

Астрология как совокупность представлений о возможности предсказывать отдельные события на Земле и в жизни человека, основываясь на информации о положении небесных тел, насчитывает несколько тысяч лет. На сегодняшний день опубликовано несколько работ, в которых подробно рассматривается история астрологии [Barton, 1994; Саплин, 2020]. Исследователи сегодня сходятся во мнении, что астрология впервые зародилась в Месопотамии. Самые древние дошедшие до нашего времени астрологические тексты представляют собой клинописные записи на глиняных табличках вида: если на небе произошло событие А, то на земле последует событие В. Они относятся ко второй половине II тыс. до н.э. Древние жители Месопотамии исходили из представления о том, что планеты и звезды являются божествами, которые могут влиять на происходящее на Земле. Как минимум уже в VII в. до н.э. велись постоянные наблюдения за небесными телами, их координаты записывались в специальных дневниках. К началу I тыс. до н.э. были обозначены все двенадцать знаков Зодиака, которые используются в современной астрологии.

Из Месопотамии астрология была заимствована древними греками. По всей видимости, вавилонская астрология была известна в Греции уже в V в. до н.э. Так, Диоген Лаэртский упоминает, что Демокрит учился астрологии [1979, с. 370]. По свидетельству Цицерона, ученик Платона Евдокс утверждал, что «халдеям, которые любому человеку по дню его рождения предсказывают все, что с ним произойдет в жизни, и пишут его гороскоп, менее всего следует верить» [1985, с. 275]. Прокл приводит слова Теофраста, ученика Аристотеля, о том, что его современники-халдеи владели теорией, которая предсказывала, какой будет жизнь и смерть человека, равно как и хорошую или плохую погоду [Proclus, 2013, с. 256].

После завоеваний Александра Македонского центром астрологического учения становится Александрия. В эпоху эллинизма астрология представляет собой сложный амальгам шумерской, греческой и египетской мифологии и ряда философских идей. Так, очень распространенной была идея о связи души человека со звездами. Об этом говорит, например, Платон в диалоге «Тимей»: после смерти душа возвращается в обитель соименной звезды [2006, с. 524].

От греков астрология была заимствована римлянами как часть греческой философии и греческой мудрости. Особенный вклад здесь внесла школа стоиков, в учении которой представления о фатализме занимают центральное место. Первые философы-стоики, такие как Диоген Вавилонский и Панетий Родосский, скептически относились к астрологии: так, например, Диоген говорил, что астрологи могут предсказать наклонности и таланты ребенка, но ничего более [Цицерон, 1985]. Однако уже ученик Панетия Посидоний, по свидетельству Августина, был «ревностно предан астрологии» и считал, что судьба человека определена расположением звезд в момент рождения [1998, с. 192]. В отличие от своих вавилонских предшественников, стоики не придерживались представления о том, что небесные светила являются божествами, однако они полагали, что мир организован таким образом, что одни явления позволяют предсказывать другие. Эпикурейская школа, напротив, отвергала астрологию, как и другие предсказательные практики.

В конце I в. до н.э. Цицерон пишет трактат «О дивинации», в котором критикует астрологию наряду с другими способами предсказания будущего, такими как толкование сновидений, приводя различные аргументы против. В начале трактата Цицерон делает интересное замечание о том, что практически все философы, включая Сократа и его учеников, Пифагора и Демокрита, в той или иной степени признавали возможность предсказания будущего [Цицерон, с. 193].

Несмотря на периодические запреты, именно в период правления римских императоров астрология приобретает наибольшую популярность. Сохранились гороскопы практически всех императоров Рима, которые предсказывали им обретение власти. К I в. н.э. относится «Астрономика» Марка Манилия – первый трактат на латыни и первая классическая работа по астрологии, дошедшая до наших дней в неизменной форме [Манилий, 1993].

Большинство астрологических источников относятся ко II в. н.э., из чего можно сделать вывод, что это было временем расцвета астрологии. Во II в. н.э. Клавдий Птолемей пишет трактат «Тетрабиблос» или «Четверокнижие», которое станет классическим и фундаментом для всех последующих поколений астрологов [Ptolemy, 1900].

В начале своей книги Птолемей проводит различие между двумя методами предсказания. Первый метод позволяет предсказывать собственно движения небесных тел и их положения на небе в определенный момент времени. Подробное изложение данного метода Птолемей дал в другом трактате, который носит название «Альмагест». Этот трактат также стал классическим и использовался на протяжении тринадцати веков. Второй метод позволяет предсказывать изменения на Земле, которые вызваны данными телами. Рассмотрению этого метода и посвящен «Тетрабиблос». Птолемей отмечает, что первый метод является надежным, и обвинения против него «могут выдвигаться только слепым»,

в то время как второй имеет достаточно много неясных моментов и легко подвергается критике большинства людей. Однако из этого не следует, что второй метод бесполезен. Различие же обусловлено тем, что первый метод касается неизменной области знания – небесной сферы, в то время как второй имеет дело с явлениями изменчивыми. Таким образом, если использовать современные термины, Птолемей проводит различие между астрономией и астрологией, опираясь на классическую философскую концепцию различия между умопостигаемыми идеями и чувственно постигаемыми явлениями.

Если древневавилонские астрологи объясняли взаимосвязь между событиями на небе и на Земле влиянием божественных сил, то Птолемей предлагает рациональное объяснение, основываясь на философии Аристотеля, а именно на его теории качеств: тепла, холода, влажности и сухости. Так, Солнцу присущи качества тепла и сухости, Луне – влажности, Сатурну – холода и сухости и т. д. Кобинируясь вместе, они задают температуру воздуха и погодные условия, равно как и определяют темперамент человека в момент его рождения, как и его телесный облик и умственные наклонности. События в жизни определяются взаимодействием внешних условий и темперамента человека.

При этом не все события, согласно Птолемею, задаются положением небесных светил: некоторые будут зависеть от общих условий, а не индивидуальных качеств человека; некоторые будут случайными и некоторые – предопределены судьбой. Критика же астрологии, согласно Птолемею, является чрезмерной и незаслуженной. Ошибочные предсказания не означают, что сама наука астрологии ущербна: они являются результатом некомпетентности тех, кто эту науку практикует. Не следует отвергать на основании этого всю астрологию – это все равно, что отвергать все остальные разделы философии только по той причине, что в каждой дисциплине есть откровенные мошенники [Ptolemy, p. 5].

Что касается более поздних христианских мыслителей, таких как Ориген, Ипполит Римский, Климент Александрийский, Григорий Нисский, Августин и др., то они вели активную полемику против фатализма, с которым связывалось учение астрологов. Кроме того, астрология стала ассоциироваться с ересью гностицизма, например, у Ириния Лионского. Некоторые христианские философы отвергали астрологию как изобретение демонов, из-под власти которых человек освобождается в результате крещения; власти небесных тел подвержены только язычники. Вместе с тем, например, Зенон Веронский предложил христианизированную версию Зодиака и выдвинул идею о том, что в результате обряда крещения человек рождается заново с гороскопом, который предопределяет его попадание на небеса [Barton, с. 71]. Ориген выдвинул концепцию «небесной книги», согласно которой расположение звезд – это форма небесного письма, однако прочитать эти письма могут лишь ангелы и приблизившиеся к ним по духовному состоянию люди [Беневиц, 2013].

Начиная с VI века, вместе с закатом античной культуры астрология практически исчезает в Европе, однако продолжает развиваться в арабском мире. Основателем арабской астрологии считается ал-Кинди, представитель арабоязычного перипатетизма. В XI веке в результате контактов с арабским миром астрология вместе с другим античным наследием возвращается в Европу, и XIII–XV вв. становятся временем расцвета. Придворные астрологи встречаются практически у всех правителей, а астрология преподается в университетах в рамках квадривия. Некоторые римские папы советовались с астрологами или сами занимались ей.

Еще начиная с Птолемея астрология основывалась на геоцентрической модели мира. Поэтому научная революция и переход на гелиоцентрическую модель сильно ослабили позиции астрологии; это еще усугубилось с открытием новых планет – Урана в 1781 году и Нептуна в 1846 году. Кроме того, в католических странах, начиная с XVII века, астрология подверглась официальному осуждению со стороны церкви. К XIX веку дисциплина исчезла из программ преподавания в университетах и была практически забыта.

Однако в XX в. вновь происходит возрождение астрологии. Появляются астрологические школы, журналы и конференции, количество литературы на тему астрологии непрерывно растет. Астрологическое учение теперь включает новые планеты: как недавно открытые, так и придуманные астрологами – так называемые «фиктивные» планеты. Популярность астрологии вызвала резкую критическую реакцию со стороны научного сообщества. Карл Поппер в 1962 году уже называл астрологию «типичной псевдонаукой наших дней» и отмечал, что «современная наука отвергла астрологию из-за ее несоответствия признанным теориям и методам» [Popper, p. 38, 256]. Несмотря на огромную массу эмпирического материала, астрология, согласно Попперу, не является наукой, поскольку не отвечает критерию фальсифицируемости. Томас Кун также отказывал астрологии в статусе науки, противопоставляя её астрономии. В XX веке были предприняты многочисленные попытки статистической и эмпирической проверки астрологических предсказаний. Большинство из них показали отрицательный результат. Положительные результаты крайне редки; к ним относятся исследования Мишеля Гоклена [Gauquelin, 1969] и Ганса Айзенка [Eysenck, 1978]. В России с резкой критикой астрологии выступал академик РАН и лауреат Нобелевской премии В.Л. Гинзбург [Сурдин, 2007].

На сегодняшний день астрология в научном сообществе серьезно стигматизирована, что препятствует широким исследованиям данного феномена. Как отмечает автор работы по истории астрологии Тамсин Бартон, исследователи «стремятся сосредоточить внимание на более безопасных областях, таких как история математики и астрономии... так, что они не рискуют быть воспринятыми выходящими за допустимые рамки науки» [Barton, p. 4].

Наряду с магией и мистицизмом астрология относится к тому, что религиовед Ваутер Ханеграаф назвал «отвергнутым знанием»: это мировоззрения, практики и способы познания, которые не добились ведущего положения и после эпохи Просвещения были маргинализированы [Hanegraaff, 2012]. Вместе с тем они представляют собой довольно широкий пласт интеллектуальной культуры, изучение которого необходимо для понимания истории развития человеческой мысли и философии и науки в частности. Если говорить об исследованиях астрологии в отечественной философской мысли, то здесь можно отметить работы Пружинина [1990, 1994], Касавина [1996].

Концепция рациональности в астрологии

Несмотря на большое разнообразие астрологических школ и концепций, практически все они базируются на общем фундаменте, который восходит ко временам Птолемея и задает основные правила трактовки планет и знаков Зодиака. Это позволяет говорить о классической астрологии и рассматривать астрологию как единое учение.

Астрология традиционно связывает планету Меркурий с интеллектом и мыслительной деятельностью человека. Рассмотрим это на примере конкретных астрологических трактатов, начиная с современных.

Так, астролог Михаил Левин в своей книге пишет, что «с каждой планетой связана определенная группа профессий» [Левин, 2003, с. 3]. Далее он перечисляет планеты и соответствующие им профессии. С Солнцем связаны любые профессии, но обычно Солнце – это начальник, руководитель, организатор. Функция Луны – материнская, поэтому это любые профессии, связанный с социальной защитой, заботой о детях и питанием.

По Левину, функции Меркурия связаны с обменом информацией. «Сюда попадает познание, наука. У многих людей, профессионально занимающихся наукой, особенно с тяготением к точным наукам, Меркурий в десятом доме. Меркурий во втором доме указывает, например, на возможность заработка денег через интеллектуальные занятия, в первом – просто на интеллектуальный акцент в профессиональной деятельности. Любая

наука подпадает под Меркурий. Но более всего Меркурий тяготеет к точным наукам» [Левин, с. 7]. Кроме того, это профессии, связанные с преподаванием, медициной, языком или речью, книгами и торговлей, а также короткими и частыми поездками.

Далее, с планетой Венера связано искусство: танец, театр, музыка, живопись и скульптура и т. д., кроме того, кондитерская промышленность, фотография. Для Марса в профессии важен элемент риска, агрессивности, напора: такие люди выбирают для себя спорт, бизнес и рэкет; могут быть охотниками или каскадерами; это профессии, требующие грубой мышечной силы или умения работать руками. Юпитер – это социально-престижные профессии: чиновники, министры, руководители, крупные организаторы, преподаватели ВУЗов, профессура; общественные науки и юриспруденция; священники и меценаты. Сатурн дает человеку либо очень высокий социальный уровень и высшие государственные должности, либо наоборот, тяжелый и подневольный, монотонный и неквалифицированный труд: сюда относятся уборщицы, посудомойки.

Еще одна планета, которую Левин напрямую связывает с наукой, – это Уран: «Уран часто связан с наукой, особенно с новой, оригинальной, необычной. Он – конструктор необычных вещей, изобретатель. Это все, что связано с небом: астрономия, небесная механика, космонавтика и авиация. Направления, связанные с электроникой, вычислительной техникой; математика и современная физика, в первую очередь, теоретическая, квантовая химия» [Левин, с. 21].

Далее Левин описывает планеты Нептун и Плутон. Нептун дает профессии, связанные с морем; кроме того, это сферы деятельности, создающие образы и фантазии; профессии, занимающиеся человеческой душой: психология и психиатрия; также наркология, анестезиология; экстрасенсорика, работа со сновидениями; к числу социальных функций Нептуна относится религия. К Плутону относятся профессии Марса, а также некоторые сферы науки, связанные с проникновением в глубины Земли: палеонтология, спелелология, вулканология, глубокие физические исследования; или человеческой психики: психоанализ; онкология и направления медицины, связанные с управлением энергиями; госбезопасность, ядерная энергетика, нефтедобывающая промышленность и т. д. Несмотря на то, что Плутон современными астрономами не считается планетой, астрологи используют его наравне с другими планетами Солнечной системы.

Как видно из приведенного выше списка, несмотря на то, что с наукой могут быть связаны различные планеты: например, Плутон соответствует археологам, а Юпитер – профессорам вузов – только в случае планеты Меркурий на науке и интеллектуальной деятельности сделан основной акцент. Аналогичные трактовки можно встретить и в работах других современных астрологов. Так, например, Сергей Вронский пишет: «Во всех случаях Меркурий указывает на ум и деятельность индивида, на его интеллектуальную силу и энергию, активность и подвижность, смелость и находчивость, красноречие и ораторские способности, остроумие и сарказм, способности в науке и технике, в мире искусств, в коммерции, а также на хорошие способности наблюдателя и проницательность, изобретательный ум и рационализаторские способности, богатую фантазию и живое воображение, прекрасную память» [Вронский, 1993, с. 59].

Астролог Авессалом Подводный также связывает мышление человека с Меркурием, но развивает данную идею и связывает эту планету напрямую с рациональным мышлением: «Меркурий представляет принцип рационализации и рационального мышления, то есть того, что раньше называли рассудком. Меркурий рационализирует, т. е. создает ментальные конструкции для обстоятельств как внешнего, так и внутреннего мира» [2011, с. 5].

Связь планеты Меркурий с умственной деятельностью прослеживается во всех астрологических источниках вплоть до самых ранних. Например, Птолемей, перечисляя возможные причины смерти, указывает, что Сатурн приносит смерть в результате продолжительной болезни, Марс – лихорадки, Венера – болезнью желудка, в то время как Меркурий предвещает смерть от «безумия, меланхолии, припадков эпилепсии» [Ptolemy, p. 135]. Что

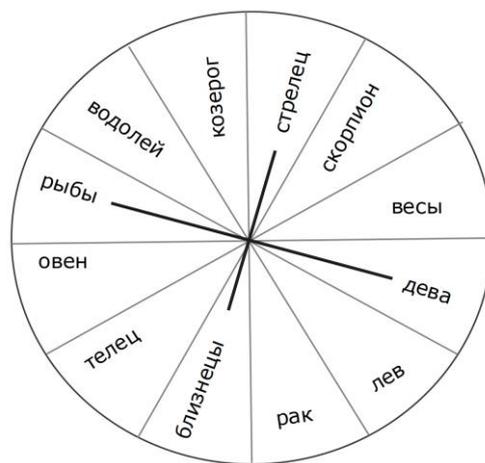
касается телесных повреждений, то Юпитер управляет легкими и артериями, Марс – левым ухом и почками, Солнце – зрением, мозгом и сердцем, а «Меркурий – речью и мыслями, языком» [Ptolemy, с. 104].

Философ-неоплатоник Порфирий в своем комментарии к Тетрабиблосу в III в. н.э. связывает Меркурий с «мудростью и разумом и знанием, и вещами, которые направляются разумом – образованием, торговлей, дружбой» [Porphyru, p. 39]. Эллинистический астролог Веттий Валент в трактате II в. н.э. пишет: «Меркурий обозначает образование, письмо, диспуты, рассуждение, братство, перевод, посольства, числа, счета, геометрию, рынки, молодость, игры, кражу, ассоциацию, коммуникацию... Это податель предусмотрительности и разума» [Valentis, с. 4].

Арабский астролог аль-Бируни в своем трактате XI века приводит интересную таблицу связи планет с религиями. Юпитер он относит к христианам, Венеру – к мусульманам, Марс – к язычникам. Для Меркурия в той же таблице указано: «спорящие во всех религиях» [Бируни, 1975, с. 195]. В таблице связи планет со сферой деятельности, аль-Бируни для Меркурия перечисляет: «торговля, вычисления, измерения, астрология, гадания, геометрия небесного и земного, философия, споры, преподавание, поэзия, риторика, ремесло» [с. 196].

Таким образом, практически все астрологические источники связывают планету Меркурий с разумной деятельностью, а некоторые современные – напрямую с рациональностью. В древности понятия «рациональности» в современном значении еще не существовало. Однако можно заметить, что к планете Меркурий и древние астрологи относят, как правило, такие виды занятий, которые принято относить к рациональным, например, геометрию и математику, либо философские диспуты.

Далее рассмотрим концепцию обитателей планет в астрологии, согласно которой каждой планете соответствует определенный знак Зодиака, где планета может проявить свои качества максимально [Пружинин, 1990, с. 140]. Астрологи ассоциируют Солнце со знаком Льва, Луне соответствует Рак, Марс имеет обитель в Овне, Венера – в Тельце и Весах, Сатурн – в Козероге, Уран – в Водолее, Плутон – в Скорпионе. Меркурию соответствуют знаки Девы и Близнецов. Далее, на зодиакальном круге знаки располагаются таким образом, что каждому знаку Зодиака соответствует парный знак, который располагается напротив (см. рисунок). Знак, противоположный обитателю планеты, считается знаком её ущерба – здесь планете труднее всего проявить свои качества. Таким образом знаки Зодиака образуют пары, противоположные по смыслу, как и соответствующие им планеты. Наиболее очевидно это на примере планет Марса и Венеры, которые имеют обители в противоположных знаках Овна и Весов.

Парные знаки зодиака на зодиакальном круге
Paired zodiac signs on the zodiac circle

Меркурию в этой системе противопоставлены две планеты: Юпитер и Нептун, которые имеют обитатели в знаках Стрельца и Рыб. Современные астрологические источники связывают планету Нептун и знак Рыб с милосердием, интуицией, эмоциональностью и непрактичностью, состоянием сна и подсознанием, потусторонним миром. Напротив, противоположный им знак Девы ассоциируется с практичностью, точностью и аккуратностью и наукой. Таким образом в современной астрологии отображена диалектика рационального и интуитивного познания. Древние источники не связывали знак Рыб с интуицией; к тому же понятия интуиции, по крайней мере в современном значении, еще не существовало. До открытия планеты Нептун управителем знака Рыб считался Юпитер.

Далее обратимся к концепции октав в астрологии. Согласно этой концепции планеты делятся по уровням, или октавам. Плутон считается высшей октавой Марса, Нептун – Венеры, а Уран – более высоким уровнем Меркурия. Астрологи связывают планету Уран с гениальностью, изобретательской деятельностью, всем новым и необычным, свободой, революциям и прорывом границ. Таким образом получается, что высшее проявление рациональности – это способность открывать новое. Отметим, что это достаточно нетривиальный вывод, поскольку несмотря на то, что открытие нового является прямой задачей науки, рациональность сама по себе не ассоциируется с открытием.

Заключение

Если не принимать во внимание релятивистские концепции рациональности, такие как предложенная Фейрабеном, то можно с уверенностью сказать, что в современном понимании астрология не является рациональной или научной дисциплиной; напротив, её принято относить к разряду суеверий или мистических, духовных практик. В свете этого особенно интересным предстает тот факт, что в астрологии сформировалась собственная концепция рационального познания, которая в целом верно отражает общепринятые представления о науке и рациональности – такие, как противопоставление рационального познания интуитивному или связь науки с практикой. Кроме того, эта концепция рационального познания перекликается с современными философскими концепциями. Так, например, астрологические источники указывают на взаимосвязь между рациональностью, ремеслом и торговлей. О связи развития рационального мышления с ремесленно-торговым способом жизнедеятельности писал, например, отечественный философ науки Владимир Швырев. Кроме того, Швырев говорит о двух типах рациональности: закрытой и открытой. В то время как первая ограничено действует в рамках определенной теории, открытая рациональность постоянно подвергает анализу свои предпосылки – таким образом происходит скачок или прорыв в новые слои бытия и становится возможным подлинное научное творчество. Таким образом концепция открытой рациональности «открывает путь к преодолению весьма распространенных представлений о противопоставлении рациональности свободе и творчеству» [Швырев, с. 61]. В астрологии этому близко соответствует концепция октав планет. Еще одна взаимосвязь, которую подчеркивают астрологические источники, – это взаимосвязь рационального познания с коммуникацией. С одной стороны, еще со времен Сократа диалог прочно закрепился в качестве основного метода рационального философского исследования. Вместе с тем в эпистемологии и философии науки коммуникации стали только недавно рассматриваться как одна из необходимых составляющих процесса познания. Как пишет отечественный философ Ядвига Яскевич, «коммуникация в науке является необходимым условием ее функционирования и развития» [Яскевич, 2007, с. 57]. Научная коммуникация и её влияние на процесс получения нового знания – одно из направлений в рамках социальной эпистемологии [Goldman, 1999].

В заключение хотелось бы отметить, что, хотя астрология появилась в результате развития мифологических представлений, однако астрологию при этом невозможно с достаточной уверенностью отнести ни к мифологии, ни к философии, ни к религии, ни к

науке, ни к искусству; она представляет собой уникальную форму духовной культуры, исследование которой, тем не менее, может значительно углубить современное понимание науки и рациональности в философии.

Список источников

- Абу Райхан Беруни. Книга вразумления начаткам науки о звездах В кн.: Избранные произведения. Отв. ред. д-р филол. наук А. К. Аренде. Ташкент: «ФАН» Узбекской ССР, 1975. 328 с.
- Августин Блаженный. Творения: В 4 т. Т. 3: О Граде Божиим. Книги I-XIII. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 595 с.
- Авессалом Подводный. Общая астрология. Часть 2. Планеты. М.: Акварин, 2011. 340 с.
- Вронский Сергей. Астрология в выборе профессии. М.: Берегиня, 1993. 193 с.
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 624 с.
- Платон. Сочинения в 4-х томах Т. 3 / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. 632 с.
- Левин М., Митяева Т. Планеты и профессии. Дома и характер деятельности. К., ЦДВ, 2003. 48 с.
- Марк Манилий. Астрономика. Наука о гороскопах. М.: Издательство МГУ, 1993. 140 с.
- Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. 384 с.
- Claudius Ptolemy. Ptolemy's Tetrabiblos / transl. by J.M. Ashmand. London: W. Foulsham & CO. 1900. 190 p.
- Porphyrus the Philosopher. Introduction to the Tetrabiblos and Serapio of Alexandria. Astrological definitions / transl. by J. H. Holden. American Federation of Astrologers, 2010. 94 p.
- Proclus: Commentary on Plato's Timaeus. Volume 5, Book 4: Proclus on Time and the Stars. Cambridge University Press, 2013. 360 p.
- Vettii Valentis. Anthologarium Libri / Wilhelm Kroll. Berolini: Apud Weidmannos, 1908. 442 p.

Список литературы

- Автономова Н.С. 1988. Рассудок. Разум. Рациональность. М., Наука, 287 с.
- Беневич Г.И. 2013. О некоторых особенностях учения Оригена о промысле и молитве. EINAИ: Проблемы философии и теологии, 2(1-2): 362-371.
- Вебер М. 1990. Избранные произведения: пер. с нем. М., Прогресс, 808 с.
- Касавин И.Т. 1996. Знание за пределами науки: мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I-XIV веков. М., Республика, 443 с.
- Порус В.Н. 1990. Рациональность философии. Эстетический Логос: 37-52.
- Пружинин Б.И. 1990. Звезды не лгут или астрология глазами методолога. Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., Политиздат. 117 с.
- Пружинин Б.И. 1994. Астрология: наука, псевдонаука, идеология? Вопросы философии, 2: 156-159.
- Саплин А.Ю. 2020. История астрологии: с древнейших времен до наших дней. СПб., Издательство РХГА, 780 с.
- Степин В.С. 2003. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. Вопросы философии, 8: 5-17.
- Степин В.С. 1997. Смена типов научной рациональности. Синергетика и психология, 1: 112-132.
- Сурдин В.Г. 2007. Астрология и наука. Фрязино, «Век 2», 96 с.
- Швырев В.С. 2003. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М., Прогресс-Традиция, 176 с.
- Шульга Е.Н. 2003. Рациональность в научном исследовании. Философия науки и техники, 9(1): 206-226.
- Яскевич Я.С. 2007. Методология и этика в современной науке: поиск открытой рациональности. Минск, БГЭУ, 186 с.
- Barton T. 1994. Ancient astrology. London, Routledge, 272 p.
- Goldman A. 1999. Knowledge in a social world. New York: Oxford University Press, 407 p.

- Hanegraaff W. J. 2012. *Esotericism and the academy: Rejected knowledge in Western culture*. New York, Cambridge University Press, 467 p.
- Mayo J., White O., Eysenck H. J. 1978. An empirical study of the relation between astrological factors and personality. *The Journal of Social Psychology*, 105(2): 229-236.
- Gauquelin M. 1969. *The scientific basis of astrology*. New York, Stein and Day, 422 p.
- Nozick R. 1995. The nature of rationality. *Journal des Économistes et des Études Humaines*, 6(1): 189-200.
- Popper K. 2014. *Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge*. New York, London, Routledge, 414 p.

References

- Avtomomova N.S. 1988. *Rassudok. Razum. Ratsional'nost'* [Reason. Intelligence. Rationality]. Moscow, Nauka, 287 p.
- Benevich G.I. 2013. O nekotorykh osobennostyakh ucheniya Origena o promysle i molitve [About some features of Origen's teaching about providence and prayer]. *EINAI: Problemy filosofii i teologii*, 2(1-2): 362-371.
- Veber M. 1990. *Izbrannyye proizvedeniya: per. s nem* [Selected works: trans. in Germ.]. Moscow, Progress, 808 p.
- Kasavin I.T. 1996. *Znaniye za predelami nauki: mistitsizm, germetizm, astrologiya, alkhimiya, magiya v intellektual'nykh traditsiyakh I-XIV vekov* [Knowledge Beyond Science: Mysticism, Hermeticism, Astrology, Alchemy, Magic in the Intellectual Traditions of the 1st-14th Centuries]. Moscow, Respublika, 443 p.
- Porus V.N. 1990. Ratsional'nost' filosofii [The Rationality of Philosophy]. *Esteticheskiy Logos*: 37-52.
- Pruzhinin B.I. 1990. Zvezdy ne lgut ili astrologiya glazami metodologa. Zabluzhdayushchiysya razum? Mnogoobraznye vnauchnogo znaniya [The stars don't lie or astrology through the eyes of a methodologist. A delusional mind? Variety of extra-scientific knowledge]. Moscow, Politizdat. 117 p.
- Pruzhinin B.I. 1994. Astrologiya: nauka, psevdonauka, ideologiya? [Astrology: science, pseudoscience, ideology?]. *Voprosy filosofii*, 2: 156-159.
- Saplin A.Yu. 2020. *Istoriya astrologii: s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of astrology: from ancient times to the present day]. SPb., Izdatel'stvo RKHGA, 780 p.
- Stepin V.S. 2003. Samorazvivayushchiyesya sistemy i postneklassicheskaya ratsional'nost'. [Self-Evolving Systems and Post-Nonclassical Rationality]. *Voprosy filosofii*, 8: 5-17.
- Stepin V.S. 1997. Smena tipov nauchnoy ratsional'nosti [Changing types of scientific rationality]. *Sinergetika i psikhologiya*, 1: 112-132
- Surdin V.G. 2007. *Astrologiya i nauka* [Astrology and Science]. Fryazino. «Vek 2», 96 p.
- Shvyrev V.S. 2003. Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury. Traditsiya i sovremennost' [Rationality as a cultural value. Tradition and modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya, 176 p.
- Shul'ga Ye.N. 2003. Ratsional'nost' v nauchnom issledovanii [Rationality in Scientific Research]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 9(1): 206-226.
- Yaskevich YA.S. 2007. *Metodologiya i etika v sovremennoy nauke: poisk otkrytoy ratsional'nosti: ucheb.-metod. Posobiye* [Methodology and ethics in modern science: the search for open rationality: textbook-method]. Minsk, BGEU, 186 p.
- Barton T. 1994. *Ancient astrology*. London, Routledge, 272 p.
- Goldman A. 1999. *Knowledge in a social world*. New York: Oxford University Press, 407 p.
- Hanegraaff W. J. 2012. *Esotericism and the academy: Rejected knowledge in Western culture*. New York, Cambridge University Press, 467 p.
- Mayo J., White O., Eysenck H. J. 1978. An empirical study of the relation between astrological factors and personality. *The Journal of Social Psychology*, 105(2): 229-236.
- Gauquelin M. 1969. *The scientific basis of astrology*. New York, Stein and Day, 422 p.
- Nozick R. 1995. The nature of rationality. *Journal des Économistes et des Études Humaines*, 6(1): 189-200.
- Popper K. 2014. *Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge*. New York, London, Routledge, 414 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.06.2022

Received June 12, 2022

Поступила после рецензирования 14.09.2022

Revised September 14, 2022

Принята к публикации 30.10.2022

Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Элбакян Александра Асановна, аспирант сектора Онтологии и теории познания, Институт философии РАН, Москва, Россия

Alexandra A. Elbakyan, Postgraduate student in the Ontology and Theory of Knowledge sector, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.334.52

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-25-30

Контексты социального недовольства и деконсолидации в социальных медиа региональных кластеров РФ

ОТЗВАН/RETRACTED

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. 21.09.2023

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Россия, 125167, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2
E-mail: aydombrovskaya@fa.ru

Аннотация. В ходе кластеризации авторами использовались открытые данные индексов экономического и политического развития регионов России. Сегментация субъектов РФ осуществлена с применением иерархического кластерного анализа (метод complete) на языке программирования R. Для анализа региональных особенностей репрезентации контекстов социального недовольства использовалось когнитивное картирование содержания социально-медийных сообществ субъектов РФ, входящих в разные кластеры. База данных когнитивного картирования обработана в программе IBM SPSS Statistics 26.0. Итоги исследования показали взаимосвязь контекстов социального недовольства, получающих отражение в социальных медиа региона, и показателей их социально-экономического и социально-политического развития.

Ключевые слова: социальные медиа, сети социального недовольства, контексты социального недовольства, когнитивное картирование, кластерный анализ, регионалистика

Для цитирования: Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. 2023. Контексты социального недовольства и деконсолидации в социальных медиа региональных кластеров РФ. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 48(1): 25–30. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-25-30

Social Discontent and Consolidation Contexts on Social Media of the Russian Federation Regional Clusters

Elena V. Brodovskaya, Anna Yu. Dombrovskaya

Financial University under the Government of RF,
42/2 Leningradskii Av, Moscow 125167, Russian Federation
E-mail: aydombrovskaya@fa.ru

Abstract. The specificity of the representation of the contexts of social discontent reflected in the social media space of Russian regions, clustered according to economic and socio-political characteristics, is shown. In the course of clustering, open data of indices of economic and political development of Russian regions were used. Segmentation of the subjects of the Russian Federation was carried out using hierarchical cluster analysis (complete method) in the R programming language. To analyze the regional features of the representation of the contexts of social discontent, cognitive mapping of the content of social media communities of the subjects of the Russian Federation included in different clusters was

used. The cognitive mapping database was processed in IBM SPSS Statistics 26.0. The results of the study showed the relationship between the contexts of social discontent reflected in the social media of the region and the indicators of their socio-economic and socio-political development.

Keywords: social media, networks of social discontent, contexts of social discontent, cognitive mapping, cluster analysis, regionalism

For citation: Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu. 2023. Social Discontent and Consolidation Contexts on Social Media of the Russian Federation Regional Clusters. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 25–30 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-25-30

Введение

Всё растущая роль цифрового пространства в формировании социальных установок граждан эмпирически подтверждается цифрами, отражающими интенсивное использование социальных медиа россиянами от 14 до 45 лет¹. Социальные медиа не только не ослабили, но, напротив, усилили своё воздействие на сознание пользователей. Региональные и городские цифровые сообщества укрепляют свои позиции как выразители социального недовольства, критики в отношении различных социальных сфер субъектов Федерации, муниципалитета как площадки для обсуждения значимых вопросов региональной и городской жизни, а потому играют существенную роль в консолидационных/деконсолидационных процессах локального сообщества [Andres, 2017; Boulliane, 2017; Grasso, 2019; Jost, 2018; Kahne, 2018].

Цель исследования состоит в установлении специфики когнитивных карт социального недовольства, отраженных в региональных и муниципальных социальных сетях РФ, и интерпретации их содержания в контексте деконсолидационных процессов в городских сообществах.

Объекты и методы исследования

Исследование основано на структурно-функциональном подходе, обеспечившим изучение сетей социального недовольства как дисфункцию цифровой среды [Мертон, 2006; Parsons, 1967]; когнитивном подходе, позволившем установить соотношение между рациональными и иррациональными приемами воздействия на сознание региональных и муниципальных пользователей в российском сегменте социальных сетей [Далтон, 1999; Данливи, 1999]; сетевом подходе, обеспечившем понимание социальных медиа как сетей, формирующих плотную среду информационного влияния лидеров общественного мнения на сознание и общественные установки своей цифровой аудитории [Бродовская, 2017; Howard, 2012]. Региональные кластеры были выделены на основе социально-экономических показателей развития регионов РФ (инструмент: язык программирования R, метод complete). Критерии кластеризации: социально-экономическое положение региона, финансовое благополучие жителей региона, доля людей за чертой бедности и крайней бедности, уровень безработицы, соотношение среднедушевого долга и зарплаты, объем задолженности перед банками на одного человека в тыс. руб., социальные расходы консолидированного бюджета на одного жителя в тыс. руб., отношение медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг, количество расследованных преступлений по ст. 290 УК РФ (коррупция в органах власти), рейтинг влияния глав субъектов РФ, электоральные предпочтения жителей регионов.

¹ Digital 2022: another year of bumper growth [Internet resource]: URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> (data access 20.08.2022).

На втором этапе был проведен содержательный анализ материалов отобранных сообществ с целью выявления ключевых контекстов и триггеров формирования и мобилизации настроений социального недовольства у пользователей социально-медийных групп (всего изучено 6000 документов, в базу данных отобрано 600 сообщений методом целевого отбора внутри срединной недели каждого месяца, не более 10 наиболее релевантных сообщений в каждой группе – исследовательском кейсе, глубина анализа: с 10.01.2022 по 10.08.2022), база содержательного анализа обработана в программе SPSS Statistics 26.0. Материалы социально-медийных сообществ с риторикой социального недовольства стали базой когнитивного картирования (480 цифровых групп из 3 социальных сетей: ВКонтакте, Одноклассники, TikTok и мессенджера Телеграмм). Критериями отбора выступали следующие позиции: наличие групповой риторики социального недовольства; невысокая ботовость участников (не превышающая 10 %) и публикационная активность (не меньше 3 сообщений в неделю и опубликование последнего поста не позднее 3 дней до начала анализа). Когнитивное картирование сетей социального недовольства осуществлялось в соответствии с выявленными на основе критериев социально-экономического и социально-политического развития региональными кластерами.

Результаты и их обсуждение

Первый кластер ¹ включает наибольшее число регионов из разных федеральных округов и субъекты со специфическими социальными проблемами: пограничные, этнические субъекты РФ, острота экономических и межэтнических противоречий которых делает их регионами – мишенями внешнего информационного воздействия. В информационных потоках недовольства в регионах первого кластера широко представлены дискурсы «рассержанных горожан», «рассержанных патриотов», «самодостаточности территорий», «несправедливости распределения ресурсов в пользу федерального центра», «локального национализма».

Второй кластер ² отличается невысокими показателями социально-экономического развития, высокой долей бедных слоев населения, протестным характером голосования. Дискурсы, доминирующие в сообществах недовольства регионов этого кластера: «социальная депривация», «недовольство локальными элитами», «недовольство качеством обратной связи во взаимодействии с локальными элитными группами», «поражение маленького человека от элит», «Левиафан», «не Россия, анклавность».

В третьем кластере ³ сосредоточилось большинство Республик Северного Кавказа со специфическими особенностями экономического и социально-политического уклада. Контексты и дискурсы информационных потоков данного кластера во многом повторяют таковые других региональных кластеров в аспектах недовольства локальными элитами, качеством жизни, довольно распространен дискурс «локальный национализм».

¹ Алтайский край, Амурская область, Архангельская область, Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Вологодская область, Еврейская автономная область, Ивановская область, Иркутская область, Калужская область, Кемеровская область, Кировская область, Костромская область, Красноярский край, Курская область, Ленинградская область, Липецкая область, Новгородская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Пензенская Республика Крым, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), федерального значения Севастополь, Смоленская область, Ставропольский край, Тамбовская область, Тверская область, Томская область, Тульская область, Тюменская область, Удмуртская Республика, Ульяновская область, Хабаровский край, Ярославская область, Рязанская область, Саратовская область, город область, Пермский край, Республика Адыгея, Республика Бурятия, Республика Карелия, Республика Коми,

² Забайкальский край, Курганская область, Орловская область, Псковская область, Республика Алтай, Республика Калмыкия, Республика Марий Эл, Республика Хакасия, Чувашская Республика

³ Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Тыва, Чеченская Республика

Четвертый кластер¹ включает некоторые регионы – мишени, имеющие приграничный статус и характеризующиеся сецессионными процессами, как и некоторые регионы третьего кластера. В этой связи преимущественные контексты информационных потоков связаны с дискурсами «отдельная цивилизация», «анклавность», «внешнее информационное давление», «эскалация истории в отношении других республик региона и в отношении федерального центра», «доминирование религиозной и локальной идентичностей», «межрелигиозная, межнациональная вражда».

Пятый кластер содержит единственный субъект РФ – город федерального значения Москву. Выделение столичного региона в отдельный кластер связано со спецификой социально-экономических и социально-политических показателей Москвы, отличных от показателей других субъектов РФ. В Московских цифровых сообществах недовольство правозащитной и судебной сферами фигурирует чаще, чем в остальных региональных кластерах.

Шестой региональный кластер² – это класс субъектов РФ, который аккумулирует регионы с центрами – мегаполисами. Общими для пятого и шестого кластеров контекстуальными полями информационных потоков служат дискурсы «рассерженных горожан», «диффузное недовольство» и «притеснение прав личности, отсутствие свобод».

Заключение

Анализ показал, что в регионах с невысокими показателями экономического развития в дискурсивных практиках сетей данного кластера проявляется внешний локус контроля, или, по-другому, паттерналистические установки массового сознания, неготовность к социальной ответственности. Признается, что ответственность за все проблемы несут исключительно представители органов власти, а гражданам отводится позиция критиков. На фоне этих убеждений диффузный, ситуационный формат недовольства комбинируется с неполитическим контекстом недовольства изученных информационных потоков. В региональных сетях экономически более развитых и благополучных кластеров наряду с общими для всех российских региональных сегментов социальными медиа дискурсами социального неравенства и несправедливости заметны политические контексты, фокусирование на нематериальных ценностях (свобода, права личности).

В целом исследование информационных потоков региональных сообществ показало существование значимого триггера социальной деконсолидации региональных и городских сообществ – ощущение социального неравенства, разницы в уровне жизни рядовых граждан и представителей элиты, чиновников, убежденность в том, что принадлежность к социальному слою власть имущих предопределяет обязательную коррупционность, использование своей профессиональной позиции для получения личных выгод и благ.

Ближайшими перспективами исследования служат такие направления, как автоматизированный социально-медийный анализ информационных потоков, отражающих дискурсы социального недовольства в регионах РФ с использованием сервиса для мониторинга социальных сетей IQBuzz с целью выявления весовых, динамических, технологических характеристик этих потоков, а также социально-демографических показателей аудитории данных потоков; построение социальных графов цифровых сообществ социального недовольства для выявления технологий управления целевыми группами сетей социального

¹ Калининградская область, Камчатский край, Магаданская область, Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Сахалинская область, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ.

² Волгоградская область, Воронежская область, Краснодарский край, Московская область, Нижегородская область, Приморский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Ростовская область, Самарская область, Санкт-Петербург, Свердловская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Челябинская область).

недовольства; когнитивная инструментальная диагностика: айтрекинг пользователей региональных сообществ, состоящий в изучении глазодвигательной реакции граждан на стимульный цифровой контент, отражающий контексты и дискурсы социального недовольства в социальных медиа регионов и муниципалитетов РФ.

Цифровая среда регионов и муниципалитетов – значимый индикатор процессов консолидации и деkonsолидации локальных сообществ. Мониторинг содержания и мобилизационного потенциала информационных потоков этих сообществ позволит своевременно разрабатывать меры реагирования на доминирующие контексты социального недовольства и путем формирования альтернативных информационных потоков преодолевать социально-медийные триггеры деkonsолидационных процессов в региональных и городских сообществах.

Список литературы

- Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н., Синяков А.В. 2017. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 5(141): 79–104.
- Далтон Р.Дж. 1999. Сравнительная политология: микроповеденческий аспект. Политическая наука: новые направления. М., Вече, 330–344.
- Данливи П., 1999. Политическое поведение: институциональный и эмпирический подходы. Политическая наука: Новые направления. М., Вече, 282.
- Мертон Р. 2006. Социальная теория и социальная структура. М., 873 с.
- Andres M.-H. 2017. Social Media, Civic Engagement, and Slacktivism. *Colombia Journal of International Affairs*, 2017: 230-246.
- Boulliane S. 2017. Revolution in the making? Social media effects across the globe *Inf. Information Communication and Society*, 22: 1-16.
- Grasso M.T., Yoxon B., Karampampas S. et al. 2019. Relative deprivation and inequalities in social and political activism. *Acta Politica*, 54: 398-429.
- Howard Ph.N., Parks M.R. 2012. Social Media and Political Change: Capacity, Constraint and Consequence. *Journal of Communication*, 1(62): 359-362.
- Jost T.J., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker A. J. 2018. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks. *Advances in Political Psychology*, 1: 85-118.
- Kahne J., Bowyer B. 2018. The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks. *Political Communication*, 35: 1-24.
- Parsons T. 1967. *Sociological theory and modern society*. N.Y.: Free Press, 564 p.

References

- Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Karzubov D.N., Sinyakov A.V., 2017. Development of methodology and methods of intellectual search for digital markers of political processes in social media. Monitoring public opinion: economic and social changes, 5(141): 79–104. (In Russian).
- Dalton R.J. 1999. Comparative Politics: A Microbehavioral Aspect. *Political Science: New Directions*. Moscow, Veche, 330–344. (In Russian).
- Dunleavy P., 1999. Political Behavior: Institutional and Empirical Approaches. *Political Science: New Directions*. M., Veche, 282. (In Russian).
- Merton R. 2006. Social theory and social structure. M., 873 p. (In Russian).
- Andres M.-H. 2017. Social Media, Civic Engagement, and Slacktivism. *Colombia Journal of International Affairs*, 2017: 230-246.
- Boulliane S. 2017. Revolution in the making? Social media effects across the globe *Inf. Information Communication and Society*, 22: 1-16.
- Howard Ph.N., Parks M.R. 2012. Social Media and Political Change: Capacity, Constraint and Consequence. *Journal of Communication*. 1 (62): 359-362.

- Grasso M.T., Yoxon B., Karampampas S. et al. 2019. Relative deprivation and inequalities in social and political activism. *Acta Politica*, 54: 398-429.
- Jost T.J., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker A. J. 2018. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks. *Advances in Political Psychology*, 1: 85-118.
- Kahne J., Bowyer B. 2018. The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks. *Political Communication*, 35: 1-24.
- Parsons T. 1967. *Sociological theory and modern society*. N.Y.: Free Press, 564 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.02.2023

Поступила после рецензирования 05.03.2023

Принята к публикации 07.03.2023

Received February 17, 2023

Revised March 5, 2023

Accepted March 7, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

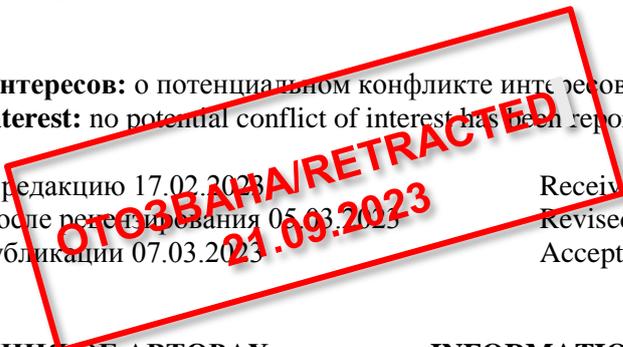
Бродовская Елена Викторовна, главный научный сотрудник Центра политических исследований, профессор Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

Домбровская Анна Юрьевна, директор Центра политических исследований, профессор Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Brodovskaya, Chief Researcher of the Center for Political Studies, Professor of the Department of Political Science of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Anna Yu. Dombrovskaya, Director of the Center for Political Studies, Professor of the Department of Political Science of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

УДК 316.77

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-31-40

Общие траектории использования ресурсов коммуникативных практик студенческой молодежи в сети Интернет

Гладкова И.А., Демененко И.А.

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46
E-mail: inna.gladk@yandex.ru

Аннотация. В современных условиях студенческая молодежь все чаще дополняет реальное общение виртуальным посредством социальных сетей. Трансформация условий социализации молодого поколения определяет потребность в диагностике приоритетности выбора социальных сетей, анализа тематической направленности формулирования запросов студентов в интернет-пространстве. Целью исследования является выявление общих траекторий использования сетевых ресурсов коммуникативных практик студенческой молодежи в сети Интернет. В основе анализа лежат данные анкетного опроса «Исследование социальных сетей связей студенческих групп (в сети Интернет)», предпринятого авторами в сентябре – ноябре 2022 года (N = 2000). Результаты исследования показали, что социальные сети представляют собой максимально востребованный у студенческой молодежи вид интернет-ресурсов. Несмотря на предположение о возможном преобладании виртуального общения молодых людей в силу повышения активности в использовании ресурсов Интернета, отмечается сохранение интереса к коммуникативным практикам в формате офлайн.

Ключевые слова: коммуникации, молодежь, общение, социальные сети, виртуальное пространство, офлайн, онлайн

Для цитирования: Гладкова И.А., Демененко И.А. 2023. Общие траектории использования ресурсов коммуникативных практик студенческой молодежи в сети Интернет. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 48(1): 31–40. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-31-40

=====

General Trajectories of Using Resources of Student Youth Communicative Practices on the Internet

Inna A. Gladkova, Inna A. Demenenko

V. G. Shukhov Belgorod State Technological University,
46 Kostyukova St, Belgorod 308012, Russian Federation
E-mail: inna.gladk@yandex.ru

Abstract. Currently, there is an increasing interest in the study of various aspects of the development of social networks, their dominance or addition to real communication. Student youth are increasingly supplementing real communication with virtual ones through social networks, which are the dominant feature of young people's everyday communication. The transformation of the conditions of socialization of the younger generation determines the need for diagnosing the priority of choosing social networks, analyzing the thematic orientation of formulating students' requests in the Internet space. The aim of the study is to analyze the general trajectories of using network resources of students' communicative practices on the Internet. The analysis is based on the data of the questionnaire survey “Study of social networks of student groups (on the Internet)”, undertaken by the authors in September-November 2022. It was attended by young people studying at BSTU. V.G. Shukhov city of Belgorod. The results of the study showed that social networks are the most popular type of Internet resources among students. The

most popular social networks among students are VKontakte and Telegram. The duration of students' stay in social networks is mostly from 3 to 4 hours. Despite the assumption about the possible predominance of virtual communication of young people due to increased activity in the use of Internet resources, there is a continued interest in offline communication practices.

Keywords: communications, youth, communication, social networks, virtual space, offline, online

For citation: Gladkova I.A., Demenenko I.A. 2023. General Trajectories of Using Resources of Student Youth Communicative Practices on the Internet. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 31–40 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-31-40

Введение

Компьютеризация и переход к цифровому обществу не просто повысили значимость информации, но определили ее новое качество как особого социально-политического института, располагающего обширным набором средств и технологий управления. В современных условиях на первый план выходит объективная потребность в нахождении новых более совершенных подходов к использованию такого глобального потенциала, каким располагает современная информационная система.

В этом пространстве молодые люди, взросление которых происходило вместе с Интернетом, имеют преимущества перед старшим поколением. Они прекрасно в нем ориентируются: знают его возможности и опасности [Левин, 2020]. Новые каналы коммуникации в сети Интернет не только создают благоприятную информационную среду, но, постоянно развиваясь, выводят межличностное общение на новый уровень, способствуя формированию солидарных групп и повышению общественной активности студенческой молодежи. Информационно-цифровое пространство сегодня – это не только привычная «среда» и образ жизни современной молодёжи, но и необъятная по масштабам и возможностям медиа-платформа, которая определяет формирование картины мира и конструирование образа будущего, создаёт условия для формирования новых социальных практик и форм активности в интернет-среде.

Между тем потенциал, которым располагают интернет-ресурсы социальных сетей, в рамках управления процессом социализации студенческой молодежи используется весьма ограниченно [Григорьева, 2022]. Разнообразие источников и средств информации, также как и существенное разветвление каналов коммуникации усложнило контроль над информационными потоками и их содержанием, а в некоторых случаях сделало его невозможным [Парц, 2020]. Этим объясняется массовое появление и распространение в режиме онлайн недостоверной, деструктивной информации, оказывающей негативное воздействие на студенческую молодежь.

Исследование генезиса и эволюции социальных сетей на современном этапе развития рассматривается в научных трудах отечественных ученых [Андромонова, 2015; Игнатов, 2018; Шарков, 2019; Малых, 2020; Григорьева, 2022].

Проблематика изучения принципов самопрезентации личности в сетевом общении, выработки идентичности в функционировании складывающихся виртуальных общностей является предметом исследовательского интереса ряда ученых [Завьялова, 2016; Петрунева, 2019; Жанतिकеев, Саттыклышева, 2020; Воробьев В.П., Ретинская В.Н. 2022; Щанина, Данилова, 2022].

Актуальность исследования обусловлена динамическими процессами переориентации моделей коммуникативных практик студенческой молодёжи под влиянием всеобщей информатизации общества. Стремительная трансформация условий социализации молодого поколения определяет потребность диагностики тематической направленности формулирования запросов студентов в интернет пространстве.

Цель исследования заключается в выявление общих траекторий использования сетевых ресурсов коммуникативных практик студенческой молодежи в сети Интернет. Достижение цели исследования потребовало решения следующих задач: проанализировать, какие социальные сети в настоящее время наиболее активно используются студентами вуза с тем, чтобы в последующем более полно использовать данные ресурсы в процессе социализации студенческой молодежи; выявить, какие социальные сети чаще используются студентами для получения информации об университете; провести анализ такого параметра, как время нахождения студентов в социальной сети; выявить факторы, которые оказывают влияние на длительность нахождения в социальной сети; провести анализ тематической направленности запросов студенческой молодежи в социальных сетях, провести анализ отношения студентов к активно продвигаемой информации и рекламе в сети Интернет.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает студенческая молодежь, предметом исследования – коммуникативные практики студенческой молодежи в сети Интернет.

Эмпирической основой статьи выступают результаты социологического исследования, проведенного методом анкетирования. Сбор информации осуществлялся с помощью Google-форм на основе квотной выборки (квоты по профилю специальности и курсу обучения студентов, полу), N = 2000. Данная выборка является репрезентативной по отношению к генеральной совокупности, соответствующей основным пропорциям студенческой молодежи БГТУ им. В.Г. Шухова (общая численность студентов очной формы обучения БГТУ им. В.Г. Шухова в 2022 г. составила 6293 человека).

Обработка результатов исследования производилась с помощью программного продукта Vortex 10, а также программы Excel для работы с электронными таблицами.

Информационной базой исследования также стали статистические и социологические данные в сфере массовых коммуникаций, отечественная и зарубежная научная литература в сфере распространения интернет-коммуникаций, трансформация социальных связей молодежи в информационном обществе, отечественные и зарубежные информационные ресурсы Интернет и др.

Результаты и их обсуждение

Для современной студенческой молодежи социальные сети стали не только источником информации, но и особым пространством коммуникации, специфической средой обитания. Не случайно большинство студентов, находясь в Интернете, в первую очередь посещают социальные сети [Левин, 2020].

Проведем анализ того, какие социальные сети чаще всего использует студенческая молодежь. Результаты исследования показали, что в настоящее время наиболее популярными являются ВКонтакте (87,05 %) и Telegram (75,80 %). Вместе с тем у студенческой молодежи пользуются популярностью и такие социальные сети, как YouTube (54,43 %), WhatsApp (38,30 %), TikTok (33,52 %). Viber менее популярен у студентов, его используют 13,75 % респондентов. В группе аутсайдеров, не пользующихся популярностью у студенческой молодежи, оказались Одноклассники (3,04 %), Twitter (2,69 %). Кроме данных социальных сетей, студенческая молодежь применяет такие ресурсы, как Reddit, Discord, Twitch, Onlyfans, Goodreads, Pinterest, Hydra, Друг вокруг.

Наиболее популярная у студенческой молодежи социальная сеть ВКонтакте используется для получения информации по теме образования и саморазвития, на что указали 56,97 % пользователей данной сети. Также популярным для студенческой молодежи направлением, по которому формулируется большое количество запросов, является «от-

дых и развлечения (43,13 %). Для подписчиков сети ВКонтакте представляет интерес информация о спорте и здоровом образе жизни (29,63 %). Значительная часть респондентов формулирует запросы о работе и возможностях трудоустройства (21,56 %).

Среди студенческой молодёжи, предпочитающей Telegram, в тематике запросов также лидирующее положение занимает образование и саморазвитие (50,20 %). Высокая поисковая активность подписчиков Telegram проявляется в отношении таких тем, как отдых и развлечения (39,59 %), спорт и здоровый образ жизни (26,0 %); работа и трудоустройство (20,27 %). Для 18,48 % респондентов, предпочитающих использовать Telegram, представляет интерес сфера политики.

Согласно полученным данным, среди пользователей социальной сети YouTube, также наибольшей популярностью пользуется тема образования и саморазвития (36,06 %). Вместе с тем для данной сети отрыв «образования и саморазвития» от «отдыха и развлечений» в структуре запросов студенческой молодёжи не столь явно выражен, как для предыдущих социальных сетей. Так, 31,57 % пользователей YouTube в рамках поисковых запросов в социальных сетях выбирают отдых и развлечения. Достаточно высокий интерес отмечается в отношении вопросов, связанных со спортом и здоровым образом жизни (19,92 %)

Студенческая молодёжь активно использует различные ресурсы для получения информации об университете. Высокая активность проявляется в том, что 82,42 % респондентов подписаны на аккаунты БГТУ им. В.Г. Шухова в социальных сетях. При этом студенты университета не только подписаны на аккаунты вуза, но и проявляют высокую активность в пользовании данными ресурсами. Соответственно можно предположить, что информация, которая транслируется по данным каналам, оказывает влияние на студентов вуза. При этом наиболее популярными платформами для получения информации об университете, являются ВКонтакте и Telegram, которые лидируют со значительным отрывом. Как показали результаты исследования, 77,44 % опрошенных студентов подписаны на аккаунты университета ВКонтакте; 49,20 % – в Telegram; 8,37 % – в YouTube. Таким образом, те социальные сети, которые пользуются у студенческой молодежи большей популярностью, оказываются и более часто используемыми для получения информации о вузе.

Проведем анализ значимости для студенческой молодежи количества подписчиков в социальных сетях. Как показали результаты исследования, для большей части респондентов (65,84 %) не имеет значения количество подписчиков в социальных сетях. Еще для 20,07 % количество подписчиков скорее не имеет значения. Утвердительно на данный вопрос ответили всего лишь 3,54 % опрошенных студентов. Указали, что количество подписчиков скорее имеет значение 8,22 % респондентов.

Анализ в гендерном разрезе показал, что для студентов мужского пола данный фактор имеет меньшее значение, чем для студентов женского пола. Так, 44,37 % респондентов мужского пола указали на то, что для них не имеет значения количество подписчиков в социальных сетях. В группе девушек данный показатель в 2 раза меньше и составляет 21,46 %. Анализ данного фактора в возрастном разрезе свидетельствует о том, что для студентов в возрасте от 23 до 24 лет количество подписчиков в социальных сетях имеет наиболее важное значение. Достаточно отчетливо проявилась тенденция снижения значимости данного фактора для студентов младших возрастных групп. Анализ распределения данного фактора в зависимости от направления подготовки (бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура) показал, что наибольшее значение количество подписчиков в социальных сетях имеет для магистрантов (35,9 %). Самые низкие показатели значимости количества подписчиков в социальных сетях отмечаются для аспирантов (3,9 %).

Как показали результаты исследования, большая часть опрошенных студентов (29,83 %) проводят в социальных сетях от 3 до 4 часов. На втором месте находится группа респондентов, которые проводят в социальных сетях 1–2 часа (21,56 %). Среди опрошенных студентов 19,37 % проводят в социальных сетях 5–6 часов.

Остальные группы респондентов оказались представленными в гораздо меньшей степени: 6,62 % проводят в социальных сетях 7–8 часов, 4,53 % проводят в социальных сетях до 1 часа; 3,39 % опрошенных студентов затруднились с ответом.

Среди студентов, которые затруднились с оценкой длительности нахождения в социальных сетях, встречались такие варианты ответов, как «Не могу сказать точно»; «Сложно сказать: по возможности, необходимости»; «Не знаю, не засекал»; «В социальных сетях понятие времени отсутствует»; «Difficult to say. I work on my phone, I do research a lot, I communicate with my parents and bf, listen to music, watch videos and series».

Студенческая молодежь отмечает, что время нахождения в социальных сетях зависит от многих факторов. Так, влияет такой фактор, как степень загруженности дня. Как отметил один из участвующих в опросе студентов, «Если целый день дома, то захожу часто, если целый день на учебе/работе, то почти не захожу». Другие варианты ответов: «Всегда по-разному, зависит от того есть ли у меня другие дела, могу не разу за день не зайти, а могу весь день просидеть»; «Зависит от занятости»; «Около часа в сутки в среднем. В редких случаях доходит до двух часов. В основном во время совместного выполнения и обсуждения лабораторных работ или совместного отдыха»; «Использую только для коммуникации. Зависит от ситуации»; «В зависимости от дня недели: чем меньше, тем лучше!».

По оценкам респондентов, время, проводимое в социальных сетях, отличается в рабочие и выходные дни. Как указала участвующая в исследовании студентка: «В рабочее время 1–1,5 часа в сумме, в выходной день не засекала».

Также выделяется категория студентов, работа которых связана с социальными сетями. Соответственно такие студенты проводят большое количество времени в социальных сетях. Как указал один из респондентов: «Сложно посчитать, наверное, 70 % от часов бодрствования, потому что работа связана с социальными сетями».

Согласно полученным результатам, доля респондентов, которые проводят в социальных сетях большую часть времени, составила 2,64 %; еще 2,94 % опрошенных студентов отметили, что проводят в социальных сетях много времени. В данной категории встречались следующие варианты ответов: «Оффлайн только во время сна»; «Большую часть свободного времени»; «К сожалению, очень много».

Представляет интерес анализ того, стремится ли студенческая молодежь к тому, чтобы сократить время нахождения в социальных сетях.

Как показали результаты исследования, большая часть опрошенных студентов (33,81 %) не видит проблемы в большом количестве времени, проводимом в социальных сетях, и не пытались его сократить. Еще 18,97 % респондентов указали, что скорее не пытались сократить время нахождения в социальных сетях.

Вместе с тем 23,26 % респондентов полагают, что проводят большое количество времени в социальных сетях и пытались его сократить; примерно такое же количество опрошенных студентов (20,92 %) указали, что «скорее пытались сократить время нахождения в социальной сети».

Таким образом, 44,18 % респондентов пытались сократить время нахождения в социальных сетях, 52,78 % опрошенных студентов не пытались сократить время пользования социальными сетями, 3,04 % – затруднились с ответом.

Анализ в гендерном разрезе показывает, что студенты мужского пола в меньшей степени обеспокоены большим количеством времени, проводимом в социальных сетях. Так, 24,15 % респондентов мужского пола однозначно ответили, что не пытались сократить время пребывания в социальной сети. Среди девушек доля таких составила 9,66 %.

Как показали результаты исследования, больше всего продолжительным нахождением в социальных сетях обеспокоены студенты самой младшей возрастной группы (17–18 лет), а также студенты в возрасте 23–24 лет.

Значительная часть молодых людей все-таки пытались сократить время нахождения с социальной сети, отмечая, что это время они считают избыточным и планируют со временем посвятить его общению офлайн. Среди форм проведения досуга офлайн лидирующее положение занимают прогулки, физическая активность и занятия спортом; общение и встречи с друзьями. При этом молодёжь привлекает именно непосредственный, «живой» формат общения в противовес опосредованному общению в социальных сетях.

Стоит отметить, что исследователи фиксируют разочарование современной молодежи в высшем образовании, так как существуют значительные проблемы с трудоустройством молодых специалистов после завершения обучения в вузе [Григорьева, 2022]. В противовес этому социальные сети предоставляют ресурс, позволяющий, не обладая особыми профессиональными навыками, быстро повысить свой статус. В качестве примера можно привести блогеров, популярных у молодежи.

С одной стороны, интернет-пространство действительно предоставляет дополнительные возможности для образования и саморазвития, решения проблемы трудоустройства. Так, проведенное нами исследование тематической направленности формулирования запросов студенческой молодёжи в социальных сетях показало выраженную активность респондентов в поиске информации касательно образования и саморазвития. Доля респондентов, формулирующих запросы по данной тематике, составила 64,09 %.

В разрезе гендерной структуры оценки обращаются к запросам по теме образования и саморазвития преимущественно респонденты мужского пола (60,37 %). Доля студентов женского пола, проявляющих интерес к вопросам образования и саморазвития в формате социальных сетей, составила 39,63 %. Отмечается большая увлечённость студентов мужского пола различными аспектами обучения в вузе, получения дополнительного образования, а также возможностей личностного развития посредством участия в вебинарах, тренингах и т.д.

Оценочный срез исследования запросов респондентов по возрастному признаку показал, что наиболее востребованная информация по тематике образования и саморазвития у студентов возрастной группы 19–20 лет (39,01 %). В меньшем процентном соотношении данная тематика интересует студентов возрастных групп 17–18 лет (24,4 %) и 21–22 года (23,93 %). Менее всего тема образования и саморазвития актуальна для студенческой молодежи в возрасте 23–24 года (7,15 %) и 25 лет и старше (5,52 %).

С другой стороны, появление дополнительных источников информации в формате онлайн порождает ряд проблемных моментов.

Как свидетельствуют результаты исследований, современная студенческая молодёжь ориентирована на получение небольших доз информации с выраженным визуальным сопровождением [Радаев, 2022]. При этом современные студенты не готовы работать с большими объемами текстового материала, в результате не вырабатывается навык вдумчивого чтения, критического анализа получаемой информации. Между тем в интернет-пространстве представлено достаточно большое количество недостоверной информации, которую необходимо подвергать критическому анализу. Кроме того, в процессе виртуального общения возникают коммуникационные помехи, которые представляют собой область информационного пространства, определяемую интерактивностью его субъектов. Искажая коммуникационные процессы, контакты в сетях не способны заменить общение в реальности.

Усугубляется проблема, связанная с клиповым мышлением активных пользователей сетей. Так, отмечая преимущества формата общения в социальных сетях, студенты БГТУ им. В.Г. Шухова выделили такие, как доступность (67,68 %), простота и легкость (52,89 %), возможность самопрезентации и самовыражения (27,39 %), подача данных в визуальной форме (24,65 %), возможность наблюдения за жизнью других людей (20,37 %), возможность осуществлять просмотр большого количества материалов других

пользователей (19,82 %), анонимность (17,18 %), лаконичность (12,85 %), возможность контакта с образцами для подражания (7,67 %).

В социальных сетях источники информации всегда доступны, имеются в большом количестве. В результате не возникает необходимости глубоко прорабатывать и запоминать материал, так как его всегда можно найти с помощью интернет-ресурсов. Как итог, не формируется фундаментальная база знаний. Блогеры и медийные личности зачастую пользуются большим авторитетом, чем профессиональные эксперты в той или иной сфере. Расширение возможностей самообразования в онлайн формате, активное общение студенческой молодежи в социальных сетях, с одной стороны, предоставляет дополнительные ресурсы для развития, с другой стороны, проблемным моментом является также потребление готовых смыслов, без активной интеллектуальной переработки получаемой информации. Такой формат работы с информацией не способствует развитию критического мышления.

Социологическая репрезентация данных об отношении студентов к активно продвигаемой информации в сети Интернет показала, что почти половина респондентов (49,3 %) имеют нейтральное отношение к информационному полю, активно транслируемому в сети Интернет. Отдельная группа респондентов (31,47 %) отмечают положительное отношение к активным информационным потокам сети Интернет. Из совокупности процентного соотношения респондентов, лишь 10,06 % имеют негативное отношение к активному поступлению информации из интернет-пространства.

Интересным показателем оценки смысловых полей коммуникативных практик студенческой молодежи в сети Интернет является отношение студентов к навязываемой рекламе в сети Интернет. Так, большинство респондентов, а именно 64,44 %, занимают отрицательную позицию по отношению к практике навязывания рекламы через социальные сети. Данная позиция студентов обусловлена, прежде всего, чрезмерным внешним навязыванием рекламной продукции, а также услуг основным потребителям, каковыми являются молодые люди (студенческая молодежь). При этом нейтрально по отношению к навязываемой рекламе в интернет-пространстве высказываются 29,23 % респондентов. Положительную позицию в рамках отношения к навязываемой рекламе в интернет-среде занимают лишь 3,58 % студентов.

Заклучение

Студенты как наиболее прогрессивный слой молодежи с легкостью принимают все новое, используя новые возможности и способы для поиска информации, отдыха и общения. В настоящее время наиболее популярными у студенческой молодежи являются социальные сети ВКонтакте и Telegram, которые лидируют со значительным отрывом. Подавляющее большинство студентов (82,42 %) подписаны на аккаунты БГТУ им. В.Г. Шухова в социальных сетях. При этом социальные сети, которые пользуются у студенческой молодежи большей популярностью (ВКонтакте и Telegram), оказываются и более часто используемыми для получения информации о вузе.

Согласно результатам исследования, такой фактор, как количество подписчиков в социальных сетях, не имеет высокой значимости для современной студенческой молодежи. При этом для студентов мужского пола данный фактор имеет меньшее значение, чем для студентов женского пола. Кроме того, анализ данного фактора в возрастном разрезе свидетельствует о том, что для студентов в возрасте от 23 до 24 лет количество подписчиков в социальных сетях имеет самое большое значение. Достаточно отчетливо проявилась тенденция снижения значимости данного фактора для студентов младших возрастных групп и студентов самой старшей возрастной группы, обучающихся в аспирантуре.

Большая часть опрошенных студентов не видит проблемы в большом количестве времени, проводимом в социальных сетях, и не пыталась его сократить. При этом студенты мужского пола в меньшей степени обеспокоены большим количеством времени, про-

водимом в социальных сетях, и не стремятся его сократить. В возрастном аспекте больше всего продолжительным нахождением в социальных сетях обеспокоены студенты в возрасте 17–18 лет, а также студенты в возрасте 23–24 лет. Длительное нахождение в формате онлайн связано с тем, что в представлении современной молодежи необходимо постоянно оставаться на связи. В результате отмечается перенасыщенность различными формами коммуникации, снижается концентрация и сосредоточенность на учебе или работе, что, в свою очередь, отрицательно сказывается на их качестве.

Использование ресурсов социальных сетей для получения информации по вопросам образования и саморазвития, с одной стороны, способствует приобретению новых знаний, с другой, создает ситуацию множественного выбора и информационной перегрузки. В том случае если доступно большое количество образовательных программ, факультативных курсов, сделать выбор, определиться со своей будущей образовательной и профессиональной траекторией становится все сложнее. Кроме того, возникает немало вопросов к качеству образовательных ресурсов в социальных сетях. Если в прошлом роль высшего образования, а также особой социокультурной среды вуза в процессе социализации студенческой молодежи была определяющей, то в настоящее время ее значимость снижается. Дополнительные источники информации, представленные в интернет-пространстве, оказывают существенное влияние на процесс социализации современной молодежи.

Новизна исследования заключается в том, что на репрезентативной выборке проведен анализ того, какие социальные сети в настоящее время наиболее активно используются студентами вуза с тем, чтобы в последующем более полно использовать данные ресурсы в процессе социализации студенческой молодежи; выявлено, какие социальные сети чаще используются студентами для получения информации об университете; проведен анализ такого параметра, как время нахождения студенческой молодежи в социальной сети, а также факторов, которые оказывают влияние на длительность нахождения в социальной сети; проведен анализ тематической направленности запросов студенческой молодежи в социальных сетях, проведен анализ отношения студентов к активно продвигаемой информации и рекламе в сети Интернет. Данные параметры проанализированы в гендерном и возрастном разрезе.

Список литературы

- Андрамонова В.В. 2015. Социальные сети: теоретико-методологический аспект исследования. *Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты*, 21: 148–152.
- Воробьев В.П., Ретинская В.Н. 2022. Образно-символические аспекты формирования государственной идентичности молодежи в эпоху Интернета. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*, 1: 59–71.
- Григорьева Е.А. 2022. Цифровые неравенства: причины, формы, последствия. *Социологические исследования*, 2: 161–163.
- Жанतिकеев С.А., Саттыклышева А.С. 2020. Интернет-зависимость или социальные сети как часть жизненного пространства молодежи. *Chronos*, 2(41): 22–25.
- Завьялова Н.Б. 2016. Социальные сети в формировании имиджа образовательной организации. *Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития*, 26: 54–60.
- Зубок Ю.А., Чанкова Е.В. 2019. Коммуникативная компетентность личности в пространстве виртуальной реальности. *Научный результат. Социология и управление*, 5(4): 139–150.
- Игнатов М.А. 2018. Понятие «сеть» в современной науке и философии. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 43(3): 408–413.
- Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. 2022. *Социология Интернета*. М., Изд-во Юрайт, 424 с.
- Левин Л.М. 2020. Особенности поведения в социальных сетях у молодежи: поисковое исследование (на примере социальной сети «ВКонтакте»). *Человеческий капитал*, 1(133): 85–91.

- Малых С.В. 2020. Формирование виртуальной идентичности университетской молодежи. *Социология*, 1: 312–316.
- Парц О.С. 2020. Развитие подрастающего поколения в контексте цифровизации. *Russian Journal of Education and Psychology*, 5: 67–79.
- Петрунева Р.М. 2019. Студенческая молодежь в эпоху цифрового общества. *Преподаватель XXI век*, 1: 77–85.
- Радаев В.В. 2022. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? *Социологические исследования*, 6: 114–124.
- Шарков Ф.И. 2019. Социальные сети как основа формирования пространства публичных коммуникаций. *Коммуникология*, 4: 32–40.
- Шевченко А.И. 2021. Цифровизация как этап развития общества: философский взгляд. В кн.: *Общество: философия, история, культура*, 5(85): 40–44.
- Щанина Е.В., Данилова Е.А. 2022. Воздействие виртуального пространства на социализацию молодежи. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 6: 22–25.
- Demenenko I.A., Divichenko O.I., Kosharnaya G.B. 2018. Formation of Entrepreneurial Climate as a Factor of Social and Economic Development of the Region. *The International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (CILDIAH-2018)*, Vol. 15. P. 01012.
- Doroshenko Y.A. 2020. The Public-Private Partnership as a Part of High Technologies of Modern Russia. *Springer Nature Switzerland AG N. K. Gabdrakhmanov and L. N. Safiullin (eds.), Regional Economic Development in Russia, Springer Proceedings*, 159–170.
- Ignatov M.A. 2022. Network Destructive Content and Spiritual Security of Youth in the Modern Multicultural World. *Webology*. Vol. 19, No. 1.
- Marres N. 2017. *Digital sociology: The Reinvention of Social Research*, Polity Press. Cambridge, UK, 59 p.

References

- Andramonova V.V. 2015. Sotsial'nyye seti: teoretiko-metodologicheskii aspekt issledovaniya. [Social networks: theoretical and methodological aspect of the study]. *Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya: problemy i rezul'taty*, 21: 148–152.
- Vorob'yev V.P., Retinskaya V.N. 2022. Obrazno-simvolicheskiye aspekty formirovaniya gosudarstvennoy identichnosti molodezhi v epokhu Interneta. [Figurative and symbolic aspects of the formation of the state identity of youth in the Internet era]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki*, 1: 59–71.
- Grigor'yeva Ye.A. 2022. Tsfirovyye neravenstva: prichiny, formy, posledstviya. [Digital inequalities: causes, forms, consequences]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2: 161–163.
- Zhantikeyev S.A., Sattyklysheva A.S. 2020. Internet-zavisimost' ili sotsial'nyye seti kak chast' zhiznennogo prostranstva molodezhi. [Internet addiction or social networks as part of the living space of young people]. *Chronos*, 2 (41): 22–25.
- Zav'yalova N.B. 2016. Sotsial'nyye seti v formirovanii imidzha obrazovatel'noy organizatsii. [Social networks in the formation of the image of an educational organization]. *Ekonomika i upravleniye v XXI veke: tendentsii razvitiya*, 26: 54–60.
- Zubok YU.A., Chankova Ye.V. 2019. Kommunikativnaya kompetentnost' lichnosti v prostranstve virtual'noy real'nosti. [The communicative competence of the individual in the virtual reality space]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye*, 5(4): 139–150.
- Ignatov M.A. 2018. Ponyatiye «set'» v sovremennoy nauke i filosofii. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. [The concept of "network" in modern science and philosophy]. *Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 43(3): 408–413.
- Kas'yanov V.V., Nechipurenko V.N. 2022. *Sotsiologiya Interneta*. [Sociology of the Internet]. M., Izd-vo Yurayt, 424 p.
- Levin L.M. 2020. Osobennosti povedeniya v sotsial'nykh setyakh u molodezhi: poiskovoye issledovaniye (na primere sotsial'noy seti «VKontakte»). [Features of behavior in social networks among young people: search research (on the example of the social network VKontakte)]. *Chelovecheskiy kapital*, 1(133): 85–91.
- Malykh S.V. 2020. Formirovaniye virtual'noy identichnosti universitetskoy molodezhi. [Formation of virtual identity of university youth]. *Sotsiologiya*, 1: 312–316.

- Parts O.S. 2020. Razvitiye podrastayushchego pokoleniya v kontekste tsifrovizatsii. [The development of the younger generation in the context of digitalization]. *Russian Journal of Education and Psychology*, 5: 67–79.
- Petruneva R.M. 2019. Studencheskaya molodezh' v epokhu tsifrovogo obshchestva. [Student youth in the era of digital society]. *Prepodavatel' XXI vek*, 1: 77–85.
- Radayev V.V. 2022. Krizis v sovremennom prepodavanii: chto imenno poshlo ne tak? [Crisis in modern teaching: what exactly went wrong?]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 6: 114–124.
- Sharkov F.I. 2019. Sotsial'nyye seti kak osnova formirovaniya prostranstva publichnykh kommunikatsiy. [Social networks as the basis for the formation of the space of public communications]. *Kommunikologiya*, 4: 32–40.
- Shevchenko A.I. 2021. Tsifrovizatsiya kak etap razvitiya obshchestva: filosofskiy vzglyad. [Digitalization as a stage of development of society: a philosophical view]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 5 (85): 40–44.
- Shchanina Ye.V., Danilova Ye.A. 2022. Vozdeystviye virtual'nogo prostranstva na sotsializatsiyu molodezhi. [The impact of virtual space on the socialization of young people]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, 6: 22–25.
- Demenenko I.A., Divichenko O.I., Kosharnaya G.B. 2018. Formation of Entrepreneurial Climate as a Factor of Social and Economic Development of the Region. *The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences” (CILDIAN-2018)*, Vol. 15. P. 01012.
- Doroshenko Y.A. 2020. The Public-Private Partnership as a Part of High Technologies of Modern Russia. *Springer Nature Switzerland AG N.K. Gabdrakhmanov and L.N. Safiullin (eds.), Regional Economic Development in Russia, Springer Proceedings*, 159–170.
- Ignatov M.A. 2022. Network Destructive Content and Spiritual Security of Youth in the Modern Multicultural World. *Webology*. Vol. 19, No. 1.
- Marres N. 2017. *Digital sociology: The Reinvention of Social Research*, Polity Press. Cambridge, UK, 59 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.02.2023
Поступила после рецензирования 05.03.2023
Принята к публикации 07.03.2023

Received February 17, 2023
Revised March 5, 2023
Accepted March 7, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Гладкова Инна Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

Inna A. Gladkova, Candidate of Sociological, Associate professor of the Department of sociology and management, Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia

Демененко Инна Арамовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия

Inna A. Demenenko, Candidate of Sociological, associate professor of the Department of sociology and management, Shukhov, Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia

УДК 316.334.22

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-41-50

Ипостаси сельского труда (на материалах исследования в Хакасии)

Лушникова О.Л.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Россия, 655017, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 23

E-mail: oltolt@mail.ru

Аннотация: В современном обществе отношение к физическому труду неоднозначное: с одной стороны, все более распространенным становится так называемый свободный труд, не связанный с трудоемкой работой, а с другой стороны, в условиях избытка специалистов умственного труда роль профессий ручного (в том числе сельского) труда повышается. Традиционно в фокусе внимания ученых— изучение труда в рамках профессии, однако другие ипостаси труда остаются недостаточно изученными. В связи с этим автор ставит цель – раскрыть другие стороны сельского труда: домашнего, профессионального, связанного с работой на подворье, а также труда как смысла жизни. Эмпирической базой послужили данные социологического опроса 2018 года сельского населения Хакасии. Результаты показали, что домашний труд занимает большую часть свободного времени сельчан, особенно проживающих в неблагоустроенных домах. Причем наличие благоустройства освобождает время не только для досуга, но и для развития личного хозяйства. Смена традиционных для села сфер занятости приводит к изменению отношения и к профессиональному труду. Работники сельскохозяйственной отрасли не удовлетворены своей работой, так как она не обеспечивает достойный уровень и качество жизни. Более предпочтительной становится занятость в бюджетных организациях. Труд как смысл жизни воспринимается незначительной частью сельчан, но при этом не продуцирует активных стратегий поведения. Более активной частью сельского социума являются жители, укоренные в селе в силу привычки и связей с родными и близкими людьми. Полученные результаты расширяют представления об институциональных изменениях современного села.

Ключевые слова: труд, работа, физический труд, сельскохозяйственный труд, домашний труд, подворье, личное подсобное хозяйство, профессия

Для цитирования: Лушникова О.Л. 2023. Ипостаси сельского труда (на материалах исследования в Хакасии). НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 48(1): 41–50. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-41-50

Hypostases of Rural Labor (Based on Survey in Khakassia)

Olga L. Lushnikova

Khakass Research Institute for Language, Literature and History,
23 Schetinkina St, Abakan, Khakassia 655017, Russian Federation

E-mail: oltolt@mail.ru

Abstract. In modern society, the attitude to physical labor is ambiguous: on the one hand, the so-called free labor that is not associated with labor-intensive work is becoming more and more common, and on the other hand, in conditions of an excess of mental labor specialists, the role of manual (including rural) labor professions is increasing. Traditionally, the focus of scientists' attention is the study of labor within the profession, but other aspects of labor remain insufficiently studied. In this regard, the author aims to reveal other aspects of rural labor: domestic, professional, related to work on the farmstead, as well as labor as the meaning of life. The empirical basis was the data of the 2018 sociological survey of the rural population of Khakassia. The results showed that domestic work takes up most of the free time of the villagers, especially those living in unsettled homes. Moreover, the availability of landscaping frees up

time not only for leisure, but also for the development of personal economy. The change of traditional rural areas of employment leads to a change in attitudes to professional work. Agricultural workers are not satisfied with their work, as it does not provide a decent standard and quality of life. Employment in budget organizations becomes more preferable. Work as the meaning of life is perceived by a small part of the villagers, but it does not produce active behavioral strategies. A more active part of rural society are residents rooted in the village by virtue of habit and connections with relatives and close people. The results obtained expand the understanding of the institutional changes of the modern village.

Keywords: labor, job, physical labor, agricultural labor, domestic labor, farmstead, personal subsidiary farm, profession

For citation: Lushnikova O.L. 2023. Hypostases of Rural Labor (Based on Survey in Khakassia). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 41–50 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-41-50

Введение

Обращение к проблематике сельского труда связано с интересом к исследованию сельской жизни вообще, поскольку часто именно через труд раскрываются смыслообразующие основы жизни сельского человека. В представлении исследователей современное село – это не просто тип поселения, а исторически сложившаяся, внутренне дифференцированная социально-территориальная подсистема общества, определяющая основные жизнеобразующие смыслы ее молодых жителей [Староверов, 2004, с. 64]. Поэтому изучение сельской жизни [Широкалова, Зинякова, 2006], сельского мира [Виноградский, 2019], жизненного мира сельчан [Тощенко, 2018] представляют живой интерес для исследователей уже на протяжении долгого времени.

Особенности сельского образа жизни неизменно связаны с трудом. Как отмечают исследователи, сельская жизнь отличается от городской *слитностью труда и быта* в повседневной жизни сельского человека [Spoor, 2015, p. 10], которая включает и работу на приусадебном участке, и уход за содержащимся на подворье скотом, и повседневные домашние хлопоты, и должностные обязанности по основному месту работы. Особой спецификой обладает и собственно аграрный труд, связанный с интенсивными физическими нагрузками, работой под открытым небом, ненормированным графиком (работа в праздничные, выходные дни, иногда в ночное время) и т.д. Особенно непривлекательной такая работа является для молодого населения. Исследования доказывают – чем моложе человек, тем менее он готов заниматься тяжелым физическим трудом (и уж тем более плохо оплачиваемым) [Плюснин и др., 2015, с. 43]. И вообще среди молодежи возврат после окончания вуза в сельскую местность считается *неудачей* [Гусельщикова и др., 2017, с. 71].

Безусловно, *сельскохозяйственный* труд представляет собой особый вид деятельности. Применение преимущественно неквалифицированного ручного труда объясняется недостаточной механизированностью сельскохозяйственного производства [Шамин, Шамин, 2016, с. 132]. Исследователи отмечают не идущий ни в какое сравнение с условиями работы в городе труд сельчанина под открытым небом, с *часто ненормированным* рабочим днем [Шарипов, 2017, с. 10]. Особенности сельскохозяйственного труда также связаны с *сезонностью* производства. Например, работники растениеводства наиболее интенсивно трудятся в весенне-осенний период, хотя работники животноводства могут выполнять работу в течение всего года, причем даже в ночное время (во время окота скота). Существует также зависимость *от погодных условий*, которые не всегда позволяют осуществлять сельскохозяйственную деятельность (в дождь, снегопад).

Неоднозначное отношение к физическому труду объясняется не только тяжестью нагрузок, но и собственно *условиями* труда. Работа по возделыванию растений и выращи-

ванию животных протекает в естественных природных условиях. У работников сельского хозяйства не всегда есть возможность удовлетворения физиологических потребностей (в еде, отдыхе, гигиене). Напряженная работа вкупе с быстрым темпом выполнения, иногда с монотонностью операций накладывает дополнительную психологическую нагрузку на человека. Все это влияет на общую *удовлетворенность* своей работой и жизнью в целом, поскольку работа занимает одно из центральных мест в системе жизненных ценностей человека.

Сельскохозяйственный труд характеризуется большей *универсальностью*, он требует знаний и умений, крепкого здоровья, опыта, терпения и природной мудрости [Неклюдова, Стожко, 2017, с. 65]. Необходимость совмещать основную работу (например, в сельхозорганизации) с работой в домашнем хозяйстве, а также с бытовыми обязанностями усиливает нагрузку на сельчан. Поэтому особо актуальной является проблема сохранения здоровья людей, постоянно проживающих в селе. Исследователи отмечают высокие нагрузки, связанные с переутомлением, недосыпанием, пребыванием на сквозняках и другие [Великий, Бочарова, 2017, с. 89]. Кроме того, согласно данным исследований, существует прямая зависимость состояния здоровья от трудового стажа – чем он меньше, тем чаще сельчане считают себя полностью здоровыми [Тощенко, 2016, с. 199].

Проблема сельскохозяйственного труда широко представлена в различных исследованиях, однако другие ипостаси труда остаются недостаточно изученными. Вместе с тем в сельской местности физический труд – это, скорее, *образ жизни*, причем тесно связанный с землей [Spoor, 2015, p. 10]. Цель данного исследования – раскрыть ипостаси сельского труда, связанные не только с аграрной деятельностью, но и с работой на личном подворье, с домашними обязанностями, с профессией и собственно с пониманием его как смысла жизни.

Объекты и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужили результаты социологического опроса среди сельского населения Хакасии, проведенного в 2018 году. В исследовании использовалась двухступенчатая выборка. На первой ступени производился отбор крупных и малых сел в каждом муниципальном районе республики. На второй – отбор респондентов по квотам (пол, возраст, национальность). Опрашивались представители титульного этноса (хакасы) и этнического большинства (русские). Общий объем выборки составил 486 респондентов, ошибка выборки – 4,44 %. В опросном листе использовались вопросы исследований «Жизненный мир – 2014» и «Сельская жизнь – 2015» (рук. Ж.Т. Тощенко) [Тощенко, 2016]. Обработка полученных в ходе опроса данных осуществлялась с помощью SPSS Statistics 19.0. Использовался анализ корреляций по Пирсону.

Результаты и их обсуждение

Домашний труд и работа на подворье

Проживание в частных домах (особенно неблагоустроенных) связано с определенным набором трудовых обязанностей. *Во-первых*, с поддержанием функционирования отопления в зимний период (дрова, уголь, топка печи, вынос золы). *Во-вторых*, с обеспечением водоснабжения (закачка воды, иногда вручную, ее подогрев, вынос использованной воды). *В-третьих*, с выполнением повседневных домашних дел (мытьё посуды, стирка, уборка), осуществление которых при отсутствии благоустройства значительно усложняется.

Результаты нашего исследования показали, что у сельчан, проживающих в неблагоустроенных домах (с печным отоплением, отсутствием централизованного водоснабжения, горячей воды, канализации), меньше свободного времени, чем у тех, кто живет в благоустроенных домах, особенно в малых селах. У большинства таких опрошенных почти все

свободное время занимают домашние дела (79,2 %), в крупных селах меньше занятых бытом (66,1 %). Оказалось, что у жителей малых сел, не имеющих в своих домах необходимых удобств, больше времени занимает уход и воспитание детей (37,7 %), нежели у сельчан в благоустроенных домах (29,8 %). Причем двойная нагрузка приходится на женщин: из-за специфики гендерных ролей на селе на женщине лежат обязанности по сбору детей в школу, приготовлению еды, стирке, уборке помещений и подворья [Великий, Бочарова, 2017, с. 89]. Наличие в домохозяйстве элементов благоустройства не только облегчает выполнение повседневных бытовых обязанностей, но и высвобождает больше времени для досуга. Владельцы неблагоустроенных жилищ оставшееся от домашних дел время преимущественно проводят за просмотром телевизора, тогда как жильцы благоустроенных домов больше бывают на природе, занимаются любимым делом (например, рыбалкой), встречаются с друзьями и т. д.

Наличие элементов благоустройства «снимает» часть нагрузки и позволяет высвободившееся время и силы направить на личное подсобное хозяйство (далее – ЛПХ). Оказалось, что проживающие в благоустроенных жилищах имеют больше видов скота на своем подворье (60,9 % против 39,1 %). Безусловно, содержание животных представляется более трудоемким процессом (по сравнению, например, с огородничеством), поэтому требует много сил и времени, которого больше у сельчан, проживающих в благоустроенных домах. При этом жильцы неблагоустроенных домов выше оценивают свои шансы прожить только за счет хозяйства (37,6 % против 25,6 %). В целом же полученные результаты позволяют сделать вывод о взаимозависимости между наличием элементов благоустройства в сельском доме и уровнем материального достатка сельчан (коэффициент связи по Пирсону $r = 0,254$) (рис. 1).

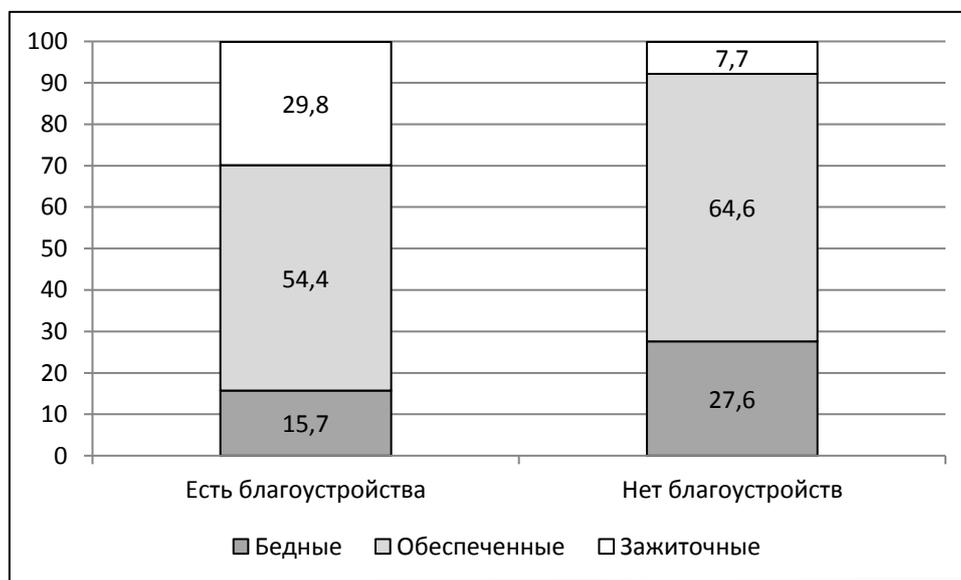

Рис. 1. Соотношение бедных, обеспеченных и зажиточных респондентов-сельчан, живущих в благоустроенных и в неблагоустроенных домовладениях, %

Fig. 1. The ratio of poor, affluent and affluent respondents-villagers living in comfortable and in unsettled households, %

На рис. 1 видно, что среди не имеющих элементов благоустройства сельчан больше бедных (тех, кому не всегда хватает денег на самое необходимое). Среди проживающих в благоустроенных жилищах – больше зажиточных (кто живет в достатке, может позволить себе крупные покупки). Обеспеченных (средств хватает на все необходимое, но позволить новую «крупную» покупку могут с трудом) много и среди имеющих, и не имеющих в доме элементов благоустройства сельчан. Другими словами, наличие элемен-

устройства в домохозяйстве значительно облегчает выполнение домашних дел и экономит время, которое можно использовать для развития подворья. В целом исследователи подсчитали, что работа на приусадебных участках, в саду и огороде занимает буквально *полжизни* селян (в среднем около 180 дней в году) [Павлов и др., 2015, с. 146].

Профессиональный труд

В современных условиях основным (особенно для сельского населения) считается труд *в рамках профессии* [Борисов, Шаяхметова, 2019, с. 64]. Хотя, по мнению исследователей, сегодня для большинства труд не связывается с возможностями достижения качественно нового уровня жизни, увеличения богатства, он стал средством *выживания* [Юсупов, 2017, с. 95]. Дефицит рабочих мест, кризис агропромышленной отрасли, отсутствие перспектив меняют отношение сельчан к труду, к работе. Причины изменения отношения к труду связаны со сменой традиционных для сельской местности сфер занятости. По мнению П.П. Великого, нынешняя деревня может вообще не иметь никакого отношения к аграрному сектору [Великий, 2020, с. 67].

Результаты нашего исследования отчасти это подтверждают. Доля работников сельского хозяйства среди опрошенных оказалась небольшой (всего 13,7 %). На селе активно развивается частный сектор в сфере услуг, в котором работает треть опрошенного населения (36 %). Хотя, по мнению исследователей, наиболее предпочтительной в сельской местности считается работа в бюджетной сфере [Чугунова, Лихневская, 2017, с. 176], в которой занято порядка трети опрошенных сельчан (32,9 %). С одной стороны, формальная трудовая занятость более привлекательна, поскольку обеспечивает официальное трудоустройство, стаж, оплачиваемый отпуск, больничный и т.д. Но с другой стороны, работники бюджетных организаций чаще выказывают неудовлетворенность своей работой по сравнению с трудящимися в других сферах деятельности (18,3 %).

Вполне вероятно, низкая удовлетворенность связана не только с собственно профессиональной деятельностью, но и с размером зарплаток, не позволяющим поддерживать определенный уровень и качество жизни. Полученные результаты подтверждают, что удовлетворенность работой коррелирует с уровнем материального достатка сельских жителей ($r = 0,306$). Среди работников бюджетных сфер – одни из самых низких показателей материального положения (рис. 2).

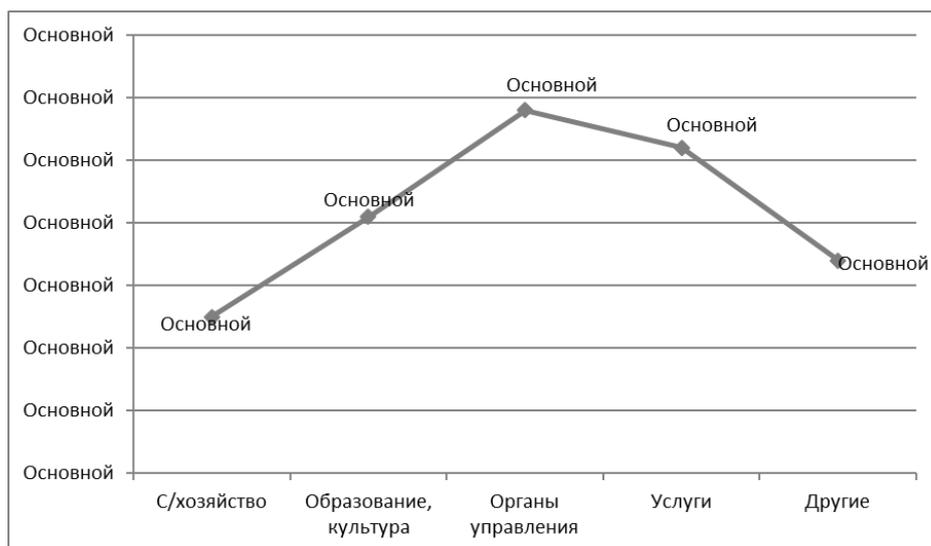

Рис. 2. Средние значения уровня материального достатка среди занятых в разных сферах деятельности, %

Fig. 2. Average values of the level of material wealth among those employed in various fields of activity, %

Почти две трети бюджетников считают несправедливой оплату своего труда (63,7 %). Выходит, что «желанность» работы в государственных или муниципальных учреждениях в полной мере не является таковой, поскольку не позволяет удовлетворять даже основные потребности сельского человека (в одежде, обуви и пропитании), и по существу является вынужденной мерой.

По мнению М. Бантинга, человек направляет свои время и силы на то, что вовсе не делает его счастливым [Bunting, 2004, p. 117]. В полной мере это относится к работникам аграрной отрасли. Результаты исследования показали, что они меньше всех удовлетворены своей работой (см. рис. 2). Особенности осуществления сельскохозяйственной деятельности вынуждают аграриев работать не только в дневное, но и в ночное время, в выходные дни, праздники, что приводит к общему увеличению количества рабочих дней и рабочего времени. По сравнению с представителями других профессий работники сельского хозяйства чаще отмечают физически тяжелый характер своей работы (10,8 %), необходимость много и быстро работать (13,5 %), небольшое количество выходных дней (10,8 %). Вместе с тем аграрный труд не является самым скучным и неинтересным – больше всего респондентов, указавших на эту характеристику своей работы, оказалось среди работников промышленности (9,1 %). Среди представителей этих же профессий также больше опрошенных, выразивших сожаление о частом отсутствии работы и вынужденном *сидении без дела* (18,2 %).

Труд как смысл жизни

По мнению исследователей, именно труд является основным источником цели, *связывающим человека с социумом* [Рылов, 2019, с. 27]. В сельском укладе жизни ключевую роль играет труд, связанный с землей (огородничество, выпас скота, заготовка сена, соби­рательство). Примерно треть опрошенных сельчан объясняет свое проживание в сельской местности именно любовью к природе и работе на земле (31,5 %). И даже значительная часть тех, кто имел опыт проживания в городе, ответила, что в селе жить лучше (62,7 %). Вместе с тем любовь к земле не сопряжена с активными стратегиями поведения: 60,1 % принимают имеющиеся условия, скорее, как данность, не прилагая особых усилий для улучшения своей жизни. Как результат: среди тех, кому *нравится жить на природе и работать на земле*, много бедных (кому средств едва хватает на питание) сельчан (рис. 3).

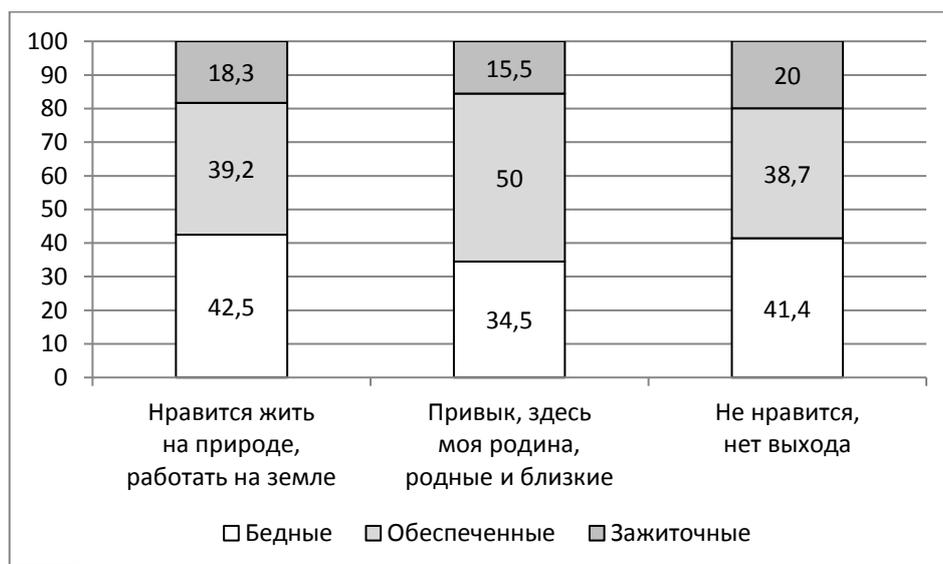

Рис. 3. Соотношение бедных, обеспеченных и зажиточных сельчан среди респондентов с разным отношением к жизни в селе, %

Fig. 3. The ratio of poor, wealthy and rich among respondents with different life's attitude, %

Больше половины опрошенных объясняют свое проживание в деревне привычкой, восприятием села как родного места, связью с близкими людьми. С одной стороны, можно предположить, что именно тесные социальные и родственные связи продуцируют активные стратегии поведения (среди тех, кто привык жить в селе, потому что здесь его родина, родные и близкие, больше всех обеспеченных сельчан). С другой стороны, возможно, более высокий уровень достатка обеспечивается именно за счет помощи и поддержки со стороны близких. По мнению исследователей, практики соседской взаимопомощи в деревне имеют особую значимость [Виноградский, 2021, с. 603].

Существует и слой населения, проживающих в сельской местности вынужденно («нет выхода») (15,4 %). Причем значительная часть тех из них, кто проживал какое-то время в городе, говорят, что в городе жить лучше (42,1 %) и при возможности они бы сменили место жительства. Можно было бы предположить, что нелюбовь к сельской жизни и желание жить в городе должны продуцировать активность, связанную со стремлением изменить свою жизнь. И хотя такие сельчане и выражают надежды на лучшее (46,7 %), в действительности эти ожидания, скорее, являются проявлением некоторой *«мечтательности»*, не связанной с реальным стремлением изменить свою жизнь к лучшему [Эфендиев, Болотина, 2002, с. 100]. Возможно, поэтому среди этой части опрошенных достаточно много бедных сельчан (41,4 %).

Выводы

Проживание в сельской местности неизменно связано с трудом, причем не только с аграрным, но и с работой по дому, на подворье и приусадебном участке. Особую роль в жизни сельчан играет наличие элементов благоустройства в домохозяйстве. Согласно данным исследования, сельчане, проживающие в благоустроенных домах, имеют больше свободного времени, больше возможностей для развития личного подсобного хозяйства, больше скота и в целом более высокий уровень достатка.

Труд в рамках профессии в условиях сельской местности тоже имеет свои особенности. Сельский рынок труда очень ограничен. Сегодня наиболее предпочтительной считается занятость в бюджетных сферах, поскольку она гарантирует стабильный заработок и социальное обеспечение. Хотя ориентация на бюджетную сферу в действительности является скорее вынужденной, поскольку удовлетворенность своей работой среди таких работников низкая, к тому же занятость в этой сфере не способствует заметному повышению уровня материального достатка.

В целом среди сельского населения можно выделить несколько категорий сельчан: те, кому нравится жить на природе и работать на земле; укорененные в селе в силу привычки и связей с родными и близкими; проживающие в селе вынужденно («нет выхода»). Вместе с тем любовь к земле (равно как и вынужденное проживание) в большинстве своем продуцирует не активные стратегии поведения, а, скорее, некоторую *«мечтательность»*, не связанную с реальными усилиями для улучшения своей жизни. Более успешными оказываются укорененные в селе в силу привычки и социальных связей, уровень достатка которых заметно выше.

Смысл труда для жителей села имеет особое значение, не сводящееся только к экономической составляющей как к источнику средств существования. Это подтверждают результаты проведенного исследования, на селе есть жители, которым нравится жить на природе и работать на земле. По мнению исследователей, человек получает удовлетворение от реализации своих способностей, когда осознает, что его деятельность *небесполезна*, что его жизнь не прошла даром, что он оставил свой след на земле [Сидорина, 2013, с. 12]. На наш взгляд, в наиболее полной мере это находит выражение именно в сельском труде, результаты которого воплощаются и в домашнем труде, и в продукции, выращенной и произведенной на подворье, и в сельскохозяйственной деятельности.

Основной вывод данного исследования связан с пониманием значимости всех ипостасей труда в повышении качества жизни сельчан, которое зависит не только от наличия рабочих мест в селе, но и от благоустройства села, возможностей для развития личного подворья – тех факторов, которые заметно улучшают материальное положение жителей села.

Список литературы

- Великий П.П., Бочарова Е.В. 2017. Созидательный потенциал старшей возрастной группы в сельском социуме. Историческая и социально-образовательная мысль, 1-2: 79–96. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-79-96
- Великий П.П. 2020. Противоречия в жизненном пространстве села: генезис, настоящее, будущее. Региональные агросистемы: экономика и социология, 4: 67–71.
- Виноградский В.Г. 2021. Межевание и ремонт как индикаторы социального капитала. Nomothetika: Философия. Социология. Право, 46–3: 602–604. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-602-604
- Виноградский В.Г. 2019. Сельские миры: опыт социологической реконструкции. Социологические исследования, 5: 3–13. DOI: 10.31857/S013216250004948-5
- Гусельщикова Н.Б., Цамакаева Г.П., Мегаева С.В. 2017. Проблемы и перспективы трудоустройства молодых специалистов в сельской местности СКФО. Вестник экспертного совета, 2(9): 68–73.
- Неклюдова С.В., Стожко Д.К. 2017. Аграрный труд на современном этапе. Молодежь и наука, 3: 63–68.
- Павлов Б.С., Козлов В.Н., Бердник Л.П. 2015. Социализация молодёжи города и села на Урале: общее и особенное. Вестник Челябинского государственного университета, 26(381): 145–149.
- Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. 2015. Отходничество как новый фактор общественной жизни. Мир России. Социология. Этнология, 1: 35–71.
- Рылов Д.А. 2019. Роль труда в жизни индивида. Тенденции развития науки и образования, 56-14: 25–28. DOI: 10.18411/lj-11-2019-301
- Сидорина Т.Ю. 2013. Вопрос о труде и смысле жизни. Вопросы философии, 11: 3–14.
- Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа). 2016. Под ред. Ж. Т. Тощенко. М., Центр социального прогнозирования и маркетинга, 368 с.
- Староверов В.И. 2004. Результаты либеральной модернизации российской деревни. Социологические исследования, 12: 64–74.
- Тощенко Ж.Т. 2018. Особенности жизненного мира сельских жителей России. Социологические исследования, 2(406): 71–81. DOI: 10.7868/S0132162518020083
- Чугунова Н.В., Лихневская Н.В. 2017. Занятость сельского населения в условиях доминирования агрохолдингов в Белгородской области. Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов, 6: 167–180.
- Шамин А.А., Шамин А.Е. 2016. Роль основных факторов в сельскохозяйственных организациях. Вестник НГИЭИ, 12(67): 130–138.
- Шарипов С.А. 2017. Рост народонаселения и формирование трудовых ресурсов сельских территорий. Агропродовольственная политика России, 1(61): 10–17.
- Широкалова Г.С., Зинякова М.В. 2006. Реалии российской деревни. Социологические исследования, 7(267): 70–78.
- Эфендиев А.Г., Болотина И.Л. 2002. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа. Мир России, 4: 83–125.
- Юсупов М.М. 2017. Труд в системе социокультурных ценностей. Труд и социальные отношения, 3: 92–100.
- Bunting M. 2004. Willing slaves: how the overwork culture is ruling our lives. L., Harper Collins, 368 p.
- Spoor M. 2015. Rural development and the future of small-scale family farms. Rome, Food and Agriculture Organization of the United Nations, 32 p.

References

- Velikiy P.P., Bocharova E.V. 2017. Creative potential of the older age group in the rural society. *Historical and Social Educational Idea*, 1-2: 79–96. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-79-96 (in Russian).
- Velikiy P.P. 2020. Contradictions in the living space of the village: genesis, present, future. *Regional'nye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiyu* [Regional Agrosystems: Economics and Sociology], 4: 67–71 (in Russian).
- Vinogradsky V.G. 2021. Marking the land and repair of the apartment as indicators of social capital. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 5: 3–13. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-602-604 (in Russian).
- Vinogradsky V.G. 2019. Rural universes: a sociological reconstruction. *Sociological Studies*, 5: 3–13. DOI: 10.31857/S013216250004948-5 (in Russian).
- Guselshchikova N.B., Tsamakayeva G.P., Megayeva S.V. 2017. Problems and the prospects of employment of young specialists in rural areas of North Caucasus Federal District. *Vestnik ekspertnogo soveta* [Bulletin of the Expert Council], 2(9): 68–73. (in Russian).
- Neklyudova S.V., Stozhko D.K. 2017. Agrarnyy trud na sovremennom etape [Agrarian labor at the present stage]. *Molodezh' i nauka* [Youth and Science], 3: 63–68. (in Russian).
- Pavlov B.S., Kozlov V.N., Berdnik L.P. 2015. Socialization of young generation in towns and villages in the Urals: general and special. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 26(381): 145–149 (in Russian).
- Plusnin J.M., Pozanenko A.A., Zhidkevich N.N. 2015. Seasonal work (otkhodnichestvo) as a new social phenomenon in modern Russia. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 1: 35–71 (in Russian).
- Rylov D.A. 2019. Rol' truda v zhizni individa [The role of work in the life of an individual]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniyu* [Trends in the Development of Science and Education], 56-14: 25–28. DOI: 10.18411/lj-11-2019-301 (in Russian).
- Sidorina T.Yu. 2013. The issue of labour and the meaning of life. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 11: 3–14 (in Russian).
- Smysly sel'skoy zhizni (Opyt sotsiologicheskogo analiza) [The meanings of rural life (Experience of sociological analysis)]. 2016. Moscow, Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 368 p. (in Russian).
- Staroverov V.I. 2004. Results of liberal modernization of Russia's village. *Sociological Studies*, 12: 64–74 (in Russian).
- Toshchenko Zh.T. 2018. Features of the life world of rural residents in Russia. *Sociological Studies*, 2 (406): 71–81. DOI: 10.7868/S0132162518020083 (in Russian).
- Chugunova N.V., Likhnevskaya N.V. 2017. Employment of rural population in conditions of the dominance of agroholdings in the Belgorod region. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiyskikh geografov-obshchestvovedov* [Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian Geographers and Social Scientists (ARGO)], 6: 167–180 (in Russian).
- Shamin A.A., Shamin A.E. 2016. The role of the main factors in agricultural organizations. *Bulletin NGIEI*, 12 (67): 130–138. (in Russian).
- Sharipov S.A. 2017. Rost narodonaseleniya i formirovanie trudovykh resursov sel'skikh territoriy [Population growth and the formation of rural labor resources]. *Agroprodovol'stvennaya politika Rossii* [Agro-food Policy in Russia], 1 (61): 10–17 (in Russian).
- Shirokalova G.S., Zinyakova M.V. 2006. Realities of the Russian village. *Sociological Studies*, 7(267): 70–78 (in Russian).
- Efendiev A.G., Bolotina I. L. 2002. Sovremennoe rossiyskoe selo: na perelome epokh i reform. Opyt institutsional'nogo analiza [Modern Russian village: at the turning point of epochs and reforms. institutional analysis experience]. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 4: 83–125 (in Russian).
- Yusupov M.M. 2017. Labor in the system of social and cultural values. *Labour and Social Relations Journal*, 3: 92–100 (in Russian).
- Bunting M. 2004. *Willing slaves: how the overwork culture is ruling our lives*. L., Harper Collins, 368 p.
- 2Spoor M. 2015. *Rural development and the future of small-scale family farms*. Rome, Food and Agriculture Organization of the United Nations, 32 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.09.2022

Поступила после рецензирования 14.12.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Received September 15, 2022

Revised December 14, 2022

Accepted December 20, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лушникова Ольга Леонидовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga L. Lushnikova, Candidate of Sociological Science, senior scientific officer of Department of Economics and Sociology, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russia

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 342.7; 316.42

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-51-63

Интеграция права и морали в системе обеспечения прав и свобод личности

Иванова О.С. , Чалых И.С.

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Россия, 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55
E-mail: kgpd@syktsu.ru

Статья подготовлена с использованием Справочной Правовой Системы «КонсультантПлюс»

Аннотация. На основе системного подхода и формально-юридического анализа обоснована авторская позиция о соотношении права и морали в аспекте обеспечения субъективных прав и свобод, баланса интересов личности, общества, государства, где в качестве оптимальной определена интегративная модель. Рассмотрена практика правотворчества и правоприменения с использованием морально-нравственных норм и категорий в России и ряде зарубежных стран. Сформулирован вывод об угрозе возникновения правозащитных рисков при отсутствии рациональных ограничений такого использования, как и в случае игнорирования морально-нравственного контекста. Обоснована прямая взаимосвязь правовых и морально-этических проблем (конфликтов), что требует системного подхода к их разрешению. Приведена доктринальная оценка правовых средств противодействия морально-этическим конфликтам в контексте обеспечения прав и свобод личности, достижения социального компромисса. Определено, что именно право призвано сформировать рациональные гарантии учета моральной составляющей при регламентации общественных отношений. С опорой на зарубежный опыт предложены инструменты достижения указанной цели с акцентом на конкретизации и законодательном закреплении правовых принципов, приоритетов, ценностей и морально-этических критериев принятия правовых решений.

Ключевые слова: право, мораль, нравственность, взаимодействие, личность, общество, государство, баланс, гарантии, риски, морально-этический конфликт, критерии

Для цитирования: Иванова О.С., Чалых И.С. 2023. Интеграция права и морали в системе обеспечения прав и свобод личности. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 48(1): 51–63. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-51-63

Integration of Law and Morality in the System of Ensuring the Rights and Freedoms of the Individual

Olga S. Ivanova , Irina S. Chalykh

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
55 Oktyabrsky Av, Syktyvkar 167001, Russian Federation
E-mail: kgpd@syktsu.ru

The article was prepared using the Reference Legal System "ConsultantPlus"

Abstract. Based on a systematic approach and formal legal analysis, the article substantiates the author's position on the relationship between law and morality in the aspect of ensuring subjective rights and

freedoms, the balance of interests of the individual, society, state, where the integrative model is defined as optimal. The practice of law-making and law enforcement with the use of moral norms and categories in Russia and a number of foreign countries is considered. The conclusion is formulated about the threat of human rights risks in the absence of rational restrictions on such use, as well as in the case of ignoring the moral context. A direct relationship between legal and moral and ethical problems (conflicts) is substantiated, which requires a systematic approach to their resolution. A doctrinal assessment of the legal means of counteracting moral and ethical conflicts in the context of ensuring the rights and freedoms of the individual, achieving social compromise is given. It is determined that it is law that is called upon to form rational guarantees for taking into account the moral component in the regulation of social relations. Based on foreign experience, tools are proposed to achieve this goal with an emphasis on concretization and legislative consolidation of legal principles, priorities, values and moral and ethical criteria for making legal decisions.

Keywords: law, morality, ethics, interaction, personality, society, state, balance, guarantees, risks, moral and ethical conflict, criteria

For citation: Ivanova O.S., Chalykh I.S. 2023. Integration of Law and Morality in the System of Ensuring the Rights and Freedoms of the Individual. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 48(1): 51–63 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-51-63

Введение

Проблематика соотношения права и морали, нравственности, этики, в том числе правовых и социальных норм, «традиционно сохраняет актуальный и дискуссионный характер, несмотря на общепризнанность неразрывной взаимосвязи данных категорий, что подтверждается современной доктриной, имеет развитие в социальной и юридической практике» [Чалых, 2022]. Правовые предписания и морально-этические (нравственно-моральные) нормы в процессе регулирования общественных отношений тесно взаимосвязаны [Coleman, 2007], фактически дополняют друг друга. Многие правовые нормы имеют морально-нравственное содержание, а моральные предписания посредством права приобретают более конкретные формы и гарантии осуществления посредством государственных механизмов. Отечественными правоведами особенно отмечается моральное содержание конституционных норм, закрепляющих свободу, равенство, справедливость, основные права и свободы, гарантии защиты чести и достоинства личности [Цыбулевская, 2004; Алиева, 2006]. Ряд изменений, внесенных в Конституцию России в 2020 году, существенно расширили спектр установлений, имеющих морально-нравственное основание. При этом юридическое оформление таких постулатов на высшем уровне послужило катализатором производного правового регулирования, расширения правового инструментария государственного управления [Чалых, 2022]. Одновременно потенциал морально-этических норм активно реализуется в правоприменительной практике, где особую роль играют решения Конституционного Суда Российской Федерации, призванные в том числе устранять пробелы и коллизии в действующем законодательстве.

Между тем ситуационное, не имеющее правовых пределов и рациональных ограничений применение моральных норм в правотворческой и правоприменительной практике или, напротив, их игнорирование создает определенные риски для системного обеспечения прав и свобод личности как высшей ценности современного правового государства [Новикова, 2021], соблюдения баланса интересов личности, общества, государства. Особую «угрозу» здесь представляет создание условий для «конкуренции» взаимосвязанных субъективных прав личности, а также прав личности и интересов общества (государства) исходя из социальной и (или) политической конъюнктуры, когда морально-этическая составляющая используется как определяющий аргумент при принятии социально и юридически значимых решений уполномоченными субъектами.

Для обоснования актуальности указанной проблематики обратимся к рассмотрению и оценке отечественного и зарубежного опыта использования морально-этических норм (установок) для решения правовых задач.

Использование морально-нравственных категорий в правотворческой и правоприменительной практике

Результаты законодательства и правоприменения ряда стран, определяющих себя в качестве правового государства, демонстрируют заслуживающие внимания попытки непосредственного правового регулирования вопросов, имеющих выраженный морально-этический аспект. Так, в Российской Федерации (далее – РФ) морально-этическое содержание имеют нормы многих отраслей права: в частности, п. 8 ст. 81 Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ⁷ предусматривает применение дисциплинарных взысканий к работнику, выполняющему воспитательные функции, в случае совершения им аморального проступка, несовместимого с целями данной работы и, соответственно, не допускающего ее продолжения; ч. 1 ст. 73 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁸ в числе других предусматривает обязанность медицинских работников руководствоваться в своей деятельности принципами медицинской этики, а ст. 71 указанного закона прямо закрепляет формулировку и условия принесения клятвы врача, имеющей ярко выраженное морально-этическое содержание; согласно ч. 4 ст. 1349 Гражданского кодекса РФ (части четвертой) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ⁹ объектами патентных прав не могут быть способы клонирования человека и его клон, способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека, использование человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях, а также иные результаты интеллектуальной деятельности, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали. В свою очередь правовое регулирование таких вопросов, как трансплантация органов и тканей, искусственное прерывание беременности, ЭКО, эвтаназия, в современной России и иных государствах базируется на устоявшихся в обществе морально-этических нормах.

Вне морально-этического контекста зачастую невозможно и правоприменение. Последнее дополняет нормы закона в процессе реализации так называемого «внутреннего усмотрения» должностного лица, которое, применяя закон, должно действовать с учетом принципов справедливости и разумности, а в ряде случаев и сам закон прямо требует соблюдения норм профессиональной этики.

Наиболее демонстративна в рассматриваемом аспекте правоприменительная практика Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ, Суд). Следует отметить, что данный орган власти нередко подчеркивает морально-этическую составляющую отдельных положений закона; давая им оценку, Суд исходит из баланса конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, необходимости и соразмерности ограничений субъективных прав и свобод личности конституционно опосредованным целям, которые также основаны на принципе справедливости, приоритете ряда важных общечеловеческих ценностей. Последние во многом базируются на выработанных обще-

⁷ Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Российская газета. 2001, 31 декабря // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=422331&dst=100001#GAQ9zRTDhdcS4N47> (дата обращения: 20 декабря 2022).

⁸ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Российская газета. 2011, 23 ноября // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=422135&dst=100001#hb3AzRTwBj6o4AFt> (дата обращения: 20 декабря 2022).

⁹ Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Российская газета. 2006, 22 декабря // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=433439&dst=100001#срgAzRTiXivT4R97> (дата обращения: 20 декабря 2022).

ством и нашедших правовое отражение морально-этических предписаниях и морально-нравственных установках.

Так, в своем Определении от 15 мая 2012 г. № 880-О Конституционный Суд РФ отметил, что законодатель, обладая широкой свободой усмотрения в выборе мер защиты важнейших социальных ценностей, соответствующих им прав и определении условий и порядка их предоставления, «связан требованиями Конституции Российской Федерации, которые обязывают его обеспечивать баланс между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, соблюдая при этом принципы справедливости, равенства и соразмерности, выступающие конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона»¹⁰.

Проверяя конституционность ст. 8 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и оценивая так называемую «презумпцию согласия» на изъятие органов и (или) тканей человека после его смерти, Суд указал, что при осуществлении такого вида медицинского вмешательства в условиях возможного конфликта интересов донора и реципиента достижение баланса конституционно значимых ценностей и охраняемых прав (обоих указанных участников) при правовом регулировании требует учета в том числе нравственных аспектов этого вида медицинского вмешательства¹¹, а также сложившегося общественного отношения к системе трансплантации¹².

Морально-этические основы, указанные ранее критерии соответствия правовых ограничений конституционно опосредованным целям, их соразмерности, адекватности и пропорциональности, а также приоритет интересов ребенка были использованы Судом и при оценке взаимосвязанных положений подп. 6 п. 1 ст. 127 Семейного кодекса РФ и п. 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью. Последние Конституционный Суд признал не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они служат основанием для отказа лицу, инфицированному вирусом иммунодефицита человека и (или) вирусом гепатита С, в усыновлении (удочерении) ребенка, который в силу уже сложившихся семейных отношений проживает с этим лицом, если из установленных судом обстоятельств в их совокупности следует, что усыновление позволяет юридически оформить эти отношения и отвечает интересам ребенка¹³.

¹⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»: определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 № 880-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision101625.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022).

¹¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»: определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 459-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30847.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022).

¹² См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэллы Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»: определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 № 224-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision225217.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022).

¹³ См.: По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.: постановление Конституционного Суда РФ от

Руководствуясь необходимостью соблюдения конституционного баланса публичных и частных интересов, недопуска к осуществлению власти лиц, пренебрегающих законом, Конституционный Суд подтвердил право законодателя установить повышенные требования к репутации лиц, занимающих публичные должности, выраженные в законодательном ограничении пассивного избирательного права для лиц, совершивших определенные категории преступлений. Аргументом выступила и необходимость обеспечения легитимности публичной власти, которая во многом основывается на доверии граждан, отсутствии у них обоснованных сомнений в морально-этических и нравственных качествах публичных должностных лиц и, соответственно, в законности и бескорыстности их действий¹⁴.

В Определении от 18 июля 2006 г. № 310-О Суд в очередной раз отметил: «Специфика судебной деятельности и статуса судьи предполагает наличие у судьи не только высокого уровня профессионализма, но и особых морально-этических качеств. Эти требования сами по себе никоим образом не исключают возможность реализации судьей гражданских прав, однако таким образом, чтобы не умалялись достоинство и авторитет ни данного судьи, ни судебной власти в целом. <...> Особые требования к судье, вытекающие из его статуса как представителя судебной власти, а также возможность прекращения его полномочий вследствие совершения поступка, не совместимого с таким статусом или умаляющего его, не могут расцениваться как нарушающие конституционные права и свободы граждан»¹⁵.

Таким образом, использование принципа справедливости, как и ряда иных морально-нравственных категорий, при решении вопроса об обеспечении баланса между правами и законными интересами личности, общества и государства достаточно распространено в отечественной правотворческой и правоприменительной практике, хотя последняя и отличается неоднозначностью такого «задействования». К примеру, в отдельных случаях, имея формальные основания уйти от официального определения своей позиции по конкретным, имеющим морально-нравственный (морально-этический) аспект вопросам, Конституционный Суд использует такую возможность¹⁶. То есть Суд по своему усмотрению и без каких-либо ограничений может использовать морально-нравственный «инструмен-

20.06.2018 № 25-П // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision338500.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022).

¹⁴ См.: По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3² статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова: постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision142315.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022).

¹⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Желыбинцевой Маргариты Михайловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 3 и пунктом 1 статьи 12¹ Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», статьей 3 и пунктом 1 статьи 8 Кодекса судейской этики: определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 310-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15332.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022).

¹⁶ См. напр.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цветкова Василия Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями федеральных законов «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации», «Об обязательном медицинском страховании» и других нормативных правовых актов: определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1494-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision244195.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С.Д. и С.Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2318-О // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision358380.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022) и др.

тарий» как для разрешения дела по существу, так и для отказа в принятии жалобы к рассмотрению, в том числе воспользоваться сугубо формальными основаниями для такого отказа. В таком подходе усматриваются определенные правозащитные риски [Новикова, 2020], выраженные в угрозе злоупотребления правоприменителем морально-нравственными установками, по сути, используемыми в качестве «альтернативы» конкретной правовой позиции, а также риски дисбаланса между индивидуальным и общественным интересом. Аналогичная тенденция, хотя и менее наглядно, проявляется и в законодательной деятельности. Однако для последней существенной гарантией выступает как раз потенциал правоприменения.

Несмотря на тенденцию универсализации базовых морально-этических представлений в современном мире, позволившей выработать важнейшие международные документы (юридические гарантии) в области прав человека, следует признать, что морально-этические нормы, их трактовки в разных государствах могут существенно отличаться. Имеют место такие отличия и между сообществами внутри отдельных государств. Представляется, именно по этой причине Европейский суд по правам человека часто относит вопросы механизма реализации отдельных положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе имеющие морально-этический характер, к сфере усмотрения конкретных государств, оставляя за собой право последующего контроля за соблюдением общих принципов, заложенных в Конвенции. Так, значительная свобода усмотрения, которая признана судом за государствами-участниками в вопросах о праве человека решить, каким образом и в какое время его жизнь должна окончиться, однополых браках и других, обусловлена отсутствием консенсуса между государствами по таким вопросам, в том числе в силу различий в морально-этической оценке указанных проблемных аспектов внутри самих государств (например, дела *Koch v. Germany* (№ 497/09)¹⁷, *Haas v. Switzerland* (№ 31322/07)¹⁸).

В целом зарубежные (национальные) судебные органы также стараются уйти от прямого использования морально-этических норм и установок. Но достаточно распространены случаи, когда суды, не ссылаясь прямо на соответствующие моральные и этические принципы, тем не менее фактически применяли их. В частности, с учетом таких принципов (и даже с акцентом на них) осуществлялась оценка медицинской информации в деле, а также оценивалась так называемая общепринятая медицинская практика (*accepted good practice*). Например, по делам о возможности поддержания жизни у неизлечимо больных пациентов, находящихся в вегетативном состоянии, учитывался, помимо указанного, и тот факт, что продолжение медицинских манипуляций приводит к унижению ценности человеческого достоинства и личной неприкосновенности¹⁹. В других случаях учитывалось, что будущая жизнь пациента может считаться для него невыносимой, учитывая боль, страдания и качество жизни, если она будет продлена²⁰.

Резюмируя, отметим, что представленная правотворческая и правоприменительная практика свидетельствует о тесном переплетении права и морали, дополняющих друг друга в процессе социального регулирования. Морально-этические нормы могут выполнять как функцию каркаса правового регулирования, так и выступать субсидиарным механизмом регулятивного воздействия. Но при таком тесном взаимодействии право и мораль не взаимопоглощаются и не теряют своей самостоятельности. Как правило, они имеют схожий вектор социального воздействия, но это не исключает конфликтов

¹⁷ *Koch v. Germany* (№ 497/09). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-112282> (дата обращения: 25 ноября 2022).

¹⁸ *Haas v. Switzerland* (№ 31322/07). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-102940> (дата обращения: 25 ноября 2022).

¹⁹ См. напр.: *Airedale NHS Trust v Bland* [1993] AC 789. URL: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1993/17.html> (дата обращения: 25 ноября 2022).

²⁰ См., напр.: *Re J (A Minor) (Wardship: Medical Treatment)* [1991] 1 Fam. 33. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/11648313/> (дата обращения: 25 ноября 2022).

правового и морального регулирования. Эти регулятивные системы в рамках одних и тех же отношений имеют (каждая) свою сферу приложения и соответствующие этой сфере средства и механизмы регуляторного воздействия. По этой причине невозможно замещение морального регулятора правовым и наоборот. Последнее справедливо как в целом для системы общественных отношений, так и для отдельных ее составляющих. Однако следует признать, что гарантировать недопустимость «ситуационной подмены» и минимизацию правозащитных рисков на должном уровне призван именно механизм правового регулирования.

Анализ и оценка правового потенциала при разрешении морально-этических конфликтов в сфере обеспечения субъективных прав личности

Взаимодействие права и морали отражается и в проблемном аспекте: духовный кризис, неразрешенность моральных противоречий во многом обуславливает негативные процессы и в праве, и в политике, что было обозначено во многих правовых и социологических исследованиях [Цыбулевская, 2004]. В современном неоднородном социуме, как на межгосударственном, так и на национальном уровне, столкнулись разные представления о мире – основанные на «традиционных» ценностях, и постмодернистские, провоцирующие отказ от ранее устоявшихся моральных ориентиров, авторитетов. Это ознаменовало появление целого ряда морально-этических конфликтов, как и противоречивое переустройство общественных отношений.

Ряд зарубежных исследователей вполне обоснованно в качестве одного из факторов, обуславливающих эти процессы, называют «беспрецедентное богатство, накопленное в развитых обществах в прошлом поколении, в результате чего беспрецедентная доля населения выросла, считая выживание само собой разумеющимся. Таким образом, приоритеты населения сместились с экономической и физической безопасности», которые, как представляется, во многом обеспечивались принадлежностью к крупному коллективу (народу, нации, общине, государству), «на личное благополучие, самовыражение и качество жизни. Теперь первостепенное внимание уделяется защите окружающей среды, терпимости к разнообразию и растущим требованиям участия в принятии решений как в своей жизни, так и в экономической и политической жизни в целом» [Knill, Fernández-i-Marín, Budde, Heichel, 2020], защите собственных, индивидуальных интересов в противовес общественным.

Характеризуя все более завоевывающее позиции в современном обществе постмодернистское мировоззрение, современные российские философы отмечают, что оно «связано с отказом от модели разумного, самоосновного, автономного человека, свободного в рамках выбора разумной необходимости; с признанием того факта, что никакой изначальной природы, сущности, нормы у человека нет; человек – продукт подчинения/сопротивления экономическим, социальным, политическим, идеологическим, культурным практикам, формам нормализации. В результате неотъемлемыми характеристиками перехода к постмодерну становятся: рост личной свободы в неразрывной взаимосвязи с ростом неопределённости и незащищённости; неукоренённость, неспособность контролировать внешние обстоятельства, прогнозировать будущее; отсутствие глобальных смысложизненных целей как у человека, так и у человечества; превалирование краткосрочных и среднесрочных планов над долговременными; разрушение аутентичности и идентичности личности, выбор в качестве стиля жизни ускользающего бытия, существования "здесь и сейчас"...» [Волков, 2014].

При этом в обществе на определенных уровнях еще достаточно сильны и традиционные, включая религиозные, ценности. Это порождает «конфликт» системы ценностей и морально-нравственных норм, допустимого и недопустимого.

Такая конфликтная проблематика сегодня существует по поводу многих вопросов (в частности, составляющих центральные элементы основных религиозных доктрин),

таких как: начало жизни, право на аборт, использование и исследования стволовых клеток и вспомогательных репродуктивных технологий, степень признания гомосексуализма и однополых союзов на фоне понимания «греха» и нравственной «чистоты», допустимость установления государством тех или иных ограничений частной сферы [Knill, Fernández-i-Marín, Budde, Heichel, 2020].

При этом следует понимать, что право само по себе не способно однозначно разрешить морально-этические проблемы (конфликты), которые возникают в обществе, взяв на себя функцию морального выбора (в отличие, к примеру, от религиозных норм, многие из которых лежат в основе современных моральных предписаний).

Так, весьма спорными оказались ряд попыток прямого введения моральных предписаний в право (закон). Многие такие нормы оказались слишком общими, не смогли получить адекватного правового механизма обеспечения и, как результат, стали декларативными, то есть фактически не влияющими на поведение участников отношений (недействующими). В других случаях актуализировались риски их произвольного толкования, которое часто оказывалось способно нивелировать саму суть такого предписания. В данной связи заслуживает внимания позиция Конституционного Суда России, которую он впоследствии неоднократно поддерживал: «чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения»²¹. Однако признать такой «посыл» законодателю универсальным, применимым к любому государству, все же нельзя. Как не представляется возможным в точности его исполнить.

В свою очередь правоприменение, во многом обусловленное основополагающими морально-этическими ценностями общества, проявляющимися, например, на уровне внутреннего усмотрения должностного лица, в то же время базируется преимущественно на законе, нуждается в конкретных законодательных формулировках и пределах. Так, даже в правовых системах, где функции судебных органов воспринимаются достаточно широко и зачастую выходят за рамки правосудия, включая право легально истолковать, оценить законность, выявить смысл принятого закона и таким образом даже видоизменить его, наиболее авторитетные судебные инстанции подчеркивают, что «формулирование необходимой широкой социальной и моральной политики, предрешение способа разрешения морально-нравственных конфликтов – это предприятие, на которое у судов нет ни средств, ни права»²². Аналогичная позиция прослеживается и в решениях международных судов (например, п. 84 DECISION *Nicklinson & Lamb v United Kingdom* 2478/15 [2015] ECHR 709²³).

В то же время игнорирование в процессе правового регулирования морально-этической составляющей, как и стремление при разрешении конкретных споров передать это бремя сторонним субъектам, ограничившись формальным подходом, оказалось весьма опасно для общества, например, в таких «чувствительных» сферах социальных отношений, как медицина и образование.

²¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова: постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30247.pdf> (дата обращения: 2 декабря 2022).

²² *Airedale NHS Trust v Bland* [1993] AC 789. URL: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1993/17.html> (дата обращения: 25 ноября 2022).

²³ См.: *Nicklinson & Lamb v United Kingdom* 2478/15 [2015] ECHR 709. URL: <http://www.bailii.org/eu/cases/ECHR/2015/709.html> (дата обращения: 25 ноября 2022).

Как справедливо отмечается в научной литературе, нормативные правовые акты в области прав человека при их формальной трактовке без учета морально-этической составляющей оказываются неспособны разрешить глубоко укоренившиеся моральные споры, да и в целом обеспечить так необходимый для правового регулирования социальный компромисс, к примеру, в таких вопросах, как надлежащее отношение к человеческому эмбриону, нормирование и приоритетность оказания медицинских услуг и др. Сугубо юридический характер их разрешения, напротив, усугубляет (обостряет) такие споры, меняя их существо. В итоге моральная дилемма становится исключительно проблемой обеспечения субъективного права в том виде, в котором желает конкретный субъект (как правило, правоприменения), а медицинская деятельность, образование, воспринимаются на уровне обычных коммерческих услуг, рыночного блага [Montgomery, 2006], в результате теряя свою социальную сущность и назначение; происходит деморализация и субъектов профессионального сообщества.

Анализируя практику высшестоящих судебных инстанций Великобритании, исследователи также отмечают, что суды неоднократно демонстрировали нежелание разрешать вопросы, связанные с принципами и порядком нормирования в области оказания медицинских услуг, применяли формальный подход по вопросу о так называемом информированном согласии пациента, игнорируя фактическую его вынужденность в виду отсутствия у пациента специальных познаний, исходили из позиции невмешательства, презумпции обоснованности и истинности решений медицинских работников (например, дело *Bolam v Friern Hospital Management Committee* [1957] 1 W²⁴), отказывались признавать законное право пациента на конкретное лечение, ссылаясь на текущую медицинскую практику, установленную самими же медицинскими работниками, что позволяло медицинским организациям снижать уровень предоставляемых пациенту гарантий, допускать прямые нарушения законодательства в отсутствие должного контроля. Можно согласиться и с тем, что вытеснение моральных аргументов в пользу формальных юридических прав не учитывает целый ряд факторов [Montgomery, 2006], в результате чего невозможно обеспечить сбалансированное правовое регулирование. В то же время видится, что причина была не только в игнорировании судами морального аспекта проблемы, но и в нежелании применять правовые процедуры проверки законности и обоснованности таких решений, что и приводило к невозможности граждан защитить свои права, противодействовать злоупотреблениям при оказании медицинских услуг.

Этой же позиции придерживался и судья Верховного суда Южной Австралии в одном из широко известных прецедентов, который, оценивая так называемую одобренную профессиональную практику, установил, что она может развиваться в профессиях не потому, что служит интересам клиентов, а потому, что защищает интересы или удобство представителей профессии. Суд же обязан тщательно изучать профессиональную практику, дабы убедиться, что она соответствует стандарту разумности, установленному законом. «Главный вопрос, однако, заключается не в том, соответствует ли поведение обвиняемого практике его профессии или какой-либо ее части, а в том, соответствует ли оно стандарту разумной осторожности, требуемому законом. Это вопрос к суду, и обязанность решать его не может быть передана какой-либо профессии или группе в сообществе...» (дело *F v R* [1983] SASC 6588²⁵).

Указанный подход контекстно поддерживают и некоторые исследователи, которые справедливо отмечают, что при регулировании общественно значимых вопросов, имею-

²⁴ *Bolam v Friern Hospital Management Committee* [1957] 1 W. URL: <https://imlindia.com/downloads/Bolam.v.Friern.Hospital.Management.Committee.pdf> (дата обращения: 25 ноября 2022).

²⁵ *F. & Anor v R* [1983] SASC 6588. URL: [http://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/sa/SASC/1983/6588.html?context=1;query=F%20v%20R%20\(1983\)%20%20%20;mask_path=](http://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/sa/SASC/1983/6588.html?context=1;query=F%20v%20R%20(1983)%20%20%20;mask_path=) (дата обращения: 25 ноября 2022).

щих моральный аспект, именно закон, несмотря на все имеющееся проблемы правового регулирования, должен быть главным (окончательным) «арбитром» [Foster, Miola, 2015].

В зарубежной научной литературе неоднократно отмечалась асимметрия между законодательными нормами, правилами «формальных» (государственных) институтов и неписаными, но разделяемыми обществом нормами, так называемой общественной моралью. Исследователи отмечают, что «общество дает моральную оценку справедливости официальных норм, и от этого во многом зависит уровень их соблюдения» [Williams, Horodnic, 2016]. При этом и сама общественная мораль не так однозначна: она включает в себя морально-этические представления различных групп, которые по отдельным вопросам не совпадают. В итоге повышается значимость права как средства социального компромисса, что обуславливает необходимость выработки адекватных форм отражения морально-этического аспекта в праве.

Для решения обозначенных проблем необходимо обеспечить взаимодействие права и иных социальных норм, а соответственно, государства и других социальных институтов – при правовом регулировании. Однако существующие внутри (гражданского) общества структуры (например, церковь, общественные объединения, иные коллективные и индивидуальные субъекты), участвующие в поддержании стабильности внутренней организации социума, обеспечении устойчивости традиционных норм и ценностных ориентаций и выработке новых, формировании баланса социальных интересов, часто намеренно «гасят» или «не замечают» возникающие противоречия, сдерживают, сворачивают дискуссии по этому поводу [Knill, Fernández-i-Marín, Budde, Heichel, 2020]. Такая практика «загоняет проблему вглубь», не способствует ее «переживанию», анализу, выработке той или иной социально приемлемой формы разрешения. Участники многих профессиональных сообществ, где морально-этические конфликты проявляют себя, тоже не всегда ведут себя добросовестно, руководствуясь сугубо корпоративным интересом, в результате теряют общественное доверие, не могут выполнять свою функцию в выработке компромисса.

Ситуация осложняется и часто стихийном выходом неразрешенных обществом моральных дилемм в еще незрелом виде в сферу политики [Knill, Fernández-i-Marín, Budde, Heichel, 2020], где они становятся частью «политической игры» и в конце концов получают часто непродуманное, неожиданное даже для самих политических субъектов правовое выражение, особенно в условиях снижения критичности суждений в политическом пространстве современного общества, где сильны постмодернистские ценности. Результаты могут быть неоднозначными, но, как правило, имеют негативный характер: от повышения политического рейтинга отдельных акторов за счет манипулирования общественным мнением до принятия законов, подрывающих устои общественного строя, а в отдельных случаях, нивелирующих конституционно опосредованные ценности, принципы, цели, гарантии.

Заключение

Подводя итоги, приходим к выводу, что право способно относительно эффективно урегулировать общественные отношения, в том числе с морально-этической составляющей, когда спорные вопросы уже получили в социуме более или менее однозначное разрешение; этот процесс не может быть спонтанным. Причем правовое регулирование, скорее всего, будет осуществляться лишь на наиболее высоком (общем) уровне, что не предполагает освобождения участников конкретных отношений от необходимости личного морального выбора, проявления свободы воли, осознания ответственности за свой выбор. Морально-этические (морально-нравственные) нормы должны иметь субсидиарный (по отношению к правовым установлениям), но не факультативный и не альтернативный характер. Их нельзя игнорировать. При этом именно право призвано сформировать рациональные гарантии учета моральной составляющей при регламентации общественных отношений.

Представляется, наиболее подходящими для достижения этой цели правовыми инструментами являются: принципы права (уже устоявшиеся или вновь сформулированные, вплоть до их законодательного закрепления); уже знакомый и активно используемый судебными органами многих стран метод закрепления правовых приоритетов и ценностей посредством их допустимой интерпретации в процессе правоприменения; критериальный подход (закрепление критериев принятия правовых решений по «моральным» вопросам, к примеру, по аналогии с рядом так называемых «обязательных» прецедентов вышестоящих судов в англосаксонских правовых системах), либо посредством прямой формализации в законе). При таком достаточно общем уровне правовой регламентации правоприменение при разрешении конкретных правовых ситуаций должно осуществляться в соответствии со всеми базовыми правовыми принципами, моральными, нравственными, этическими установками и в рамках закона (в пределах усмотрения, определяемых законом). В отдельных случаях для обеспечения единообразия (чего требует и стабильность правового регулирования, и базовый принцип справедливости) при разрешении правовых споров уполномоченным субъектам придется принимать и принципиальные, вполне конкретные юридически значимые решения.

В данной связи следует согласиться с мнением исследователей о необходимости использования интегрированной модели соотношения права и морали. Способ достижения такой интеграции видится в правовой регламентации (законотворчестве), которому может предшествовать организация широкого общественного обсуждения, например, в рамках специально создаваемых или постоянно действующих профильных общественных структур, включающих не только членов соответствующих профессиональных сообществ, но и так называемых «непрофессионалов» из числа иных заинтересованных представителей гражданского общества.

Для отечественной правотворческой практики можно обозначить приоритетным закрепление на уровне базовых (рамочных) федеральных законов морально-этических критериев оценки (законодательных) положений с целью полноценной и эффективной реализации последних в конкретных правоотношениях, в том числе в форме правоприменения. При этом указанные критерии должны не только иметь системный характер, то есть применяться единовременно и в полном составе, но и опираться на общепризнанные, конституционно опосредованные правовые принципы, такие, как приоритет личности, ее прав и свобод, справедливость, равноправие, гуманность и другие.

Список литературы

- Алиева М.Н. 2006. Нравственность как объект конституционно-правовой защиты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 30 с.
- Волков В.Н. 2014. Постмодерн и его основные характеристики. Культурное наследие России, 2: 3–8.
- Новикова А.Е. 2020. Категории правозащитного ряда в ежегодных посланиях Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 45(3): 542–549. DOI 10.18413/2712-746X-2020-44-3-542-549.
- Новикова А.Е. 2021. Научно-презентационная модель конституционной теории правозащитных рисков. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 46(3): 553–560. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-553-560.
- Цыбулевская О.И. 2004. Нравственные основания современного российского права: дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 430 с.
- Чалых И.С. 2022. Правовое значение и потенциал морально-нравственных категорий в Конституции России. *Вестник. Государство и право*, 2(33): 34–39.

- Coleman J.L. 2007. Beyond the Separability Thesis: Moral Semantics and the Methodology of Jurisprudence. *Oxford Journal of Legal Studies*, 27(4): 581–608. URL: <https://doi.org/10.1093/ojls/gqm014>.
- Foster C., Miola J. 2015. Who's in Charge? The Relationship between medical Law, medical Ethics and medical Morality? *Medical Law Review*, 23(4): 505–530. URL: <https://doi.org/10.1093/medlaw/fwv004> (дата доступа: 12.07.2021).
- Knill C., Fernández-i-Marín X., Budde E., Heichel S. 2020. Religious tides: The time-variant effect of religion on morality policies. *Regulation & Governance*, 14(2): 256–270.
- Montgomery J. 2006. Law and the demoralisation of medicine. *Legal Studies*, 26(2): 185–210. DOI: 10.1111/j.1748-121X.2006.00004.x.
- Williams C.C., Horodnic I.A. 2016. An institutional theory of the informal economy: some lessons from the United Kingdom. *International Journal of Social Economics*, 43(7): 722–738. URL: <https://doi.org/10.1108/IJSE-12-2014-0256>.

References

- Alieva M.N. 2006. Nравstvennost' kak ob"ekt konstitucionno-pravovoj zashchity [Morality as an object of constitutional and legal protection]: abstract of the diss. ... candidate of legal sciences. *Mahachkala*, 30 p.
- Volkov V.N. 2014. Postmodern i ego osnovnye harakteristiki [Postmodern and its main characteristics]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*, 2: 3–8.
- Novikova A.E. 2020. Categories of the human rights series in the annual messages of the President to the Federal Assembly Russian Federation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 45(3): 542–549 (in Russian). DOI: 10.18413/2712-746X-2020-44-3-542-549
- Novikova A.E. 2021 Scientific Presentation Model of the Constitutional Theory of Human Rights Risks. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series*, 46(3): 553–560 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-553-560
- Cybulevskaya O.I. 2004. Nравstvennye osnovaniya sovremennogo rossijskogo prava [Moral foundations of modern Russian law]: diss. ... doctors of law. sciences'. *Saratov*, 430 p. (in Russian)
- Chalykh I.S. 2022. Pravovoe znachenie i potencial moral'no-nравstvennykh kategorij v Konstitucii Rossii [Legal meaning and potential of moral categories in the Constitution of Russia]. *Vestnik. Gosudarstvo i pravo*, 2(33): 34–39.
- Coleman J.L. 2007. Beyond the Separability Thesis: Moral Semantics and the Methodology of Jurisprudence. *Oxford Journal of Legal Studies*, 27(4): 581–608. URL: <https://doi.org/10.1093/ojls/gqm014>.
- Foster C., Miola J. 2015. Who's in Charge? The Relationship between medical Law, medical Ethics and medical Morality? *Medical Law Review*, 23(4): 505–530. URL: <https://doi.org/10.1093/medlaw/fwv004>
- Knill C., Fernández-i-Marín X., Budde E., Heichel S. 2020. Religious tides: The time-variant effect of religion on morality policies. *Regulation & Governance*, 14(2): 256–270. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/rego.12203>.
- Montgomery J. 2006. Law and the demoralisation of medicine. *Legal Studies*, 26(2): 185–210. DOI:10.1111/j.1748-121X.2006.00004.x.
- Williams C.C., Horodnic I.A. 2016. An institutional theory of the informal economy: some lessons from the United Kingdom. *International Journal of Social Economics*, 43(7): 722–738. URL: <https://doi.org/10.1108/IJSE-12-2014-0256>.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 01.12.2022

Received December 01, 2022

Поступила после рецензирования 14.12.2022

Revised December 14, 2022

Принята к публикации 19.12.2022

Accepted December 19, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванова Ольга Святославовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия

 [ORCID 0000-0003-4530-3235](https://orcid.org/0000-0003-4530-3235)

Чалых Ирина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия

 [ORCID 0000-0002-7854-0475](https://orcid.org/0000-0002-7854-0475)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga S. Ivanova, Candidate of Juridical sciences, Associate Professor of the Department of State Legal Disciplines, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

 [ORCID 0000-0003-4530-3235](https://orcid.org/0000-0003-4530-3235)

Irina S. Chalykh, Candidate of Juridical sciences, Head of the Department of State Legal Disciplines, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

 [ORCID 0000-0002-7854-0475](https://orcid.org/0000-0002-7854-0475)

УДК 351.74

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-64-72

Правовые основы обеспечения уездной полицейской стражи Российской империи вооружением (на примере Воронежской губернии)

Ситников К.А.

Воронежский институт МВД России,
Россия, 394065, Воронежская область, г. Воронеж, пр. Патриотов, д. 53
E-mail: kirillsa@mail.ru

Аннотация. С момента создания института уездной полицейской стражи руководство МВД Российской империи уделяло особое внимание вопросам правового регулирования обеспечения чинов данного правоохранительного института холодным и огнестрельным оружием. Обуславливалось это, с одной стороны, характером обязанностей, традиционно возлагаемых на сотрудников полиции, а с другой, сложившимися в начале XX века условиями социально-политической нестабильности в государстве. Вместе с тем отмеченная проблематика до сих пор остается малоизученной в отечественной историко-правовой науке. Автором предпринимается попытка по формированию целостного научного представления о развитии и основных проблемах правового регулирования обеспечения вооружением одного из самых многочисленных правоохранительных институтов государства в исследуемый период. В работе отмечена особая роль Комиссии под председательством командующего Отдельным корпусом жандармов В.А. Дедюлина 1906 года в процессе формирования необходимой нормативной правовой базы. Показана взаимосвязь между недофинансированием МВД Российской империи и особенностями нормативного правового регулирования деятельности уездной полиции. В завершение приводится авторская периодизация развития правовых основ обеспечения вооружением полицейской стражи.

Ключевые слова: уездная полиция; полицейская стража; циркуляры; огнестрельное оружие; боеприпасы; холодное оружие

Для цитирования: Ситников К.А. 2023. Правовые основы обеспечения уездной полицейской стражи Российской империи вооружением (на примере Воронежской губернии). NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 48(1): 64–72. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-64-72

The Legal Basis for Providing the County Police Guards of the Russian Empire with Weapons (On the Example of the Voronezh Province)

Kirill A. Sitnikov

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
53 Patriotov Ave, Voronezh 394065, Russian Federation
E-mail: kirillsa@mail.ru

Abstract. Since the establishment of the institute of the county police guard, the leadership of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire has paid special attention to the issues of legal regulation of providing the ranks of this law enforcement institute with cold and firearms. This was caused, on the one hand, by the nature of the duties traditionally assigned to police officers, and on the other, by the conditions of socio-political instability in the state that developed at the beginning of the XX century. At the same time, the mentioned problems still remain poorly studied in the national historical and legal science. The chosen research topic is also updated in view of the upcoming one

hundred and twenty-year anniversary of the establishment of the district police guard of the Russian Empire. The purpose of this study is to form a holistic scientific understanding of the development and main problems of legal regulation of the provision of weapons to one of the most numerous law enforcement institutions of the state in the period under study. The paper notes the special role of the Commission chaired by the commander of a Separate corps of Gendarmes V.A. Dedyulin in 1906 in the process of forming the necessary regulatory framework. The relationship between the underfunding of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire and the peculiarities of the regulatory legal regulation of the activities of the county police is shown. In conclusion, the author's periodization of the development of the legal basis for providing police guards with weapons is given.

Keywords: county police; police guards; circulars; firearms; ammunition; edged weapons

For citation: Sitnikov K.A. 2023. The Legal Basis for Providing the County Police Guards of the Russian Empire with Weapons (On the Example of the Voronezh Province). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 64–72 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-64-72

Введение

Институт уездной полицейской стражи был учрежден в 46 губерниях Российской империи на основании Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 5 мая 1903 г.²⁶ Структурно новый компонент местной полиции состоял из урядников²⁷ и стражников [Невский, 2019].

Сущностная характеристика полицейских обязанностей предопределяла необходимость особого внимания к обеспечению служащих соответствующим вооружением [Ахмедов, 2019], без которого эффективное выполнение многообразных задач по противодействию преступности, охране общественного порядка и объектов особой социальной и государственной значимости не представлялось возможным [Нижник и др., 2020; Воронцов и др., 2015; Степанова, 2012; Якушев, 2010]. Особенно актуальным данный тезис представляется в отношении находившихся в «непосредственном соприкосновении» с населением чинов уездной полицейской стражи.

Несмотря на очевидные успехи в развитии современной историографии проблем развития отечественных органов внутренних дел [Нахимов и др., 2019], вопросы, связанные с нормативным правовым регулированием обеспечения вооружением полицейской стражи как одного из самых многочисленных правоохранительных институтов Российской империи, до сих пор в достаточной мере не получали должного внимания.

Целью настоящего исследования является выявление общих тенденций правового регулирования обеспечения огнестрельным и холодным оружием (а также боеприпасами) уездной полицейской стражи Российской империи в 1903–1917 года на основе метода периодизации [Гутарова, 2011; Трикоз, 2014], позволяющего, по нашему мнению, сформировать наиболее полное научное представление об изучаемом предмете.

Развитие нормативного правового регулирования обеспечения огнестрельным и холодным оружием, а также боеприпасами уездной полицейской стражи

Согласно закону об учреждении полицейской стражи урядники вооружались за счет казны шашками и револьверами, а стражники – только шашками с сохранением возможности приобретения аналогичного огнестрельного оружия на собственные денежные средства²⁸. Последовавший вскоре очередной виток ухудшения внутрисполитической си-

²⁶ ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 23. Отд. I, № 22906.

²⁷ Институт которых уже полноценно функционировал с 1878 года. См.: ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 53. Ч. 1, № 58561.

²⁸ ПСЗРИ. Собр. 3-е. Т. 23. Отд. I, № 22906.

туації [Ситников, 2022], виразившийся в Первой русской революции, обусловил целесообразность обеспечения правоохранителей дополнительным вооружением: в соответствии с Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 29 декабря 1905 г. «О введении полицейской стражи во всех губерниях, управляемых по Общему Учреждению» стражники (поскольку именно они, в отличие от урядников, применялись в качестве инструмента силового противодействия массовым волнениям), как пешие, так и конные, вооружались еще и винтовками. Первоначально это были четырехлинейные винтовки системы Бердана (п. 5 ст. 2) ²⁹. Некоторое исключение делалось для команд стражи, комплектовавшихся отставными или льготными казаками одного из казачьих войск: за последними, согласно разъяснениям циркуляра МВД по делам полицейской стражи от 22.12.1906 № 74, закреплялось право сохранения «обычного для них... вооружения» ³⁰.

В дальнейшем Министерство внутренних дел неоднократно предпринимало меры по совершенствованию качества вооружения стражи. Особое внимание данному направлению стало уделяться с 1906 года, когда высочайшее заведывание строевой частью правоохранительного института было возложено на чинов Отдельного корпуса жандармов (далее – ОКЖ) ³¹ [Ситников, 2022]. Так, вступив в должность губернского инспектора полицейской стражи, начальник Воронежского губернского жандармского управления В.З. Тархов отношениями от 28.03.1906 № 1–12 запросил у уездных исправников исчерпывающую информацию о вверенных им подразделениях, в том числе получены ли винтовки, шашки, револьверы и патроны, а также где и в каком порядке они хранятся ³². Копия краткой заметки о заседаниях, состоявшихся 17–19 апреля 1906 года, свидетельствует о том, что вся стража региона имела «должное вооружение», за исключением ременных принадлежностей. В большинстве уездов склад патронов находился при полицейских управлениях, остальные же – у станových приставов для выдачи служащим по мере необходимости в количестве от 5 до 20 шт. ³³

Дефицит финансирования существенно сказывался на данном аспекте материального обеспечения правоохранительного института, а потому значительная часть циркуляров Департамента полиции была посвящена попыткам ведомства разрешить данную ситуацию. Так, 17.04.1906 ведомство отмечало, что некоторые губернии в течение трех лет так и не получили должного количества вооружения и боеприпасов, в связи с чем испрашивалась информация из регионов о такой недостатке. Аналогичным образом сведения о драгунских и казачьих винтовках собирались Циркуляром МВД по делам полицейской стражи от 02.06.1906 № 26 ³⁴. Циркуляром от 01.05.1906 № 15 губернаторы были извещены об отсутствии в Главном артиллерийском управлении ³⁵ запасов четырехлинейных кавалерийских винтовок. Возместить недостаток временно предполагалось трехлинейным оружием ³⁶. Впредь до разрешения данного вопроса надлежало выдавать винтовки лишь тем стражникам, которые в общем строю находились в первой шеренге, находившимся же за ним разрешалось выдать револьверы, «отобранные от населения» ³⁷.

На основании приказа министра внутренних дел весной 1906 года была создана Комиссия «для рассмотрения отчетов лиц, командированных для обозрения полицейской

²⁹ ПСЗ РИ. Собр. 3-е. 1905. Т. 25. Отд. I, № 27166.

³⁰ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 201, л. 187.

³¹ ПСЗ РИ. Собр. 3-е. 1906. Т. 26. Отд. I, № 27418.

³² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 303, л. 1–2.

³³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 303, л. 7–8.

³⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 201, л. 33.

³⁵ Закупки необходимого вооружения и боеприпасов осуществлялись губерниями у Артиллерийских управлений.

³⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 268, л. 19.

³⁷ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 201, л. 22.

стражи в губерниях, по общему положению управляемых»³⁸ под председательством командующего Отдельным корпусом жандармов В.А. Дедюлина [Нахимов и др., 2018]. В результате 13 проведенных заседаний был принят целый комплекс решений системообразующего характера, призванных решить проблемы, обусловленные отмеченным недофинансированием, унифицировать и усовершенствовать организацию деятельности исследуемого звена уездной полиции. Среди прочего особое внимание уделялось «вооружению», «патронам боевым и холостым, величине комплекта», «хранению и осмотру оружия, огнестрельных припасов, порядку и отчетности по их расходованию», а также «порядку содержания чинами стражи... вооружения...»³⁹.

На основе отчетов об инспекциях полицейской стражи для постановки ее вооружения «на надлежащую высоту» были приняты следующие решения⁴⁰:

1. Региональным администрациям приказывалось детально выяснить количество и систему оружия, имевшегося на вооружении пешей уездной и частновладельческой стражи. В случае если некоторые отряды окажутся вооружены винтовками кавалерийского или казачьего образца – передать их конной страже.

Так, по состоянию на май 1907 года на руках у нижних чинов уездной полиции находилось 4,2 млн пехотных винтовок, на складах же оставалась лишь 3 481 винтовка драгунского образца для замены. Воронежская губерния должна была сдать 508 единиц оружия на Киевский артиллерийский склад, взамен полагалось 317 нового⁴¹.

2. Если после осуществлённой замены число кавалерийских винтовок оказалось бы недостаточным – вооружить остальных конных стражников трехлинейными винтовками драгунского образца за счет остатков кредитов, отпущенных на вооружение стражи. Ввиду его возможной недостаточности допускалась рассрочка платежа на 3 года.

3. Впредь до получения нужного количества трехлинейных винтовок было необходимо приступить к приспособлению в ближайших войсковых мастерских имевшегося оружия пехотного образца для носки за спиной.

4. Ввиду отсутствия в отпущенных шашках приспособлений для носки штыка четырехлинейной винтовки и его бесполезности для конных подразделений данный элемент вооружения упразднялся (для пешей стражи – сохранялся). Все штыки требовалось сдать на хранение в управления уездных войсковых начальников или ближайшие войсковые части.

5. Отменялись шашки для пешей стражи. Они сохранялись в небольшом количестве в отрядах для выдачи командироваемым для внеотрядного несения службы без винтовки, а также для тех, кто находился в одиночном порядке в отделе.

6. Разрешенные п. 18 закона от 05.05.1903 собственные револьверы требовалось допускать только в случае их соответствия военному образцу. Такое право получали лишь стражники, обладавшие необходимыми навыками. При увольнении со службы лиц, не имевших свидетельства на право ношения оружия, собственные револьверы требовалось изымать и хранить в полицейских управлениях.

7. Старшие по команде стражники по аналогии с вахмистрами и фельдфебелями строевых частей вооружались шашками и револьверами военного образца.

Проанализировав региональную практику, Комиссия приняла некоторые решения и в отношении боекомплектов⁴².

1. Признавалось достаточным отпускать, как и ранее, по 100 патронов на каждую винтовку.

³⁸ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 268, л. 67.

³⁹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 268, л. 176–178.

⁴⁰ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 268, л. 176 об. – 177.

⁴¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 268, л. 130–131.

⁴² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 268, л. 177, 177 об.

2. Дополнительно устанавливалось нормирование выдачи винтовочных патронов «на руки» ввиду выявленного разнообразия подходов в империи:

а) одному человеку под его личную ответственность отводилась 1 пачка (5–6 патронов);
б) в казармах должны были храниться по 30 патронов на одного человека;
в) остальное могло содержаться в качестве губернского или уездного запаса по решению местного руководства при воинских частях или управлениях уездных воинских начальников;

д) для стражников, служащих в отделах, количество выдаваемых патронов определялось по решению руководства с учетом конкретных условий несения службы.

В последующем данное решение было согласовано с Военным министром, о чем свидетельствует Циркуляр МВД по делам полицейской стражи от 12.07.1906 № 41. Кроме того, отмечалось: в соответствии с заключениями командующих войсками в округах право определять порядок хранения боевых патронов, отпущенных для полицейской стражи, в пунктах, где имеются гарнизоны, предоставлялось их начальникам; в пунктах без гарнизонов боеприпасы требовалось сдавать в управления воинских начальников для хранения вместе с боекомплектом для ратников государственного ополчения⁴³. Нормы данного правового акта в дальнейшем были дополнены циркуляром от 19.07.1907 № 20: «при всяких командировках» (и обходах) нижних чинов уездной полиции им на руки требовалось выдавать не менее 30 патронов⁴⁴.

3. Холостые патроны «признавалось желательным» покупать за счет остатков от содержания стражи в качестве учебного пособия.

4. Число револьверных патронов для урядников и стражников ограничивалось пятикратным числом помещавшихся в барабан револьвера.

Помимо вышеуказанного Комиссией было признано целесообразным достаточно подробно регламентировать порядок хранения и осмотра оружия, боеприпасов, порядок и отчетность по их расходованию⁴⁵.

1. Оружие и боеприпасы, находившиеся на руках, должны были всегда храниться при служащем на его личной ответственности в полной исправности.

2. За порядок хранения и состояние оружия и патронов в отряде ответственность несли старшие стражники, общую ответственность – офицеры стражи, становые приставы и исправники.

3. При казарменном размещении стражи оружие требовалось хранить в пирамидах под замком (ключ – у старшего или его заместителя), а при одиночном – в помещениях стражников.

4. Оставления оружия и патронов без охраны не допускалось.

5. Вызываемые для подавления беспорядков отряды конной стражи должны были выходить с винтовками, шашками и полным комплектом патронов (30–35 шт.). Отряды пешей стражи – с винтовками и аналогичным боекомплектом. Отдельные стражники при несении службы вооружались в зависимости от специфики возлагаемых обязанностей по решению лица, готовившего наряд.

6. В остальных отношениях стражники должны были соблюдать положения войскового Наставления для обучения стрельбе 1884 года [Наставление, 1884].

Устанавливалась и необходимость ведения строгой отчетности по расходованию патронов. Соответствующие записи должен был вести каждый стражник в своей записной книжке, а по израсходовании боеприпасов – обращаться к старшему, отмечавшему там же факт выдачи новых патронов. Помимо этого, старший стражник должен был вести «Приходно-расходную тетрадь огнестрельных припасов команды», а исправник в центральном

⁴³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 201, л. 53.

⁴⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 201, л. 209.

⁴⁵ ГАВО, Ф. И-1. Оп. 2. Д. 268, л. 177 об.

месте хранения уездных запасов – «Приходно-расходную тетрадь огнестрельных припасов». На инспектирующих стражу лиц возлагалась обязанность строгой проверки количества патронов по книгам с фактическим их состоянием. Уездный и губернский запасы патронов указывалось хранить при управлении уездного воинского начальника или в патронном погребе квартирующей войсковой части. Право требования патронов принадлежало исправнику или исполнявшему его обязанности лицу⁴⁶.

Таким образом, наряду с законоположениями 1903 и 1905 гг., принятые Комиссией правила стали основой нормативного-правового регулирования обеспечения полицейской стражи Российской империи вооружением (в том числе боеприпасами). При этом все требования, на наш взгляд, исходили из двух базовых посылок. Во-первых, решение сложившихся проблем должно было учитывать существенную ограниченность ведомства в финансировании. Во-вторых, в качестве образца с учетом накопленного опыта полагалось целесообразным использовать правила Военного министерства [Сафронова и др., 2018]. Подобный подход был традиционным для организации полицейской службы, что особенно ясно следует еще из сенатского указа от 17 сентября 1821 г.: «...служба Полицейская сама собою подходит некоторым образом к военной»⁴⁷ [Макорин и др., 2016].

Вместе с тем на этом развитие нормативных правовых основ порядка выдачи, хранения и поддержания в должном состоянии вооружения и боеприпасов полицейской стражи не было завершено. Так, циркуляром МВД по делам полицейской стражи от 26.10.1906 № 65 устанавливался срок службы шашек – 10 лет. Если они приходили в ветхость, то к ним как к негодному имуществу применялась ст. 1489 ч I. т. X Законов Гражданских. Кроме того, перед продажей шашки требовалось перевести в лом с целью недопущения их дальнейшего использования. На ремонт же вооружения полицейской стражи особой статьи расходов в законодательстве не предусматривалось, поэтому все траты отводились на общие остатки от кредита по содержанию правоохранительного института⁴⁸.

Требовалось и упорядочить отношения, связанные с функционированием частновладельческой стражи. Так, циркуляром МВД по делам полицейской стражи от 22.12.1906 № 75 устанавливался порядок зачисления денег, взыскиваемых за временное пользование казенным оружием, выданным отмеченной категории служащих правопорядка⁴⁹. Циркуляром от 26.03.1907 № 13 от местного руководства «просилось» каждый раз при ходатайстве об отпуске оружия указывать число оружия и патронов, за которое деньги будут уплачены частными лицами⁵⁰.

Поскольку каждая губерния самостоятельно закупала огнестрельное оружие и боеприпасы у артиллерийских управлений, требовалось и создание дополнительных норм, призванных «связать» в данном направлении военную и полицейскую правовые базы. 1 января 1910 года были утверждены изменения в Положение о довольствии войск предметами артиллерийского ведомства. В связи с этим циркуляром Департамента полиции от 02.03.1910 № 13933 сообщалось, что отпуск оружия, запасных частей и прочих принадлежностей для чинов полиции должен производиться по ходатайствам соответствующих губернаторов непосредственно распоряжением начальников артиллерии в округах. В случае передачи данных предметов частным лицам требовалось ходатайство Департамента полиции и распоряжение от Главного артиллерийского управления⁵¹.

Дефицит финансирования обуславливал немалые затруднения и в связи с необходимостью периодического ремонта вооружения. В решении данного вопроса ключевую роль для Воронежской губернии сыграл инспектор полицейской стражи В. З. Тархов, приложивший все усилия для изыскания требуемых денежных средств и заключения соответ-

⁴⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 268, л. 178.

⁴⁷ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. 37, № 28758.

⁴⁸ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 201, л. 82.

⁴⁹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 201, л. 188.

⁵⁰ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 201, л. 200.

⁵¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 201, л. 283.

ствующих договоренностей по производству ремонтных работ с 223-м и 224-м пехотными резервными полками⁵². По той же причине требовалось и повышенное внимание к уходу за вооружением. В связи с этим циркуляром Департамента полиции от 14.06.1910 № 16821 закреплялись обязательность периодических осмотров и выделения стражников для чистки оружия, оставшегося в излишке при расформировании части или всей частновладельческой полицейской стражи, хранившегося в уездных полицейских управлениях или в соответствующих управлениях воинских начальников. Поскольку в ходе инспекций офицерами стражи Воронежской губернии неоднократно выявлялись факты ненадлежащего состояния оружия подчиненных вследствие «крайне небрежного с ним обращения», что неминуемо влекло увеличение расходов из казны, глава региона своим циркуляром № 4475 в сентябре 1910 года «предложил... вменить» старшим стражникам в обязанность контроль за состоянием вооружения. В случае замеченной неисправности они должны были докладывать становому приставу о причинах произошедшего и возможных способах устранения недостатка. Расход же на ремонт взыскивался бы с виновного нижнего чина полиции. Также предусматривался обязательный тщательный осмотр находящегося на балансе оружия перед его выдачей вновь принимаемым на службу⁵³.

В сложившейся обстановке не удивителен тот факт, что реализация некоторых положений Журнала Комиссии, о котором говорилось выше, существенно затянулась: лишь циркуляром Департамента полиции МВД от 25.11.1911 № 19940 было объявлено о начале перевооружения конно-полицейских стражников трехлинейными винтовками казачьего образца или карабинами. Заказывать требующееся оружие предполагалось в Ижевске⁵⁴.

К 1916 году в полицейской страже Воронежской губернии проводилось постепенное перевооружение карабинами японской системы «Арисаки». В ходе инспекции генерал-лейтенант Л.М. Слезкин отметил данные образцы как «подходящие» с учетом одного условия: по возможности требовалось вооружить конницу карабинами, изъяв «совершенно неудобные» винтовки пехотного образца⁵⁵.

Выводы

Несмотря на наблюдающуюся некоторую дискретность в развитии нормативных правовых основ обеспечения вооружением уездной полицейской стражи Российской империи, мы можем выделить следующие этапы данного процесса, позволяющие сформировать научное представление об указанном направлении правового регулирования функционирования одного из самых многочисленных правоохранительных институтов государства в начале XX столетия: 1 этап (1903–1905 гг.) – формирование базовых правовых норм в данной области, обусловленное учреждением уездной полицейской стражи и опиравшееся во многом на нормы «воинского» и «уряднического» законодательства; 2 этап (1906–1907 гг.) – интенсификация нормотворческого процесса в рассматриваемой сфере, связанная с милитаризацией полицейской стражи, переходом ее в подчинение ОКЖ в строевом отношении (особую роль в данном случае сыграла работа, проведенная особой Комиссией под руководством В.А. Дедюлина); 3 этап (1908–1917 гг.), к началу которого правовые основы обеспечения уездной полицейской стражи Российской империи вооружением, на наш взгляд, можно считать преимущественно сформированными; данный период отличался определенным «нормотворческим всплеском» в 1910–1911 г. (что в определенной степени обусловлено накопившимися в результате инспекционных поездок высших чинов ОКЖ сведениями об имеющихся затруднениях и недостатках, а также сформировавшимся опытом за 8 лет функционирования стражи в целом), а завер-

⁵² Оба дислоцировались в г. Воронеже. См.: ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 304, л. 404–411.

⁵³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 268, л. 239.

⁵⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 101, л. 27.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 11. Д. 986, л. 3.

шился революционными событиями и последовавшей ликвидацией уездной полицейской стражи.

Таким образом, исторический опыт функционирования отечественной правоохранительной системы демонстрирует необходимость обеспечения высокого уровня эффективности правового регулирования обеспечения сотрудников полиции вооружением, непосредственно влияющего на степень результативности отправления служащими своих профессиональных обязанностей.

Список литературы

- Ахмедов Ч.Н. 2019. Правовые основы обеспечения вооружением и порядок его применения полицейскими урядниками в России. Российская полиция: три века служения Отечеству. Сборник статей Юбилейной международной научной конференции. В 2-х частях, Москва, 21 декабря 2018 года. Под редакцией В.Л. Кубышко. Часть 1. М.: 141–149.
- Воротнев А.С., Гюев Г.В., Коледов М.В. 2015. Обеспечение вооружением полиции: проблемы и пути их решения. СПб., 140 с.
- Гутарова Н.А. 2011. Применение метода периодизации в теории права: на примере эволюции основных понятий и представлений о праве народов на самоопределение. Северо-Кавказский юридический вестник, 4: 41–46.
- Макорин А.А., Дерешко Б.Ю., Невский С.А. 2016. «Служба полицейская сама собою подходит некоторым образом к военной» (взаимодействие полицейских властей с военным ведомством в Российской империи). Вестник военного права, 3: 47–57.
- Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. 2018. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века. Воронеж, 685 с.
- Нахимов А.П., Кирнос А.В., Колесников В.А. 2019. Отечественная историография профессиональной подготовки нижних чинов уездной полиции в Российской империи как элемент общей историографии Российской полицейстики. Вестник ВИ МВД России, 2: 9–33.
- Невский С.А. 2019. Правовое положение и организационное построение уездной полицейской стражи в Российской империи. Российская полиция: три века служения Отечеству. Сборник статей Юбилейной международной научной конференции. В 2-х частях, Москва, 21 декабря 2018 года. Под редакцией В.Л. Кубышко. Часть 1. М.: 199–212.
- Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. 2020. Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности – субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 4: 750–760.
- Сафронова Е.В., Чибисов С.В. 2018. Развитие военно-уголовного законодательства во второй половине XIX в. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 4: 737–742.
- Ситников К.А. 2022. Правовые основы обеспечения уездной полицейской стражи Российской империи конным составом (на примере Воронежской губернии). *Образование и право*, 11: 376–380.
- Степанова Е.И. 2012. Финансирование и материально-техническое обеспечение уездной полиции Курской губернии в середине XIX – начале XX в. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 1(21): 104–112.
- Триkoz Е.Н. 2014. Периодизация и сравнительно-историческая типология права. Вестник РУДН. Серия: Юридические науки, 2: 132–144.
- Якушев В.А. 2010. Правовые основы материально-технического обеспечения и социальной защиты сотрудников полиции и милиции в Российском государстве, 1718–2009 гг. (историко-правовое исследование). М., 25 с.

References

- Akhmedov Ch.N. 2019. Pravovye osnovy obespechenija vooruzheniem i porjadok ego primenenija policejskimi urjadnikami v Rossii [The legal basis for the provision of weapons and the procedure for its use by police officers in Russia]. *Rossijskaja policija: tri veka sluzhenija Otechestvu. Sbornik statej Jubilejnojj mezhdunarodnojj nauchnojj konferencii. Chast' 1*. M., 141–149.
- Vorotnev A.S., Gioev G.V., Koledov M.V. 2015. Obespechenie vooruzheniem policii: problemy i puti ikh reshenija. [Arming the police: problems and ways to solve them]. SPb., 140 p.
- Gutarova N.A. 2011. Primenenie metoda periodizacii v teorii prava: na primere e`voljucii osnovny`x ponyatij i predstavlenij o prave narodov na samoopredelenie [Application of the periodization

- method in the theory of law: on the example of the evolution of basic concepts and ideas about the right of peoples to self-determination]. Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik, 4: 41–46.
- Makorin A.A., Dereshko B.Ju., Nevskij S.A. 2016. «Sluzhba policejskaja sama soboju podkhodit nekotorym obrazom k voennoj» (vzaimodejstvie policejskikh vlastej s voennym vedomstvom v Rossijskoj imperii). [«The police service itself approaches the military in some way» (interaction of the police authorities with the military department in the Russian Empire)]. Vestnik voennogo prava, 3: 47–57.
- Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. 2018. Professional'naja podgotovka nizhnix chinov uezdnoj policii v Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX veka. Voronezh [Professional training of the lower ranks of the county police in the Russian Empire in the late XIX – early XX century], 685 p.
- Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. 2019. Otechestvennaya istoriografiya professional'noj podgotovki nizhnix chinov uezdnoj policii v Rossijskoj imperii kak element obshhej istoriografii Rossijskoj policeistiki [Domestic historiography of the professional training of the lower ranks of the county police in the Russian Empire as an element of the general historiography of Russian Policeistics]. Vestnik VI MVD Rossii, 2: 9–33.
- Nevskij S.A. 2019. Pravovoe polozhenie i organizacionnoe postroenie uezdnoj policejskoj strazhi v Rossijskoj imperii. [Legal status and organizational structure of the county police guard in the Russian Empire]. Rossijskaja policija: tri veka sluzhenija Otechestvu. Sbornik statej Jubilejnoj mezhduнародnoj nauchnoj konferencii. M., 199–212.
- Nizhnik N.S., Dergileva S.YU. 2020. Policejsko-pravovaya teoriya konca XIX – nachala XX veka o lichnosti – sub"ekte publichno-pravovyh otnoshenij v policejskom gosudarstve. [The police-legal theory of the late XIX – early XX century about the personality – the subject of public-legal relations in the police state]. Nomotnetika: Filosofiya. Sociologiya. Pravo, 4: 750–760.
- Safronova E.V., CHibisov S.V. 2018. Razvitie voenno-ugolovnog zakonodatel'stva vo vtoroj polovine XIX v. [Development of military-criminal legislation in the second half of the XIX century]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo, 4: 737–742.
- Sitnikov K.A. 2022. Pravovye osnovy obespechenija uezdnoj policejskoj strazhi Rossijskoj imperii konnym sostavom (na primere Voronezhskoj gubernii). [The legal basis for providing the county police guard of the Russian Empire with a mounted composition (on the example of the Voronezh province)]. Obrazovanie i pravo, 11: 376–380.
- Stepanova E.I. 2012. Finansirovanie i material'no-tehnicheskoe obespechenie uezdnoj policii Kurskoj gubernii v seredine XIX – nachale XX v. [Financing and logistical support of the district police of Kursk province in the middle of the XIX – early XX century]. Uchenye zapiski. Ehlektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 1(21): 104–112.
- Trikoz E.N. 2014. Periodizaciya i sravnitel'no-istoricheskaya tipologiya prava [Periodization and comparative historical typology of law]. Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki, 2: 132–144.
- Jakushev V.A. 2010. Pravovye osnovy material'no-tehnicheskogo obespechenija i social'noj zashhity sotrudnikov policii i milicii v Rossijskom gosudarstve, 1718–2009 gg. (istoriko-pravovoe issledovanie). [Legal bases of material and technical support and social protection of police and militia officers in the Russian State, 1718–2009. (historical and legal research)]. M., 25 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 21.11.2022

Поступила после рецензирования 07.12.2022

Принята к публикации 12.12.2022

Received November 21, 2022

Revised December 07, 2022

Accepted December 12, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ситников Кирилл Алексеевич, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Воронежский институт МВД России, г. Воронеж, Россия

Kirill A. Sitnikov, Senior Lecturer of the chair of Theory and History of State and Law, Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia

УДК 34.023

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-73-81

Молодежный парламентаризм: тернистый путь обретения правового статуса

Тонков Е.Е. , Хмелевская И.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: etonkov@bsu.edu.ru, khmelevskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. Представлено обоснование позиции авторов по актуальной в современных реалиях проблеме правового регулирования молодёжного парламентаризма как формы представительства прав и законных интересов молодёжи. Рассмотрены ключевые акты, в той или иной мере регулирующие организацию молодёжного парламентаризма в России, в частности Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации», а также Рекомендации по развитию молодёжного парламентаризма в Российской Федерации, утверждённые инструктивным письмом Минобразования России от 24 апреля 2003 года № 2. Проанализированы последние реформы в сфере государственной молодёжной политики с акцентом на непосредственное участие представителей молодёжного сообщества в её реализации. Сделаны выводы об определённом несоответствии имеющейся нормативной правовой базы в области организации молодёжного парламентаризма фактически складывающимся условиям и необходимости её модернизации.

Ключевые слова: молодёжные парламенты, молодёжные правительства, молодёжные избирательные комиссии, правовой статус, закон, государство, государственная молодёжная политика

Для цитирования: Тонков Е.Е., Хмелевская И.Г. 2023. Молодежный парламентаризм: тернистый путь обретения правового статуса. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 48(1): 73–81. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-73-81

Youth Parliamentarism: The Thorny Path of Gaining Legal Status

Evgeniy E. Tonkov , Irina G. Khmelevskaya

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: etonkov@bsu.edu.ru, khmelevskaya@bsu.edu.ru

Abstract. The article presents a substantiation of the authors' position on the problem of legal regulation of youth parliamentarism as a form of representation of the rights and legitimate interests of youth, which is relevant in modern realities. It examines the key acts regulating the organization of youth parliamentarism in Russia, in particular, the Federal Law 489-FZ, dated 30 Dec. 2020, «On youth policy in the Russian Federation», as well as Recommendations for the development of youth parliamentarism in the Russian Federation, approved by a letter of instruction from the Ministry of Education of Russia No. 2, dated 24 Apr. 2003. The authors analyze the latest reforms in the field of state youth policy with an emphasis on the direct participation of representatives of the youth community in its implementation. Conclusions about a certain inconsistency of the existing regulatory legal framework in the field of organizing youth parliamentarism with the actual conditions and the need for its modernization are drawn.

Keywords: youth parliamentarism, youth parliaments, youth governments, youth election commissions, legal status, law, state, state youth policy

For citation: Tonkov E.E., Khmelevskaya I.G. 2023. Youth Parliamentarism: The Thorny Path of Gaining Legal Status. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 73–81 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-73-81

Введение

Проблема законодательного обеспечения молодежной политики является одной из приоритетных в процессе формирования прочного правового фундамента, регулирующего различные сферы деятельности молодёжного сообщества. Все более очевидным становится вывод о том, что перманентное ситуативное изменение вектора направленности молодежной политики в зависимости от субъективных предпочтений различных политических групп, настойчивые попытки использования данной социальной общности для получения сомнительных дивидендов не способствуют достижению значимых позитивных результатов. При этом гармоничное развитие законодательства о молодежной политике невозможно представить и тем более осуществить без учета объективных потребностей общества и государства.

Нормы Конституции Российской Федерации и принятые правовые акты не исчерпывают требуемый объем необходимого юридического сопровождения. С позиции исследователей, законодательная база государственной молодежной политики в Российской Федерации последних лет априори «была лишена целостности, разбросана по различным ведомствам и не соответствовала современной политической и социально-экономической ситуации» [Саенко, 2016, с. 191]. Тем не менее на данный момент молодёжь всё чаще фигурирует в документах стратегического планирования в качестве приоритетной социальной группы, с которой целесообразно взаимодействовать при формировании новых направлений развития отечественной государственности.

Например, в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в рамках достижения цели сбережения народа России и развития человеческого потенциала обозначена, в частности, задача выявления и развития способностей и талантов у детей и молодёжи⁵⁶.

Подобный курс в определенной мере свидетельствует о выборе государством распространённого в науке подхода, согласно которому молодёжная политика должна содействовать «формированию личности, способной к саморазвитию, нацеленной на позитивные действия, имеющей нравственные устои, конкурентоспособной, ответственной, нацеленной на рост благосостояния своей страны, своей семьи» [Верещак и др., 2021, с. 25].

Реформирование и конституционализация отечественной молодёжной политики в контексте последних изменений законодательства: краткий обзор

Идея создания институциональных основ молодёжной политики нашла своё отражение в ряде нормативных правовых актов, в том числе и в Конституции страны. В результате внесения изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования, к предмету совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относятся и «общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодёжной политики»⁵⁷.

⁵⁶ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2022).

⁵⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ). URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.12.2022).

Подчеркнём, что ранее категория «молодёжная политика» на конституционно-правовом уровне в России закреплена не была. Указанное новшество стало, на наш взгляд, своеобразной знаковой предпосылкой для более углубленного подхода к регламентации правового статуса молодёжи.

Вполне объяснимым итогом фиксации в Конституции Российской Федерации названной конструкции стало принятие в 2020 году отдельного акта, устанавливающего основы молодёжной политики – Федерального закона от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (далее – Закон о молодёжной политике). В пояснительной записке к проекту данного федерального закона прямо указывалось, что он «разработан в целях развития положений Конституции Российской Федерации в редакции Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»⁵⁸. Актуальность Закона о молодёжной политике, с точки зрения инициаторов, была обусловлена «необходимостью законодательного определения на федеральном уровне целей, принципов, основных направлений и форм реализации молодёжной политики, а также регулирования отношений, возникающих между субъектами, осуществляющими деятельность в сфере молодёжной политики, при формировании и реализации молодёжной политики в Российской Федерации»⁵⁹. Иными словами, он должен был определить ключевые положения о молодёжной политике в Российской Федерации, выступить в роли системообразующего акта в заданной области, однако на практике вызвал массу вопросов.

Ещё находясь в статусе законопроекта, Закон о молодёжной политике получил критическую оценку со стороны экспертного сообщества. Группой учёных (преимущественно социологов) было направлено открытое письмо Президенту Российской Федерации В. В. Путину с просьбой отложить его принятие и продолжить доработку с учетом научной экспертизы и публичных слушаний, что активно обсуждалось и в средствах массовой информации⁶⁰. По утверждению авторов письма, документ характеризовался декларативностью и бессистемным характером, социальной, юридической и финансовой несостоятельностью⁶¹. Однако, несмотря на проявленное научным сообществом беспокойство, закон был принят без каких-либо корректив, предлагаемых в письме и приложенном к нему научно-экспертном заключении. Между тем общество всегда нуждалось в точных и совершенных правовых решениях, в такой правотворческой деятельности органов государства, в результате которой создаются нормы права, правила поведения граждан и организаций. Подобных норм и правил очень не хватало советскому обществу, однако этот нормативно-правовой дефицит был вызван не упущениями в теоретических изысканиях в сфере правотворческой деятельности (таких работ было достаточно), а другими, лежащими за пределами науки причинами.

С точки зрения С.В. Полениной [1996, с. 4], создание законодательных актов является разновидностью правотворчества, и какие бы субъекты ни участвовали в образовании правотворческой политики, она всегда остается политикой государственной, так как в организационном аспекте действие политико-правового фактора законодательной деятель-

⁵⁸ Пояснительная записка к Законопроекту № 993419-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2022).

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См.: Молодежи такой закон не нужен. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4626801> (дата обращения: 12.12.2022).

⁶¹ См.: Открытое письмо ученых «О законопроектах в сфере государственной молодежной политики, принятых Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении 11 ноября 2020 года». URL: http://www.smibpress.ru/prezidentu_rossii-skoi_federacii_v.v-putinu_otkryt.pdf (дата обращения: 12.12.2022).

ности выражается в функционировании различных элементов правовой системы, но в первую очередь системы органов государственной власти.

Государство осуществляет законодательную политику на основе изучения потребностей общества и прогнозного анализа перспектив общественного развития. Ведущим импульсом создания закона или иного нормативного правового акта служит выявленная проблема (социальная ситуация), имеющая значение для определенной группы населения или государства в целом. Не случайно поэтому до настоящего времени сохраняется необходимость внесения в Закон о молодежной политике ряда принципиально важных изменений и дополнений, но рассмотрение такого рода законопроектов перенесено Государственной Думой Федерального собрания Российской Федерации на более поздний срок⁶².

Возвращаясь к упомянутому выше обращению учёных, заметим, что в нём в качестве одного из проблемных моментов обозначается неблагоприятная характеристика рассматриваемого законопроекта как документа без внятной концептуальной основы и системного понятийного аппарата, далекого от научных представлений и имеющих научные разработки в нашей стране и за рубежом⁶³.

Относиться безразлично к подобному виду сентенциям по меньшей мере недопустимо. Это очень опасная тенденция, так как еще Ш. Монтескье [1999, с. 81] предостерегал нас о том, что «есть два рода испорченности: один, когда народ не соблюдает законов; другой, когда он развращается законами; последний недуг неизлечим, ибо причина его кроется в самом лекарстве».

Пробелы и правовые коллизии в регулировании молодёжного парламентаризма

Закон о молодежной политике действительно требует точечной доработки, прежде всего в понятийно-категориальном плане, без чего невозможно его оптимальное применение в практической плоскости – при непосредственном осуществлении различных видов деятельности молодёжного сообщества.

Так, в качестве форм участия молодёжи в реализации молодежной политики закон называет четыре самостоятельных параметра, среди которых:

«1) участие в деятельности консультативных, совещательных и иных органов, созданных при федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, а также при международных организациях;

2) организация, проведение и участие во всероссийских молодежных и международных молодежных форумах, форумах молодежи субъектов Российской Федерации, иных форумах, а также других мероприятиях в области молодежной политики;

3) проведение научно-аналитических исследований по вопросам молодежной политики;

4) подготовка и реализация молодежных инициатив, создание молодежных общественных объединений, формирование органов молодежного самоуправления при органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и их учредительными документами»⁶⁴.

⁶² См.: Законопроект № 164770-8 «О внесении изменения в статью 13 Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения 12.12.2022); Законопроект № 62578-8 «О внесении изменения в статью 6 Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения 12.12.2022).

⁶³ См.: Открытое письмо ученых «О законопроектах в сфере государственной молодежной политики, принятых Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении 11 ноября 2020 года». URL: http://www.smibpress.ru/prezidentu_rossii-skoi_federacii_v.v-putinu_otkryt.pdf (дата обращения: 12.12.2022).

⁶⁴ Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Российская газета. 2021. № 1.

Первая из приведённых форм вызывает особый интерес, так как прямым образом позволяет задействовать молодых людей в протекающих в государстве процессах, привлечь их к решению ряда имеющихся проблем, обеспечить учёт мнения молодёжи как особой социальной группы.

Как таковое участие молодёжи в деятельности консультативных, совещательных и иных структурах, созданных при органах государственной власти, органах местного самоуправления и международных организациях уже традиционно охватывается понятием «молодёжный парламентаризм».

Но в статье 2 Закона о молодёжной политике, посвященной основным понятиям, используемым в акте, подобной дефиниции не содержится. То есть Закон о молодёжной политике, как, впрочем, и другие, относительно недавно изданные в данной сфере акты, не включает указанный термин. Нелогичность такого подхода достаточно убедительно иллюстрирует следующее обстоятельство.

В Проекте Стратегии развития молодёжи Российской Федерации на период до 2025 года, ещё в 2013 году обосновавшем необходимость разработки Закона о молодёжной политике, прямо указывалось, что он «...должен стать базовым федеральным законом, консолидирующим все действующие правовые нормы, касающиеся молодёжной политики, закрепить основные понятия, касающиеся молодёжной политики, до сих пор не закреплённые на уровне федерального законодательства, такие как: молодёжь (молодые граждане) молодая семья, молодой специалист, молодёжный парламентаризм, инфраструктура для молодёжи, молодёжная работа, неформальное молодёжное образование, общественно-значимая деятельность молодёжи»⁶⁵. К сожалению, документ так и остался в статусе проекта, а принятое вместо него Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года» молодёжный парламентаризм как самодостаточную конструкцию фактически проигнорировало⁶⁶.

В целом, сегодня единственным федеральным актом общего характера, регулирующим организацию молодёжного парламентаризма, являются Рекомендации по развитию молодёжного парламентаризма в Российской Федерации (далее – Рекомендации), утверждённые инструктивным письмом Минобразования России от 24 апреля 2003 года № 2.

Рекомендации позиционируют молодёжный парламентаризм как «систему представления прав и законных интересов молодёжи как особой социальной группы, основанную на создании и функционировании при органах государственной власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодёжи – молодёжного парламента, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства»⁶⁷.

Молодёжный парламентаризм на практике, согласно Рекомендациям, может быть реализован в трёх ключевых форматах, среди которых: «молодёжные парламенты, созданные при органах законодательной (представительной) власти; молодёжные парламенты или молодёжные правительства, созданные при органах исполнительной власти; молодёжный парламент как социальная программа органов законодательной, исполнительной власти, одного или нескольких молодёжных общественных объединений»⁶⁸.

⁶⁵ Проект Стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <https://fadm.gov.ru/> (дата обращения: 12.12.2022).

⁶⁶ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.12.2022).

⁶⁷ Инструктивное письмо Минобразования РФ от 24 апреля 2003 года № 2 «О развитии молодёжного парламентаризма в субъектах Российской Федерации». Бюллетень Минобразования РФ. 2003. № 6.

⁶⁸ Инструктивное письмо Минобразования РФ от 24 апреля 2003 года № 2 «О развитии молодёжного парламентаризма в субъектах Российской Федерации». Бюллетень Минобразования РФ. 2003. № 6.

В результате мы наблюдаем ситуацию, при которой молодёжный парламентаризм, став уже привычным явлением, в правовой плоскости регламентируется лишь ведомственным актом почти двадцатилетней давности, а недавнее реформирование законодательства в сфере молодёжной политики оставило без внимания данный сегмент активности молодёжи.

Содержательные аспекты молодёжного парламентаризма и целесообразность их легальной фиксации

С учётом существования таких структур как Молодёжный парламент при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Ассоциация Молодёжных правительств Российской Федерации, Союз Молодёжных избирательных комиссий России, а также множества их региональных и муниципальных моделей, избегание законодателем непосредственно термина «молодёжный парламентаризм» представляется нам не совсем корректным.

Удачное использование инструментария юридической терминологии является одним из основных катализаторов эффективности норм права, так как с его помощью пользователь познает их действительное содержание. Как показывают исследования, «немалая часть ошибок в правоприменении базируется именно на терминологических неточностях российского законодательства, на несоответствиях в терминологической объективации смысла одних и тех же понятий» [Тонков, Туранин, 2017, с. 113].

В силу широкого распространения молодёжных консультативных, совещательных и иных компонентов при различных органах публичной власти и обозначения их работы в качестве одной из непосредственных форм участия молодёжи в реализации молодёжной политики важно на легальном уровне закрепить понятие молодёжного парламентаризма, раскрыть его содержательное наполнение.

Рассуждая о последнем, отметим, что исследователи данной проблематики в своих работах, как правило, приводят определение, используемое именно в Рекомендациях [Пастухова, 2010; Тумуров, 2013], иногда незначительным образом видоизменяя его [Гукова, 2014].

Считаем оправданным обратить внимание на тот факт, что затронутое понятие изначально было сформулировано в рамках I Всероссийского семинара-совещания «Развитие молодёжного парламентаризма в Российской Федерации» и только впоследствии нашло закрепление в тексте Рекомендаций [Пастухова, 2010], которые, собственно, и были разработаны на основе материалов названного мероприятия.

Общий анализ уже укоренившейся дефиниции позволяет заключить, что она в значительной степени корреспондирует современным реалиям, но с рядом важных уточнений.

Во-первых, в тексте Рекомендаций приоритет отдаётся именно парламентам при законодательных органах, несмотря на открытый перечень молодёжных структур⁶⁹.

Полагаем, что акцент на так называемом «парламентском характере» в чистом виде уже не соответствует текущим условиям. В наши дни высока значимость молодёжных правительств, избирательных комиссий и прочих конструкций. Более того, с нашей позиции, молодёжный парламентаризм – явление системное. Для полноценного учёта мнения молодёжи необходимо сформировать содержание и структуру полноценного механизма по аналогии с органами публичной власти, организация которых основана на разделении властей и их равенстве. Молодёжные структуры при законодательных органах не должны превалировать над аналогичными компонентами при органах исполнительной власти или над какой-либо другой группой. Молодёжь должна быть равным образом задействована во всех сегментах для эффективного выражения своих взглядов.

⁶⁹ См.: Инструктивное письмо Минобразования РФ от 24 апреля 2003 г. № 2 «О развитии молодёжного парламентаризма в субъектах Российской Федерации». Бюллетень Минобразования РФ. 2003. № 6.

Во-вторых, рассматриваемый термин не учитывает муниципальный аспект развития молодёжного парламентаризма, игнорируя отмечаемую в доктрине роль муниципальной молодёжной политики как важнейшего инструмента для формирования, развития и активного использования молодёжного потенциала [Бутова, 2014].

Несмотря на то, что Рекомендации называют уровень муниципалитетов как самостоятельное звено в системе молодёжного парламентского движения⁷⁰, в определении самого молодёжного парламентаризма предпочитают уклониться от использования формулировки «органы местного самоуправления», указывая лишь на органы государственной власти.

Данное обстоятельство обуславливает определённое критическое положение всей системы молодёжного парламентаризма. Организация молодёжных парламентских структур видится нам в форме неустойчивой пирамиды, не имеющей прочного основания – муниципальных образований, без которых невозможно стабильное функционирование более высоких элементов.

В-третьих, сочетание «иные общественные институты участия молодых граждан в жизни государства» не характеризуется конкретикой, позволяет причислить к молодёжному парламентаризму практически любую деятельность молодёжи, так или иначе сопряжённую с государственным механизмом.

Для понятийного аппарата недопустима такая «размытость» границ – категории должны быть чёткими и однозначными, лишь в таком случае возможно говорить об их оптимальном применении в практической системе координат. Смысл и значение правотворчества заключаются в том, чтобы избрать такой вариант регулирования, юридической регламентации, который бы в наиболее полной мере отвечал интересам и целям народа и законодателя, способствовал прогрессу общества. При этом требуются учёт закономерностей развития социума, благоприятных объективных и субъективных условий для принятия и применения закона, а также выбор оптимальной правовой формы государственного решения.

Таким образом, широко тиражируемая дефиниция молодёжного парламентаризма, предлагаемая в тексте Рекомендаций, по ряду причин не коррелируется с ситуацией *de facto*, что предопределяет необходимость её модификации согласно складывающимся и прогнозируемым условиям.

Мы предлагаем рассматривать молодёжный парламентаризм как систему представительства прав и законных интересов молодёжи, которая может быть реализована в форме создания и функционирования при органах публичной власти или в установленном ими порядке консультативных, и совещательных и иных молодёжных структур.

Заключение

Резюмируя, укажем на тот факт, что сегодня довольно острой является проблема качественного правового обеспечения молодёжного парламентаризма, который буквально существует на фоне отсутствия полноценной юридической базы, что не позволяет создать прочные институциональные основы для его развития в Российской Федерации.

По справедливому мнению П.А. Меркулова, «эффективная реализация политики в отношении новых поколений требует наличия полноценных государственно-управленческих механизмов, в основе которых должны лежать полноценный нормативно-правовой фундамент с разветвленной системой иерархически выстроенных нормативных документов» [Меркулов, 2021, с. 5]. Данное утверждение в полной мере описывает «требования» к организации нормативного регулирования в сфере молодёжного парламентского движения. Молодёжный парламентаризм, находясь вне правового поля, не в состоя-

⁷⁰ См.: Инструктивное письмо Минобразования РФ от 24 апреля 2003 г. № 2 «О развитии молодёжного парламентаризма в субъектах Российской Федерации». Бюллетень Минобразования РФ. 2003. № 6.

нии занять приоритетную нишу в области участия молодёжи в управлении процессами, протекающими в государстве, которой мог бы стать. Для популяризации текущего направления и его стабильной работы необходим качественный подход законодателя к этому вопросу, разработка новых нормативных источников, соответствующих реальным обстоятельствам.

Повышение качества правовых решений, снижение до минимума числа неэффективных нормативных актов – постоянная задача правоустановителя. Именно этим объясняется теоретическое и практическое значение изучения проблем, связанных с процессом создания норм права. «Потребителями» законов являются люди, общество, и любая ошибка законодателя влечет неоправданные материальные затраты, нарушение интересов граждан. Можно привести немало фактов из отечественной истории, когда социальная и духовная сферы пострадали от непродуманных, научно не обоснованных и некорректных правовых решений.

Список литературы

- Бутова Т.В., Дунаева А.И., Удачин Н.О. 2014. Проблемы реализации молодежной политики на муниципальном уровне. *Науковедение*, 3(22): 1–10.
- Верещак С.Б., Абрамова Л.А., Верещак А.В. 2021. Новые векторы правового регулирования молодежной политики в контексте федерального и регионального законодательства. *Право и практика*, 3: 24–28. DOI: 10.24412/2411-2275-2021-3-24-28
- Гукова И.Н. 2014. Роль молодежного парламентаризма в развитии общественно-политической активности современной Российской молодежи. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*, 1(172): 169–174.
- Меркулов П.А. 2021. Новый федеральный закон как завершение процесса конституционализации молодежной политики в Российской Федерации. *Вестник ПАГС*: 2: 4–19. DOI 10.22394/1682-2358-2021-2-4-19
- Монтескье Ш.Л. 1999. *О духе законов*. М., Мысль, 672 с.
- Пастухова Л.С. 2010. Молодежный парламент как форма политической социализации молодежи. *Власть*, 2: 44–48.
- Поленина С.В. 1996. *Законодательство в Российской Федерации*. М., ИГПАН, 145 с.
- Саенко Т.В. 2016. О некоторых проблемах реализации молодежной политики: федеральный и региональный аспекты. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*, 22(243): 193–199.
- Тонков Е.Е., Туранин В.Ю. 2017. Перспективы совершенствования юридической терминологии в контексте развития современной законодательской деятельности. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 3(252): 113–116.
- Тумуров Ж.Т. 2013. Молодежный парламентаризм как политическое явление. *Вестник ЗабГУ*, 10: 32–37.

References

- Butova T. V., Dunaeva A. I., Udachin N. O. 2014. Problems of policy implementation at the municipal level. *Online journal "SCIENCE Studies"*, 3(22): 1–10. (In Russian).
- Vereshchak S. B., Abramova L.A., Vereshchak A. V. 2021. New vectors of legal regulation of youth policy in the context of federal and regional lawmaking. *Pravo i praktika*, 3: 24–28. (In Russian). DOI: 10.24412/2411-2275-2021-3-24-28
- Gukova I.N. 2014. The role of youth parliamentarism in the development of social and political activity of modern Russian youth. *Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy, Sociology, Law*, 1(172): 169–174. (In Russian).
- Merkulov P.A. 2021. New Federal law as the completion of the youth policy constitution-nalization process in the Russian Federation. *Bulletin of the volga region Institute of Administration*, 2: 4–19. (In Russian). DOI 10.22394/1682-2358-2021-2-4-19
- Montesk'e Sh.L. 1999. *O duhe zakonov*. [About the spirit of the laws]. M., Mysl', 672 p.
- Pastuhova L. S. 2010. *Molodezhnyj parlament kak forma politicheskoy socializacii molodezhi* [Youth parliament as a form of political socialization of youth]. *Vlast'*, 2: 44–48.

- Polenina S.V. 1996. Zakonotvorchestvo v Rossijskoj Federacii. [Lawmaking in the Russian Federation]. M., IGPAN, 145 p. (In Russian)
- Saenko T.V. 2016. On some issues of youth policy implementation: federal and local aspects. Belgorod State University Scientific Bulletin. History, Political science, 22(243): 193–199. (In Russian)
- Tonkov E.E., Turanin V.Y. 2017. Prospects for improving the legal terminology in the context of the development of modern legislative activity. Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy, Sociology, Law, 3(252): 113–116. (In Russian)
- Tumurov Zh. T. 2013. Youth parliamentarians as a political phenomenon. Vestnik ZabGU, 10: 32–37. (In Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.12.2022
Поступила после рецензирования 19.12.2022
Принята к публикации 22.12.2022

Received December 2, 2022
Revised December 19, 2022
Accepted December 22, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тонков Евгений Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID 0000-0001-5559-0835](https://orcid.org/0000-0001-5559-0835)

Хмелевская Ирина Геннадиевна, аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID 0000-0002-4567-2017](https://orcid.org/0000-0002-4567-2017)

Evgeniy E. Tonkov, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Law Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID 0000-0001-5559-0835](https://orcid.org/0000-0001-5559-0835)

Irina G. Khmelevskaya, Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID 0000-0002-4567-2017](https://orcid.org/0000-0002-4567-2017)

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

УДК 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-82-94

Конституционная ориентированность судебной практики и ее направленность на эффективную реализацию прав человека

Волченко О.Ю.

Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации,
Россия, 119285, г. Москва, Воробьевское шоссе, 6А
E-mail: olegvolchenko@mail.ru.

Аннотация. Проблема конституционной ориентированности судебной практики и ее направленности на эффективную реализацию прав и свобод человека и гражданина является весьма значимой в современной российской науке конституционного права. При этом наблюдается ряд пробелов в ее исследовании. Автор ставил целью осуществление комплексного научного анализа конституционной ориентированности судебной практики, а также разработку рекомендаций по совершенствованию правового регулирования отношений в этой сфере. Автор доказывает, что судебная защита прав человека как конституционная функция правосудия предопределяет конституционную ориентированность судебной практики, ее направленность на полноценную реализацию общепризнанных прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от вида судопроизводства – гражданского, арбитражного, уголовного или административного, включая конституционное правосудие как наиболее приближенный вид государственной деятельности к цели защиты конституционных прав и свобод в правовой системе современной России. Исходя из конституционно предопределенной правозащитной функции, суды юридически обязаны избегать формального подхода к отправлению правосудия и шаблонности принимаемых решений, противопоставляя этому свободную, непредубежденную, независимую, беспристрастную и всестороннюю оценку комплекса доказанных участниками процесса обстоятельств.

Ключевые слова: правосудие, конституционализм, защита прав человека, правовая эффективность, разделение властей, гуманизм, справедливость

Для цитирования: Волченко О.Ю. 2023. Конституционная ориентированность судебной практики и ее направленность на реализацию прав человека. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 48(1): 82–94. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-82-94

Constitutional Orientation of Judicial Practice and Its Focus on the Effective Implementation of Human Rights

Oleg Yu. Volchenko

Russian Foreign Trade Academy (RFTA)
of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation,
6A Vorobyovskoe highway, Moscow 119285, Russian Federation
E-mail: olegvolchenko@mail.ru.

Abstract. The problem of the constitutional orientation of judicial practice and its focus on the effective implementation of the rights and freedoms of man and citizen is very significant in modern Russian science of constitutional law. However, there are a number of gaps in its research. The author's goal was

to carry out a comprehensive scientific analysis of the constitutional orientation of judicial practice, as well as to develop recommendations for improving the legal regulation of relations in this area. The author proves that the judicial protection of human rights as a constitutional function of justice predetermines, first of all, the constitutional orientation of judicial practice, its focus on the full implementation of universally recognized human and civil rights and freedoms, regardless of the type of legal proceedings. This refers to civil, arbitration, criminal or administrative proceedings, including constitutional justice as the closest type of state activity to the goal of protecting constitutional rights and freedoms in the legal system of modern Russia. Based on the constitutionally predetermined human rights function, the courts are legally obliged to avoid a formal approach to the administration of justice and stereotyped decisions, opposing to this a free, unprejudiced, independent, impartial and comprehensive assessment of the complex of circumstances proven by the participants in the process.

Keywords: justice, constitutionalism, protection of human rights, legal efficiency, separation of powers, humanism, justice

For citation: Volchenko O. Yu. 2023. Constitutional Orientation of Judicial Practice and Its Focus on the Effective Implementation of Human Rights. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(1): 82–94 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-82-94

Введение

Юридическая институционализация основных прав и свобод человека и гражданина как неотчуждаемых и естественных гарантий конституционного статуса личности в нашей стране, вне сомнения, состоялась и, на наш взгляд, не нуждается в каких-либо специальных научных доказательствах вследствие общепризнанности данного факта эмпирической действительности. Однако реализация этих прав, их обеспечение и защита нуждаются в совершенствовании и вообще не могут быть «идеальными» в силу ряда объективных причин [Ковлер, 2003, с. 237]. В частности, интересы граждан и их объединений не тождественны, они находятся как в единстве, так и в противоречии. То же самое можно сказать о соотношении публичных и частных потребностей и интересов субъектов конституционных правоотношений. Деятельность законодательных органов также не идеальна, зачастую она направлена не только на правомерное ограничение конституционных прав и свобод, но и на их противоправное нарушение.

Административный государственный и муниципальный аппарат наделен значительной публичной властью, которая не во всех случаях используется во благо полноценного функционирования системы конституционных прав и свобод человека и гражданина. Многие правоохранительные и правозащитные звенья государственного аппарата (прокуратура, следствие) и гражданского общества (адвокатура, нотариат) не всегда полноценно направляют свою деятельность на реализацию требований ст. 2 Конституции РФ о верховенстве прав и свобод человека и гражданина, не в полной мере учитывают их предопределяющее значение для правовой системы страны. Наконец, судебная власть и правосудие, основное конституционное предназначение которых состоит в максимально возможном (с точки зрения полноты и эффективности) обеспечении демократической законности и справедливого правопорядка в обществе, также не коррелируются однозначно с положениями ст. 2 Конституции РФ [Головкова, 2019, с. 353]. Все это, безусловно, актуализирует необходимость изучения в конституционно-правовой науке феномена судебной защиты прав и свобод человека и гражданина как конституционной функции правосудия [Богомолова, 2017, с. 445].

Конституционная роль правосудия в демократическом обществе

Понятие «правосудие» в современной юридической науке используется в различных смысловых значениях. В их числе, во всяком случае, следует различать естественно-правовую и позитивно-правовую концепции, каждая из которых имеет право на использо-

вание и применение [Рассказов, Упоров, 2000, с. 36]. С точки зрения естественного права, правосудие – это своего рода идеальная конституционно-правовая конструкция, которая предполагает наделение судебной деятельности главным образом положительными качествами, исходя из высокого конституционного предназначения власти судов (объективность, беспристрастность, независимость, связанность исключительно правом и справедливостью, употребление публичной власти во благо общества, граждан, их объединений и т.п.). В свою очередь, позитивное правосознание диктует более прагматичную модель определения признаков понятия правосудия – это официальное наименование законной деятельности судебных инстанций, какими бы целями они ни руководствовались и какие бы результаты это ни имело бы в результате функционирования судебной власти. С точки зрения позитивного права, любое судебное разбирательство и окончательное решение суда представляют собой «отправление правосудия», т. е. реализацию судебной власти в соответствии с Конституцией РФ и законодательством. Для признания наличия правосудия в позитивно-правовом смысле достаточно, чтобы оно осуществлялось в соответствии с нормативно-правовыми актами, было законным и обоснованным, не выходило за рамки дозволенного с точки зрения предписаний положительного права.

При кажущейся тождественности или, напротив, при мнимом противопоставлении указанных конституционно-правовых категорий следует видеть их общие и отличительные черты. Так называемое «шаблонное» правосудие [Губаева, 2017; Муравьев, 2019; Фатманова, 2019] или «сугубо формальный подход» к правосудию [Голубов, 2013; Нарутто, 2014] есть недопустимое явление с точки зрения естественного права, но подобная практика в позитивно-правовом аспекте считается зачастую весьма допустимой, поскольку она более строго следует воле законодателя и не позволяет судам пользоваться слишком широкой конституционной дискрецией. В свою очередь, неконтролируемое судебное усмотрение ограничивает законодателя в его легитимной публичной власти, поскольку именно парламент как избираемый суверенным народом орган обладает правом на подлинное выражение народной воли. Таким правом суды сами по себе не пользуются.

Ни естественно-правовую, ни позитивно-правовую концепции не следует, на наш взгляд, считать безусловными «истинами» в конституционной юриспруденции. Тем более недопустимо, с нашей точки зрения, трактовать позитивное правопонимание как некую вульгарную или оторванную от принципов правового государства идейно-нравственную парадигму. Требования законности и обоснованности судебных решений (в отличие от их справедливости как своего рода надзаконодательной максимы) характеризуют именно позитивную концепцию государства и права, что является допустимым в демократическом обществе и правовом государстве. Выбор между естественно-правовым и позитивно-правовым пониманием государственно-правовых явлений и процессов – это скорее теоретико-методологическая проблема, требующая внимания в юридической науке, чем вопрос текущей законодательной и правоприменительной практики.

При этом следует учитывать, что даже при самом подробном законодательном регулировании общественных отношений и стремлении законодателя к своего рода инструктивно-моделирующему методу регламентации общественных отношений суды все равно обладают достаточной юридической дискрецией, поскольку они вправе на законных основаниях, но по своему усмотрению оценивать доказательства тяжущихся сторон и придавать им правоустанавливающий смысл, исходя из обстоятельств конкретного юридического дела. В судебной деятельности предопределяющее значение, в конечном итоге, имеют внутреннее правосознание судей и их реальное юридическое мировоззрение, т.е. интерпретация дозволенного и запрещенного, допустимого и противоправного, истинного и ложного. Закон здесь неизбежно выполняет довольно абстрактные функции, в то время как действительное противоборство тяжущихся сторон разворачивается в сфере доказывания соответствующих юридических фактов, которые суд может принять как

установленные либо, напротив, отвергнуть в качестве недостоверно выясненных обстоятельств рассматриваемого дела.

Разграничение судебной юрисдикции в государственной правозащитной деятельности

Анализируя ход и результаты конституционных реформ в России конца XX – начала XXI вв., Л.Б. Ескина приходит к выводу о наличии «общего вектора», смысл которого – «переход от "формально-имитационного" (мнимого) конституционализма к реальному конституционному строю» [Конституционное..., 2017, с. 91]. С точки зрения института судебной защиты прав человека, чрезвычайно важное значение в СССР и затем в России имело учреждение сначала Комитета конституционного надзора СССР, позднее – Конституционного Суда РФ, что представляло собой появление специального юридически гарантирующего института подлинной реализации конституционных прав и свобод.

Суды общей и арбитражной юрисдикции, конечно, могут в своей практике непосредственно применять нормы гл. 2 Конституции РФ, но осуществлять им это весьма сложно ввиду наличия комплекса других источников материального и процессуального права (в уголовном процессе – УК РФ и УПК РФ, в гражданском процессе – ГК РФ и ГПК РФ, в арбитражном процессе – ГК РФ и АПК РФ и т. д.), которые формально *развивают* конституционные положения, но в действительности *подменяют* их, подвергая сомнению фундаментальный принцип *прямого действия Конституции* РФ. «Преломить» (по терминологии В.Д. Зорькина) данную тенденцию способно было лишь специализированное конституционное судопроизводство (в данном случае не важно, осуществляется ли оно организационно обособленным конституционным судом либо вменяется в обязанность верховному суду государства). В постсоветской России это исторически состоялось вследствие учреждения и последующей деятельности Комитета конституционного надзора СССР, Конституционного Суда РФ.

Сказанное, однако, не означает, что судебная защита конституционных прав и свобод человека и гражданина – это исключительная прерогатива конституционного правосудия. Такое истолкование ч. 1 ст. 46 Конституции РФ («каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод») входило бы в противоречие с положениями ст. 18 Конституции РФ («права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием»), а также с развивающими положениями частей 2 и 3 той же ст. 46 Конституции РФ (право обжаловать в суде решения, действия и бездействие органов публичной власти, право обращаться в межгосударственные правозащитные органы при исчерпанности внутригосударственных средств правовой защиты). Очевидно, что решения, действия и бездействие органов публичной власти обжалуются не только в конституционно-судебной, но и в административно-судебной, арбитражно-судебной процедурах, а межгосударственные правозащитные органы к категории национальных судебных органов конституционного контроля не относятся.

Как подчеркнул С.М. Шахрай, «профессиональная специализация ветвей судопроизводства» (конституционного, общего, арбитражного) явилась следствием Концепции судебной реформы в РСФСР, которая была разработана комитетом по законодательству Верховного Совета РСФСР в 1991 году. В 1992–1993 гг. при разработке проекта действующей Конституции обсуждались другие подходы, в том числе «предлагалось создать единый Верховный Суд Российской Федерации с единой подсудностью и юрисдикцией, а уже в его рамках выделить судопроизводство по гражданским и уголовным делам, конституционным и имущественным спорам» по аналогии с деятельностью Верховного Суда США [Шахрай, 2013, с. 230].

В дальнейшем вследствие конституционных поправок Высший Арбитражный Суд РФ был упразднен и его функции переданы Верховному Суду РФ, однако Конституционный Суд РФ сохранил свои позиции в качестве самостоятельного судебного органа конституционного контроля. Несмотря на эти конституционные пертурбации, ключевая идея *подведомственности всем без исключения судам правозащитной функции*, безусловно, сохраняла свое действие. Вопрос актуализировался лишь в плоскости проблемы, *насколько имеющиеся виды судебных процессов в России оказываются приспособленными к реализации правозащитной функции*, т. е. к воплощению в жизнь предписаний ст. 2 Конституции РФ.

Защита прав человека как цель функционирования судебной системы и задача отправления правосудия

Функцию защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина следует трактовать, как минимум, в двух юридико-содержательных смыслах: как полномочие конкретных судов и конституционную цель функционирования всей судебной системы, правосудия как такового. Изучая специальную литературу, мы многократно убеждаемся в том, что данные смысловые значения часто используются авторами отдельно или даже взаимно переплетаются. Например, Л.Г. Балаян отмечает, что «так уж сложилось в нашей стране, что почти всегда потерпевшая сторона ищет помощи у государства», надеясь на «проявление справедливости и скорейшее разрешение своей проблемы» [Балаян, 2005, с. 129]. В данном случае речь идет главным образом о защите прав человека как о полномочии конкретных судов: гражданин сталкивается с проблемой, обращается за помощью к адвокату или пытается подготовиться к судебному разбирательству самостоятельно, направляет официальные документы в суд, доказывает в судебном процессе свидетельствующие в его пользу обстоятельства и рассчитывает на положительное решение судебных инстанций. В уголовном процессе как особой форме защиты конституционных прав и свобод потерпевших возможностей такого рода у них меньше (инициатива принадлежит главным образом органам прокуратуры и следствия), однако данные возможности все равно имеют место, причем Конституционный Суд РФ многократно поддерживал конституционную необходимость более широкой защиты уголовно-процессуальных прав потерпевших от преступлений. Так или иначе правозащитная функция судов здесь трактуется в сравнительно узком смысловом значении: есть конкретный правообладатель, его права и законные интересы нарушены, суд устанавливает факт правонарушения и принимает меры к восстановлению нарушенных прав, после чего нарушенное право считается восстановленным, а право – защищенным (насколько это позволяет инструментарий конституционного, административного, гражданского, арбитражного или уголовного судопроизводства, а также соответствующие нормы материального права).

Несколько иную трактовку приобретает правозащитная функция правосудия в более широком аспекте, когда речь идет о судебной системе в целом. Если правосудие действительно независимо от законодательных и исполнительных органов власти, то при прочих равных условиях оно полнее и эффективнее защищает права и свободы человека и гражданина, чем это наблюдалось бы в условиях административной зависимости судей от воли депутатов, государственных должностных лиц и государственных гражданских служащих аппаратов соответствующих органов. Независимость правосудия требует институциональных конституционных гарантий, в числе которых – судебный иммунитет, индемнитет, особые формы назначения судей на должности и освобождения их от должностей. В современной России по сравнению с опытом СССР были предприняты многие важные шаги к обеспечению независимости судей и судебной системы, однако ряд проблем остается нерешенным (например, основания для досрочного прекращения полномочий судей нуждаются в более точном законодательном регулировании; суды первых инстанций при установлении фактических обстоятельств дела нуждаются

в более широкой юридической дискреции, освобождении из-под чрезмерного контроля вышестоящих судебных инстанций и др.).

Судебная защита прав человека как конституционная функция правосудия предопределяет прежде всего *конституционную ориентированность* судебной практики, ее *направленность на полноценную реализацию* общепризнанных прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от вида судопроизводства – гражданского, арбитражного, уголовного или административного, включая конституционное правосудие как наиболее приближенный вид государственной деятельности к цели защиты конституционных прав и свобод в правовой системе современной России [Невинский, 2012, с. 99]. Исходя из конституционно предопределенной правозащитной функции, суды юридически обязаны избегать формального подхода к отправлению правосудия и шаблонности принимаемых решений, противопоставляя этому свободную, непредубежденную, независимую, беспристрастную и всестороннюю оценку комплекса доказанных участниками процесса обстоятельств, которые имеют отношение к делу и предопределяют тем самым последующую юридическую квалификацию досудебного поведения тяжущихся сторон.

В историческом генезисе правозащитная функция правосудия приобрела всеобщее признание вследствие международно-правовой институционализации прав и свобод человека и гражданина, а также повсеместной внутригосударственной практики конституционного регулирования и обеспечения конституционно-правового статуса человека и гражданина. Права человека с течением времени стали интерпретироваться не как абстрактные юридические принципы и отвлеченные правовые установления, но совокупность конкретных правомочий, принадлежащих юридически определенным субъектам конституционных правоотношений и сопровождающихся корреспондирующими этому юридическими обязанностями других лиц, что может быть проверено, установлено и тем самым защищено независимым и беспристрастным правосудием [Анисимов, Рулев, 2010, с. 54].

Судебная форма защиты прав человека и гражданина не исключает наличия альтернативных способов правозащитной деятельности государства и гражданского общества [Матейкович, Романчук, 2020], а также юридических возможностей самостоятельной защиты правообладателями принадлежащих им правомочий, если это не нарушает требований конституции демократического государства и развивающих конституционные положения законодательных норм.

Судебная форма правозащитной деятельности имеет ряд объективно присущих ей достоинств и преимуществ, что позволяет квалифицировать ее в качестве *основного конституционного способа обеспечения и реализации прав и свобод человека и гражданина* вне зависимости от их вида, «поколения» прав человека и других дифференцирующих правозащитный механизм обстоятельств. Правосудие имеет достаточный потенциал для эффективной защиты не только личных (гражданских) и политических прав, но также социально-экономического статуса личности и реализации прав человека последующих «поколений» (четвертого, пятого и др.) при условии, что данные социальные установления приобретают юридический характер и признаются государствами, мировым сообществом и их правовыми системами в качестве обязательных для судов позитивно-правовых императивов.

Конституционное право на судебную защиту является общепризнанным в международном праве и, своего рода, «стандартом» демократического порядка. В России на постсоветском пространстве длительное время просматривался такой приоритет в государственно-правовой политике, как признание общемировых ценностей, стремление стать частью международного сообщества, играть существенную и партнерскую роль в отношениях с зарубежными странами. В связи с этим в конституционно-правовой науке своевременно ставились проблемы соотношения международного и национального конституционного права. Так, И.А. Конюхова-Умнова подчеркивает необходимость «внедрения международно-правовых норм на национальный уровень», для чего необходимы «импле-

ментация», «автоматическая адаптация», «обеспечение взаимосвязи» и «разумной унификации», «универсализация большинства правовых принципов» [Конюхова, 2006, с. 29].

Полагаем, что в аспекте доступа граждан к правосудию и обеспечения эффективности судебной защиты прав граждан актуальность данной позиции, вне сомнения, сохраняется, несмотря на смену ряда приоритетов в государственной политике, направленных на обеспечение национальной идентичности, патриотизма, отечественных интересов [Астафичев, Астафичева, 2022, с. 109] и т.п. Россияне по-прежнему нуждаются в эффективной судебной защите своих прав, что может подтверждаться или не подтверждаться зарубежной практикой, однако объективно необходимо современному *российскому* обществу. Изменение приоритетов в государственно-правовой политике не должно влиять на полноту судебной защиты прав граждан, включая необоснованное расширение полномочий прокуратуры, следствия или органов исполнительной власти [Трифонов, 2022, с. 62]. Национальные особенности страны и ее политический менталитет не могут служить достаточным основанием для необоснованного ограничения конституционных полномочий судебной власти, поскольку иначе будут поставлены под сомнение права и свободы россиян, ради охраны которых правовая система страны, главным образом, и существует.

Смысл конституционного принципа разделения властей заключается не только в обособлении ветвей власти, но также в их взаимном сдерживании от произвола и несанкционированного вмешательства в жизнедеятельность гражданского общества [Чепунов, Болдырева, 2021, с. 170]. Судьи связаны законом, который принимать и править они не уполномочены. Тем самым граждане становятся дополнительно защищенными от излишне свободного усмотрения судей, а действия государства – более предсказуемыми. С другой стороны, правосудие вправе и должно руководствоваться общеправовыми принципами и стремиться к справедливости, даже если закон проявляет свойство дефектности или имеет пробелы в регулировании. Тем самым законодательная и судебная ветви власти взаимно сдерживают и уравнивают друг друга, причем ни одна из указанных ветвей не вправе считать себя находящейся в каком-то особом, привилегированном положении. Ветви власти конституционно равноправны и равностатусны при разграниченности их компетенции и направленности на дифференцированные сферы конституционно одобряемой государственной деятельности.

Связь между принципами конституционно-правового регулирования и приоритетами в государственно-правовой политике

С.А. Глотов считает, что «вытекающие из Конституции страны» принципы являются «производными от модели социального прогресса». Вариативность моделей социального прогресса, по мнению данного ученого, связывает конституционного законодателя в выборе соответствующих принципов. Последние, с точки зрения цитируемого автора, неизбежно «опираются на приоритеты» [Глотов, 2007, с. 13]. Г.Н. Носкова полагает право на судебную защиту «универсальным юридическим средством утверждения режима соблюдения законности и правопорядка», т.е. в значительной степени не зависящим от приоритетов текущей государственно-правовой политики [Носкова, 2008]. По мнению В.Г. Стрекозова, обеспечение прав и свобод человека и гражданина может быть «реальным» *только* «в условиях демократического государства» [Стрекозов, 2002, с. 41]. Следовательно, антидемократические приоритеты государственной политики либо ослабление демократических тенденций с неизбежностью приводят к ограничениям или даже нарушениям прав человека, поскольку судебная власть оказывается фактически неспособной к подлинной и эффективной защите прав своих сограждан.

Каталог принципов судебной защиты прав человека до конца не исследован и окончательно не систематизирован.

Важный вклад в этот процесс внес Конституционный Суд РФ, формулируя такие принципы судебной защиты прав человека, как «универсальность принципов верховенства права, гуманизма, справедливости и равенства»⁷¹, «эффективность восстановления в правах»⁷², «правосудность как законность, обоснованность и справедливость»⁷³, «соразмерность»⁷⁴, «рациональная организация деятельности правоприменителя»⁷⁵, «перенос основного бремени пересмотра решений судов на ординарные судебные инстанции»⁷⁶, «социальная детерминация»⁷⁷, «соблюдение критерия существенности при оценочных характеристиках»⁷⁸, императивы о том, что «никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы и подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами»⁷⁹, «правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах»⁸⁰, «недопустимость формального подхода к отправлению правосудия»⁸¹

⁷¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2009 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной» // СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1367.

⁷² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

⁷³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2022 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности пунктов 11 и 12 части 1 статьи 79 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Ф.» // ksrf.ru (lfnf j,hfotybz 11.08.2022).

⁷⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2005 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491.

⁷⁵ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа» // СЗ РФ. 2005. № 30. Ст. 3200.

⁷⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2005 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 292 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами государственного учреждения культуры «Дом культуры им. Октябрьской революции», открытого акционерного общества «Центрнефтехимремстрой», гражданина А.А. Лысогора и Администрации Тульской области» // СЗ РФ. 2005. № 48. Ст. 5123.

⁷⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 мая 2006 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 153 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой главы города Твери и Тверской городской Думы» // СЗ РФ. 2006. № 22. Ст. 2375.

⁷⁸ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 2007 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6 и 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» в связи с жалобой граждан В.И. Лакеева, В.Г. Соловьева и В.Д. Уласа» // СЗ РФ. 2007. № 14. Ст. 1741.

⁷⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2017 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н.Д. Вордена и П.Д. Олджэма» // СЗ РФ. 2017. № 31. Ст. 4984.

⁸⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-

и др. В связи этим П.А. Астафичев усматривает «достоинство института конституционного контроля» парламентских актов в «ранжировании конституционных ценностей», что достигается «благодаря принципу устойчивости правовых позиций» Конституционного Суда РФ [Астафичев, 2005, с. 91].

Правосудие прежде всего должно быть *доступным*. Данный конституционный императив применительно к механизму судебной защиты прав и свобод человека и гражданина имеет следующее публично-правовое содержание. Если права человека признаются Конституцией, но суды не являются доступными для граждан и других правообладателей, то конституционный институт прав и свобод превращается в декларацию или даже фикцию вместо того, чтобы быть правовой реальностью. Под доступностью следует понимать, во-первых, *развернутую сеть судебных инстанций*, позволяющую избежать длительного ожидания в очереди и отказа (ограничения) в правосудии по мотиву перегруженности судов; во-вторых, гарантированную законом *возможность обращения заявителей* в суды при наличии любого *правонарушения* (нет такого правонарушения, которое нельзя было бы оспорить в соответствующем суде согласно правилам подведомственности и подсудности юридических дел); в-третьих, обеспеченную правом возможность граждан *быть выслушанными в суде* (изложить свою позицию, представить свои доказательства и опровергнуть позицию и доказательства процессуального оппонента). Все это касается именно «доступности» правосудия и не затрагивает другой системообразующий принцип судебной защиты прав человека – «эффективности восстановления в нарушенных правах».

В отличие от конституционного принципа доступности правосудия, принцип *эффективного восстановления в правах* характеризует другую важную сферу государственно-правовой системы: насколько суды вообще способны выполнить правозащитную функцию? Суды могут быть доступными, но неэффективными или недостаточно эффективными с правозащитной точки зрения. Если судья выслушивает мнение сторон, дает возможность представить доказательства, а затем откровенно игнорирует их и выносит заранее предустановленное «сверху» решение – налицо соблюдение принципа доступности и, одновременно с этим, нарушение принципа эффективного восстановления в правах. Правосудие должно быть независимым, беспристрастным и не предубежденным, главным образом, для того чтобы нарушение прав эффективно пресекалось государством и правом. Это не обязательно предполагает «активную» роль суда. Важно, чтобы закон применялся к сторонам на равных основаниях и все представленные по делу доказательства действительно беспристрастно оценивались судебным составом или судьей.

В связи с этим важна постановка проблемы *формального подхода к отправлению правосудия* в ординарных судебных инстанциях. Формальный подход – это, на наш взгляд, основная форма нарушения конституционного принципа эффективного восстановления в правах, что многократно обнаруживалось в практике Конституционного Суда РФ и продолжает себя проявлять. Суды во многом не ощущают себя частью конституционного правозащитного механизма, предпочитая применять «закон» вместо того, чтобы реализовывать требования «Конституции РФ и закона». Этому, зачастую, способствует и законодатель, перенасыщая нормативно-правовое регулирование излишними административными требованиями, а также снабжая его неконкретными, расплывчатыми и неясными правовыми нормами. Вследствие такой практики исполнительная власть якобы ста-

процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2002. № 31. Ст. 3160.

⁸¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2021 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 46, частей 1 и 3 статьи 62, части 4 статьи 240 и части 1 статьи 308 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.В. Тухты» // СЗ РФ. 2021. № 5. 956.

новится обладателем фактических прерогатив публичного управления, в то время как суды должны всякий раз «оправдывать» меняющуюся по усмотрению чиновников методологию государственного или муниципального администрирования. Это и есть, по нашему мнению, «формальный подход» к отправлению правосудия (т.е. когда суды *массово и системно поддерживают складывающуюся в исполнительно-распорядительной деятельности практику несмотря на ее противоречие Конституции РФ и закону, доказанное в судебном процессе*).

Заключение

Судебная защита прав и свобод человека и гражданина в целом основывается на конституционных принципах всеобщности, равенства, законности, независимости, беспристрастности, объективности, непредубежденности, старательности, добросовестности и т.д. Данные принципы имеют общеправовой характер и затрагивают сферу скорее публичной организации правосудия, чем более частную область судебной защиты прав человека. В связи с этим полагаем, что применительно к механизму судебной защиты прав и свобод человека и гражданина нуждаются в институциональном обособлении два ключевых конституционных принципа – доступности правосудия и эффективного восстановления в правах. В долгосрочной перспективе данные принципы, на наш взгляд, должны найти выражение на конституционном уровне и не могут ограничиваться фиксацией лишь в процессуальных кодексах (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, УПК РФ).

Доступность правосудия гарантируется развернутой сетью судебных инстанций, отсутствием ненадлежащих правоограничений для реализации права на обращение в суд, процессуальным правом сторон быть выслушанными в судах, включая возможность представить свои доказательства и опровергнуть доказательства процессуального оппонента. Эффективность восстановления в правах исключает формальный подход к правосудию и гарантирует связанность судей, прежде всего, правом (которое выражается в законе, но не только в законе, но и в других источниках права). Чтобы правообладатели имели действительную возможность эффективного восстановления в правах, правосудие должно соответствовать конституционным принципам всеобщности, равенства, законности, независимости, беспристрастности, объективности, непредубежденности, старательности и добросовестности. Конституционные принципы судебной защиты прав человека и организации судебной власти находятся в системном единстве, взаимно дополняют друг друга и способствуют достижению общей цели соблюдения конституционного принципа справедливости.

Список литературы

- Анисимов П.В., Рулев А.И. 2010. Судебное толкование права в механизме защиты прав и свобод человека (проблемы теории и практики). Волгоград: ВА МВД России, 194 с.
- Астафичев П.А. 2005. Судебный конституционный контроль народного представительства: опыт и перспективы. Государство, право и управление. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. М.: ГУУ.
- Астафичев П.А., Астафичева Е.Ю. 2022. Принципы и нормы международного права в развитии политической системы современной России. Среднерусский вестник общественных наук, 3: 109-122.
- Балаян Л.Г. 2005. Альтернатива государственному правосудию в сфере экономики. Бизнес в законе: 1: 129-135.
- Богомолова А.С. 2017. Право на судебную защиту как гарантия реализации прав человека и его место в системе конституционных прав. Аллея науки, 5: 445-448.
- Глотов С.А. 2007. Социальная политика и социальная безопасность: конституционно-правовые аспекты взаимодействия и реализации. М.: Инженер, 429 с.
- Головова А.Ю. 2019. Доступность и эффективность механизмов судебной защиты конституционных прав и свобод человека как показателей верховенства права. Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право, 3 (19): 335-343.

- Голубов И.И. 2013. О противоречиях в понимании термина «правосудие» в юридической науке. Юридическое образование и наука, 3: 29-34.
- Губаева Т.В. 2017. Шаблон профессионального мышления судьи: польза или вред? Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия, 13: 8-14.
- Ковлер А.И. 2003. Европейский Суд по правам человека как средство судебной защиты прав коренных народов. Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М., Стратегия: 24-52.
- Конституционное право России. 2017. СПб.: СЗИУ, 766 с.
- Конституционно-судебная защиты прав и свобод личности: состояние, проблемы, перспективы: сб. науч. ст. АлтГУ, Ассоц. юристов России, Центр правотворчества, экспертизы и мониторинга законодательства 2012. Под ред. В.В. Невинского, А.В. Молотова. Барнаул, Изд-во АлтГУ: 128 с.
- Конюхова И.А. 2006. Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. М.: Формула права. 493 с.
- Матейкович М.С., Романчук И.С. 2020. Уполномоченные по правам человека в механизме судебной защиты прав и свобод. Журнал российского права, 11: 45-57.
- Муравьев И.А. 2019. Конституционализм и просвещение. Евразийский юридический журнал, 11: 96-102.
- Нарутто С.В. 2014. Место Конституционного Суда Российской Федерации в системе органов государственной власти. Актуальные проблемы российского права, 6: 1096-1107.
- Носкова Г.Н. 2008. Судебная защита как средство обеспечения власти народа России. Конституционное развитие России. Саратов: СГАП: 101.
- Рассказов Л.П., Упоров И.В. 2000. Естественное и позитивное право в контексте общественного развития. Философия права, 1: 36-42.
- Стрекозов В.Г. 2002. Конституционное право России. М.: Спарк, 260 с.
- Трифонов С.Г. 2022. Гарантии реализации конституционного права человека и гражданина на судебную защиту. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки, 1: 62-71.
- Фагманова Э.И. 2019. Подходы к пониманию категории «единообразия судебной практики». Арбитражный и гражданский процесс, 12: 28-32.
- Чепунов О.И., Болдырева Е.В. К вопросу о конституционно-правовом совершенствовании публичной власти. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (1): 170-178.
- Шахрай С.М. 2013. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М.: Наука, 917 с.

References

- Anisimov P.V., Rulev A.I. 2010. Sudebnoe tolkovanie prava v mexanizme zashhity` prav i svobod cheloveka (problemy` teorii i praktiki) [Judicial interpretation of law in the mechanism of protection of human rights and freedoms (problems of theory and practice)]. Volgograd, Publ. VA MVD Rossii, 194 p.
- Astafichev P.A. 2005. Sudebny`j konstitucionny`j kontrol` narodnogo predstavitel`stva: opyt i perspektivy` [Judicial constitutional control of the People's representation: experience and prospects. State, law and governance]. State, law and governance. Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. M., GUU.
- Astafichev P.A., Astaficheva E.Yu. 2022. Principy` i normy` mezhdunarodnogo prava v razvitii politicheskoy sistemy` sovremennoj Rossii [Principles and norms of international law in the development of the political system of modern Russia]. Srednerusskij vestnik obshhestvenny`x nauk, 3: 109-122.
- Balayan L.G. 2005. Al`ternativa gosudarstvennomu pravosudiyu v sfere e`konomiki [An alternative to state justice in the economic sphere]. Biznes v zakone: 1: 129-135.
- Bogomolova A.S. 2017. Pravo na sudebnuyu zashhиту kak garantiya realizacii prav cheloveka i ego mesto v sisteme konstitucionny`x prav [The right to judicial protection as a guarantee of the realization of human rights and its place in the system of constitutional rights]. Alleya nauki, 5: 445-448.

- Glotov S.A. 2007. Social'naya politika i social'naya bezopasnost': konstitucionno-pravovy'e aspekty` vzaimodejstviya i realizacii [Social policy and social security: constitutional and legal aspects of interaction and implementation]. M., Publ. Inzhener, 429 p.
- Golovkova A.Yu. 2019. Dostupnost` i e`ffektivnost` mexanizmov sudebnoj zashhity` konstitucionny`x prav i svobod cheloveka kak pokazatelej verxovenstva prava [Accessibility and effectiveness of mechanisms of judicial protection of constitutional human rights and freedoms as indicators of the rule of law]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: E`konomika. Upravlenie. Pravo, 3(19): 335-343.
- Golubov I.I. 2013. O protivorechiyah v ponimanii termina «pravosudie» v yuridicheskoy nauke [About the contradictions in the understanding of the term "justice" in legal science]. Yuridicheskoe obrazovanie i nauka, 3: 29-34.
- Gubaeva T.V. 2017. Shablon professional`nogo my`shleniya sud`i: pol`za ili vred? [The pattern of professional thinking of a judge: benefit or harm?] Ucheny`e zapiski Kazanskogo filiala Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya, 13: 8-14.
- Kovler A.I. 2003. Evropejskij Sud po pravam cheloveka kak sredstvo sudebnoj zashhity` prav korenny`x narodov. Olen` vseгда prav. Issledovaniya po yuridicheskoy antropologii [The European Court of Human Rights as a means of judicial protection of the rights of indigenous peoples]. M., Publ. Strategiya: 24-52.
- Konstitucionnoe pravo Rossii [Constitutional law of Russia]. 2017. SPb., Publ. SZIU, 766 p.
- Konstitucionno-sudebnaya zashhity` prav i svobod lichnosti: sostoyanie, problemy`, perspektivy. AltGU, Assocz. yuristov Rossii, Centr pravotvorchestva, e`kspertizy` i monitoringa zakonodatel`stva [Constitutional and judicial protection of individual rights and freedoms: state, problems, prospects: collection of scientific articles AltSU, Assoc. Lawyers of Russia, Center for Lawmaking, Expertise and Monitoring of Legislation]. 2012. Ed. V.V. Nevinskogo, A.V. Molotova. Barnaul, Publ. AltGU: 128 p. (in Russian)/
- Konyuxova I.A. 2006. Mezhdunarodnoe i konstitucionnoe pravo: teoriya i praktika vzaimodejstviya [International and constitutional law: theory and practice of interaction]. M., Publ. Formula prava. 493 p.
- Matejkovich M.S., Romanchuk I.S. 2020. Upolnomochenny`e po pravam cheloveka v mexanizme sudebnoj zashhity` prav i svobod [Human rights commissioners in the mechanism of judicial protection of rights and freedoms]. Zhurnal rossijskogo prava, 11: 45-57.
- Murav`ev I.A. 2019. Konstitucionalizm i prosveshhenie [Constitutionalism and enlightenment]. Evrazijskij yuridicheskij zhurnal, 11: 96-102.
- Narutto S.V. 2014. Mesto Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii v sisteme organov gosudarstvennoj vlasti [The place of the Constitutional Court of the Russian Federation in the system of state authorities]. Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava, 6: 1096-1107.
- Noskova G.N. 2008. Sudebnaya zashhita kak sredstvo obespecheniya vlasti naroda Rossii [Judicial protection as a means of ensuring the power of the people of Russia]. Konstitucionnoe razvitie Rossii. Saratov, Publ. SGAP: 101.
- Rasskazov L.P., Uporov I.V. 2000. Estestvennoe i pozitivnoe pravo v kontekste obshhestvennogo razvitiya [Natural and positive law in the context of social development]. Filosofiya prava, 1: 36-42.
- Strekozov V.G. 2002. Konstitucionnoe pravo Rossii [Constitutional Law of Russia]. M., Publ. Spark, 260 p. (in Russian)
- Trifonov S.G. 2022. Garantii realizacii konstitucionnogo prava cheloveka i grazhdanina na sudebnuyu zashhitu [Guarantees of the realization of the constitutional right of a person and citizen to judicial protection]. Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki, 1: 62-71.
- Fagmanova E.I. 2019. Podxody` k ponimaniyu kategorii «edinoobrazie sudebnoj praktiki» [Approaches to understanding the category "uniformity of judicial practice"]. Arbitrazhny`j i grazhdanskij process, 12: 28-32.
- Chepunov O.I., Boldy`reva E.V. K voprosu o konstitucionno-pravovom sovershenstvovanii publichnoj vlasti [On the issue of constitutional and legal improvement of public power]. NOMOTNETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo, 46(1): 170-178.

Shaxraj S.M. 2013. O Konstitucii: Osnovnoj zakon kak instrument pravovy`x i social`no-politicheskix preobrazovanij [About the Constitution: The Basic Law as an instrument of legal and socio-political transformations]. M., Publ. Nauka, 917 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.10.2022

Поступила после рецензирования 31.10.2022

Принята к публикации 07.11.2022

Received October 11, 2022

Revised October 31, 2022

Accepted November 07, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Волченко Олег Юльевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Россия

Oleg Yu. Volchenko, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

УДК 342.565.2

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-95-106

Функция гаранта у Президента Российской Федерации

Максуров А.А.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14.
E-mail: maxurov78@yandex.ru

Аннотация. Представлены суждения автора по актуальным вопросам определения функционала, присущего статусу Президента Российской Федерации. В работе опровергнуто высказанное в науке мнение о чрезмерности президентских полномочий, поскольку данные полномочия в общем и целом основаны на стоящих перед Президентом России как главой государства задачах. Отмечено, что данный термин имеет значительную смысловую нагрузку, что выражается, во-первых, в возможности персонификации российской государственной власти на международной арене и, во-вторых, в том, что глава государства, с точки зрения норм Конституции РФ, является ключевой фигурой, вокруг которой и при участии которой реализуются взаимоотношения между ветвями власти, органами власти и должностными лицами, федеральным центром и субъектами Российской Федерации, государственной властью и местным самоуправлением. По этим причинам автор предлагает рассматривать функциональные возможности (правомочия) Президента РФ исходя из его статуса как главы государства, а не просто должностного лица высокого уровня. Автором предложено собственное понимание гарантирующей функции Президента России. Также, по мнению автора, вопреки высказанным в юридической литературе суждениям, имеющаяся у Президента РФ функция гарантирования не может сводиться к правозащитной или правоохранительной деятельности. Такого рода деятельность не относится к «эксклюзивным» полномочиям Президента РФ.

Ключевые слова: Президент Российской Федерации, гарант, полномочия, власть, статус Президента России, функции Президента России

Для цитирования: Максуров А.А. 2023. Функция гаранта у Президента Российской Федерации. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 48(1): 95–106. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-95-106

The Function of the Guarantor of the President of the Russian Federation

Aleksey A. Maksurov

PG Demidov Yaroslavl State University,
14 Sovetskaya St, Yaroslavl 150000, Russian Federation
E-mail: maxurov78@yandex.ru

Abstract. The author presents judgments on topical issues of determining the functionality inherent in the status of the President of the Russian Federation. The paper refutes the opinion expressed in science, especially after the introduction of significant amendments to the Constitution of Russia in 2020, about the excessiveness of presidential powers, since these powers are generally based on the tasks facing the President of Russia as the head of state. In other words, these tasks themselves predetermine such broad powers. The paper notes that in reality this term has a significant semantic load, which is expressed, firstly, in the possibility of personifying the Russian state power in the international arena, and, secondly, in the fact that the head of state, from the point of view of the norms of the Constitution of the Russian Federation, is a key figure, a “core” around which and with the help of which relations between the branches of government, authorities and officials, the federal center and the constituent

entities of the Russian Federation, state power and local self-government are implemented. For these reasons, the author proposes to consider the functional capabilities (powers) of the President of the Russian Federation based on his status as the head of state, and not just a high-level official. The author proposes his own understanding of the guaranteeing function of the President of Russia. Also, according to the author, contrary to the opinions expressed in the legal literature, the function of guaranteeing the President of the Russian Federation cannot be reduced to human rights or law enforcement activities. This kind of activity does not belong to the "exclusive" powers of the President of the Russian Federation.

Keywords: President of the Russian Federation, guarantor, powers, power, status of the President of Russia, functions of the President of Russia

For citation: Maksurov A.A. 2023. The Function of the Guarantor of the President of the Russian Federation. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 95–106 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-95-106

Введение

Актуальность темы исследования мы видим в повышении правовой определенности в отношении гарантирующей функции Президента Российской Федерации.

Президент России – часто упоминаемая в средствах массовой информации фигура. Харизматические черты личности первых российских президентов также обуславливает повышенный интерес к ним со стороны общественности [Краснов, 2020], у которой складывается впечатление о безграничных полномочиях президента [Лебедев, 2021] и его участия во всех без исключения сферах общественной жизни [Овсепян, 2020]. Такое мнение о полномочиях «первого лица» в государстве вполне объяснимо и исторически [Паречина, 2021]. Тем не менее это далеко не так. Президент России, даже являясь главой государства и высшим должностным лицом, четко «вписан», с точки зрения его полномочий, в систему организации российской государственной власти. Особенность его статуса и функционирования в России состоит, помимо прочего, в том, что без его деятельного участия невозможно эффективное согласованное функционирование других ветвей власти. В указанной ситуации очень тонкой является грань между координационными или арбитражными полномочиями Президента и посягательством на независимость законодательной и судебной власти, организационно-правовую самостоятельность власти российских регионов.

Анализ конституционных норм показывает нам, что конституционные права и обязанности главы Российского государства на первый взгляд видятся излишними, а полномочия Президента РФ в отношении других органов и институтов власти – недопустимо широкими. Ситуация усугубляется внесением в 2020 году значительных поправок в Конституцию России, которые, с одной стороны, существенно расширили полномочия Президента РФ, а с другой стороны, еще не стали объектом глубокого научного анализа.

Разрешение вопросов о сущности и основных характеристиках указанной в Конституции России гарантирующей функции Президента относится к целям нашего исследования.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает функция Президента России как гаранта Конституции, соблюдения прав и свобод человека и гражданина на территории Российской Федерации.

Автором был использован метод формальной логики (дедукции и индукции) для оценки норм Конституции России о полномочиях Президента, достижений современной конституционной доктрины. Интересующие нас нормы права в указанной части под-

вергнуты системному анализу, в частности, системному толкованию, позволяющему соотнести гарантирующую функцию Президента России с наличием у него тех или иных полномочий, составляющих основу его конституционного статуса.

Функция гаранта у высшего должностного лица государства является относительно новой для российского конституционного права, в связи с чем определенную помощь оказал метод сравнительного правоведения, а в некоторой мере и историко-правовой подход.

Были использованы также и другие методы и приемы (филологический, социологический, психологический и другие), которые способствовали решению поставленной задачи.

Президент России – глава государства

По нашему мнению, исходными для понимания порядка реализации Президентом России принадлежащих ему полномочий, то есть осуществления прав и исполнения им возложенных на него как на должностное лицо обязанностей, служат указания статьи 80 Конституции РФ об основе президентского статуса и основном функционале данного должностного лица, вытекающем из поставленных перед ним Конституцией задач и целей деятельности. В частности, на основании ч. 1 ст. 80 Конституции РФ Президент Российской Федерации именуется главой государства.

В Конституции не «расшифровывается» это понятие, однако оно по меньшей мере означает два момента: 1) Президент вправе персонально и единолично представлять Российскую Федерацию как субъекта международного права и 2) государственный механизм в Российской Федерации не может функционировать вне взаимосвязи и взаимодействия с Президентом Российской Федерации, имеющим в отношении иных органов и институтов власти и их должностных лиц властные (но не обязательно субординационные) полномочия.

Именно из особенностей статуса Президента РФ как главы государства следуют и предоставленные ему российской Конституцией функциональные возможности.

Функции главы государства

В ч. 2 ст. 80 Конституции РФ указаны общие функции Президента Российской Федерации. Прежде всего, это функция гаранта: в Конституции указано, что Президент Российской Федерации является гарантом ее самой, а также прав и свобод человека и гражданина.

Непосредственного указания на содержательные характеристики функции гаранта в Конституции РФ не имеется, что позволяет исследователям выделять самые разнообразные свойства такого рода функции Президента [Лучин, 2016; Окуньков, 2018; Правовой статус Президента Российской Федерации, 2017; Президент Российской Федерации в системе разделения властей, 2018].

Мы видим, что описание данной функции в Конституции России не отличается необходимой конкретикой. Более того, эта функция в своем отражении в Конституции значительно отличается по форме выражения от описания иных президентских функций и полномочий. Ее конструкция предполагает нечто большее, чем защиту прав и охраняемых законом интересов, отраженных в Конституции. Наконец, ни в одном другом случае речь не идет о деятельности по неукоснительному соблюдению конкретного юридического документа. Причем, само обязанное лицо – Президент – непосредственно указано в документе, соблюдение которого оно и призвано гарантировать. В этой связи мы не всегда наблюдаем достаточную определенность президентских полномочий. Указанный момент сказывается как на специфике оспаривания актов Президента [Блинов, 2017], так и на особенностях представительства его интересов в судебных инстанциях [Блинов, 2018]. Ско-

рее всего, с этим связан и вопрос недостаточной правовой регламентации деятельности отдельных органов президентской власти [Зуйков, Валуева, 2018].

Отдельные исследователи [Прокофьев, 2018] справедливо отмечают, что в самом статусе Президента как гаранта Конституции, прав и свобод человека и гражданина содержится важный резерв для его активной деятельности в условиях кризисной ситуации, что поддерживается и нами. Отсюда и то обстоятельство, что полномочия Президента РФ по выполнению гарантирующей функции не могут быть сведены к некоторому закрытому перечню и выражены в более конкретной форме. Некоторые авторы даже указывают, что Президент вообще не должен заниматься текущим управлением [Осавелюк, 2018], что, разумеется, не совсем верно.

Характеристика содержания функции гаранта

Отмеченные выше обстоятельства требует более глубокого рассмотрения содержательной характеристики функции гаранта.

Прежде всего, обратим внимание на основные моменты.

Во-первых, уровень гарантированности конституции зависит от конкретной политико-правовой, социально-экономической, духовно-культурной и другой обстановки в конкретном государственно-правовом образовании, что обуславливает как особые задачи по построению системы такого рода гарантий, так и использование специфического арсенала правовых и иных средств для достижения поставленных целей [Авакьян, 2020, с. 19]. То есть, данная функция именно Президента Российской Федерации реализуется как в контексте его прав и обязанностей, так и с точки зрения конкретной исторической обстановки.

Трудно оценить, насколько гарантирована Конституция в своем непосредственном действии, если чьи-то права нарушены, а такое свойственно для государства с любым уровнем развития. Соответственно, получается, что Президент всегда ставится в такие условия, когда его можно упрекнуть в ненадлежащем отпращивании данной функции с этой точки зрения, что очевидно не соответствует логике и здравому смыслу.

Соответственно, уровень гарантированности – это некая идеальная модель непосредственного действия Конституции, к реализации которой на практике и должен стремиться Президент.

Во-вторых, в современной литературе гарантирующая функция по своему содержанию иногда во многом отождествляется с охранительной и правозащитной функцией [Куриленко, 2011]. Иногда эта функция именуется «гарантирующе-охранительной» [Васильева, 2021], что не совсем правильно, так как здесь смешиваются два различных направления президентской деятельности.

Разумеется, такой подход не верен еще и потому, что существует масса других органов, не относящихся к системе президентской власти, которая также выполняет функции правоохраны и правозащиты, например, надзор за соблюдением норм Конституции осуществляет прокуратура Российской Федерации, защиту прав – судебная власть, в том числе Конституционный Суд РФ, уполномоченный оценивать правовые акты и юридически значимые действия по их исполнению только и исключительно на соответствие Конституции России.

С этой точки зрения правильнее все же считать гарантирование как создание условий и средств для непосредственного действия норм Конституции Российской Федерации, обеспечения фактической беспрепятственной реализации и действенной охраны прав и свобод человека и гражданина, на что указывают и другие авторы [Воеводин, 2017].

То есть гарантирование, в отличие от других президентских функций, это обычно не непосредственное действие, а постоянная деятельность, направленная на создание позитивной правовой ситуации иными органами власти и их должностными лицами. Конечно, в некоторых особых случаях свои полномочия как гаранта Конституции Президент Рос-

сии может реализовать и непосредственно, но в особых процессуальных формах, например, в виде реализации права законодательной инициативы [Минх, 2018], президентских Посланий [Туровская, Корчагина, 2016], в форме использования права вето на принятые высшим представительным органом власти законы [Ковалева, 2015], другим возможным путем [Осетров, 2017].

В-третьих, мы не согласны с мнением отдельных исследователей о том, что «в статусе главы государства как гаранта Конституции, прав и свобод личности нет неопределенности, поскольку его реализация подкрепляется конкретными полномочиями» [Снежко, 2020]. Это очевидно не так: наличие тех или иных полномочий во исполнение конкретной функции при наличии других, не менее значимых функций явно способно характеризовать саму функцию гаранта крайне отдаленно и опосредованно.

Как раз неопределенность не только присутствует, но и представляет собой (в данном случае и контексте) нечто позитивное: Президент «не связан» конкретными обязанностями по гарантированию действия Конституции, однако он должен обеспечивать ее действие, но уже тем путем, который предполагает верным в конкретной исторической обстановке.

В результате мы приходим к выводу, что указание на Президента РФ как на гаранта представляет собой не обозначение его гарантирующей функции (имеющиеся у него полномочия вполне могут быть «распределены» среди других функций), а обозначают обращенное к нему самому императивное требование, означающее одну из наиболее важных целей его деятельности, то есть именно то, чего ждут от лица, находящегося на этом посту, государство и общество. В этом смысле Президента можно признать объектом общественного контроля [Гриб, 2018].

Для выполнения такого рода императивного требования Президент Российской Федерации может предпринимать самые различные действия, используя для этого весь арсенал имеющихся у него средств. Осуществление Президентом такого рода деятельности, как правило, происходит в правовой форме, прямо установленной Конституцией РФ.

В частности, согласно ч. 1 ст. 90 Конституции России, Президент Российской Федерации издает указы и распоряжения. Их высокая юридическая сила подчеркнута в ч. 2 ст. 90 Конституции РФ: они обязательны для исполнения на всей территории Российской Федерации. Вместе с тем существует и ограничение: Указы и распоряжения Президента Российской Федерации не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам, как на то прямо указывает ч. 3 ст. 90 Конституции РФ.

Также в ч. 2 ст. 80 Конституции РФ отмечается, что Президент Российской Федерации 1) принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, 2) ее а) независимости и б) государственной целостности, 3) поддерживает гражданский мир и согласие в стране, 4) обеспечивает а) согласованное функционирование и б) взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти.

Следует отметить, что гарантирующая функция Президента России не едина по своей природе и от понятия «гарант Конституции, прав и свобод человека и гражданина» следует отличать другие смежные понятия, например, такие как «гарант государственного единства» [Панов, 2018].

Более того, в ряде актов Конституционного Суда РФ, начиная с Постановления от 31 июля 1995 г. № 10-П (по Чеченской Республике), функция гаранта рассматривается как возможность для Президента России совершать любые необходимые, по его мнению, действия, лишь бы они не противоречили самой Конституции [Прокофьев, 2018]. Такой подход вряд ли можно признать верным: очевидно, что, реализуя функцию гаранта Президент не должен нарушать и федеральные законы, нормы международного права и даже собственные Указы, которые должны быть отменены или изменены, но не нарушены.

За рубежом

Следует отметить, что в конституционных актах развитых стран, причем не только Европы и Азии, зачастую президенты (иные высшие должностные лица конкретного государства) либо не именуются гарантами вообще, либо указываются лишь гарантами Конституции, но не гарантами прав и свобод человека и гражданина, либо рассматриваются как гаранты независимой и эффективной деятельности других органов власти [Уилсон, 2020; Прокофьев, 2018; Джиффорд, 2020; Джинджер, 2020; Давид, Жоффре-Спинозу, 2021]. Гарантами прав и свобод человека и гражданина в такой ситуации обычно указывается судебная власть (ст. 76 Конституции Японии, ст. 46 Конституции Словацкой Республики Конституции), а президентская рассматривается как гарант независимости самой судебной власти, как это, например, указано в ст. 64 Конституции Франции или ст. 41 Конституции Армении [Дженис, Кэй, Бредли, 2017].

Иногда и сама гарантирующая функции президента описывается иным, нехарактерным для российской Конституции образом [Фомичено, 2017], что мы видим как из самих конституционных актов, так и из комментариев к ним [Basic Law for the Federal Republic of Germany, 2020; Stern, 2020; Costituzione della Repubblica Italiana, 2021; Baruchello, 2022; Constitution of Ireland, 2021].

Например, в ст. 126 Конституции Польши Президент республики называется гарантом непрерывности государственной власти, в отношении же Конституции республики указано, что он «следит за ее соблюдением», а по поводу суверенитета государства указано, что он «стоит на его страже». При этом функция представительства Республики Польши на внешней арене и гарантирующая функция четко разделены [Эрдманн, Шефер, Мундхенке, 2018].

По прямому указанию ст. 80 румынской Конституции Президент этой страны выполняет гарантирующую функцию не в отношении Конституции республики, чьих-либо прав и свобод, а в отношении трех объектов: 1) национальной независимости, 2) единства страны и 3) территориальной целостности страны [Мишин, 2022].

Конституционные права и обязанности Президента Российской Федерации составляют основу его правового статуса. Данные права и обязанности мы предлагаем рассматривать именно как полномочия, предполагающие не право Президента действовать в той или иной ситуации соответствующим образом, а его обязанность применить то или иное имеющееся у него властное полномочие или несколько полномочий одновременно. Совокупность указанных полномочий представляет собой объем компетенции Президента Российской Федерации как высшего должностного лица государства.

В работе нами в допустимом для ее вида объеме представлены основные характеристики реализации Президентом России своих полномочий (осуществлении прав и исполнении обязанностей) в рамках отправления указанных выше функций. Нами сделаны сопутствующие предложения по совершенствованию норм конституционного права в указанной части.

В целом, можно прийти к выводу, что объем имеющихся у Президента Российской Федерации полномочий, во-первых, явно достаточен для исполнения возложенных на него обязанностей и, во-вторых, соответствует статусу Президента России как высшего должностного лица и главы государства, а также установленным Конституцией целям и задачам его деятельности. Анализ данных Президенту России во исполнение его функций прав и возложенных на него обязанностей, однако, явно показывает дисбаланс в сторону прав, тем более, что сами обязанности Президента, как правило, именно в виде меры должного поведения обязанного лица в Конституции не сформулированы.

Заключение

Исторически и психологически российский Президент (как до него иные главы государства) выглядит «сильной фигурой», едва ли не способной к единоличному руководству российским государством. Тем не менее на самом деле полномочия Президента России четко определены российской Конституцией и ее же нормами в необходимых случаях ограничены.

Анализ положений Конституции РФ позволяет прийти к выводу о том, что даже глава государства не может эффективно реализовывать присущие ему полномочия без участия в этом иных должностных лиц из числа руководства государством, всех ветвей власти как на федеральном, так и на региональном уровне, а по ряду вопросов обеспечения качественной жизнедеятельности населения и без органов местного самоуправления, избираемых (формируемых) населением соответствующих территорий.

Значительная часть полномочий Президента России имеет координирующий (согласование деятельности ветвей власти, органов власти и их должностных лиц) и арбитражный (участие Президента РФ в рассмотрении споров «о компетенции» между органами власти и должностными лицами), а не гарантирующий характер.

Указанные в Конституции России полномочия Президента по своим внешним характеристикам способны посягать на независимость иных ветвей власти, региональную самостоятельность, однако при неукоснительном следовании нормам российской Конституции это невозможно. Вместе с тем нельзя не отметить возможность уточнения, детализации, корректировки полномочий Президента, что никак не умалит его статус и не скажется на эффективности и результативности стоящих перед ним задач как целей деятельности главы российского государства.

Функция Президента России как гаранта действия российской Конституции слабо исследована в литературе. В работе изложены проблемы, связанные с пониманием правового статуса Президента России как гаранта Конституции РФ. Отмечается, что правовой статус Президента как совокупность его полномочий обусловлен его функциональными задачами и возможностями.

Определенный в ст. 80 Конституции РФ статус Президента России как главы государства одновременно решает два вопроса.

Прежде всего, конституционные нормы указывают на место Президента РФ в управлении государством, системе разделения властей и государственном механизме в целом. Это место определяется целями и задачами, стоящими перед данным должностным лицом.

Кроме того, в ст. 80 Конституции РФ в самом общем виде указываются полномочия Президента РФ, которые, с одной стороны, вытекают из его статуса как главы государства и, с другой стороны, соответствуют его задачам (целям) деятельности.

Само наименование «глава государства» никак подробно не описывается в Конституции России, что предполагает в науке либо различное толкование данного термина, либо указание на отсутствие целей у такого обозначения, его отражение в Конституции лишь в качестве данности правовым традициям развитых стран, имеющих президентскую организацию республиканской формы правления, психологическим требованиям населения, зачастую ассоциирующего саму государственную власть с конкретным должностным лицом высокого уровня.

По сути и сама успешность деятельности того или иного лица на посту Президента России оценивается (главным образом избирателями, готовыми или не готовыми отдать свой голос за данное лицо или – при отсутствии у действующего Президента возможности вновь избираться – за кандидата, которого Президент поддержал своим авторитетом или который в глазах избирателя ассоциируется с проводимой действующим Президентом политикой) по мере того, насколько результативно тот смог осуществить свои функцио-

нальные обязанности именно как гарант Конституции России, прав и свобод человека и гражданина.

В части содержательных характеристик гарантирующей функции Президента РФ в юридической литературе представлены различные мнения, что обусловлено, во-первых, отсутствием конкретизации данной функции непосредственно в конституционных нормах, и, во-вторых, особенностями формулировки данной функции в Конституции России, отличающей ее от конструкций других президентских функций указанием в Конституции на само обязанное лицо – Президента страны.

Гарантированность Конституции, прав и свобод человека и гражданина – оценочная категория. Она зависит от конкретной исторической ситуации, и требования к гарантированности меняются одновременно с этой ситуацией. Полная гарантированность – идеал, к которому следует стремиться. Соответственно, какие-либо абсолютные показатели гарантированности на уровне конституционного законодательства представлены быть не могут. Это приводит к тому, что Президент России самостоятельно определяет уровень гарантированности, руководствуясь сложившейся политической, экономической, социальной, культурной, духовной обстановкой в обществе, что вряд ли можно признать полностью верным. Скорее, этот уровень гарантированности должен быть установлен им совместно с законодательной и судебной властью, однако сложность заключается в формальном выражении уровня гарантированности, ведь, обращаясь к мировому опыту, можно утверждать, что ни одно государство в мире не обеспечивает выполнение норм собственной Конституции в полной мере, одновременно, и ни одно государство в мире не обеспечивает полного неисполнения (игнорирования) норм своей Конституции.

Задача Президента – организовать деятельность всех ветвей власти, органов власти и их должностных лиц таким образом, чтобы гарантированность Конституции, прав и свобод человека и гражданина стала смыслом и повседневной деятельностью данных органов и лиц.

Определять, какие именно полномочия Президента РФ даны ему как гаранту Конституции, а какие – в других целях, ни в теории, ни на практике невозможно, так как абсолютно все эти полномочия и даны Президенту РФ для выполнения его функции как гаранта Конституции России, прав и свобод человека и гражданина. При этом другие функции имеют подчиненный, сопутствующий характер.

Особое внимание нами уделено также пониманию содержательной характеристики гарантирования действия Конституции, указанных в ней прав и свобод не как особому президентскому полномочию или президентской обязанности, а как сущности его деятельности в роли главы государства.

Кроме того, нами подвергнуты критике результаты исследований отдельных авторов о том, что для реализации функции гаранта Президенту России как должностному лицу якобы приданы некие особые полномочия. Из анализа норм российской Конституции этого не следует; все имеющиеся у Президента России полномочия не «привязаны» к конкретным его функциям, а именно опосредуют их.

В работе сделан вывод о том, что указание на Президента РФ как на гаранта, скорее всего, следует понимать с точки зрения не его гарантирующей функции, а смысла и целей его деятельности как главы государства.

Список литературы

- Авакьян С.А. 2020. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., «Сашко»: 410 с.
Блинов А.Б. 2017. Акты Президента РФ и их оспаривание. Государственная власть и местное самоуправление, 1: 54–58.
Блинов А.Б. 2018. Проблематика представления интересов Президента РФ в судах. Государственная власть и местное самоуправление, 10: 8–12.

- Васильева Н.Ю. 2021. Институт президентства в системе публичной власти РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 32 с.
- Воеводин Л.Д. 2017. Юридический статус личности в России. М., 342 с.
- Гриб В.В. 2018. Президент РФ – объект общественного контроля? Конституционное и муниципальное право, 8: 34–36.
- Давид Р., Жоффре-Спинози К. 2021. Основные правовые системы современности. М., Международные отношения, 680 с.
- Дженис М., Кэй Р., Бредли Э. 2017. Европейское право в области прав человека: Практика и комментарии. М., Права человека: 490 с.
- Джинджер Энн Ф. 2020. Верховный суд и права человека в США. М., Юрид. лит., 328 с.
- Джиффорд Д.Дж., Джиффорд К.Х. 2020. Правовая система Австралии. М., Юрид. лит., 344 с.
- Зуйков А.В., Валуева О.М. 2018. О законодательном закреплении правового статуса Администрации Президента Российской Федерации. Конституционное и муниципальное право, 3: 37–41.
- Ковалева К.А. 2015. Реализация Президентом Российской Федерации права вето на «экономические законы» как форма опосредованного участия в управлении социально-экономической сферой. Современное право, 9: 38–43.
- Краснов М.А. 2020. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М.: Фонд «Либеральная миссия», 322 с.
- Куриленко А.В. 2011. Понятие и содержание деятельности Президента РФ в качестве гаранта Конституции России. Юридический мир, 8: 24–26.
- Лебедев В.А. 2021. Суверенная демократия: идеология – политика – право (теоретические аспекты). Челябинск: Челябинский гос. Университет, 322 с.
- Лучин В.О. 2018. Указное право в России. М., 186 с.
- Минх Г.В. 2018. Законодательная инициатива Президента Российской Федерации как конституционно-правовой институт. Журнал российского права, 1: 89–99.
- Мишин А.А. 2022. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для вузов. М., Статут, 520 с.
- Овсеян Ж.И. 2020. Система высших органов государственной власти в России (диалектика конституционно-правовых основ с начала XX по начало XXI века). Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 220 с.
- Окуньков Л.А. 2018. Президент Российской Федерации. М., 280 с.
- Осавелюк А.М., Осавелюк Е.А. 2018. Об особенностях правового статуса Президента России. Конституционное и муниципальное право, 11: 54–58.
- Осетров С.А. 2017. Методы реализации президентской власти в Российской Федерации. Конституционное и муниципальное право, 1: 37–40.
- Панов А.И. 2018. Президент Российской Федерации как гарант государственного единства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 28.
- Паречина С.Г. 2021. Институт президентства: история и современность. Мн., ИСПИ, 310 с.
- Правовой статус Президента Российской Федерации. 2017. Под ред. Д.А. Дмитриева. М.: 312 с.
- Президент Российской Федерации в системе разделения властей. 2018. Под ред. В.И. Радченко. Саратов, 244 с.
- Прокофьев В.Н. 2018а. Иранский конституционализм и институт президентства. Конституционное и муниципальное право, 3: 70–74.
- Прокофьев В.Н. 2018б. Основные направления совершенствования института президентства в России. Конституционное и муниципальное право, 3: 53–56.
- Прокофьев В.Н. 2018с. Конституционно-правовой статус президента (главы государства) в парламентских республиках Западной Европы. Международное публичное и частное право, 2: 39–43.
- Снежко О.А. 2020. Президент Российской Федерации – гарант прав и свобод граждан. Право и политика, 2: 21–26.
- Туровская В.А., Корчагина К.А. 2016. Исполнение посланий Президента РФ к парламенту как способ зарождения новых гарантий защиты прав хозяйствующих субъектов при осуществлении государственного контроля и надзора. Российская юстиция, 1: 53–56.
- Уилсон Дж. 2020. Американское Правительство. М.: Прогресс-Универс, 318 с.

- Фомиченко М.П. 2017. Институт президентства в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития. Административное право и процесс, 1: 78–82.
- Эрдманн К., Шефер В., Мундхенке Э. 2018. Организационная структура правительства и структура управления. Heidelberg: R. V. Decker's Verlag, 210 p.
- Baruchello G. 2022. The President of the Republic in the Italian Constitution. A Wise Lawyer, 6: 39–49.
- Basic Law for the Federal Republic of Germany. 2020. Bonn: Deutscher Bundestag: 31 p.
- Constitution of Ireland. 2021. Irish Statute Book. Produced by the Office of the Attorney General: 280 p.
- Costituzione della Repubblica Italiana. 2021. Firenze: 128 p.
- Stern K. 2020. Das Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland. Aufl, 5: 18–27.

References

- Avak'yan S.A. 2020. Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost' [Constitution of Russia: nature, evolution, modernity]. M., Publ. Sashko, 410 p. (In Russian).
- Blinov A.B. 2017. Akty Prezidenta RF i ikh osparivaniye. [Acts of the President of the Russian Federation and their challenge]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye, 1: 54–58. (In Russian).
- Blinov A.B. 2018. Problematika predstavleniya interesov Prezidenta RF v sudakh. [Problems of representing the interests of the President of the Russian Federation in courts]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye, 10: 8–12. (In Russian).
- Vasil'yeva N.YU. 2021. Institut prezidentstva v sisteme publichnoy vlasti RF. [Institute of Presidency in the System of Public Power of the Russian Federation]: abstract dissertation of the candidate of legal sciences. M., 32 p. (In Russian).
- Voyevodin L.D. 2017. Yuridicheskiy status lichnosti v Rossii. [The legal status of the individual in Russia]. M., 342 p. (In Russian).
- Grib V.V. 2018. Prezident RF – ob'ekt obshchestvennogo kontrolya? [Is the President of the Russian Federation an object of public control?]. Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo, 8: 34–36. (In Russian).
- David R., Zhoffre-Spinozi K. 2021. Osnovnyye pravovyye sistemy sovremennosti. [The main legal systems of modernity]. M., Publ. Mezhdunar. otnosheniya: 680 p. (In Russian).
- Dzhenis M., Key R., Bredli E. 2017. Yevropeyskoye pravo v oblasti prav cheloveka: Praktika i kommentarii. [European Human Rights Law: Practice and Commentary]. M., Publ. Prava cheloveka: 490 p. (In Russian).
- Dzhindzher Enn F. 2020. Verkhovnyy sud i prava cheloveka v SSHA. [The Supreme Court and Human Rights in the United States]. M., Publ. Yurid. lit.: 328 p. (In Russian).
- Dzhifford D. Dzh., Dzhifford K.KH. 2020. Pravovaya sistema Avstralii [Australian legal system]. M., Publ. Yurid. lit.: 344 p. (In Russian).
- Zuykov A.V., Valuyeva O.M. 2018. O zakonodatel'nom zakreplenii pravovogo statusa Administratsii Prezidenta Rossiyskoy Federatsii. [On the legislative consolidation of the legal status of the Administration of the President of the Russian Federation]. Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo, 3: 37–41. (In Russian).
- Kovaleva K.A. 2015. Realizatsiya Prezidentom Rossiyskoy Federatsii prava veto na "ekonomicheskiye zakony" kak forma oposredovannogo uchastiya v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskoy sfery. [The exercise by the President of the Russian Federation of the right to veto "economic laws" as a form of indirect participation in the management of the socio-economic sphere]. Sovremennoye pravo, 9: 38–43. (In Russian).
- Krasnov M.A. 2020. Personalistskiy rezhim v Rossii: opyt institutsional'nogo analiza. [Personalist regime in Russia: experience of institutional analysis]. M., Publ. Fond Liberal'naya missiya: 322 p. (In Russian).
- Kurilenko A.V. 2011. Ponyatiye i soderzhaniye deyatelnosti Prezidenta RF v kachestve garanta Konstitutsii Rossii. [The concept and content of the activities of the President of the Russian Federation as a guarantor of the Constitution of Russia]. Yuridicheskiy mir, 8: 24–26. (In Russian).
- Lebedev V.A. 2021. Suverennaya demokratiya: ideologiya – politika -ravo (teoreticheskiye aspekty). [Sovereign Democracy: Ideology – Politics – Law (Theoretical Aspects)]. Chelyabinsk, Publ. Chelyabinskiy gos. Universitet, 322 p. (In Russian).
- Luchin V.O. 2018. Ukaznoye pravo v Rossii. [Decree law in Russia]. M., 186 p. (In Russian).

- Minkh G.V. 2018. Zakonodatel'naya initsiativa Prezidenta Rossiyskoy Federatsii kak konstitutsionno-pravovoy institut. [Legislative initiative of the President of the Russian Federation as a constitutional and legal institution]. Zhurnal rossiyskogo prava, 1: 89–99. (In Russian).
- Mishin A.A. 2022. Konstitutsionnoye (gosudarstvennoye) pravo zarubezhnykh stran: uchebnik dlya vuzov. [Constitutional (state) law of foreign countries]: M., Publ. Statut: 520 p. (In Russian)
- Ovsepyan ZH.I. 2020. Sistema vysshikh organov gosudarstvennoy vlasti v Rossii (dialektika konstitutsionno-pravovykh osnov s nachala XX po nachalo XXI veka). [The system of supreme state authorities in Russia (dialectic of constitutional and legal foundations from the beginning of the 20th to the beginning of the 21st century)]. Rostov n/D: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta: 220. (In Russian)
- Okun'kov L.A. 2018. Prezident Rossiyskoy Federatsii. [President of the Russian Federation]. M., 280 p. (In Russian).
- Osavelyuk A.M., Osavelyuk E.A. 2018. Ob osobennostyakh pravovogo statusa Prezidenta Rossii. [On the peculiarities of the legal status of the President of Russia]. Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo, 11: 54–58. (In Russian).
- Osetrov S.A. 2017. Metody realizatsii prezidentskoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii. [Methods for the implementation of presidential power in the Russian Federation]. Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo, 1: 37–40. (In Russian).
- Panov A.I. 2018. Prezident Rossiyskoy Federatsii kak garant gosudarstvennogo yedinstva. [President of the Russian Federation as a guarantor of state unity]: abstract dissertation of the candidate of legal sciences. M., 28 p. (In Russian).
- Parechina S.G. 2021. Institut prezidentstva: istoriya i sovremennost'. [Institute of the Presidency: Past and Present]. Mn., Publ. ISPI: 310 p. (In Russian).
- Pravovoy status Prezidenta Rossiyskoy Federatsii. 2017. [Legal status of the President of the Russian Federation]. Ed. D.A. Dmitriyeva. M., 312 p. (In Russian).
- Prezident Rossiyskoy Federatsii v sisteme razdeleniya vlastey. 2018. [President of the Russian Federation in the system of separation of powers]. Saratov, 244 p. (In Russian).
- Prokof'yev V.N. 2018a. Iranskiy konstitutsionalizm i institut prezidentstva. [Iranian constitutionalism and the institution of the presidency]. Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo, 3: 70–74. (In Russian).
- Prokof'yev V.N. 2018b. Osnovnyye napravleniya sovershenstvovaniya instituta prezidentstva v Rossii. [Main Directions for Improving the Institute of Presidency in Russia]. Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo, 3: 53–56. (In Russian).
- Prokof'yev V.N. 2018c. Konstitutsionno-pravovoy status prezidenta (glavy gosudarstva) v parlamentskikh respublikakh Zapadnoy Yevropy. [The constitutional and legal status of the president (head of state) in the parliamentary republics of Western Europe]. Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo, 2: 39–43. (In Russian).
- Snezhko O.A. 2020. Prezident Rossiyskoy Federatsii – garant prav i svobod grazhdan. [The President of the Russian Federation is the guarantor of the rights and freedoms of citizens]. Pravo i politika, 2: 21–26. (In Russian).
- Turovskaya V.A., Korchagina K.A. 2016. Ispolneniye poslaniy Prezidenta RF k parlamentu kak sposob zarozhdeniya novykh garantiy zashchity prav khozyaystvuyushchikh sub'yektov pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya i nadzora. [Execution of the messages of the President of the Russian Federation to the Parliament as a way to generate new guarantees for the protection of the rights of business entities in the implementation of state control and supervision]. Rossiyskaya yustitsiya, 1: 53–56. (In Russian).
- Uilson Dzh. 2020. Amerikanskoye Pravitel'stvo. [American Government]. M., Progress-Univers: 318 p. (In Russian).
- Fomichenko M.P. 2017. Institut prezidentstva v Rossiyskoy Federatsii: problemy i perspektivy razvitiya. [Institute of the Presidency in the Russian Federation: problems and development prospects]. Administrativnoye pravo i protsess, 1: 78–82. (In Russian).
- Erdmann K., Shefer V., Mundkhenke E. 2018. Organizatsionnaya struktura pravitel'stva i struktura upravleniya. [Government organizational structure and management structure]. Heidelberg: R.V. Decker's Verlag: 210 p. (In Russian).
- Baruchello G. 2022. The President of the Republic in the Italian Constitution. A Wise Lawyer, 6: 39–49.

Basic Law for the Federal Republic of Germany. 2020. Bonn: Deutscher Bundestag: 31 p.
Constitution of Ireland. 2021. Irish Statute Book. Produced by the Office of the Attorney General: 280 p.
Costituzione della Repubblica Italiana. 2021. Firenze: 128 p.
Stern K. 2020. Das Staatsrecht der Bundesrepublik Deutschland. Aufl, 5: 18–27.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 04.10.2022

Received October 04, 2022

Поступила после рецензирования 19.10.2022

Revised October 19, 2022

Принята к публикации 24.10.2022

Accepted October 24, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Максуров Алексей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Aleksey A. Maksurov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

 [ORCID 0000-0002-5781-6524](https://orcid.org/0000-0002-5781-6524)

 [ORCID 0000-0002-5781-6524](https://orcid.org/0000-0002-5781-6524)

УДК 340.132.2

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-107-113

Генезис законодательного регулирования институциональной основы формирования ответственного отношения к животным

Стус А.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 1460773@bsu.edu.ru

Аннотация. На протяжении длительного времени животные вовлечены в отношения, возникающих в бытовой, служебной, профессиональной, производственной и иных сферах. Такое многообразие не могло оставаться без внимания законодателя, и в 2020 году обновленный конституционный ориентир актуализировал научное внимание к проблемам ответственного отношения к животным. В этой связи автором осуществлен анализ нормативных правовых актов, заложивших институциональную основу таких отношений. Хронологически исследование охватило нормы советского периода развития Российского государства с 1918 года. В качестве научных результатов автором установлена институциональная советская основа формирования ответственного отношения к животным, представленная несколькими направлениями: публичные властные институты, осуществляющие управление в различных отраслях, соответствующих многообразию категорий животных; аналогичной направленности институты гражданского общества, а также институты смешанной правовой природы; специальные лечебные учреждения и специальные институты, создаваемые по различным критериям.

Ключевые слова: ответственное отношение к животным, государство, гражданское общество, лечебные институты, категории животных

Для цитирования: Стус А.А. 2023. Генезис законодательного регулирования институциональной основы формирования ответственного отношения к животным. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(1): 107–113. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-107-113

Genesis of Legislative Regulation of the Institutional Basis for the Formation of a Responsible Attitude to Animals

Angelina A. Stus

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: 1460773@bsu.edu.ru

Abstract. For a long time, animals have been involved in relationships arising in domestic, service, professional, industrial and other spheres. Such diversity could not remain without the attention of the legislator and in 2020 the updated constitutional guideline updated scientific attention to the problems of responsible attitude to animals. In this regard, the article analyzes the normative legal acts that laid the institutional basis for such relations. Chronologically, the study covered the norms of the Soviet period of the development of the Russian state since 1918. As scientific results, the author has established the institutional Soviet basis for the formation of a responsible attitude to animals, represented by several directions: public government institutions that manage in various industries corresponding to the diversity of animal categories; civil society institutions of a similar orientation, as well as institutions of a mixed legal nature; special medical institutions and special institutions created according to various criteria.

Keywords: responsible attitude to animals, the state, civil society, medical institutions, categories of animals

For citation: Stus A.A. 2023. Genesis of Legislative Regulation of the Institutional Basis for the Formation of a Responsible Attitude to Animals. *НОМОТНЕТИКА: Philosophy. Sociology. Law*, 48(1): 107–113 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-107-113

Введение

Конституционное дополнение полномочий Правительства Российской Федерации в части осуществления мер, направленных на «формирование в обществе ответственного отношения к животным» (п. «е. 5» ч. 1 ст. 114)⁸², выступает вкладом в духовно-нравственное развитие [Ермакова, 2019; Ларина, 2017]; ориентиром для принятия специального законодательства [Захаров, 2018; Никитина, 2022; Хорьков, Курилех, 2019], гарантий его реализации [Мархгейм, 2020; 2022], а также формирования организационной структуры, включающей публичные и социальные институты [Стус и др., 2022] с учетом современных рисков [Новикова, 2021; 2021a].

Что касается конкретизирующей нормативной базы, то принятый в 2018 г. Федеральный закон № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸³ «имеет историческое значение, поскольку ни в Российской Федерации, ни в СССР подобного закона никогда не было, в то время как во многих зарубежных странах соответствующие акты есть, и первые из них появились еще в XIX в.» [Горохов, 2020]. Не останавливаясь на качественной характеристике современной законодательной базы, регламентирующей ответственное отношение к животным, считаем необходимым обратиться к аспекту опыта советского периода, легализующего соответствующую институциональную основу.

Ранее нами уже было установлено, что появившиеся в советское время различные направления легализации норм, формирующих ответственное отношение к животным, «в своем многообразии касались категорирования животных (домашние, дикие, вовлеченные в хозяйственный оборот, опытные) / животного мира; регулятивного и административного участия государства в этой сфере (учреждение специальных территорий, в том числе для поддержания, восстановления популяций животных; организация и ведение охотничьего хозяйства, включая разведение и охрану охотничьих животных; установление налогов и льгот, страхования в связи с развитием животноводческих отраслей и пр.); легализация юридической ответственности и пр.» [Стус и др., 2022, с. 118].

Формирование институциональной основы ответственного отношения к животным

Установленному ранее категорированию животных соответствовало и учреждение институциональной основы.

Так, в 1928 г. «В целях упорядочения и усиления торговли лошадьми, организации правильного сбыта лошадей населением и снабжения лошадьми промышленности, транспорта, армии и беднейшего крестьянства в соответствии с перспективными планами Народного Комиссариата земледелия РСФСР и народных комиссариатов земледелия ав-

⁸² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

⁸³ Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8424.

тономных республик, образуется при Народном Комиссариате земледелия РСФСР Постоянное совещание по урегулированию торговли лошадьми»⁸⁴.

С 1930 г. на советском и республиканском уровне начали оформляться органы управления животноводством. Так, именно в 1930 г. народные комиссариаты земледелия Союза ССР и союзных республик, животноводческие тресты и потребительскую кооперацию были обязаны ударными темпами выполнить всю строительную программу животноводческих совхозов⁸⁵.

В 1932 г. из системы Народного комиссариата земледелия Союза ССР были выделены «зерновые и животноводческие совхозы и организован Народный комиссариат зерновых и животноводческих совхозов Союза ССР, реорганизовав объединения в управления Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов» (п. 1)⁸⁶. По аналогии на республиканском уровне в 1947 г. на Министерство совхозов РСФСР было возложено «руководство зерновыми, овощными, животноводческими и хлопковыми совхозами, находившимися в ведении Министерства земледелия РСФСР, Министерства животноводства РСФСР и Министерства технических культур РСФСР»⁸⁷.

Уточним, что в рассматриваемой сфере формировались не только публичные властные органы, но также создавались институты гражданского общества. К примеру, Декретом СНК РСФСР от 21 июля 1923 г. был утвержден нормальный устав сельскохозяйственного Общества⁸⁸, в соответствии с которым такое Общество учреждалось с целью содействовать в районе своих действий соединенными силами своих членов развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности. Для достижения этих целей Общества, в том числе, могли устраивать лечебницы для больных животных.

Кроме того, любопытны и институты смешанной правовой природы. Например, в 1990 г. на государственном уровне был создан еще один специальный институт – Всероссийский союз животноводов-любителей (Росживсоюз), включенный в систему агропромышленного комплекса РСФСР. При этом Госагропрому РСФСР предписывалось выделение материально-технических ресурсов Росживсоюзу⁸⁹.

Формирование лечебных институтов

В ходе анализа законодательства советского периода нами установлено, что самостоятельным направлением легализации формирования ответственного отношения к животным можно считать учреждение специальных лечебных институтов.

В 1924 г. было принято Положение о частных лечебницах (амбулаториях) для животных⁹⁰. «Разрешение на право открытия частной лечебницы (амбулатории) для лечения животных давалось губернским (областным) исполнительным комитетам на основании

⁸⁴ Постановление Экономического Совета РСФСР от 18.10.1928 «Об утверждении Положения о постоянном совещании по урегулированию торговли лошадьми» // СУ РСФСР. 1928. № 135. Ст. 881.

⁸⁵ Постановление СТО СССР от 20.12.1930 № 455 «О животноводческих совхозах» // СЗ СССР. 1931. № 1. Ст. 15.

⁸⁶ Постановление ЦИК СССР от 01.10.1932 «Об образовании Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов Союза ССР» // СЗ СССР. 1932. № 71. Ст. 435.

⁸⁷ Указ Президиума ВС РСФСР от 27.02.1947 «Об образовании Министерства совхозов РСФСР» // Сборник законов РСФСР и указов Президиума ВС РСФСР, 1946–1954. М.: Известия Советов Депутатов Трудящихся СССР, 1955.

⁸⁸ Декрет СНК РСФСР от 21.06.1923 «Нормальный устав сельскохозяйственного Общества» // СУ РСФСР. 1923. № 71. Ст. 698.

⁸⁹ Постановление Совмина РСФСР от 10.05.1990 № 145 «Вопросы Всероссийского союза животноводов-любителей» // СП РСФСР. 1990. № 15. Ст. 107.

⁹⁰ Декрет СНК РСФСР от 17.09.1924 «Положение о частных лечебницах (амбулаториях) для животных» // СУ РСФСР. 1924. № 80. Ст. 808.

заклучения подлежащего ветеринарного отдела по представленному учредителем проекту устава» (п. 1).

Управляющим частной лечебницы (амбулаторией) для животных мог быть только ветеринарный врач (п. 4).

При частной лечебнице (амбулатории) для животных должно быть особое изоляционное отделение для временного помещения животных, больных заразными болезнями, требующих немедленной изоляции (п. 6)»⁹¹.

С 1958 г. областная (краевая, республиканская) ветеринарная поликлиника являлась «ведущим профилактически-лечебным ветеринарным учреждением и учебно-методическим центром по внедрению в ветеринарную практику достижений науки и передового опыта в области (крае, республике)»⁹².

В числе основных задач областной (краевой, республиканской) ветеринарной поликлиники были: «методическое руководство профилактической, лечебной и ветеринарно-санитарной работой ветеринарных учреждений и специалистов области (края, республики) с целью повышения эффективности ветеринарных мероприятий, обеспечивающих рост поголовья скота, птицы и увеличение производства продуктов животноводства; разработка профилактических и лечебных мер на основе достижений науки и практики борьбы с заболеваниями животных применительно к местным условиям; пропаганда передового опыта и внедрение в практику работы ветеринарных учреждений и специалистов новейших методов и средств профилактики, диагностики и терапии, содействие всемерному повышению культуры в ветеринарном деле; оказание высококвалифицированной лечебной помощи животным, направляемым в поликлинику другими ветеринарными учреждениями»⁹³.

Позднее в аспекте специальных институтов, содействующих ответственному отношению к животным, полагаем, были городские станции по борьбе с болезнями животных – «центральные учреждения государственной ветеринарной службы в городе, находящиеся в ведении исполнительного комитета городского Совета народных депутатов, а по специальным вопросам подчиняющиеся вышестоящему ветеринарному органу.

Станция организуется в установленном порядке по решению исполкома городского Совета народных депутатов для ветеринарного обслуживания животных, принадлежащих государственным, кооперативным и общественным предприятиям, организациям и учреждениям, а также населению, и для осуществления ветеринарного надзора в городе»⁹⁴.

Формирование специальных институтов

В обозначенном советском периоде были выявлены нормы, регламентирующие охрану животных в определённых географических широтах. Например, «в целях охраны ценных видов арктических животных и более рационального использования имеющихся запасов этих животных для нужд местного населения Крайнего Севера... с 1957 года была ограничена в северных и дальневосточных водах, на островах и побережье Северного Ледовитого океана и Берингова моря в пределах РСФСР добыча моржа с запретом государственного промысла моржа, а также заготовки моржового жира и шкур»⁹⁵.

⁹¹ СУ РСФСР. 1924. № 80. Ст. 808.

⁹² Положение об областной (краевой, республиканской) ветеринарной поликлинике (утв. Минсельхозом СССР 26.07.1958) // Ветеринарное законодательство. Том I. М.: «Колос», 1972.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Типовое положение о городской (в городах областного, краевого и республиканского подчинения) станции по борьбе с болезнями животных (утв. Минсельхозом СССР 20.05.1985). "Ветеринарное законодательство. Том IV. М.: ВО «Агропромиздат», 1988.

⁹⁵ Постановление Совмина РСФСР от 21.11.1956 № 738 «О мерах охраны животных Арктики» (ред. от 04.03.1980) // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 4. С. 393.

Данным же Постановлением Совмина РСФСР регулировалось, что «гидрографические экспедиции Главсевморпути Министерства морского флота СССР могут производить в пределах установленного им лимита добычу моржа для корма ездовых собак только по специальным разрешениям, выдаваемым ежегодно министерствами рыбной промышленности СССР и РСФСР с обязательным соблюдением правил о запрете забоя самок моржа и отстрела моржей на воде»⁹⁶.

«Заповедники могут преследовать, в качестве дополнительных задач, охрану промысловых животных, охрану режима вод, нормальных климатических и санитарных условий, оборону страны и проч., а также могут быть использованы для отдыха трудящихся»⁹⁷.

Еще одно направление регулирования было связано с охраной животного мира специальными органами. Здесь целесообразно привести Правила охраны природной среды в Военно-Морском Флоте, включившие самостоятельный Раздел VI «Охрана животного мира», структурированный по следующим главам: «Требования, предъявляемые к охране животного мира», «Охрана среды обитания, условий размножения и путей миграции животных», «Охрана животных и птиц при применении средств защиты растений, стимуляторов роста, минеральных удобрений и других препаратов и веществ», «Охрана животных и птиц в заповедниках, заказниках и на других особо охраняемых территориях», «Охрана животного мира военно-охотничьими обществами»⁹⁸.

Представленным документом в ст. 459 давалась характеристика животного мира в качестве одного из «основных компонентов природной среды, важной составной частью природных богатств нашей страны. Он служит источником для получения промышленного, лекарственного сырья, пищевых продуктов и других материальных ценностей, необходимых для удовлетворения потребностей населения и народного хозяйства. Животный мир используется также в научных, культурно-просветительных и эстетических целях»⁹⁹.

В ст. 460 рассматриваемых Правил отражены основные требования по охране животного мира: «сохранение видового многообразия животного мира в состоянии естественной свободы; сохранение среды обитания, условий размножения и путей миграции животных; сохранение целостности естественных сообществ животных; научно обоснованное рациональное использование и воспроизводство животного мира; регулирование численности животных в целях охраны здоровья населения и предотвращения ущерба народному хозяйству»¹⁰⁰.

Особенно отмечалось, что воинские части, предприятия, учреждения и организации ВМФ в своей хозяйственной деятельности при ведении строительных работ, выполнении учебных задач должны соблюдать требования закона СССР «Об охране и использовании животного мира» (ст. 462).

Заключение

Проведенное исследование позволило определить несколько направлений, представляющих институциональную советскую основу формирования ответственного отношения к животным:

1) публичные властные институты, осуществляющие управление в различных отраслях, соответствующих многообразию категорий животных;

⁹⁶ Постановление Совмина РСФСР от 21.11.1956 № 738 «О мерах охраны животных Арктики» (ред. от 04.03.1980 г.) // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 4. С. 393.

⁹⁷ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20.06.1930 «Об охране и развитии природных богатств РСФСР» // СУ РСФСР. 1930. № 30. Ст. 397.

⁹⁸ Приказ Главнокомандующего ВМФ СССР от 12.12.1990 № 320 «О введении в действие Правил охраны природной среды в Военно-Морском Флоте (ПОПС-90)». М., Военное издательство, 1993.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

- 2) аналогичной направленности институты гражданского общества, а также институты смешанной правовой природы;
- 3) специальные лечебные учреждения;
- 4) специальные институты, создаваемые по различным критериям (охрана животных в определённых географических широтах, территориях и пр.).

Список литературы

- Горохов Д.Б. 2020. Проблемы качества и эффективности применения Закона об ответственном обращении с животными. Журнал российского права, 4: 153–171.
- Ермакова С.Н. 2019. Общественное отношение к бездомным животным в Российской Федерации (на примере жителей Белгородской области). Скиф. Вопросы студенческой науки, 12-2(40): 188–192.
- Захаров Д.Е. 2018. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный животному миру. Власть Закона, 3: 126–134.
- Ларина Л.Ю. 2017. Отношение к животным как фактор формирования духовно-нравственной жизни общества. Булгаковские чтения, 11: 143–150.
- Мархгейм М.В. 2020. Обновление Конституции России: думы о былом и грядущем. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 6(121): 51–55.
- Мархгейм М.В. 2022. Публичный правопорядок Российской Федерации: конституционный абрис нового ориентира. Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета, 3(103): 24–31.
- Никитина А.С. 2022. Ответственное отношение к животным через популяризацию их страхования. Устойчивое развитие науки и образования, 1(64): 97–103.
- Новикова А.Е. 2021. Научно-презентационная модель минимизации правозащитных рисков в деятельности государства. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки, 3-1: 94–100.
- Новикова А.Е. 2021а. Систематизация «внутренних» правозащитных рисков: специально-гарантный критерий. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 3(130): 102–106.
- Стус А.А., Мархгейм М.В., Кузьмина А.В., Кулишенко Е.А., Кодаш С.С. 2022. Генезис российского законодательства об ответственном отношении к животным. Вопросы истории, 12(3): 118–127.
- Хорьков В.Н., Курилех Ю.С. 2019. Новое законодательство об ответственном обращении с животными: достоинства и недостатки. Современное право, 9: 68–73.

References

- Gorohov D.B. 2020. Problemy kachestva i effektivnosti primeneniya Zakona ob otvetstvennom obrashchenii s zhiivotnymi [Problems of quality and effectiveness of the application of the Law on Responsible Treatment of Animals]. ZHurnal rossijskogo prava, 4: 153–171.
- Ermakova S.N. 2019. Obshchestvennoe otnoshenie k bezdomnym zhiivotnym v Rossijskoj Federacii (na primere zhitelej Belgorodskoj oblasti) [Public attitude towards homeless animals in the Russian Federation (on the example of residents of the Belgorod region)]. Skif. Voprosy studencheskoj nauki, 12-2(40): 188–192.
- Zaharov D.E. 2018. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za vred, prichinennyj zhiivotnomu miru [Civil liability for harm caused to the animal world]. Vlast' Zakona, 3: 126–134.
- Larina L.YU. 2017. Otnoshenie k zhiivotnym kak faktor formirovaniya duhovno-nravstvennoj zhizni obshchestva [The attitude to animals as a factor in the formation of the spiritual and moral life of society]. Bulgakovskie chteniya, 11: 143–150.
- Marhgejm M.V. 2020. Obnovlenie Konstitucii Rossii: dumy o bylom i gryadushchem [Updating the Constitution of Russia: thoughts about the past and the future]. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 6(121): 51–55.
- Marhgejm M.V. 2022. Publichnyj pravoporyadok Rossijskoj Federacii: konstitucionnyj abris novogo orientira [Public law and order of the Russian Federation: the constitutional outline of a new landmark]. YUridicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 3(103): 24–31.

- Nikitina A.S. 2022. Otvetstvennoe otnoshenie k zhyvotnym cherez populyarizatsiyu ih strahovaniya [Responsible attitude to animals through the popularization of their insurance]. Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya, 1(64): 97–103.
- Novikova A.E. 2021. Nauchno-prezentatsionnaya model' minimizatsii pravozashchitnykh riskov v deyatel'nosti gosudarstva [Scientific presentation model of minimizing human rights risks in the activities of the state]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki, 3-1: 94–100.
- Novikova A.E. 2021a. Sistematizatsiya «vnutrennih» pravozashchitnykh riskov: special'no-garantnyj kriterij [Systematization of "internal" human rights risks: a special guarantee criterion]. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 3(130): 102–106.
- Stus A.A., Marhgejm M.V. Kuz'mina A.V., Kulishenko E.A., Kodash S.S. 2022. Genezis rossijskogo zakonodatel'stva ob otvetstvennom otnoshenii k zhyvotnym [Genesis of the Russian legislation on responsible attitude to animals]. Voprosy istorii, 12(3): 118–127.
- Hor'kov V.N., Kurilekh YU.S. 2019. Novoe zakonodatel'stvo ob otvetstvennom obrashchenii s zhyvotnymi: dostoinstva i nedostatki [New legislation on responsible treatment of animals: advantages and disadvantages]. Sovremennoe pravo, 9: 68–73. (In Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 29.09.2022
Поступила после рецензирования 13.10.2022
Принята к публикации 17.10.2022

Received September 29, 2022
Revised October 13, 2022
Accepted October 17, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стус Ангелина Алексеевна, аспирант кафедры конституционного и международного права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Angelina A. Stus, Graduate Student of the Department of Constitutional and International Law, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 34.01.

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-114-126

К вопросу о соотношении понятий права и морали

Шавеко Н.А.

Институт философии и права Уральского отделения РАН,
Россия, 620108, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: shavekonikolai@gmail.com

Аннотация. Автор утверждает, что право и мораль можно сравнивать или как идеалы (причем идеал тройственен: необходимо различать мораль, этику и удовольствие/счастье, и к каждому из этих идеалов имеют отношение как право, так и мораль), или как позитивные установления, или как фактическую реализацию этих установлений. Соответственно, сравнивая право и мораль, следует исходить из одного и того же типа понимания. И правовой, и моральный идеалы регулируют как внешнее поведение людей, так и их внутренние мотивы. Более того, и право и мораль способны не только непосредственно регулировать социальные отношения, но и выступать в качестве набора установок, касающихся представлений о хорошей жизни («концепция блага»), а также с помощью своего инструментария содействовать увеличению совокупного общественного благосостояния. Определяющие отличия позитивного права от позитивной морали состоят в следующем. Если право (1) исходит от государства и (2) обеспечивается принуждением (или его угрозой) со стороны государственного механизма, причем (3) через специальные формальные процедуры правотворчества и правореализации, то мораль (1) исходит от всего общества, (2) обеспечивается санкциями со стороны любого из членов этого общества, причем (3) какие-либо формальные процедуры создания, изменения, отмены и применения моральных норм отсутствуют. Наконец, право и мораль можно рассматривать с социологических позиций. Один из вариантов соответствующего понимания морали состоит в том, что она определяется как фактические устоявшиеся модели поведения людей в ситуациях, относительно которых имеется общепризнанная социальная норма должного. В таком случае право остается определить как фактически и устойчиво принимаемые решения представителей публичной власти (правоприменителей) в ситуациях, урегулированных издаваемыми этой же публичной властью (правотворцами) нормативными актами.

Ключевые слова: право, мораль, справедливость, этика, правопонимание, деонтология, утилитаризм, этика добродетелей

Для цитирования: Шавеко Н.А. 2023. К вопросу о соотношении понятий права и морали. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 48(1): 114–126. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-114-126

On the Correlations Between Law and Morality

Nikolai A. Shaveko

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
16 Sofya Kovalevskaya St, Yekaterinburg 620108, Russian Federation
E-mail: shavekonikolai@gmail.com

Abstract. The article considers theoretical aspects of the ratio of law and morality. It is argued that law and morality can be compared either as ideals (the ideal is threefold: it is necessary to distinguish between morality, ethics and pleasure/happiness, and both law and morality are related to each of these ideals), or as positive institutions, or as the actual implementation of these institutions. Comparing law and morality, one should proceed from the same type of understanding. Both legal and moral ideals regulate both the external behavior of people and their internal motives. Moreover, both law and morality can not only directly regulate social relations, but also act as a set of attitudes concerning the ideas of a good life («the

concept of good»), as well as use their tools to promote social well-being. The defining differences between positive law and positive morality are as follows. If the law (1) comes from the state and (2) is enforced by coercion (or its threat) on the part of the state mechanism, and (3) through special formal procedures of law-making and law-realization, then morality (1) comes from the whole society, (2) is provided by sanctions from any of the members of this society, and (3) there are no formal procedures for the creation, modification, cancellation and application of moral norms. Finally, law and morality can be considered from a sociological perspective. One of the variants of the understanding of morality is that it is defined as the actual established patterns of behavior of people in situations concerning which there is a generally recognized social norm of due. In this case, the law remains to be defined as actual decisions by law enforcement officers in situations regulated by lawmakers.

Keywords: law, morality, justice, ethics, theory of law, deontology, utilitarianism, virtue ethics

For citation: Shaveko N.A. 2023. On the Correlations Between Law and Morality. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 114–126 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-114-126

Введение

Вопрос о соотношении права и морали неоднократно поднимался в юридической литературе, однако за разнообразием взглядов зачастую теряется суть. Одна из проблем состоит в том, что исследователи не всегда достаточно ясно формулируют вопрос, на который они дают ответ. Другая проблема заключается в том, что под вопросом о соотношении права и морали нередко имеются в виду совершенно разные вопросы. В настоящей статье предлагается некоторая матрица возможных соотношений права и морали в зависимости от того, как мы определяем сами право и мораль. Но прежде чем начать сравнение права и морали, следует сделать несколько предварительных замечаний.

Что такое право? Как известно, существует множество теорий правопонимания, но к настоящему времени в литературе выделяются три доминирующих, а именно естественно-правовая, позитивистская и социологическая [Марченко, 2004, с. 10]. Что такое мораль? Определяя данное явление, философы обычно опускают социологический аспект, выделяя лишь нормативное и дескриптивное понимания морали, но при этом дополнительно обращают внимание на соотношение морали и этики. Ниже мы будем исходить из того, что, (1) сравнивая право и мораль, необходимо четко понимать, какую из теорий правопонимания мы берем за основу, при этом (2), подобно праву, мораль можно понимать с позиций трех аналогичных подходов (то есть идеалистического, позитивистского и социологического). Далее мы сравним идеал права с идеалом морали, позитивное право с позитивной моралью, а право как социальный факт – с моралью как социальным фактом, но сразу оговоримся, что это не исключает иные возможные комбинации для сравнения.

Следует отметить, что в отечественной учебной литературе принято выделять множество самых различных теорий правопонимания (естественно-правовую, историческую, позитивистскую, нормативистскую, психологическую, социологическую, материалистическую и др.). Выделяя лишь три основных теории правопонимания, мы, с одной стороны, предполагаем, что остальные могут быть сведены к ним (например, историческая школа правопонимания, подобно естественно-правовой, содержит в себе элемент долженствования [Гурвич, 2004, с. 305; Гессен, 1902, с. 18]), с другой стороны, умышленно оставляем в стороне некоторые теории правопонимания (психологическая, либертарно-юридическая, интегральная и т.п.) с целью упрощения дальнейшего изложения.

Прежде всего, необходимо отметить, что, какую бы теорию правопонимания мы не выбрали, право везде рассматривается как нормативный регулятор, относящийся к человеческим действиям, бездействиям, поступкам и, что реже, к характеристикам личности, а также внутренним мотивам и чувствам. Мы полагаем, что с этих же позиций может быть рассмотрена и общественная мораль (нравственность).

При этом сразу же хотелось бы развенчать чрезвычайно распространенное в философской и юридической литературе мнение, согласно которому право регулирует лишь внешнее поведение людей, а мораль – только внутреннее. На неправильность такого разграничения указывали ещё многие правоведы рубежа XIX–XX веков [Шершеневич, 1910, с. 316; Коркунов, 2010, с. 94–95; Кельзен, 2015, с. 80]. Очевидно, что законодатель прямо дает правовую оценку чувствам, целям и мотивам, а также качествам (добродетелям и порокам) людей, закрепляя, например, правовые последствия утраты чувства любви и взаимного уважения в браке (абз. 2 п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 22 Семейного кодекса РФ¹), недобросовестности (ст. 10 Гражданского кодекса РФ², ч. 1 ст. 35 Гражданского процессуального кодекса РФ³ и др.), устанавливая требования к личности того, кто претендует на занятие высокопоставленной должности или получение важного статуса⁴, вводя ограничения на право заниматься педагогической и иной деятельностью (ст. 331, 351.1 Трудового кодекса РФ⁵), придавая правовое значение утрате доверия к работнику (ст. 81 Трудового кодекса РФ), а также личности правонарушителя, его судимости, целям и мотивам правонарушения, наличию и формам вины, многим из обстоятельств, исключающих преступность деяния, освобождающих от уголовной ответственности или наказания. Конечно, обычно право придает значение качествам и мотивам личности лишь в связи с конкретными действиями, не наказывая и не поощряя за них без соотнесения с определенным деятельностным контекстом. Причем, вопреки распространенному мнению ([Новгородцев, 1995, с. 106], Г.Ф. Шершеневич [Шершеневич, 1910, с. 317]), речь идет не только о случаях правонарушений, но и о правомерных действиях (например, для действительности брака или гражданско-правовых сделок важны намерения сторон, но недолжные намерения сами по себе не являются противоправными, они лишь отменяют определенные правовые последствия, см. ст. 10, 170, 178, 179 Гражданского кодекса РФ, ст. 27 Семейного кодекса РФ). Но разве общественная мораль, устанавливая требования к качествам и мотивам личности, казалось бы, вне какого-либо деятельностного контекста, не исходит на самом деле из той же самой посылки, что и право? Ведь смысл подобным требованиям придается во многом тем фактом, что одни качества и мотивы личности могут способствовать аморальному внешнему поведению, тогда как другие – высоконравственному. Например, вот что пишет А. Смит относительно такого качества личности, как благорасположение: «Хотя простое отсутствие благорасположения друг к другу среди равных людей и не заслуживает наказания, тем не менее чувство это, перешедшее за обыкновен-

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Российская газета, 1996. 27.

² Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994, 8 декабря.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Российская газета. 2002, 20 ноября.

⁴ Так, например, ст. 8 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» предъявляет к кандидатам на должность судьи Конституционного суда РФ требование «безупречной репутации». Согласно ст. 40.1. Закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурорами могут быть только лица, обладающие необходимыми профессиональными и моральными качествами. Кроме этого, можно отметить Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» в соответствии со ст. 12.1, 20.2 которого юридическую оценку получают деловые и нравственные качества судьи, закреплённые в Законе о статусе судей или в кодексе судейской этики. Отметим и Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 4, 7, 17 которого придают юридическое значение Кодексу профессиональной этики адвоката, также устанавливающему требования к деловым и моральным качествам личности. В юридической литературе, к слову, можно встретить критику такого смешения права и морали, хотя представляется явно необоснованным отрицать правовую природу норм, содержащихся в Кодексе профессиональной этики адвоката и в Кодексе судейской этики.

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Российская газета. 2001, 31 декабря.

ные границы, достойно, по-видимому, действительной награды. Оно порождает множество добрых поступков, самым справедливым образом вызывающих живейшую благодарность» [Смит, 1997, с. 97]. Иными словами, Смит рассматривает качество благодарности с точки зрения благого воздействия этого личностного качества на других людей, т. е. внешнего выражения этого качества. Отсюда различие между правом и моралью состоит скорее в фактических возможностях по урегулированию столь деликатных областей, как внутренние качества и мотивы личности, чем в разграничении самих сфер регулирования.

Конечно, иногда мораль устанавливает определенные требования к качествам и мотивам личности абсолютно вне всякой зависимости от возможных действий и поступков этой личности. Например, христианская мораль запрещает прелюбодействовать даже в сердце своём (Матф. 5: 27–28). Но подобные случаи демонстрируют просто другую функцию морали: здесь она выступает не в роли социального регулятора, а как набор установок, касающихся представлений о хорошей жизни («концепция блага»). Такая мораль также имеет определенные требования к внешнему поведению личности и даже к социальному устройству в целом. Но вытекают все эти требования (как относительно качеств и мотивов личности, так и относительно поведения личности и социального устройства) уже из некоторого целостного мировоззрения, касающегося смысла индивидуальной жизни, а не справедливости взаимоотношений между индивидуальными жизнями. Для нас в этом отношении важен тот факт, что право, наравне с моралью, не лишено возможности (как минимум в теории) поощрять или преследовать определенные качества и мотивы людей безотносительно возможных социальных последствий, исходя лишь из представлений о достойной личности и о достойно прожитой жизни. Опыт испанской инквизиции и любых других преследований за веру, а также опыт тоталитарных режимов XX века с их официальными государственными идеологиями – яркие тому примеры (люди могли быть осуждены за неподобающие убеждения не потому, что эти убеждения вредны для социума, а потому, что эти убеждения неправильны в принципе, т. е. не согласуются с некоторым представлением о «правильном» человеке и «правильно» проживаемой жизни! [Григулевич, 1976, с. 243; Плейди, 2002, с. 83–86]). Даже в демократических странах правовое регулирование может исходить из приоритета одних «концепций блага» над другими, пусть это и проявляется в более умеренных формах (например, когда законодательно поощряются деторождение, спортивная индустрия, благотворительная деятельность, охраняются и спонсируются искусство и музейное дело, религиозная деятельность, культурное наследие и многообразие животного мира: всё это, как правило, обосновывается не столько в контексте урегулирования конфликтующих интересов, сколько в контексте «правильного» образа жизни и «достойных» устремлений). Следовательно, и здесь мы не наблюдаем принципиального отличия права от морали.

Итак, мы выяснили, что как право, так и мораль могут пониматься в качестве нормативных регуляторов, которые запрещают, предписывают, разрешают или рекомендуют (поощряют) определенные действия и бездействия, характеристики личности, а также внутренние мотивы и чувства. Отсюда следует, что определения понятия морали могут быть даны исходя из корреспондирующих им теорий правопонимания.

Правовой и моральный идеалы: справедливость, этика, польза

Прежде всего, проводя параллели с доктриной естественного права, мораль можно понимать как некое идеальное социальное регулирование. Но поскольку и право, и мораль рассматриваются нами как социальные регуляторы, очевидно, что идеал права и морали должен быть одним и тем же. В свою очередь человек, который считает одинаково правильным два противоположных варианта поведения или два противоположных следствия некоторого качества/мотива личности, противоречит сам себе и нарушает элементарные законы логики. Ведь даже если действующее законодательство требует от меня одного

поведения, а общественная мораль – прямо противоположного, я всё равно нахожу правильным только один вариант (который, впрочем, может не совпадать ни с позитивным правом, ни с позитивной моралью). Ситуации, когда идеальные требования к закону и общественному мнению отличаются, могут быть обусловлены лишь исключительными обстоятельствами, связанными с различиями правовой и моральной форм регулирования, например, с их гибкостью или эффективностью воздействия в тех или иных ситуациях. Так, иногда включение в закон справедливых положений, соблюдение которых государство очевидно не сможет обеспечить, чревато падением авторитета закона как такового, и отсюда – еще большей несправедливостью. Это подобно тому, что Р. Штаммлер называл «умышленно неправильным правом» («bewusst unrichtiges Recht»). Данный автор обращал внимание на то, что иногда попытки сей же час искоренить несправедливое социальное регулирование чреватые еще большими несправедливостями [Stammler, 1902, p. 226–271].

В чем именно состоит идеал правового и нравственного регулирования – тема отдельного исследования. Мы лишь хотим подчеркнуть, что в значении некоторого идеала права и мораль практически неразличимы. В этом смысле часто встречающиеся попытки разграничить право и мораль по используемым критериям должного («законно/незаконно» у права и «хорошо/плохо» у морали) представляются несостоятельными, так как в этом случае право в позитивистском смысле сравнивается с моралью в смысле некоторого идеала, но это всё равно что сравнивать зеленое с квадратным. В действительности и право, и мораль ориентированы на единый социальный идеал, который корректнее обозначить как «справедливость» (впрочем, это лишь вопрос терминологии).

Мы, однако, сказали, что право и мораль могут выполнять функцию не только социального регулятора, но и функцию защиты и реализации некоторой «концепции блага». В этом случае они продолжают быть нормативными регуляторами, но ориентированы на другой идеал. Хабермас в этой связи проводит различие между моралью и этикой [Habermas, 1992]. Этика отвечает на вопрос о «сильных предпочтениях» («каким человеком я хочу быть? какой жизнью я хочу жить?»), а мораль направлена на беспристрастное урегулирование конфликтов. По нашему мнению, поскольку право также направлено на беспристрастное урегулирование конфликтов, постольку можно провести аналогичное разграничение этики и права. В результате корректнее говорить о разграничении этики и справедливости как двух видов нормативных идеалов, первый из которых выражен у Аристотеля, а второй – у Канта. При этом этика врывается и в область морали, и в область права, предлагая свои собственные оценки человеческих действий, поступков, добродетелей и мотивов. Так, например, религиозные доктрины, предоставляя собственное понимание смысла жизни (этику), порождают одновременно религиозную мораль и религиозное право.

Есть два довода, вследствие которых в области права обычно не воспроизводится различие, подобное хабермасовскому делению «морали» и «этики»: 1) с помощью правовых механизмов сложно заставить человека реализовывать определенный смысл жизни (то есть быть «таким-то», стремиться к «тому-то»); 2) в тех случаях, когда это всё же возможно, предполагается провозглашение официальной идеологии, однако опыт показывает, что предоставление одному из социальных институтов (т. е. государству) полномочий регламентировать идеологическую сферу всего социума чреват эксцессами. Вместе с тем первый довод отчасти опровергается вторым, второй же довод отчасти опровергается проводимой современными демократическими государствами политикой идентичности, ограничиваемой правами человека (иными словами, если государство является подлинно демократическим, а его полномочия в сфере защиты и/или формирования идентичности ограничены некоторыми базовыми правами человека, то соответствующая политика обычно не считается несправедливой). Поэтому нет причин не рассматривать право, как инструмент реализации некоторого «этического» идеала (а не только идеала справедливости), к чему, например, призывают т. н. коммунитаристы (Ч. Тейлор, М. Уолцер, М. Сэн-

дел, А. Макинтайр, А. Этциони). Важно подчеркнуть, что социальный идеал взаимоотношения индивидов (справедливость) может противоречить идеалу достойной жизни индивида, но это столкновение идеалов происходит и внутри права, и внутри морали, и является не столкновением права и морали, а столкновением идеалов справедливости и этики. Так, например, будучи, как правило, ориентированными на загробный мир, религии выражают подход к долженствованию, очевидно отличающийся от подхода, связанного с урегулированием конфликтов или иными «профанными» целями (хотя и таковым религии уделяют некоторое внимание). Это может породить конфликт справедливости и религиозной этики.

Два названных идеала обуславливают, помимо прочего, двойное понимание феномена добродетелей. Так, Дж. Ролз, находясь в кантовской традиции, рассматривает добродетели как такие качества личности, которые способствуют социальному идеалу, то есть действиям в соответствии с правильными принципами социального устройства [Ролз, 2011], для Аристотеля же добродетели суть то, что воплощает в человеке его идеал как человека (телос) [Аристотель, 2018]. Понятно, что различные подходы приведут к тому, что добродетелями будут считаться различные качества. Кроме того, обоснованной может оказаться разная степень развития этих качеств (как правило, этический идеал больше, чем идеал справедливости, подходит для обоснования героизма и самопожертвования). Аналогично двойно можно рассматривать идеал мотивов человеческих действий. Для одних правильный мотив есть такой, который способствует правильному социальному устройству (подобное воззрение см., напр., у Р. Штамmlера [Stammler, 1902, S. 70]), для других правильный мотив связан со стремлением стать определенным человеком (подобное воззрение см., напр., у И. Ильина [2007, с. 388]). В этическом контексте внешние действия зачастую вообще оцениваются не как нечто самостоятельное, а лишь как нечто, выражающее внутренний мотив или влияющее на характеристику личности. Как писал В. Франкл, «я не только поступаю в соответствии с тем, что я есть, но и становлюсь в соответствии с тем, как я поступаю» [Франкл, 1990, с. 114].

Продвинемся немного дальше и обратим внимание еще на один (уже третий) идеал, не чуждый праву и морали. Так, на наш взгляд, приведенное различие справедливости и этики следует отличать от кантовского различия категорического императива и императивов счастья. Иногда человек осознает, что его счастье противоречит его же индивидуальным представлениям о смысле жизни. Следовательно, этика и счастье не тождественны. Только тогда, когда смысл жизни человек видит в получении удовольствий и достижении счастья, можно говорить о совпадении императивов счастья и этических императивов, то есть психологического и этического гедонизма. В остальных же случаях императив счастья имеет самостоятельное значение. Экстраполированный на социальную сферу, он выливается в учение утилитаризма, которое многие философы ошибочно пытаются представить в виде единственно верной теории справедливости. В действительности принцип всеобщего блага (пользы) не имеет к справедливости никакого отношения, поскольку не отвечает на вопрос о том, как польза должны распределяться среди членов общества. Это давно стало общим местом критики утилитаризма [Шапиро, 2004, с. 39; Ролз, 2011, с. 158–160; Хёффе, 1994, с. 38]. Однако сказанное не означает, что идеал всеобщего блага следует полностью отбросить. Будучи членами общества или государственного союза, мы рассчитываем на то, что пребывание в них будет для нас полезным, социальные институты и публичная власть будут работать по возможности эффективно, обеспечивая общий экономический рост. Вытекающие отсюда требования существуют независимо от требований, касающихся прав человека, справедливого распределения благ или представлений о смысле жизни, хотя, безусловно, должны быть с ними каким-то образом согласованы. Так, утилитаризм способен выработать свои собственные взгляды относительно должных поступков, добродетелей и мотивов. Джон Локк, в частности, писал: «Вещи бывают добром и злом только в отношении удовольствия и страдания. "Добром" мы называем то, что

способно вызвать у нас или увеличить удовольствие, либо уменьшить наше страдание... "Злом", напротив, мы называем то, что способно причинить нам или увеличить какое-нибудь страдание, либо уменьшить какое-нибудь удовольствие... Под "удовольствием" и "страданием" я разумею либо то, что относится к телу, либо то, что к душе» [Локк, 1985, с. 280]. При этом, как и другие учения об идеале, утилитаризм сталкивается со своими специфичными проблемами. Например, мы должны найти убедительные способы измерения совокупного удовольствия, т. е. экономического роста. Традиционные критерии, такие как ВВП, сегодня всё больше подвергаются сомнению [Стиглиц, Сен, Фитусси, 2016].

Подводя итоги рассмотрению идеалов права и морали, обратим внимание на то, что в современной политической и моральной теории сложились три основных течения – утилитаристское, аристотелевское (этическое) и кантианское (деонтологическое) – выражающие соответственно идеалы целесообразности, блага и справедливости [Хабермас, 1995, с. 7–17]. Наш тезис, вытекающий из вышеизложенного, состоит в том, что каждый из названных идеалов имеет право на существование. Однако сама постановка вопроса о должном социальном (!) регулировании подразумевает некоторый приоритет требований справедливости перед пользой и добродетелью. Лишь с индивидуальной перспективы стремление к счастью или реализация своего предназначения могут иметь приоритет перед справедливостью.

Позитивное право и позитивная мораль

Итак, мы рассмотрели соотношение права и морали как выразителей должного. Помимо этого, мораль, подобно праву, допустимо определить позитивистски. Если право с точки зрения этого подхода означает совокупность установленных или санкционированных публичной властью нормативных предписаний к подвластным субъектам, то мораль представляет собой сложившиеся в том или ином обществе устойчивые представления о правильном или неправильном (хорошем и плохом, добром и злом и т. д. – конкретные термины не столь важны), выраженные в нормативных предписаниях к членам данного общества. Позитивистский характер подобного определения морали заключается в том, что мы не выражаем в нем своего отношения к сложившимся моральным устоям и не соотносим их с каким-либо нравственным идеалом. Уточнение приведенного определения позитивной морали позволит отличить ее не только от права, но и от других социальных регуляторов (напр., от обычаев и традиций), но это сейчас не входит в нашу задачу. От этих уточнений зависят суждения о времени появления морали, поэтому вопрос о том, относится ли появление морали и права к одной и той же исторической эпохе, мы также опустим.

В чем *определяющие* отличия позитивного права от позитивной морали? Если право (1) исходит от государства и (2) обеспечивается принуждением (или его угрозой) со стороны государственного механизма, причем (3) через специальные формальные процедуры правотворчества и правореализации, то мораль (1) исходит от всего общества, (2) обеспечивается санкциями со стороны любого из членов этого общества (к негативным моральным санкциям, вопреки распространенному мнению, относится не только осуждение, но и лишение внимания, отказ от сотрудничества, исключение из группы, а также общественное давление с целью побудить к соблюдению нарушенной нормы, а иногда даже имущественные и физические наказания; положительные моральные санкции не менее разнообразны), причем (3) какие-либо формальные процедуры создания, изменения, отмены и применения моральных норм отсутствуют (более того, как верно отметил Г.В. Мальцев, каждый человек, соблюдая ту или иную норму морали, одновременно как бы вновь создает ее; отсутствует четкое разграничение создания и реализации моральной нормы [Мальцев, 2009, с. 152]). Эти различия (субъект и способы формирования, особенности привлечения к ответственности) являются наиболее бесспорными и называются чаще всего,

но важно подчеркнуть, что они касаются сравнения исключительно позитивистской трактовки права и позитивной трактовки морали.

В отечественной литературе О.Г. Дробницкий предлагал различать право и мораль как институциональный и неинституциональный способы регуляции в том смысле, что право создается и применяется специальными учреждениями (органами), имеющими на то полномочия [Дробницкий, 2002, с. 237]. Как отмечается некоторыми исследователями, иногда привлечение к моральной ответственности также осуществляется отчасти институционально [Мальцев, 2009, с. 153], но на наш взгляд, пока речь в подобных случаях не идет об институтах публичной власти, нельзя говорить и о юридической ответственности. По всей видимости, именно публичная, то есть особым образом организованная, институционализируемая власть как таковая (в том числе протогосударственная, международная и пр.), не обязательно только государственная, является «источником формирования» правовых норм и тем критерием, который позволяет четко разграничить право и мораль. Отсюда давно подмеченное Ю.А. Агешиным отличие в характере развития права и морали: «если развитие нравственной материи характеризуется в целом постоянством движения, его относительной непрерывностью (плавностью), то право развивается скачкообразно, прерывисто» [Агешин, 1982, с. 84]. Это утверждение, обусловленное спецификой самой правовой формы, обладает большой долей истины даже и в том случае, когда государство осуществляет реформы законодательства максимально плавно. Но от названного аспекта следует отличать вопрос о том, какой из двух социальных регуляторов более динамичен: здесь встречаются прямо противоположные точки зрения, но совершенно очевидно, что ответ на этот вопрос относителен и зависит от воли соответственно законодателя или общества.

Ключевым разграничением права и морали с точки зрения нормативного подхода оказывается, на наш взгляд, различие их основных норм. Если в сфере права основная норма, согласно Кельзену, санкционирует определенный институциональный порядок, продуцирующий право («Должно вести себя так, как предписывает конституция» [Кельзен, 2015, с. 249]), то в сфере морали такая основная норма, по всей видимости, должна выглядеть следующим образом: «Должно следовать предписаниям общественного мнения».

Многие другие отличия права от морали, обычно рассматриваемые в литературе, хотя и имеют место, но уже не являются абсолютными, т. е. не проистекают из самих по себе понятий права и морали. Так, тесная связь с институтами публичной власти, создающимися во многом с целью обеспечения известной стабильности и определенности (понимаемыми как частные и потому относительные требования справедливости), предопределяет сравнительно бóльший *формализм* права и, соответственно, сравнительно бóльшую *гибкость* не связанной с публичной властью морали [Новгородцев, 1995, с. 108], однако следует иметь в виду относительный характер данного различия. В частности, столь распространенные источники права, как обычай (в силу того, что он не всегда закреплён письменно) и прецедент (в силу того, что лишь применительно к конкретному делу определяется то, что составляет *ratio desidendi*, а что – *obiter dictum* применяемого судебного решения [Максимов, 1995, с. 97, 100]) имеют гораздо меньшую степень формализации, чем нормативно-правовой акт. То же самое можно сказать о доктринально формулируемых правовых принципах, а применительно к англо-саксонской правовой семье – о «максимах права справедливости», называемых в литературе «неопределёнными этическими утверждениями» («vague ethical statements») [Hudson, 2009, p. 24; Романов, 2002, с. 112–114]. Не всегда право достаточно четко определяет и санкции за правонарушения. Так, актуальными остаются вопросы об отсутствии санкций у многих конституционно-правовых норм [Виноградов, 2001] и об абсолютно-неопределённых санкциях в международном праве, а в странах англо-саксонской правовой семьи вообще имеет место практика лишения свободы на неопределённый срок, зависящий от поведения заключенного

(indefinite imprisonment). Одновременно моральные санкции вполне могут быть формально-определенными. Так, касаясь первобытной эпохи «исследования этнографов показывают, что зачастую моральные запреты имели фиксированную шкалу санкций» [Лукашева, 1986, с. 114]. Тем не менее в большинстве случаев правовая норма действительно является более определенной и менее гибкой, чем моральная. Она ориентирована на известную каждому юристу структуру «гипотеза – диспозиция – санкция», в то время как моральные нормы представляют собой своего рода «общие» гипотезы и диспозиции (напр., «не лги друзьям»), уточняющиеся лишь применительно к индивидуальным случаям (напр., в конкретных обстоятельствах мы можем признать допустимой «ложь во благо»), при этом санкции моральных норм, как правило, вообще заранее не определены и избираются уже *post factum*. Столь же относительным является различие права и морали по *степени систематизации* (долгое время в европейской истории право не было систематизировано [Лукашева, 1986, с. 111; Романов, 2002, с. 81]), но и это различие, как правило, всё же достаточно четко прослеживается, так как обуславливается самой необходимостью возникновения права. Так, хотя мораль локальных групп, очевидно, должна соответствовать морали всего общества, в состав которого они входят (т. е. имеется некоторая обусловленная логикой иерархия), но каких-либо специальных правил разрешения конфликтов ценностей различных локальных групп (даже если индивид принадлежит к каждой из них) мораль не содержит [Колотова, 1997, с. 18].

Другие называемые в литературе различия права и морали не столь очевидны. К таковым, например, относятся крайне дискуссионные предложения разграничить право и мораль по *уровню их требовательности* (право как Existenzminimum морали и т.п.) или по *суровости их санкций*. Подобные различия не просто ситуативно и исторически изменчивы, но даже не создают какой-либо очевидной тенденции. Отличия права от морали пытаются усмотреть также в *источниках их закрепления*. При этом часто безосновательно утверждается, что различие этих источников состоит в том, что право выражено в документах, исходящих от государственной власти, а мораль – в общественном сознании (как будто официальные документы не могут содержать нравственные нормы, а право не содержится в общественном сознании!). Типичные формы закрепления у права и морали действительно разные, однако и тот, и другой социальный регулятор могут фиксироваться как письменно, так и устно, содержаться в религиозных книгах, печатных СМИ, кодексах профессиональной этики и программных документах, в древних летописях и других источниках. Помимо этого, иногда предпринимается попытка разграничить право и мораль по *методам регулирования*. Так, С.С. Алексеев утверждал, что право сосредоточено на дозволениях, а мораль – на обязанностях [Алексеев, 2001, с. 211], схожим образом Х. Томазий видел основной принцип права запрещающим, а основной принцип морали – обязывающим [Фролова, 2015, с. 120]. Но всё же более убедительной представляется позиция, согласно которой и праву, и морали не чужды ни запреты, ни дозволения, ни обязанности, ни ориентированные на добровольное исполнение рекомендации (о существовании моральных дозволений говорит, например, такое часто используемое в быту выражение, как «иметь моральное право»). Наконец, исследователи делают попытки разграничить право и мораль по *сферам регулирования*, при этом одни ученые доказывают, что охватываемый правом круг общественных отношений значительно шире, чем у морали, а другие отстаивают прямо противоположный тезис. Мы полагаем, что право и мораль действительно можно разграничить по названному критерию, но каждый из этих регуляторов в силу своей специфики имеет достаточно широкую область приложения, недоступную для другого регулятора: так, многие узкопрофессиональные и технические стандарты безразличны для морали, в то время как многие аспекты отношений дружбы или любви не регламентируются правом. В.Д. Зорькин, говоря об ограниченных возможностях права, сравнивал его с сетчатой сумкой, в которой можно унести картофель, но не крупу

[Зорькин, 2010, с. 17]. Мораль, в свою очередь, ограничена известной аморфностью, вследствие чего неприменима там, где требуется детальное регулирование. Так или иначе, критерий разграничения права и морали по сферам регулирования, как и многие другие, является не просто исторически изменчивым, но и весьма неопределенным. В истории, как отмечал П.И. Новгородцев, случаются переходы юридических требований в моральные и наоборот.

Социологические трактовки права и морали

Мы рассмотрели соотношение понятий права и морали с позиций идеалистических и позитивистских. Наконец, мораль можно рассматривать с социологических позиций.

Один из вариантов соответствующего понимания морали состоит в том, что она определяется как фактически устоявшиеся модели поведения людей в ситуациях, относительно которых имеется общепризнанная социальная норма должного. В таком случае право остается определить как фактически и устойчиво принимаемые решения представителей публичной власти (правоприменителей) в ситуациях, урегулированных издаваемыми этой же публичной властью (правотворцами) нормативными актами.

Подобное разграничение не исчерпывает всего богатства социологических трактовок права и морали, но является возможным постольку, поскольку действия людей иногда расходятся с их словами. В литературе верно отмечается, что «нравственные утверждения можно считать нравственными и принимать в их прямом значении только тогда, когда тот, кто формулирует эти утверждения, формулирует их для того, чтобы примерить на самом себе» [Гусейнов, Апресян, 1998, с. 30]. Однако даже искренне разделяемое большинством членов общества убеждение (например, о необходимости подавать милостыню или беречь окружающую среду, уступать место в общественном транспорте, относиться с участием к чужим проблемам, соблюдать ПДД и т. д.; о недопустимости лжи, взяток или кумовства) может не совпадать с фактически совершаемыми большинством членов общества действиями. Нормативная сила фактического порой заставляет большинство людей поступать совсем не так, как они считают правильным, что давно подмечено социальными психологами. Норма в значении наиболее распространенного варианта поведения сама по себе выступает в качестве ориентира для действия. Как отмечал, например, А. Смит, «при определении степени одобрения или осуждения человеческих поступков мы пользуемся обыкновенно двумя различными мерилami: во-первых, представлением, какое мы имеем о том безусловном совершенстве, которого при затруднительных обстоятельствах человек никогда не достигает и не в силах достигнуть, так что в сравнении с подобным совершенством все наши поступки не выдерживают критики и даже заслуживают порицания; во-вторых, представлением о большей или меньшей близости поступков большинства людей к такому совершенству» [Смит, 1997, с. 46].

Надо сказать, что предложенный нами вариант разграничения права и морали с точки зрения социологического подхода не лишен недостатков. Ведь если право мы определили по отношению к решениям правоприменителей, то мораль не имеет четкого разграничения на морале-творцев и морале-применителей, поскольку и теми, и другими являются все члены общества. Тем не менее данный вариант разграничения права и морали представляется более продуктивным, чем смешение обоих этих социальных регуляторов с фактическими общественными отношениями и следующие отсюда попытки вынести критерии разграничения различных видов социальных регуляторов в область психических переживаний (О. Эрлих, Л. Петражицкий, отчасти Р. Иеринг), так как позволяет сохранить и позитивистское, и юснатуралистское определения права и морали, одновременно дополнив их социологическими определениями.

Заключение

Приведенные три трактовки права и морали (идеалистическая, позитивистская и социологическая) отражают три давно известных значения слова «норма». Иногда мы говорим о норме как о чем-то таком, что считаем правильным в силу какого-то убеждающего основания или критерия совершенства (независимо от того, что думают и как поступают остальные). В других случаях нормой считается то, что соответствует мнению некоторой инстанции (например, публичной власти или большинства членов соответствующей социальной группы). Наконец, иногда мы называем нормой фактически сложившийся, наиболее распространенный вариант поведения в той или иной ситуации, независимо от того, считаем ли мы (или кто-то другой) этот вариант поведения приемлемым. Далеко не всегда в литературе четко различаются все три указанных значения, в частности не всегда разграничиваются «мнение большинства» и «поведение, свойственное большинству». Р. Дворкин, например, с одной стороны выделял идеалистическую трактовку нормы («нормативное правило»), с другой стороны смешивал воедино вторую и третью трактовки (позитивистскую и социологическую) в рамках термина «социальная норма» [Дворкин, 2004, с. 81]. Между тем только четкое понимание трех различных значений термина «норма» позволяет корректно сравнивать феномены права и морали.

Таким образом, когда мы сравниваем право и мораль, мы сравниваем различные нормативные структуры, но поскольку сама норма может пониматься по-разному, постольку сравнение будет корректно лишь в случае, если мы применяем одно и то же значение этого слова и к праву, и к морали, а именно: право и мораль можно сравнивать или как идеалы (причем идеал, опять же, тройственен: необходимо различать мораль, этику и счастье), или как позитивные установления, или как фактическую реализацию этих установлений.

Список литературы

- Агешин Ю.А. 1982. Политика, право, мораль. М., Юридическая литература, 160 с.
Алексеев С.С. 2001. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., Норма, 752 с.
Аристотель. 2018. Этика. М., Эксмо, 320 с.
Виноградов В.А. 2001. Конституционно-правовые санкции. Законодательство, 12: 54–62.
Гессен В.М. 1902. Возрождение естественного права. СПб., тип. Спб. о-ва Е. Евдокимов, 43 с.
Григулевич И.Р. 1976. Инквизиция. М., Политиздат, 462 с.
Гурвич Г.Д. 2004. Философия и социология права. Избранные сочинения. СПб., Издат. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 847 с.
Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. 1998. Этика. М., Гардарики, 470 с.
Дворкин Р. 2004. О правах всерьез. М., РОССПЭН, 392 с.
Дробницкий О.Г. 2002. Моральная философия. М., Гардарики, 520 с.
Зорькин В.Д. 2010. Право эпохи модерна. Российская газета, 5217, 17.
Ильин И.А. 2007. Почему мы верим в Россию, Соч. М., Эксмо, 909 с.
Кельзен Г. 2015. Чистое учение о праве. СПб., Алеф-Пресс, 542 с.
Колотова Н.В. 1997. Взаимодействие права и морали, взаимодополнительность и конфликт. Автореф. дис. на соискание ученой степени к.ю.н. М., 24 с.
Коркунов Н.М. 2010. Лекции по общей теории права. М., РОССПЭН, 519 с.
Локк Дж. 1985. Соч., в 3 т. Т.1. М., Мысль, 623 с.
Лукашева Е.А. 1986. Право, мораль, личность. М., Наука, 263 с.
Мальцев Г.В. 2009. Нравственные основания права. М., СГУ, 550 с.
Марченко М.Н. 2004. Теория государства и права, учебник для вузов. М., Зерцало, 800 с.
Новгородцев П.И. 1995. Право и нравственность. Правоведение, 6: 103–113.
Плейди Д. 2002. Испанская инквизиция. М., Центрполиграф, 445 с.
Ролз Дж. 2010. Теория справедливости. М., ЛКИ, 536 с.
Романов А.К. 2002. Правовая система Англии. М., Дело, 344 с.
Смит А. 1997. Теория нравственных чувств. М., Республика, 351 с.

- Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. 2016. Неверно оценивая нашу жизнь, почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М., Издательство Института Гайдара, 216 с.
- Франкл В. 1990. Человек в поисках смысла. М., Прогресс, 366 с.
- Фролова Е.А. 2015. Проблемы теории и философии права. М., Юрлитинформ, 303 с.
- Хабермас Ю. 1995. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., Academia, 252 с.
- Хёффе О. 1994. Политика. Право. Справедливость. М., Гнозис, 319 с.
- Шапиро И. 2004. Моральные основания политики. М., КДУ, 296 с.
- Шершеневич Г.Ф. 1910. Общая теория права. В 4-х т. М., Изд. бр. Башмаковых, 805 с.
- Штаммлер Р. 1908. Сущность и задачи права и правоведения. М., тип. т-ва И.Д. Сытина, 144 с.
- Habermas J. 1992. Erläuterung zur Diskursethik. Frankfurt am Main, 229 p.
- Hudson A. 2009. Equity and Trusts. London & NY: Routledge-Cavendish, 1288 p.
- Stammler R. 1902. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 647 p.

References

- Ageshin Iu.A. 1982. Politika, pravo, moral' [Politics, law, morality]. М., Iuridicheskaiia literatura. 160 p. (In Russian).
- Alekseev S.S. 2001. Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniia [Ascent to the law. Searches and solutions]. М., Norma. 752 p. (In Russian).
- Aristotel'. 2018. Etika [Ethics]. М., Eksmo. 320 p. (In Russian).
- Vinogradov V.A. 2001. Konstitutsionno-pravovye sanktsii [Constitutional legal sanctions.]. Zakonodatel'stvo, 12: 54–62. (In Russian).
- Gessen V.M. 1902. Vozrozhdenie estestvennogo prava [The revival of natural law]. SPb., Tip. Spb. o-va E. Evdokimov. 43 p. (In Russian).
- Grigulevich I.R. 1976. Inkvizitsiia [The Inquisition]. М., Politizdat. 462 p. (In Russian)
- Gurvich G.D. 2004. Filosofii i sotsiologiia prava. Izbrannye sochineniia [Philosophy and Sociology of Law. Selected writings]. SPb., Izdat. Dom S.-Peterb. gos. un-ta. 847 p. (In Russian).
- Guseinov A.A., Apresian R.G. 1998. Etika [Ethics]. М., Gardarika. 470 p. (In Russian).
- Dvorkin R. 2004. O pravakh vser'ez [Taking rights seriously]. М., ROSSPEN. 392 p. (In Russian).
- Drobnitskii O.G. 2002. Moral'naia filosofiiia [Moral philosophy]. М., Gardariki. 520 p. (In Russian).
- Zor'kin V.D. Zor'kin V.D. 2010. Pravo epokhi moderna [The law of the Modern era]. Ros. Gaz., 5217, 17. (In Russian).
- Il'in I.A. 2007. Pochemu my verim v Rossiui, Soch. [Why we believe in Russia, Essays]. М., Eksmo. 909 p. (In Russian).
- Kelsen H. 2015. Chistoe uchenie o prave [Pure Theory of Law] SPb., Alef-Press. 542 p. (In Russian).
- Kolotova N. V. 1997. Vzaimodeistvie prava i morali, vzaimodopolnitel'nost' i konflikt. Avtoref. dis. na soiskanie uchenoi stepeni k. iu. n. [The interaction of law and morality, complementarity and conflict. Autoref. dis. for the degree of Candidate of Law]. М., 24 p. (In Russian).
- Korkunov N.M. 2010. Lektsii po obshchei teorii prava. [Lectures on the general theory of law] М., ROSSPEN. 519 p. (In Russian).
- Locke J. 1985. Soch. [Writing]. In 3 vol. Vol. 1 М., Mysl'. 623 p. (In Russian).
- Lukasheva E.A. 1986. Pravo, moral', lichnost' [Law, morality, personality] М., Nauka. 263 p. (In Russian).
- Mal'tsev G.V. 2009. Nravstvennye osnovaniia prava. [The moral foundations of law] М., SGU. 550 p. (In Russian).
- Marchenko M.N. 2004. Teoriia gosudarstva i prava, uchebnik dlia vuzov [Theory of state and law, textbook for universities.]. М., Zertsalo. 800 p. (In Russian).
- Novgorodtsev P.I. 1995. Pravo i нравstvennost'. [Law and morality]. Pravovedenie, 6, 103-113. (In Russian).
- Pleidi D. 2002. Ispanskaia inkvizitsiia. [The Spanish Inquisition] М., Tsentrpoligraf. 445 p. (In Russian).
- Rawls J. 2010. Teoriia spravedlivosti. [A theory of justice] М., LKI. 536 p. (In Russian).
- Romanov A.K. 2002. Pravovaia sistema Anglii. [The legal system of England]. М., Delo. 344 p. (In Russian).

- Smith. A. 1997. Teoriia npravstvennykh chuvstv. [The Theory of Moral Sentiments]. M., Respublika. 351 p. (In Russian).
- Stiglitz D., Sen A., Fitoussi J.-P. 2016. Neverno otsenivaia nashu zhizn', pochemu VVP ne imeet smysla? Doklad Komissii po izmereniiu effektivnosti ekonomiki i sotsial'nogo progressa. [Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress.] M., Izdatel'stvo Instituta Gaidara. 216 p. (In Russian).
- Frankl V. 1990. Chelovek v poiskakh smysla. [Man's Search for Meaning] M., Progress. 366 p. (In Russian).
- Frolova E.A. 2015. Problemy teorii i filosofii prava, monografiia. [Problems of theory and philosophy of law, monograph.] M., Iurlitinform. 303 p. (In Russian)
- Habermas J. 1995. Demokratsiia. Razum. Npravstvennost'. Moskovskie leksii i interv'iu. [Democracy. Reason. Morality. Moscow lectures and interviews.] M., Academia. 252 p. (In Russian).
- Hoeffe O. 1994. Politika. Pravo. Spravedlivost'. [Political justice] M., Gnozis. 319 p. (In Russian).
- Shapiro I. 2004. Moral'nye osnovaniia politiki. [The moral foundations of politics.] M., KDU. 296 p. (In Russian).
- Shershenevich G.F. 1910. Obshchaia teoriia prava. V 4-kh t. [General theory of law in 4 vol.] M., Izd. br. Bashmakovykh. 805 p. (In Russian)
- Stammler R. 1908. Sushchnost' i zadachi prava i pravovedeniia. [The essence and objectives of law and jurisprudence] M., tip. t-va I.D. Sytina, 1908. 144 p. (In Russian).
- Habermas J. Erläuterung zur Diskursethik. Frankfurt am Main, 1992. 229 p.
- Hudson A. Equity and Trusts. London & NY: Routledge-Cavendish, 2009. 1288 p.
- Stammler R. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. 647 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.10.2022
Поступила после рецензирования 17.10.2022
Принята к публикации 20.10.2022

Received October 3, 2022
Revised October 17, 2022
Accepted October 20, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шавеко Николай Александрович, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия

 [ORCID: 0000-0002-5481-7425](https://orcid.org/0000-0002-5481-7425)

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nikolai A. Shaveko, Candidate of Legal sciences, Senior Researcher, Institute of philosophy and law of the Ural branch of the Russian academy of sciences, Yekaterinburg, Russia

 [ORCID: 0000-0002-5481-7425](https://orcid.org/0000-0002-5481-7425)

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 101.1:316

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-127-136

Процессы отчуждения человека в социогенезе

Даренская В.Н.

Луганский государственный педагогический университет,
Россия, 91011, г. Луганск, ул. Оборонная, 2
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Аннотация. Одним из общих «механизмов» социогенеза, которые являются универсальными и действуют на всем протяжении исторического процесса, являются процессы отчуждения человека и его преодоление. Автором предложено рассмотрение отчуждения в контексте субъектно-субъектных отношений и касательно конечного и бесконечного (феноменального и трансцендентного) уровней бытия. В качестве одной из ключевых категорий, определяющих диалектику отчуждения и его имманентного снятия в историческом процессе, полагается смысл жизни как целостное образование индивидуального и массового сознания, который возвращает целостность бытия человека, преодолевая его частичные отчужденные формы. В исследовании показано, что в кризисные эпохи нужна особая культура отчуждения, позволяющая не только бороться до конца, но и учиться компромиссу, овладевать искусством сосуществования с теми видами отчуждения, которые могут дать положительный эффект, а также с теми, преодолеть которые не под силу обществу на данном этапе его развития.

Ключевые слова: отчуждение, история, социальность, экзистенция, социогенез

Для цитирования: Даренская В.Н. 2023. Процессы отчуждения человека в социогенезе. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 48(1): 127–136. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-127-136

Processes of Human Alienation in Sociogenesis

Vera N. Darenskaya

Lugansk State Pedagogical University,
2 Oboronnaya St, Lugansk 91011, Luhansk People's Republic, Russia
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Abstract. One of the general "mechanisms" of sociogenesis, which are universal and operate throughout the historical process, are the processes of alienation of a person and his overcoming. The author proposes to consider alienation in the context of subject-subject relations and concerning the finite and infinite (phenomenal and transcendent) levels of being. As one of the key categories defining the dialectic of alienation and its immanent removal in the historical process, the meaning of life is assumed as an integral formation of individual and mass consciousness, which returns the integrity of human existence, overcoming its partial alienated forms. The study shows that in times of crisis, a special culture of alienation is needed, allowing not only to fight to the end, but also to learn compromise, to master the art of coexistence with those types of alienation that can have a positive effect, as well as with those that society cannot overcome at this stage of its development

Keywords: alienation, history, sociality, existence, sociogenesis

For citation: Darenskaya V.N. 2023. Processes of Human Alienation in Sociogenesis. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 127–136 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-127-136

Введение

В библейском повествовании человеческая история начинается изгнанием человека из рая. Это повествование, помимо своего богословского смысла, имеет и вполне эмпирические соответствия: архетип «изгнания из рая» присутствует во всех культурах, а значит, отражает очень важный смысловой аспект бытия человека. В свою очередь, этот архетип нашел свое отражение и в рамках философской мысли, в частности, его емким выражением стала гегелевская теория «отчуждения» человеческого духа от своей изначальной полноты и цельности. Это отчуждение духа от самого себя должно быть преодолено в его дальнейшем историческом развитии. Собственно, в этом и состоит цель мировой истории, по Гегелю. Социогенез традиционно определяется как исторический «процесс становления и развития человека как социального существа, субъекта сознания и деятельности» [Давыдовский, 2013, с. 24]. Можно сказать, что социогенез никогда не заканчивается: это не только ранние стадии становления человека и общества, но и весь в целом процесс этого становления. Тем самым, всегда актуальным является исследование тех общих «механизмов» социогенеза, которые являются универсальными и действуют на всем протяжении исторического процесса. Одним из этих «механизмов» являются процессы отчуждения человека и его преодоление.

Данное исследование посвящено анализу отчуждения как универсального фактора исторического процесса.

Методы исследования

Следует рассматривать отчуждение не только в традиционных рамках субъектно-объектных отношений, но и в контексте субъектно-субъектных отношений и касательно конечного и бесконечного (феноменального и трансцендентного) уровней бытия. В первом случае преодоление отчуждения ведет к свободе, а непосредственной противоположностью отчуждения является присвоение. Такое отношение к отчуждению характерно для культуры Запада и современного индустриального общества. Во втором случае противоположностью отчуждения выступает родственность, а в третьем – сопричастность универсуму. В обоих случаях «горизонтом» преодоления отчуждения (по аналогии с ролью свободы в первом случае) является соборность. Решение глобальных проблем современности, а также возрождение нашего общества требует прорыва за рамки узкого понимания отчуждения в области субъектно-объектных отношений, которое для индустриальной культуры кажется единственно возможным. В новейших публикациях по данной проблеме [Вильданова, 2007; Прокофьева, 2010] в основном воспроизводится старый неомарксистский подход. Нам же представляется необходимым рассматривать отчуждение и его снятие как некую «универсалию» культуры.

Результаты исследования

В свое время Э.В. Ильенков рассмотрел разные гегелевские термины, которые охватывают проблематику отчуждения. Он отмечал, что у Гегеля «*Entfremdung*» в его специфически гегелевском значении характеризует лишь одну стадию развития мирового духа – то есть духовной культуры человечества, – связанную с антагонизмом между государством и религией, между «внутренним» и «внешним», – короче говоря, с неразвитостью духовной культуры... оно преодолевается, снимается и сохраняется лишь в «памяти» человечества, – как предметный урок, из коего мировой дух сделал свои выводы. В «совершенном» государстве, которое проникнуто духом «подлинной религии», состояние «*Entfremdung*» возникнуть уже не может» [Ильенков, 1991, с. 143]. Другой термин у Гегеля обозначает уже не эту временную историческую форму отчуждения, а «представляет собой непреходящую и необходимую форму человеческой деятельности вообще. В этом смысле «*Entausserung*» входит в самое определение «духа»» [Ильенков, 1991, с. 144]. Тем самым, если термин *Entausserung* обозначает имманентное опредмечивание «духа» (то

есть человеческого сознания в его свободной деятельности), которое является его внутренним законом и существует всегда; то термин *Entfremdung* имеет более приземленный и негативный смысл – он означает возникновение таких форм опредмечивания «духа», которые затем его подавляют и становятся враждебны ему. Поэтому такое отчуждение требует своего имманентного «снятия» в историческом процессе.

Если исходить из абстракции «естественного» человека как некоего его «первичного» состояния, то «такие формы регламентации человеческой жизнедеятельности, как право (неразрывно связанное с применением принуждения и насилия человека над человеком), как мораль (по природе своей не могущая исключить формально-моральные, а на деле – безнравственные акции), как государственный аппарат (таящий в себе всегда, пока он существует, тенденцию к бюрократизации во всех ее видах) и т. д. и т. п. Все эти формы – пока они сохраняются – остаются “отчужденными” формами человеческой жизнедеятельности» [Ильенков, 1991, с. 150]. Соответственно, «задача полного снятия “отчуждения” совпадает с задачей создания таких условий непосредственного труда и образования, внутри которых каждый индивидуум – а не только некоторые – достигал бы подлинно современных высот духовно-теоретической, технической и нравственной культуры. Ибо только в этом случае он становится подлинным, а не формальным хозяином всего созданного в рамках “отчуждения” мира культуры» [Ильенков, 1991, с. 151].

В таком понимании преодоление «отчуждения» и является конечной задачей антропосоциогенеза, которая решается в историческом процессе: это «задача превращения каждого индивида на Земле в высокоразвитого и универсального индивида, ибо только сообщество таких индивидов уже не будет нуждаться во “внешней” – в “отчужденной” – форме регламентации его деятельности – в товарно-денежной, в правовой, в государственно-политической и других формах управления людьми» [Ильенков, 1991, с. 151].

Во всех утопиях будущее общество мыслилось как общество без отчуждения. Но реальное историческое развитие поставило под сомнение этот сценарий. Сделав ставку на комфорт как высшую ценность, общество «загнало» человека в технизированный мир, где он, подчиняясь чуждым его природе законам, отчуждается от самого себя. Техносфера постепенно выводит человеческую жизнь из органического единства с биосферой, что лишает человека биосферной «солидарности», оставляет его наедине с техническими средствами, ставящими под сомнение будущее человечества. Проблема отчуждения всегда «автоматически» ставит и проблему субстанциональности человека, поскольку человек оказывается перед лицом двух взаимосвязанных процессов. Первый из них предполагает «отнятие» человеческих сущностных сил и «ограбление» личности в труде, что соответствует этимологии слова «отчуждение», второй – обеспечивает становление в человеке нечеловеческого начала, влекущего за собой утрату им своей подлинной субъектности. Последнее превращает человека в «вещь» и актуализирует вопрос о его субстанциональности. Поэтому чем масштабнее предметное поле культуры, с которым взаимодействует человек, чем глубже освоение индивидом всего богатства социальных связей, чем шире выход в область общечеловеческого, тем ярче сама индивидуальность, для которой мера личной свободы оказывается мерой гуманности общества.

Отчуждение существенно ограничивает развитие человека, деформирует его сущность, создает кризисную ситуацию в его бытии. Сущность человека не статична, а динамична. В ней заключены источники всех его проблем, устремлений и надежд, реализация которых зависит от культурно-исторического содержания конкретного общества. Последнее либо актуализирует проблему отчуждения, либо ослабляет ее. Духовное возрождение и развитие общества может обеспечить хотя бы частичный его выход за пределы одной прагматической целесообразности, преодолеть извращенные общественные отношения, содействовать переходу экономического общества в постэкономическое, где ведущим фактором развития общественных связей становится сам человек. В многообразии культурно-исторического процесса необходимо видеть не внешнюю, преходящую форму, но

способ саморазвития через усложнение мира человеческой культуры. Это будет способствовать осознанию уникальности индивидуальной культуры как специфической формы конституирования целостности и единства человеческого бытия.

Анализ проблемы снятия отчуждения в процессе продолжающегося исторического становления человека будет неполным, если не затронут вопрос о смысле бытия человека. Сама категория «смысла» и обозначает такую целостность бытия, в которой все противоречия и его отчуждение в искаженных социальных формах возвращаются к своему истоку. Вопрос о цели общественного развития и смысле человеческого бытия – это две стороны одной проблемы. Смысл человеческого бытия нельзя постичь вне его общественной сущности. В то же время история не продуцирует никаких целей, это делает наделенный сознанием человек. Осмысление данной проблемы определяется прежде всего объективным состоянием мира, коренными особенностями как современной эпохи в целом, так и отечественной истории в частности. Но его предпосылкой является и новый «дух эпохи», новое мышление, которое выражает не только внутреннюю логику развития знания, но и изменившееся положение человека в мире.

Мышление должно быть диалектическим, творческим, динамичным, реалистичным, демократичным. Как таковое оно противостоит мышлению догматичному, шаблонному, авторитарному, склонному к самообману, конформизму. Собственно, число подобных характеристик может быть увеличено, они могут быть уточнены. Нетрудно заметить, что указанные характеристики являются противоположностями, где одна сторона противоречия не может существовать без другой и можно говорить лишь о ведущей стороне того или иного противоречия. Поэтому проблема не сводится к тому, чтобы просто противопоставлять эти довольно-таки абстрактные характеристики, пропагандировать одни и критиковать другие. В самом общем виде эти характеристики тяготеют к двум противоположным полюсам: ориентирам на устоявшиеся образы мышления и коренной ломке привычных стереотипов мышления и выработке новых. Между этими двумя полюсами находится значительный массив переходных образцов общественного сознания. Единство и борьба старого и нового мышления разворачивается не в социальном вакууме. Учитывая тот факт, что мышление отражает социальные реалии, вполне понятно, что существуют различные социальные группы и классы, которые ориентируются на те или иные образцы мышления, являются их носителями. В силу этого обстоятельства существует корреляция между ориентацией на старые или новые образцы мышления и защитой старых социальных порядков или революционным обновлением общества соответственно. Точно так же существуют и значительные социальные группы, которые занимают выжидательную позицию, склонны к апатии, компромиссу.

Может возникнуть вопрос: а возможны ли вообще радикальные преобразования мышления, своего рода революции в сфере человеческого интеллекта? История духовной культуры свидетельствует, что такие преобразования имели место и иногда были необычайно глубоки. Такой, например, была интеллектуальная революция XVI–XVII вв. в Европе в период раннебуржуазных революций. В это время коренным образом изменились формы и содержание научного, философского, практического мышления, ориентиры и мотивы деятельности людей, качественно трансформировался даже здравый смысл, способности восприятия многих вещей, в достаточном количестве появились новые понятия и представления. Эти изменения отражены в обширной литературе по истории науки и культуры упомянутого исторического периода. Некоторые характеристики подобных трансформаций исторически уникальны, но есть и типичные черты, которые необходимо учитывать при рассмотрении процесса обновления мышления в наши дни. Это предполагает ряд объективных условий.

Культура – это социальный феномен и как таковой он характеризуется инверсией целей и средств. То, что первоначально возникло как средство, при определенных условиях может стать целью. Например, человеческий труд, общение людей, появившееся как

средство в борьбе с силами природы, на позднем этапе исторического развития становятся высшими ценностями и целями. Так и культура, возникая как средство выживания человека, по мере своего развития становится сферой самореализации и саморазвития человека. Как отмечал О.И. Джигоев, «культура первоначально возникает как способ человеческой деятельности, назначение которого состоит в том, чтобы способствовать достижению человеческих целей. Культура при своем возникновении имеет технологическую природу. Но подобно тому, как социальное не сводится к обеспечению биологического существования человека, так и культура не исчерпывается ее технологическим назначением. Культура превращается в сферу выявления творческих сил человека, она является одним из важнейших измерений самооценки человека. Культура охватывает признаваемые той или иной групповой ценности, и оценка личности своего поведения с точки зрения этих ценностей представляет собой важнейшее средство удовлетворения такой важной потребности человека, как потребность в смысле жизни» [Культура, 1979, с. 25].

В чем же специфика элементов культуры по сравнению с другими явлениями общественной жизни? Большинство культурологов их фундаментальным свойством считает способность выступать в роли средств человеческой деятельности. Так, Э.С. Маркарян пишет: «Класс явлений культуры – это не что иное, как многообразная специфическая система средств, благодаря которой осуществляется коллективная и индивидуальная жизнь людей, стимулируется, мотивируется, программируется, исполняется, физически обеспечивается, социально воспроизводится их активность, организуются, функционируют и развиваются человеческие коллективы» [Маркарян, 1983, с. 26]. В свою очередь, именно культура обеспечивает реализацию самой деятельности как способ ее осуществления, как ее искусственная технология. Поэтому «технологичность культуры, полагание ее как способа деятельности как раз и предполагает то, что культура представляет собой исторически изменяющуюся и исторически конкретную совокупность тех приемов, процедур, норм, которые характеризуют уровень и направленность человеческой деятельности, всей деятельности, взятой во всех ее измерениях и отношениях» [Гумницкий, 1981, с. 88]. Деятельность характеризует собой динамический аспект культуры, ее «субъективную субстанциальность» (Гегель). Культура представляет собой предметное бытие деятельности, ее объективированную форму – она включена в бытие человека. Как правило, культуру характеризуют как совокупность того, что целенаправленно создано человеком, то есть совокупность объективированных и передаваемых из поколения в поколение форм человеческих действий и созданных ими благ. Но блага сами по себе – это еще не культура, они становятся ею лишь в той мере, в какой их удастся поставить на службу всестороннему и свободному развитию личности. Поэтому нельзя сводить культуру к ее объективированным формам, отрывать культуру от человека. Смысл культуры хорошо выразил в свое время А. Швейцер: «Культура – совокупность прогресса человека и человечества во всех областях и направлениях при условии, что этот прогресс служит духовному совершенствованию индивида как прогрессу прогрессов» [Швейцер, 1973, с. 10].

В философской литературе обозначились по крайней мере три точки зрения по вопросу соотношения целесообразности и целеполагания в культуре. Согласно первой точке зрения целеполагание «выше» целесообразности, поскольку целеполагающая деятельность есть свободное полагание целей, а целесообразность – это сообразование своих целей с наличным бытием. По мнению сторонников второй точки зрения, целесообразность включает целеполагание, целесообразность есть сообразование любого действия как с ближайшей целью, так и высшими ценностями и идеалами, смыслом жизни человека. Естественный ход событий при этом приобретает целевую направленность. Представители третьей точки зрения исходят из того, что целесообразность мира – это итог, результат взаимодействия целеполагающей деятельности человека и природы, тот уровень, на кото-

ром природный процесс протекает в форме практики. Впрочем, как легко можно заметить, вторая и третья точки зрения близки друг к другу. В отличие от природы мир человеческой культуры, возникший в ходе человеческой целеполагающей деятельности, есть мир опредмеченных человеческих целей и смыслов. Его целесообразность будет зависеть в первую очередь от целесообразности общественных отношений, от условий и возможностей наиболее полной реализации общественной сущности человека, смысла его бытия.

Что касается первой точки зрения, то, очевидно, следует различать понятия «целесообразность в культуре», то есть целей и действий человека в рамках наличной культуры, и «целесообразность культуры», то есть вопрос о целесообразности самой данной культуры. В первом случае речь будет идти о конформистской, приспособительской позиции человека, направленной на адаптацию человека в данной культуре. Эта позиция будет соответствовать низшему, приспособительскому уровню общественно-исторической практики. Во втором случае речь будет идти не об адаптации к наличной культуре, а о сознательной целеполагающей деятельности по ее преобразованию и развитию.

Если понятие «смысл» предполагает отнесенность к чему-то другому, то не является ли человеческая жизнь в этом случае бессмысленной, а человек из цели превращается в средство? Но и наоборот, если жизнь не имеет никакой внешней для себя цели, то она тоже бессмысленна, так как не оставляет никакого следа в бытии. Поэтому нельзя полностью согласиться с мнением В.А. Капранова, который утверждает, что «вопрос “зачем я живу?” неправомерен для общественного человека. Об этом мог бы спрашивать либо Робинзон на необитаемом острове, либо индивид, рассматривающий себя стоящим над обществом» [Капранов, 1975, с. 137]. По мнению этого автора, при анализе проблемы смысла жизни важно исходить из того, что жизнедеятельность человека имеет определенный смысл. То, что принято именовать бессмысленным, имеет отрицательный смысл. При такой постановке проблемы он приобретает более сложный ракурс, непосредственно связанный с проблемой отчуждения: а именно, наличие «отрицательных», разрушительных смыслов жизни как раз и является самой глубокой формой отчуждения, при которой смыслы не только иллюзорны, но и уничтожают значимость жизни как таковой, но это не осознается человеком.

Вызывает возражения и позиция Г.Н. Гумницкого, согласно которой цель и смысл жизни заключаются в самой жизни. По его мнению, то, что является потребностью для человека, все это имеет тот или иной жизненный смысл [Гумницкий, 1981]. Отождествление потребности и смысла исходит из ошибочного неявного отождествления смысла и значения. В отличие от множества потребностей смысл жизни один. Потеря смысла жизни равносильна нравственной гибели личности. Жизнь каждого человека имеет смысл независимо от того, осознает он его или нет. Смысл жизни заключается в объективной направленности и объективных результатах жизнедеятельности человека [Жоган 1984, с. 226]. Как и процесс целеполагания, процесс реализации смысла жизни может протекать в двух формах: явной и неявной. Это связано с тем, что категория «смысл жизни», как и категория, «цель», это не только форма познания, но и категория самой практики.

Другими словами, категория смысла жизни возникает и реально функционирует в практическом сознании человека, которое вплетено в процесс его жизнедеятельности. Эта категориальная структура практики может осознаваться или не осознаваться человеком, становиться предметом специального философского анализа или нет. Человек может адекватно или неадекватно осознавать смысл своей жизни, сколь угодно много говорить о своем высоком предназначении, но судить о смысле его жизни можно объективно по его социальной деятельности. Часто полагают, что «интерпретация смысла жизни через целеполагание представляет собой методологический протест, в результате которого анализ проблемы смысла жизни может в конечном итоге свестись к анализу системы целей, их иерархии, субординации и координации, т. е. практически к субъективному аспекту проблемы. Безусловно, анализ целей является важным аспектом проблемы смысла жизни, но

это лишь один из ее аспектов» [Ведин, 1987, с. 27]. Аргументы против интерпретации проблемы смысла жизни через целеполагание сводятся к следующему: 1) не все цели оказываются достижимы, а это означает признание утраты смысла жизни; 2) цель – это идеал, который всегда впереди, а смысл жизни – объективное значение сущего процесса жизни; 3) понятие «смысл жизни» может существовать независимо от сознания человека, а понятие «цель жизни» – нет; 4) человек как цель оказывается одновременно и в положении абсолютной ценной цели (которая не должна быть средством) и в положении средства для достижения этой цели. Эти аргументы, по нашему мнению, недостаточно обоснованы.

Что касается первого аргумента, то понятия цель и смысл не идентичны. Кроме того, жизнь человека не ограничивается одной целью. Вместе с тем если теряется главная цель жизни, то неизбежно деформируется и смысл жизни. Во втором аргументе мы видим уже знакомое ошибочное отождествление смысла и значения. Помимо этого, цель, так же, как и смысл, имеет свое объективное основание в наличном бытии, а смысл подобно цели связан не только с сущим, но и с должным и выполняет регулятивную функцию. Не выдерживает критики и третий аргумент. О смысле жизни, существующем независимо от сознания личности, можно говорить по крайней мере в трех значениях: смысл жизни имеет объективную социальную основу; смысл жизни может существовать независимо от конкретного индивида, например, общественные представления о смысле жизни; смысл жизни может субъектом не осознаваться. В этом отношении цели человека мало чем отличаются от смысла его жизни по всем трем пунктам. Противопоставление целей человека и смысла его жизни представляется методологически неправомерным [Капранов, 1975].

Что касается четвертого аргумента, то это противоречие (человек как цель и человек как средство) не носит характера логического круга. Во всяком случае, чтобы выйти из него, вовсе не обязательно отказываться от интерпретации смысла жизни через целеполагание. Этот выход нашел и автор данного аргумента: «Ни в самом человеке, ни тем более вне его никакого смысла нет и быть не может. В человеке как таковом никакого смысла нет – но ведь и человека “как такового” тоже не существует. Поэтому даже в самом первом приближении мы ничего не можем сказать о смысле бытия человека вообще, а можем вести речь лишь о смысле бытия человека в мире, о смысле бытия человека в его отношении к миру. И поскольку это отношение реализуется единственным способом – посредством социальной деятельности, постольку смысл бытия человека в мире есть смысл его социальной деятельности» [Ведин, 1987, с. 31]. Таким образом, смысл человеческого бытия может и должен реализоваться посредством общественной целеполагающей деятельности. Вместе с тем сторонники первой точки зрения на соотношение цели и смысла человеческой жизни изображают процесс реализации смысла жизни слишком рационально. В действительности коллизии между высшими целями и поведением конкретного индивида могут быть значительными. Основанием для этих коллизий служит противоречие между конечным и бесконечным, индивидуальным и всеобщим. Жизнь конкретного человека конечна и индивидуальна. Всеобщего осуществляется только через индивидуальное. При осознании этого противоречия возможны две стратегии поведения личности. Первая связана с удовлетворением индивидуальных, сиюминутных жизненных потребностей тела и духа. Это следует подчеркнуть особо. Индивидуализм не обязательно связан с «вещизмом», мещанством, потребительством. Это может быть и духовный эгоизм, направленный только на развитие собственного Я. Расплатой за подобный эгоизм, индивидуализм является страх смерти, ибо если смысл жизни в конечном индивиде, то с исчезновением данного индивида исчезает и всякий смысл.

Каждый конкретный человек и общество в целом часто попадают в ситуацию, когда по самому большому счету перестает быть «хозяином себе», поскольку логика ситуации сама задает образ действий. Так, в ситуации «классической» трагедии, человек, подчиня-

ясь этой логике, движется прямым к собственной гибели и не может в буквальном смысле этого слова поступать иначе. Но если трагедия – это движение по пути утраты свободы, и в этом случае определенность пути вполне естественна, то героизм знаменует собой освобождение и тем самым воплощает саму свободу. В этом случае мы наблюдаем противоречивость самой свободы, а именно: противоречие между свободой как свободой выбора и свободой как определенностью этого выбора, когда существует лишь один вариант действий, чтобы быть свободным. Это ситуации, возникающие при разрешении противоречия между свободным развитием отдельной личности – и самодовлеющими общественными структурами и объективными законами истории.

В основе первого из них лежит неосознанность этого противоречия человеком; в основе второго – сознательность движения человека по пути активизации этого противоречия. Обе ситуации в чистом виде никогда не представляли собой массовых явлений, и в этом смысле являются уделом избранных. Но тем не менее именно эти ситуации наиболее полно отражают характер исторического развития нашей страны в XX в., поскольку в них выражается сущность отношений между народом и формой общественного устройства. В частности, как писали еще советские авторы, социализм «продемонстрировал не только воспроизводство старых видов отчуждения, но и производство новых, которых не знал капитализм. Стало быть, речь должна идти не о деформациях», а о самой сущности социализма; в результате «духовно-нравственной деградации возник такой социальный строй, в котором утвердилось тотальное отчуждение» [Кальной, 1991, с. 180].

Российское общество сейчас находится в движении, которому необходимо сориентировать на реалистические идеалы, соответствующие современному историческому контексту. Необходимо сформулировать общую стратегию и динамичный идеал общественного развития, который мог бы стать элементом убеждения многих людей, рационально обсуждаться, корректироваться и т. п. Например, возможен идеал динамического общества, опирающегося на собственные экономические и научно-технические возможности, духовный потенциал и культурные традиции, умеющего учиться на собственных исторических ошибках, выбирать свой собственный путь развития. Философская рефлексия основных целей и идеалов будет способствовать свободному и творческому выдвиганию и обсуждению разных экономических, философских, социологических, социально-политических и других концепций, объясняющих условия, факторы и механизмы социального движения. Телеологические представления об историческом прогрессе связаны с антропологическим истолкованием соответствия социального идеала общей природе человека. Однако «историцизм» (К. Поппер) дискредитировал себя не только в философии. В наше время и массовое сознание приходит к тому, что никаких гарантий, никакого преформизма в общественном развитии нет. Открытый характер российского общества ведет к тому, что внутренние цели общества должны согласовываться с политикой страны на международной арене.

Современная ситуация во многом напоминает период начала Нового времени, когда мировоззрение людей выходило из замкнутого и органического «космоса» Средневековья и приобретало новое содержание вследствие роста индивидуализма. В результате диалога смыслов происходит приращение знания. Эту творческую функцию метода понимания сформулировал академик Д.С. Лихачев: «Одно из важнейших свидетельств прогресса культуры – развитие понимания культурных ценностей прошлого и культур других национальностей, умение их беречь, накапливать, воспринимать их эстетическую ценность. Вся история развития человеческой культуры есть история не только созидания новых, но и обнаружения старых культурных ценностей. И это развитие понимания других культур в известной мере сливается с историей гуманизма» [Лихачев 1971, с. 406]. Чтобы понять чужую культуру, необходимо реконструировать систему ценностей, лежащую в ее основе. Это, в свою очередь, подчеркивает Д.С. Лихачев, предполагает соотнесение ценностно-смысловых позиций изучаемой культуры и культуры, служащей «системой отсчета». Од-

нако научившись видеть достоинство другой культуры, нельзя утрачивать при этом культуры собственной (своего народа). Особое значение для философии культуры имеет общая проблема соотношения отчуждения и творчества. Очевидно, что кроме творчества отчуждения имеет место и отчуждение самого творчества: это и эскапизм самой творческой личности, и реакция на него общества, стремящегося «вытолкнуть» творчество из своей жизни. Последнее выражается в трех формах: в отчуждении творчества в личный успех; в отчуждении в частную жизнь; в отчуждении в наркотические практики, создающие иллюзию «творческого горения», выполнения своего творческого предназначения.

Выводы

Процессы отчуждения человека, безусловно, являются важнейшим фактором исторического процесса. В качестве одной из ключевых категорий, определяющих диалектику отчуждения и его имманентного снятия в историческом процессе, полагается смысл жизни как целостное образование индивидуального и массового сознания, который возвращает целостность бытия человека, преодолевая его частичные отчужденные формы. Для философии важным предметом исследования является вопрос о формировании «культуры отчуждения» в ходе объективного исторического процесса. Последнее особенно актуально в кризисные эпохи, которые не только обнажают реальные процессы отчуждения, но и вносят в сознание масс критическое умонастроение, в результате чего испытываемое ранее отчуждение, заглушенное привычным смирением, начинает вдруг восприниматься особенно остро и болезненно. Нужна особая культура отчуждения, позволяющая не только бороться до конца, но и учиться компромиссу, овладевать искусством сосуществования с теми видами отчуждения, которые могут дать положительный эффект, а также с теми, преодолеть которые не под силу обществу на данном этапе его развития.

Список литературы

- Ведин И.Ф. 1987. Бытие человека: деятельность и смысл. Рига, Зинатне. 212 с.
- Вильданова Г.Б., Вильданов Х.С., Муслимова Л.Ф. 2007. Феномен отчуждения и пути его преодоления. Вестник Челябинского государственного университета, 17: 14-20.
- Гумницкий Г.Н. 1981. Смысл жизни, счастье, мораль. М., Знание. 64 с.
- Давидович В.Е., Жданов Ю.А. 1979. Сущность культуры. Ростов-на-Дону, Издательство Ростовского университета. 264 с.
- Давыдовский, А.Г. 2013. Основы интегративной биосоциальной антропологии. Минск, Изд. БГУ. 119 с.
- Ильенков Э.В. 1991. Гегель и «отчуждение». В кн.: Ильенков Э.В. Философия и культура. М., Политиздат. С. 141-152.
- Кальной И.И., Новикова М.В., Чугунов С.Н. 1991. Отчуждение как феномен общественного развития. Философские науки, 10: 179-181.
- Капранов В.А. 1975. Нравственный смысл жизни и деятельности человека. Л., Изд. ЛГУ, 150 с.
- Коган Л.Н. 1984. Цель и смысл жизни человека. М., Мысль, 254 с.
- Культура в свете философии. 1979. Тбилиси, Мецниереба, 321 с.
- Лихачев Д. С. 1971. Поэтика древнерусской литературы. Л., Худ. лит. 416 с.
- Маркарян Э.С. 1983. Теория культуры и современная наука. М., Мысль, 280 с.
- Прокофьева Д.В. Отчуждение: сущность, типы, способы преодоления. 2010. Вестник Башкирского университета. Т. 15. 3: 751-754.
- Швейцер А. 1973. Культура и этика. М., Прогресс. 344 с.

References

- Vedin I.F. 1987. Bytie cheloveka: dejatel'nost' i smysl [Human being: activity and meaning]. Riga: Zinatne, 212 p. (In Russian)
- Vildanova G.B., Vildanov H.S., Muslimova L.F. 2007. Fenomen otchuzhdenija i puti ego preodolenija [The phenomenon of alienation and ways to overcome it] In Bulletin of Chelyabinsk State University, 17: 14-20. (In Russian)

- Gumnitsky G.N. 1981. Smysl zhizni, schast'e, moral' [The meaning of life, happiness, morality]. Moscow, Knowledge, 64 p. (In Russian)
- Davidovich V.E., Zhdanov Yu.A. 1979. Sushhnost' kul'tury [The essence of culture]. Rostov-on-Don, Rostov University Press, 264 p. (In Russian)
- Davydovsky, A.G. 2013. Osnovy integrativnoj biosocial'noj antropologii [Fundamentals of integrative biosocial anthropology]. Minsk: BSU Publishing House, 119 p. (In Russian)
- Ilyenkov E.V. 1991. Gegel' i "otchuzhdenie" [Hegel and "alienation"] In: Ilyenkov E.V. Philosophy and culture. Moscow, Politizdat, 141-152. (In Russian)
- Kalnoy I.I., Novikova M.V., Chugunov S.N. 1991. Otchuzhdenie kak fenomen obshhestvennogo razvitija [Alienation as a phenomenon of social development]. *Philosophical sciences*, 10: 179-181. (In Russian).
- Kapranov V.A. 1975. Nравственный смысл жизни и деятельности человека [The moral meaning of human life and activity]. Leningrad: LSU Publishing House, 150 p. (In Russian)
- Kogan L.N. 1984. Cel' i смысл жизни человека [The purpose and meaning of human life]. Moscow, Mysl, 254 p. (In Russian)
- Kul'tura v svete filosofii 1979 [Culture in the light of philosophy]. Tbilisi: Metsniereba, 321 p. (In Russian)
- Likhachev D.S. 1971. Pojetika drevnerusskoj literatury [Poetics of ancient Russian literature]. Leningrad, Khud. lit., 416 p. (In Russian)
- Markaryan E.S. 1983. Teorija kul'tury i sovremennaja nauka [Theory of culture and modern science]. Moscow, Mysl, 280 p. (In Russian)
- Prokofieva D.V. 2010. Otchuzhdenie: sushhnost', tipy, sposoby preodolenija [Alienation: essence, types, ways of overcoming] *Bulletin of Bashkir University*. Vol. 15. No. 3: 751-754. (In Russian)
- Schweitzer A. 1973. Kul'tura i jetika [Culture and Ethics]. Moscow, Progress, 344 p. (In Russian)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.04.2022

Поступила после рецензирования 02.05.2022

Принята к публикации 25.05.2022

Received April 2, 2022

Revised May 2, 2022

Accepted May 25, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Даренская Вера Николаевна, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии, Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera N. Darenskaya, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy of the Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-137-146

Культурно-исторические практики экстремизма

Малахов А.Г., Римский А.В.

Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина,
Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, 71

E-mail: alexander.malakhov16@yandex.ru; alex.rimskiy@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время экстремизм является одной из ключевых проблем человечества как в мировом, так и в национальном масштабе. Изучение экстремизма с культурно-исторической точки зрения является важным фактором по разработке мер противодействия данным практикам антисистемной культурной и политико-правовой деятельности. Однако возникновение и феноменология экстремизма в истории культуры и культурных практиках остаются вне поля интересов исследователей. В связи с этим авторы предлагают к рассмотрению культурно-исторические практики экстремизма, что также предполагает использование диалектической и системной методологии. В результате исследования сделан вывод о том, что сегодня в Российской Федерации формируется эффективная система активного взаимодействия разных ветвей власти для борьбы с новыми формами экстремизма, обеспечения общественной безопасности и реализации прав и свобод российских граждан.

Ключевые слова: культурно-исторические практики, антисистемность, экстремизм, экстремистские сообщества, терроризм, насилие

Для цитирования: Малахов А.Г., Римский А.В. 2023. Культурно-исторические практики экстремизма. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 48(1): 137–146. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-137-146

Cultural and Historical Practices of Extremism

Alexander G. Malakhov, Aleksey V. Rimsky

I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation

E-mail: alexander.malakhov16@yandex.ru; alex.rimskiy@yandex.ru

Abstract: Currently, extremism is one of the key problems of humanity both on a global and national scale. The study of extremism from a cultural and historical point of view is an important factor in the development of measures to counteract these practices of anti-systemic cultural and political and legal activities. However, the emergence and phenomenology of extremism in the history of culture and cultural practices remain outside the field of interests of researchers. In this regard, the authors propose to consider the cultural and historical practices of extremism, which also involves the use of dialectical and systemic methodology. It is concluded that an effective system of active interaction between different branches of government is being formed in the Russian Federation today to combat new forms of extremism, ensure public safety and exercise the rights and freedoms of Russian citizens.

Keywords: cultural-historical practices, anti-systemicity, extremism, extremist communities, terrorism, violence

For citation: Malakhov A.G., Rimsky A.V. 2023. Cultural and Historical Practices of Extremism. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 137–146 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-137-146

Введение

Считаем важным отметить, что для мировой истории и истории России такие понятия, как национализм, фашизм, сепаратизм, отрицание религиозного многообразия, нетерпимость и ксенофобия являются совсем не новыми. При этом проблематика экс-

тремизма, прежде всего в его современных формах (политико-правовых, национальных и глобальных, религиозных, культурных и т.д.), столь подробно описана в СМИ и проинтерпретирована в социально-гуманитарных исследованиях, часто междисциплинарных, что может показаться обыденной и не заслуживающей какой-либо новизны. Однако имеется один аспект, фактически опущенный как в академических работах, так и в массмедийном дискурсе: это возникновение и феноменология экстремизма в истории культуры и культурных практиках.

Мы можем указать на единичные публикации, посвящённые тематизации феноменов экстремизма в культурно-историческом пространстве: это, например, статьи С.А. Воронцова [2007], В.И. Погорельцева [2020] и Н. Соснова [2015], написанные, к сожалению, с позиций классового, социологизаторского подхода, хотя здесь важно применять философско-культурологическую методологию. В диссертации одного из авторов данной статьи в своё время получили освещение культурно-исторические практики религиозного экстремизма [Римский, 2012], но необходим более широкий взгляд на культурно-историческую феноменологию экстремизма.

Предлагаемая статья по возможности старается ликвидировать те пробелы в научном дискурсе об экстремизме, которые связаны с его культурно-историческими практиками, как правило, антисистемными, что также предполагает важность использования диалектической и системной методологии.

Характеристики культурно-исторических практик экстремизма

Как создать те понятийные и методологические маркеры, которые помогут исследователю идентифицировать феномены экстремизма в исторической событийности, мировой и отечественной? Прежде всего, нам должны помочь в понятийной идентификации экстремизма герменевтические смыслы и рациональные определения этого феномена и формы антисистемной деятельности человека. При этом необходимо сначала обратиться к истокам толкования термина «экстремизм». Латинский термин *extremus* дословно переводится как «чрезмерный, крайний», то есть выходящий за определенные законы, нормы, правила поведения, рамки и т.п., – если понимать предельно широко, то разрушающий границы и пределы любой социокультурной, политико-правовой или аксиологической системы, что и определяет антисистемный характер любого вида и формы экстремизма [Римский А.В., Римский В.П., 2021].

Так как сам термин получил концептуализацию в XVIII веке в качестве политического понятия (в работах Ш. Монтескье, французских идеологов и революционеров), то чаще всего рассматриваются политико-правовые формы и виды экстремизма. Политико-правовой экстремизм – это особая деятельность индивидов и сообществ, предполагающая достижение политических целей нелегитимным способом с использованием радикальных целей и методов, антисистемных идеологий и культурных смыслов. Также мы обозначим и собственный, философский подход к пониманию экстремизма: «Характер номинирования социокультурных (в том числе и религиозных) феноменов в этих дискурсах в качестве экстремистских указывает на такие характерные черты его аксиоматизации, как *исключение, неопределенность, избыточность*, что ведет к параллелям между *экстремизмом, насилием и чрезвычайным положением*. Это позволяет, в свою очередь, выявить в пространстве политико-правового дискурса в экзистенциальном контексте универсальные *метафизические смыслы* феноменов религиозного экстремизма: *избыточное исключение* (сублимация и рационализация жизненной и социальной энергии), *неопределенность* (размывание культурных основ бытия человека и социума), *жизненную и социальную чрезмерность* (чрезвычайная ситуация, кризис, пограничная ситуация)» [Римский, 2012, с. 11]. Мы давали данное определение применительно к религиозному экстремизму, связав его с политико-правовой формой, но он оказывается фундаментальным по отношению к любым видам и формам экстремизма. Избыточность, чрезмерность и сверхмерность

(нарушение меры), маргинальность, антисистемность и возникновение *чрезвычайных ситуаций* (бунты, революции и т.п.) – вот самые простые характеристики и маркеры культурно-исторических практик экстремизма.

Истоки экстремизма

Переходя к экспликации данных практик, отметим, что такое явление, как экстремизм неразрывно связано с историей человечества на протяжении нескольких тысяч лет, безусловно влияя на ключевые сферы механизма государства и человеческую жизнедеятельность. Среди прочих имеет место такая точка зрения, согласно которой экстремизм зародился в момент, когда определенные категории граждан возвысились над остальными путем получения имущественных предпочтений и материальных выгод, то есть в процессе разделения общества на классы. Социальная борьба внутри и между человеческими сообществами, разумеется, играла важную роль в появлении экстремальных практик и радикальных способов их реализации. Но вряд ли целесообразно распространять капиталистический феномен классов на ранние стадии истории, хотя и тогда мы обнаруживаем, что различные группы и сообщества совершали определенные поступки и действия, которые в настоящее время подпадают, хоть и косвенно, под понятие экстремизма.

Еще в древности происходили ситуации, когда «экстремисты» для достижения своих идеалов и целей не стеснялись применять крайне радикальные меры, такие как убийства, насилие и запугивание мирного населения, которые часто шли в разрез с религиозными законами, обычаями и нормами морали [Воронцов, 2007]. Упоминания об одной ранней экстремистской группировке встречаются в Римской империи, на территории которой действовало иудейское сообщество, именуемое «сикариями» (от евр. *sica* – «кинжал»), целью его деятельности была борьба за независимость еврейского народа и государства. Для достижения своей цели они использовали нападения, преимущественно в людных местах Иерусалима, на представителей римских элит и лояльных им чиновников местной знати.

В последующем экстремизм претерпел значительные изменения в эпоху Средневековья на территории Западной Европы, где теория насилия над «неверными еретиками» не просто поддерживалась, а напрямую исходила от Ватикана, кроме того, по их мнению, во всех своих проявлениях поощрялась Богом. Поддержку в пользу насилия на почве религиозной нетерпимости были обязаны оказывать и правящие дома Европы. Фундаментальным основоположником теории церковного насилия и насильственных методов для борьбы с неудобными «еретиками» и последующего их обращения в сторону христианства был влиятельный в то время богослов Августин Аврелий. Данная теория насилия в дальнейшем приобретает губительный и всеобъемлющий характер. Господствующей формой поведения населения становится социальная агрессия, которая на протяжении всего Средневековья будет только нарастать как следствие ответа повсеместного применения насилия церковью. И единственный верный способ противостоять Ватикану народ находит в массовых убийствах церковных сановников.

Наибольшее развитие экстремистская деятельность, как правило, получала в период тех или иных общественных, экономических или социально-политических потрясений. К такому примеру можно отнести период Великой французской буржуазной революции 1789–1793 гг., когда ультралевые и ультраправые силы использовали экстремистскую терминологию как способ крайних мер в борьбе за власть. Известное французское выражение эпохи революции «гильотина – лучшее лекарство от перхоти» являлось одним из ключевых девизов экстремистов. Основные положения экстремизма, которые известны сейчас, такие как отказ рассматривать любые предлагаемые компромиссы, закладывались именно в рассматриваемый нами период [Беляков, Матвейчев, 2009]. Идеологический фундамент современной экстремистской деятельности был заложен в XIX веке. Карл Гейнцен, радикал немецкого происхождения, пытался на протяжении достаточно длительного времени оправдать и снять моральный запрет на убийства по политическому принципу. Весь смысл его ключевых работ сводился к одному – убийству оппозиционеров

действующей власти. Ради достижения своих целей К. Гейнцен безнравственно призывал к массовым убийствам. Многие практики и теоретики, которые исследуют и обращаются к истокам проблемы теории насилия, признают К. Гейцена основоположником идеологии современного терроризма.

Экстремистская деятельность и противостояние ей в истории России

Наиболее популярной формой реализации экстремистской деятельности на Руси было убийство лидеров на политической почве. Здесь достаточно упомянуть князей Бориса и Глеба, которых в 1015 году убил Святополк [Петрянин, 2011]. Описание события 1113 года, а именно убийства Великого князя Владимира Святославовича и последовавшей после его смерти борьбы за власть с целью захвата престола, возможно, было первым случаем письменного упоминания экстремизма на Руси. Междоусобные войны наносили колоссальный вред до конца не сформировавшемуся древнерусскому государству и имели необратимые последствия, усугубляя в дальнейшем фактор политической раздробленности. Как следствие это привело к резкому упадку авторитета государства в контексте внешней политики, бессилию противостоять внешним врагам и распаду государства. В борьбе за власть на всех ее уровнях экстремизм являлся самым эффективным орудием, поэтому изначально имел чисто политический характер.

В свою очередь для борьбы с такими явлениями в различных их формах на государственном уровне стали появляться определенные нормы права. Например, самым тяжким составом преступления по Псковской судной грамоте 1467 года было посягательство на государственную власть, которое в свою очередь каралось смертной казнью. Преступления экстремистского характера достигли критических масштабов в последующие века, что не могло не отразиться в закреплении ответственности за их реализацию. Судебник 1497 года являлся первым кодифицированным источником права. Одной из ключевых целей принятия Судебника являлась борьба с преступлениями антигосударственной направленности, которые подрывали суверенитет и целостность государства. При разработке данного нормативно-правового акта была сделана попытка определить круг деятельности экстремистских преступлений. В данном источнике права не было дано четкого определения понятию «экстремизм» и его более тяжелой форме – «терроризм».

В начале XVI века Россия столкнулась с колоссальными социальными и политическими потрясениями не только в крупных городах (Москва, Новгород, Тверь), но и в сельской местности. Борьба различных боярских группировок губительным образом сказывалась на авторитете царской власти, а рост налогов и разделение территории страны на земские и опричные земли окончательно усугубили положение. Пожар в Москве 1547 года послужил отправной точкой народным волнениям, в результате которых были убиты неугодные низам чиновники, которых они посчитали виновными в случившемся, кроме того, большая часть боярских имений в столице была разорена. Ответная правовая реакция со стороны государства не заставила себя долго ждать – всего через несколько лет был принят новый Судебник, в редакции которого появились новые составы преступления экстремистской направленности, например, такие как убийство государственного служащего [Чернявская, 1997].

Приход к власти Лжедмитрия, убийство Годунова и появление на троне Шуйского – именно эти политические события выпали на долю нашего государства в начале XVII века. Они погрузили ее в беззаконие, анархию и массовые беспорядки, более того, смену власти на местах, которая тогда проходила повсеместно, следует расценивать как свержение действующего на тот момент государственного строя. Глубочайший политический кризис, достигший пика своего развития к осени 1611 года, возник вследствие постоянной борьбы оппозиции и действующей власти посредством использования крайне радикальных мер, в результате которых количество бандитов и самозванцев достигло небывалых масштабов, на местах творился хаос, а стратегически важные земли на Западе, в том числе и Москва, были оккупированы поляками. Война с Польшей привела к появлению новых

налогов и податей, а также к увеличению старых, взимание которых сопровождалось сплошным насилием. Как следствие благосостояние основной массы подданных стремительно ухудшалось, а недовольство выражалось посредством крестьянских войн, бунтов и народных восстаний в течение следующих 70 лет. Данный факт свидетельствует о проблемах в источниках права, полном отсутствии авторитета у власти и нехватке действенных механизмов урегулирования проблем в обществе.

Крестьянская война 1667–1671 годов под руководством Степана Разина явилась апогеем развития перечисленных выше проблем и событий. Восставшие преследовали единственную цель – свержение действующей власти, которая сопровождалась повсеместным насилием и грабежами. Данный факт свидетельствует о наличии прямого экстремистского мотива у восставших. Ужесточение наказания за преступления такого рода стали закономерным ответом со стороны государства. Основным критерием данного состава преступления теперь являлся статус потерпевшего, то есть вид наказания напрямую зависел от статуса государственного чиновника. Преступлением стало считаться не только его совершение, но и приготовление к нему.

В 70-е годы XVIII века в Российской империи сложилось тяжелое положение, которое было связано с волнениями нижних слоев населения. В это время произошло и наиболее важное общественно-политическое событие, а именно восстание крестьян под предводительством Е.И. Пугачева. Ряд бунтов крестьян, приравняемых некоторыми историками к «крестьянской войне», имели в своих целях и схожую с экстремистской направленность, исходя из современного толкования данного явления, так как хотели этим повлиять на деятельность органов государственной власти, изменить их решение по наиболее важным вопросам страны, а также воспрепятствовали их деятельности. Именно потому стоит рассмотреть деятельность правоохранительных органов в указанный период, чтобы оценить их роль в борьбе с экстремизмом. Пугачевское восстание оказало большое влияние на дальнейшую модернизацию структуры полиции, более детальной законодательной регламентации ее полномочий и функций, упрочении правоохранительной системы России.

Вошедшим в силу в 1782 году «Уставом благочиния и полицейским» устанавливались рамки компетенции полицейских органов [Коновалов, Шиманис, 2017]. В результате изучения данного документа выяснилось, что в нем не содержится конкретных указаний на деятельность по противодействию экстремизму, формам его проявления, хотя прослеживается ряд полномочий, которые так или иначе способствуют пресечению актов экстремистской деятельности, по крайней мере, они направлены на борьбу с предпосылками и истоками данной деятельности. К таким полномочиям, например, относится наблюдение за повседневной жизнью граждан, пресечение выступлений, направленных против церкви и веры, что по сути является возбуждением розни по религиозному признаку. Также полицейские органы должны были пресекать деятельность незарегистрированных общественных организаций и тайных собраний, сопротивление решениям властей. Что касается мер, которые использовали полицейские органы для реализации юридической ответственности, то их можно охарактеризовать как жесткие в силу того, что использовались как телесные наказания, так и смертная казнь. Таким образом, правоохранительные органы в конце XVIII века не уделяли должного внимания противодействию проявлениям экстремизма по причине отсутствия его как такового, хотя осуществленная регламентация их деятельности с установлением рамок компетенции сыграло важную роль в создании предпосылок для дальнейшего развития данной функции у полиции [Спиридонов, 2006].

Однако принято считать, что появление экстремизма в России в современном его виде случилось в первой четверти XIX века, а именно 25 декабря 1825 года. В этот день офицеры царской армии, возглавив свои воинские подразделения, попытались совершить государственный переворот и, свергнув императора, принять по французским или американским образцам Конституцию и отменить дворянские вольности и крепостное право. Нельзя обойти стороной и тот факт, что среди восставших часто встречались призывы к убийству императора и всей царской семьи. Позднее данные события станут называть восстанием декабристов

[Телегин, 2013]. На протяжении следующих 50 лет Россия вновь будет страдать от террора, направленного как против государственного строя, так и против императоров, министров и чиновников различного уровня. Народная воля – наверное, самая известная боевая группировка второй половины XIX века, не эффективное противодействие которой в итоге привело к убийству императора Александра II [Будницкий, 1994]. В данный период времени было разработано немало доктрин и учений революционного характера, но особое внимание заслуживает разработанная М. Бакуниным «Теория разрушения», которая нашла огромное количество последователей. Смысл этой теории заключался исключительно в террористических действиях и полном отказе в использовании пропаганды. Истинного порядка по мнению анархистов можно было достичь исключительно в результате хаоса, который невозможно было реализовать в условиях существования государства.

Важное значение для рассмотрения данной тематики имеют первые десятилетия после 1861 года в Российской империи. Несмотря на отмену крепостного права и ряд других важнейших реформ, направленных на стабилизацию положения нижних слоев населения, проведенных в рамках «народно ориентированной» политики Александра II, в стране активно развиваются экстремистские движения, формируются общества и кружки, деятельность которых направлена на оказание влияния на государственные органы. В это же время деятельность этих движений, по сравнению с восстаниями и бунтами прошлых лет и веков, по-настоящему приобретает характер экстремистской, и его можно рассматривать в значении, данном французскими учеными и просветителями, – как крайнее проявление политических, социальных или религиозных взглядов. Как отмечают некоторые авторы научных статей, «российская база экстремизма зародилась на зарубежном опыте» [Синцов, 2018].

Следует полагать, что на данном историческом этапе правоохранительные органы должны были уделять много внимания проявлениям экстремизма и активно осуществлять борьбу с ними. Еще в первой половине XIX века по Указу № 449 от 3 июля 1826 года было создано III отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (далее СЕИВК), которое просуществовало до 1880 года. По Указу, в его функции входил тайный политический сыск, борьба с инакомыслием, общественными и революционными движениями, наблюдение за распространением нелегальной литературы и оппозиционными настроениями различных общественных групп и т.д. [Бредихин, 2020]. Помимо указанных функций, орган также осуществлял наблюдение за деятельностью чиновников и иных органов власти. По сути данный орган являлся центром борьбы с экстремизмом, его основной задачей оставался контроль за слоем общества, представленным молодыми образованными людьми, которые были приверженцами европейских просвещенских, либеральных идей и настроений.

Стоит сказать, что проблемой 3-го Отделения СЕИВК было то, что за ним закреплялось множество функций, в которое входила не только борьба с экстремистской деятельностью. Разнородность задач у одного органа при ненадлежащей его структуризации понижает эффективность деятельности по всем направлениям работы. Хотя необходимо отметить, что ряд историков, исследовавших тексты ежегодных отчетов А.Х. Бенкендорфа, первого руководителя 3-го Отделения, отмечают результативность наблюдения за органами власти, так как каждый отчет содержал слова о ненадлежащем исполнении обязанностей чиновниками. К тому же фактически данный орган лишь собирал сведения и докладывал о них императору, что должным образом не создавало противодействия экстремизму. Важно сказать об органе, который был создан в 1898 году, – Особым отделом, занимавшимся политическим розыском (в составе Департамента полиции в МВД), его основные задачи были схожи с полномочиями 3-го Отделения СЕИВК. У данного органа прослеживается более детальная регламентация полномочий, их направленность на пресечение экстремистских настроений путем сбора информации, политического сыска, слежки за высшими учебными заведениями, организация работы агентуры и т.д. [Романова, 2017]. Говоря о политических органах по противодействию экстремистской деятельности в XIX веке, необходимо учитывать общественно-политическую обстановку, в которой они осуществляли свою деятельность.

Таким образом, борьба с экстремизмом для страны в тот период имело крайне важное значение, но, по результатам рассмотрения компетенции и деятельности, можно сделать вывод, что противодействие этому явлению не имело достаточной эффективности вследствие наличия множества разнородных областей, в которых проводилась работа, постоянных структурно-организационных перестановок, а также малой эффективности принимаемых мер.

Весь разрушительный, антисистемный – теоретический и практический – опыт, накопленный на протяжении XIX века, был в полной мере применен в ходе Великой Октябрьской социалистической революции, творцами которой были В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий [Малахов, 2021]. Достигнув своих целей и придя к власти, большевики пересмотрели свое отношение к анархистам и к их доктрине по отмиранию государства. Эти люди, которые показали, что готовы пойти на все ради достижения конкретной цели, стали не нужны новому политическому режиму, так как представляли угрозу своими экстремистскими действиями. Опасения большевиков в полной мере оправдались вследствие событий 1918–1919 годов, а именно убийства В. Володарского – комиссара по агитации и пропаганде, взрыва здания Московского комитета РКП(б) и покушения Ф. Каплан на В.И. Ленина. В результате борьбы с экстремистами, начиная с 1917 года и на протяжении нескольких лет, деятельность анархистов и эсеров свели на нет путем их уничтожения. А так называемая ленинская гвардия в последующем будет уничтожена в ходе сталинских политических репрессий.

Необходимо отметить, что в первые несколько десятилетий XX века любые антисоциалистические идеи и настроения жестко карались действующим режимом путем заключений или расстрелов, о чем свидетельствуют факты задержаний по политическим мотивам. В военное время необходимым условием для успешного противостояния таким настроениям и единственно верным решением было расширение-полномочий и ужесточение ответственности за совершение подобных действий. Также стоит упомянуть и об органах, занятых в противодействии «экстремизма», функционировавших в XX веке. Особенность их деятельности обусловлена большим количеством перемен в обществе и государстве, изменением формы правления, политическими замыслами руководителей страны и силовых ведомств, революциями, войнами.

Важно отметить, что основным направлением деятельности в довоенное время был именно политический экстремизм (контрреволюционная деятельность), в послевоенное – к этому прибавляются еще и проявления или попытки возрождения фашизма, возбуждение розни по расовому признаку. Декретом ВЦИК от 6 февраля 1922 года ВЧК было реорганизовано в Главное политическое управление при НКВД РСФСР, а на местах были образованы политические отделы. Основной задачей данного органа стало «подавление открытых контрреволюционных выступлений» [Камалова, 2012], но помимо нее, в ст. 2 Декрета перечислены еще несколько задач, которые были возложены на ГПУ. Преобразование Всероссийской чрезвычайной комиссии в новый орган повлекло за собой сужение рамок его компетенции, в том числе частично и полномочия на вынесение внесудебных решений, сокращение числа органов специального назначения. В целом данное решение ВЦИК было обусловлено сменой политической обстановки в стране, а именно окончанием Гражданской войны.

В 1923 году на базе ГПУ образовывается Объединенное Государственное Политическое Управление при НКВД РСФСР, а уже в 1934 году ОГПУ входит в состав НКВД как Государственное Управление Государственной Безопасности. Одной из задач ОГПУ также оставалась борьба с контрреволюционными проявлениями, выявление которых осуществлялось посредством контроля за общественными объединениями, а также участия сотрудников ОГПУ в комиссиях по утверждению уставов обществ, имеющих целью извлечение прибыли. По мнению С.Е. Матвеева, если во время Гражданской войны органы ВЧК использовали жесткие методы борьбы с контрреволюционными проявлениями, то органы ГПУ и ОГПУ осуществляли свою деятельность в более мирное время, что объективизировало необходимость применения менее жестких методов [Матвеев, 2009]. Агентурная работа в парторганах стала основным средством борьбы с антисоциалистическими

проявлениями. Она была направлена на сбор информации тайным путем, слежку и преследование контрреволюционных идей и мнений. Несмотря на условное смягчение проводимой органами государственной безопасности политики, методы их деятельности часто нарушали основные права человека, имели место и проявления жестокости.

Стоит отметить, что в случае рассмотрения экстремизма как «крайних форм проявления» тех или иных взглядов и антисистемных действий, то, исходя из такого понимания, в данное время часто караются любые антисоциалистические настроения и идеи, о чём свидетельствуют многочисленные репрессии по политическим мотивам, в том числе и авторов художественной литературы, которые тем или иным образом касались вышеуказанной тематики. В военное время ситуация обострилась, что объясняется сложившейся обстановкой. В условиях боевых действий меры ужесточились, полномочия политико-правовых органов расширились.

Так, необходимо сделать вывод, что в первые четыре десятилетия XX века органы, которые занимались противодействием экстремизму, не раз претерпевали структурные изменения, реформы, состояли из большого количества низкоквалифицированных сотрудников, что обуславливалось распадом Российской империи вместе с ее органами и кадрами и формированием новой страны, которая была вынуждена использовать тот кадровый резерв, который был более доступен, к тому же сам экстремизм тогда понимался отлично от нынешнего его толкования. Если абстрагироваться от различных исторических факторов, свидетельствующих о жестокости применяемых органами мер, то можно говорить об эффективности их деятельности в существующей в тот момент общественно-политической обстановке.

Схоже сложилась ситуация и во второй половине XX века в СССР. 13 марта 1954 года образовалось новое ведомство с правами министерства – Комитет Государственной Безопасности (далее КГБ). Наряду с осуществлением контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, органы КГБ осуществляли борьбу с антисоветскими проявлениями, инакомыслием, вели активную агентурную работу. Данный орган государственной безопасности также претерпел ряд реформ, но их значение не имело принципиального характера, не меняло сущности его деятельности. Важно сказать, что борьба с экстремизмом была лишь частью тех функций, которые осуществлял Комитет, поэтому нельзя однозначно судить о должном ведении противодействия данному антиобщественному явлению, хотя ряд авторов отмечают факты, свидетельствующие об активной борьбе с проявлениями инакомыслия [Казьмин, 2020]. Современная политическая ситуация как во всем мире, так и в России вызывает необходимость активизации борьбы с различными проявлениями экстремизма.

Заключение

Резюмируя все вышесказанное, представляется наиболее целесообразным говорить о том, что на протяжении нескольких веков в России тем или иным образом осуществляли борьбу с проявлениями практик и идеологии экстремизма государство и политико-правовые охранительные институты, хотя в ходе истории они неоднократно реформировались, менялась их компетенция, которая отвечала требованиям той или иной общественно-политической ситуации в стране и на международной арене. Сегодня, в XXI веке, в Российской Федерации формируется достаточно эффективная система активного взаимодействия разных ветвей власти, которая осуществляет квалифицированную и действенную борьбу с новыми формами экстремизма, обеспечения общественной безопасности, а также реализации прав и свобод российских граждан (особенно в условиях чрезвычайной ситуации СВО).

Список литературы

- Беляков А.В., Матвейчев О.А. 2009. Большая актуальная политическая энциклопедия. М., Эксмо: 424 с.
Бредихин А.Л. 2020. III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии в истории российского политического сыска. Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право, 5(1): 5-11.

- Будницкий О.В. 1994. Кровь по совести: терроризм в России (вторая половина 19 в. – начало 20 в.). Отечественная история, 6: 203-209.
- Воронцов С.А. 2007. Понятие экстремизма и его существенные признаки. Философия права, 4: 65-71.
- Казьмин В.Н. 2020. Инакомыслие в советском обществе: этапы становления и развития (с середины 1950-х до начала 1990-х годов). Вестник Томского государственного университета, 450: 112-119.
- Камалова Г.Т. 2012. Подразделение ВЧК – ГПУ – ОГПУ в системе органов государственной власти. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право, 7 (266): 14-19.
- Коновалов И.А. 2017. Организация городской полиции по «Уставу благочиния или полицейскому» 1872 года. Правоприменение, 1(2): 31-37.
- Малахов А.Г. 2021. Насилие в теории перманентной революции. Будущее науки-2021: Сборник научных статей 9-й Международной молодежной научной конференции (21–22 апреля 2021 года). Том 3. Курск, Юго-Западный государственный университет: 133-136.
- Матвеев С.Е. 2009. Некоторые аспекты деятельности органов ОГПУ – НКВД на северо-западе России в 1920-1930 годы. Вестник РУДН, серия История России, 5: 169-175.
- Петрянин А.В. 2011. Становление уголовной ответственности и регламентация наказания за преступления экстремистской направленности в России. Пенитенциарная наука, 16: 85-90.
- Погорельцев В.И. 2020. Зарождение и развитие экстремизма в мире и в России. International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 3-2 (42): 178-184.
- Римский А.В. 2012. Культурно-экзистенциальные трансформации религиозного экстремизма. Дисс. ... канд. филос. н. Белгород: 159 с.
- Римский А.В., Римский В.П. 2021. «Разрушение вместе» или О специфике экстремистских сообществ. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (3): 489-498.
- Романова А.В. 2017. Становление и развитие компетенции МВД Российской империи в начале XIX - начале XX в. (на примере исполнительной полиции). Историческая и социально-образовательная мысль, Том. 9, № 4, Часть 1: 56-63.
- Синцов Г.В. 2019. Экстремизм в Российской империи: причины зарождения. Вестник Пензенского государственного университета, 1(25): 25–29.
- Спиридонов А.П. 2006. Особенности развития уголовного права в XVIII веке. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 1(29): 112-117.
- Телегин Г.И. 2013. Основные этапы формирования экстремизма как противоправного деяния в России. Юридический мир, 1: 53-58.
- Чернявская Т.А. 1997. Законодательные памятники России до 1917 г. Ч. 1. Судебник 1550 г. Нижний Новгород. URL: <https://poisk-ru.ru/s42596t22.html> (дата обращения: 20 июня 2022).

References

- Belyakov A.V., Matveychev O.A. 2009. Bol'shaya aktual'naya politicheskaya entsiklopediya [The Big Topical Political Encyclopedia]. Moscow, Eksmo, 424 p.
- Bredikhin A.L. 2020. III Otdeleniye Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii v istorii rossiyskogo politicheskogo syska [III Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery in the History of Russian Political Investigation]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo, 1: 5-11.
- Budnitskiy O.V. 1994. Krov' po sovesti: terrorizm v Rossii (vtoraya polovina 19 v. – nachalo 20 v.) [Blood for conscience: terrorism in Russia (second half of the 19th century - early 20th century)]. Otechestvennaya istoriya, 6: 203-209.
- Vorontsov S.A. 2007. Ponyatiye ekstremizma i yego sushchnostnyye priznaki [The concept of extremism and its essential features]. Filosofiya prava, 4: 65-71.
- Kaz'min V.N. 2020. Inakomysliye v sovetskom obshchestve: etapy stanovleniya i razvitiya (s serediny 1950-kh do nachala 1990-kh godov) [Dissent in Soviet Society: Stages of Formation and Development (from the mid-1950s to the early 1990s)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 450: 112-119.
- Kamalova G.T. 2012. Podrazdeleniye VCHK – GPU – OGPU v sisteme organov gosudarstvennoy vlasti [Department of the Cheka - GPU - OGPU in the system of public authorities]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo, 7 (266): 14-19.
- Konovalev I.A. 2017. Organizatsiya gorodskoy politsii po «Ustavu blagochiniya ili politseyskomu» 1872 goda [Organization of the city police according to the "Statute of the Deanery or Policeman" of 1872]. Pravoprimeneniye, 1(2): 31-37.

- Malakhov A.G. 2021. Nasiliye v teorii permanentnoy revolyutsii [Violence in the theory of permanent revolution. The Future of Science 2021: Collection of scientific articles of the 9th International Youth Scientific Conference (April 21–22, 2021)]. *Budushcheye nauki – 2021: Kursk, Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet*: 133-136.
- Matveyev S.Ye. 2009. Nekotoryye aspekty deyatel'nosti organov OGPU – NKVD na severo-zapade Rossii v 1920-1930 gody [Some aspects of the activities of the OGPU - NKVD in the north-west of Russia in 1920-1930]. *Vestnik RUDN, seriya Istoriya Rossii*, 5: 169-175.
- Petryanin A.V. 2011. Stanovleniye ugolovnoy otvetstvennosti i reglamentatsiya nakazaniya za prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti v Rossii [Formation of criminal liability and regulation of punishment for extremist crimes in Russia]. *Penitentsiarnaya nauka*, 16: 85-90.
- Pogorel'tsev V.I. 2020. Zarozhdeniye i razvitiye ekstremizma v mire i v Rossii [The origin and development of extremism in the world and in Russia]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 3-2(42): 178-184.
- Rimskiy A.V. 2012. Kul'turno-ekzistentsial'nyye transformatsii religioznogo ekstremizma [Cultural and Existential Transformations of Religious Extremism]. Diss. ... cand. filos. sciences. Belgorod, 159 p.
- Rimskiy A.V., Rimskiy V.P. 2021. «Razrusheniye vmeste» ili O spetsifike ekstremistskikh soobshchestv [“Destruction Together” or About the Specifics of Extremist Communities]. *NOMOTNETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 46(3): 489-498.
- Romanova A.V. 2017. Stanovleniye i razvitiye kompetentsii MVD Rossiyskoy imperii v nachale KHIKH - nachale KHKH v. (na primere ispolnitel'noy politsii) [Formation and development of the competence of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the early nineteenth - early twentieth century (on the example of the executive police)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 9(4-1): 56-63.
- Sintsov G.V. 2019. Ekstremizm v Rossiyskoy imperii: prichiny zarozhdeniya [Extremism in the Russian Empire: Causes of Origin]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(25): 25–29.
- Spiridonov A.P. 2006. Osobennosti razvitiya ugolovnoy prava v XVIII veke [Features of the development of criminal law in the XVIII century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 1(29): 112-117.
- Telegin G.I. 2013. Osnovnyye etapy formirovaniya ekstremizma kak protivopravnogo deyaniya v Rossii [The main stages in the formation of extremism as an illegal act in Russia]. *Yuridicheskii mir*, 1: 53-58.
- Chernyavskaya T.A. 1997. Zakonodatel'nyye pamyatniki Rossii do 1917 g., ucheb-metod. posobiye. Ch. 1. Sudebnik 1550 g. Nizhny Novgorod [Legislative monuments of Russia until 1917, study method. allowance. Part 1. Sudebnik 1550 Nizhny Novgorod]. Available at: <https://poisk-ru.ru/s42596t22.html> (accessed: 2022 June 20).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.09.2022

Поступила после рецензирования 30.10.2022

Принята к публикации 30.10.2022

Received September 28, 2022

Revised October 30, 2022

Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Малахов Александр Геннадьевич, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД РФ имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

Alexander G. Malakhov, Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia

Римский Алексей Викторович, кандидат философских наук, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД РФ имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

Aleksey V. Rimsky, Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia

УДК 004.8

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-147-152

Этические проблемы в разработке систем искусственного интеллекта

Песоцкая К.И., Дунаев Р.А.

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7
E-mail: kcherkesova@mail.ru

Аннотация. Сегодня повсеместными становятся машины, спроектированные для выполнения задач, традиционно требующих биологического интеллекта. При этом вероятность создания машин с интеллектуальными возможностями, превосходящими человеческие, ставит под вопрос долгосрочную безопасность интеллектуальных систем не только для отдельных людей, но и для человечества в целом. В связи с этим авторами рассмотрены этические проблемы создания систем искусственного интеллекта и проанализированы мотивы разработки машин с интеллектуальными способностями, во многом превосходящие человеческие. Сделан вывод о том, что в числе рисков развития сверхразума – возможность того, что ему не удастся поставить сверхцель филантропии. Это может привести к тому, что сверхразум осознает положение вещей, которое мы сейчас можем считать желательным, но которое на самом деле оказывается ложной утопией, в которой вещи, необходимые для человеческого процветания, были безвозвратно утеряны.

Ключевые слова: этика, человек, системы искусственного интеллекта, информационная система, сверхразум, мышление, мораль

Для цитирования: Песоцкая К.И., Дунаев Р.А. 2023. Этические проблемы в разработке систем искусственного интеллекта. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 48(1): 147–152. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-147-152

Ethical Issues in the Development of Artificial Intelligence Systems

Kristina I. Pesotskaya, Roman A. Dunaev

Belgorod State University of Arts and Culture,
7 Korolyev St, Belgorod 308033, Russian Federation
E-mail: kcherkesova@mail.ru

Abstract. Today, machines designed to perform tasks that traditionally require biological intelligence are becoming ubiquitous. At the same time, the possibility of creating machines with intellectual capabilities superior to human ones calls into question the long-term security of intelligent systems not only for individuals, but also for humanity as a whole. In this regard, the authors consider the ethical problems of creating artificial intelligence systems and analyze the motives for developing machines with intellectual abilities that are in many ways superior to human ones. It is concluded that among the risks of the development of superintelligence is the possibility that it will not be able to set a super goal of philanthropy. This can lead to the fact that the supermind realizes the state of things that we can now consider desirable, but which in fact turns out to be a false utopia in which the things necessary for human prosperity have been irretrievably lost.

Keywords: ethics, human, artificial intelligence systems, information system, superintelligence, thinking, morality

For citation: Pesotskaya K.I., Dunaev R.A. 2023. Ethical Issues in the Development of Artificial Intelligence Systems. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 147–152 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-147-152

Введение. Проблемы создания искусственного интеллекта

Возможность создания машин с интеллектуальными возможностями, превосходящими человеческие, является уникальной этической проблемой, отличающейся от множества других этических проблем, возникающих в современных информационных системах. Такой технологический прорыв станет одним из важнейших изобретений за всю историю существования человечества и неминуемо приведет к стихийному прогрессу во всех научных и прикладных областях. По мере того, как системы искусственного интеллекта (ИИ) становятся все более интеллектуальными, возникает некоторая обоснованная озабоченность по поводу того, что системы ИИ могут управлять системами людей в соответствии с ценностями самих систем, а не так, как это было запрограммировано непосредственно разработчиками. Подобные опасения ставят под вопрос долгосрочную безопасность интеллектуальных систем не только для отдельных людей, но и для человечества и жизни на Земле в целом. Эти и многие другие вопросы занимают центральное место в этике интеллектуальных систем.

Шведский философ Н. Бостром пишет: «Необходимым условием для содержательного обсуждения искусственного интеллекта является осознание того, что это не просто еще одна технология, еще один инструмент, который постепенно расширяет возможности человека» [Бостром, 2003]. Сверхразум радикально отличается. Этот момент следует подчеркнуть, поскольку антропоморфизация сверхразума является самым плодотворным источником заблуждений.

Вопрос создания и использования систем искусственного интеллекта вызывает интерес у многих ученых [Сотник, 2021; Гаспарян, 2021; Джеймс, 2019; Дзялошинский, 2022; Жданов, 2020] и его рассмотрению посвящено большое количество научных работ и публикаций. Перспективы формирования и развития системы профессиональной этики подробно освещены в работах Ю.В. Назаровой [2022]. Исследованием теоретических и прикладных возможностей идеи цифровой этики как новой области прикладного этического знания занимаются Е.Д. Мелешко и В.Н. Назаров [2022].

К особым аспектам создания искусственного интеллекта относится то, что создание сверхразума может оказаться последним изобретением, которое понадобится людям. Н. Бостром в своей работе также подчеркивает: «...сверхразум будет гораздо эффективнее заниматься какими-либо научными исследованиями, чем любой человек, а может и все люди, вместе взятые, в виду своего интеллектуального превосходства. Как следствие, и в других областях технический прогресс будет неминуемо ускорен появлением передового искусственного интеллекта. К числу предсказуемых технологий, которые, скорее всего, разработает искусственный интеллект, можно отнести очень мощные компьютеры; передовое вооружение, способное безопасно разоружить ядерную державу; космические путешествия; устранение болезней и старения; контроль над человеческим настроением и эмоциями, а также полностью реалистичную виртуальную реальность» [Бостром, 2003].

ИИ приведет к созданию еще более прогрессивного ИИ. Это объясняется тем, что результатом работы сверхразума будет создание оборудования, которое может создать улучшения в собственном исходном коде.

Поскольку ИИ — это программное обеспечение, его можно легко и быстро скопировать, если для его хранения доступно оборудование. Помимо аппаратного обеспечения, предельные затраты на создание дополнительной копии загрузки или ИИ после создания первой копии близки к нулю. Таким образом искусственные разумы могут быстро появиться в большом количестве, хотя возможно, что эффективность способствовала бы концентрации вычислительных ресурсов в одном сверхразуме. Гипотеза технологической сингулярности, выдвинутая британским математиком и космологом Ирвингом Гудом, предполагает возможность внезапного появления сверхразума. Необходимо учитывать тот факт, что очень быстро может случиться переход от состояния, когда у нас есть ИИ при-

близительно уровня человека, к состоянию, в котором появится самодостаточный сверхразум с весьма прогрессивными или даже революционными приложениями.

Нет необходимости рассматривать сверхразум как простой инструмент. Вполне вероятно появление сверхразума, который был бы способен к независимой инициативе и составлению собственных планов. ИИ не обязательно должен иметь человеческие мотивы. Люди редко бывают добровольными рабами, но нет ничего неправдоподобного в идее сверхразума, имеющего своей сверхцелью служение человечеству или какому-то конкретному человеку, без всякого желания бунтовать или «освободить» себя. Также представляется вполне возможным наличие сверхразума, единственной целью которого является что-то совершенно произвольное, например, производство как можно большего количества скрепок, и который из всех сил будет сопротивляться любым попыткам изменить эту цель. Хорошо это или плохо, но ИИ совершенно не должен разделять наши человеческие мотивационные тенденции.

Когнитивные аспекты искусственного интеллекта

У искусственных интеллектов может быть не человеческая психика. Когнитивная архитектура ИИ также может быть совершенно непохожей на человеческую. ИИ может быть легко защищен от некоторых видов человеческих ошибок и предубеждений, в то же время подвергаясь повышенному риску других видов ошибок, которые не были бы допущены абсолютно несчастливым человеком. Если допустить тот факт, что у ИИ существует субъективная внутренняя сознательная жизнь, то, вполне вероятно, что она может кардинально отличаться от человеческой.

Учитывая вышеперечисленные причины появления ИИ можно предсказать, но делать это следует с осторожностью, научно прогнозируя иные технологические и информационные достижения и прорывы. Помимо этого, нет никакой уверенности в том, что природа и поведение ИИ будут похожи на природу и поведение человека. Можно полагать, что ИИ может превзойти людей-мыслителей в когнитивной деятельности. Из этого вытекает, что если вопросы об этике имеют правильные ответы, полученные в процессе взвешивания доказательств и рассуждений, то ИИ сможет дать более точные ответы, чем люди. Это касается и вопросов долгосрочного планирования, а также политики. Для лучшего понимания того, какая политика позволит достичь поставленных целей и к получению каких результатов приведет и какие средства в этом случае будут наиболее эффективными сверхразум превзойдет человека.

Следовательно, если бы мы обладали сверхразумом или собирались его получить, то на многие вопросы не было бы необходимости искать ответы; мы могли бы делегировать многие расследования и решения сверхразуму. Например, если мы не уверены, как оценить возможные результаты, мы можем попросить сверхразум оценить, как бы мы оценили эти результаты, если бы мы думали о них в течение очень долгого времени, тщательно обдумывали, обладали большей памятью и лучшим интеллектом, и так далее. Формулируя цель сверхразума, не всегда нужно было бы давать подробное, явное определение этой цели. Мы могли бы задействовать сверхразум, чтобы помочь нам определить истинное намерение нашего запроса, тем самым уменьшив риск того, что неверная формулировка или путаница в отношении того, чего мы хотим достичь, приведут к результатам, которые мы не одобрим задним числом.

Возможность отложить многие решения на сверхразум не означает, что мы можем позволить себе быть самодовольными в том, как мы строим сверхразум. Наоборот, установка начальных условий и, в частности, выбор цели высшего уровня для сверхразума имеет первостепенное значение. Все наше будущее может зависеть от того, как мы решим эти проблемы.

Кажется, что лучший способ обеспечить благотворное влияние сверхразума на мир – наделить его филантропическими ценностями. Его главной целью должно быть дружелюбие. Как именно следует понимать дружелюбие и как его реализовывать, как следует распределять дружелюбие между разными людьми и нечеловеческими существами – вопрос, заслуживающий дальнейшего рассмотрения. Можно сказать, что все люди на Земле должны получить значительную долю благодетельных сверхразума. Если выгоды, которые может дать сверхразум, чрезвычайно велики, то, возможно, не так важно торговаться по поводу детальной схемы распределения и более важно стремиться к тому, чтобы каждый получил хотя бы какую-то значительную долю, поскольку при таком предположении даже крошечной доли было бы достаточно, чтобы гарантировать очень долгую и очень хорошую жизнь. Единственный риск, которого следует остерегаться, заключается в том, что те, кто развивает сверхразум, не сделают его в целом филантропическим, а вместо этого поставят перед ним более ограниченную цель служить только какой-либо небольшой группе, такой как его собственные создатели или те, кто выступают его заказчиком.

Однако если сверхразум зародится с дружественной главной целью, то можно рассчитывать на то, что он останется дружественным или, по крайней мере, намеренно не избавится от своего дружелюбия. «Друг», который стремится превратиться в кого-то, кто хочет причинить вам боль, не является вашим другом. Настоящий друг, тот, кто действительно заботится о вас, также ищет возможности продолжения своей заботы о вас.

У людей с нашей сложной развитой ментальной экологией, состоящей из конкурирующих побуждений, желаний, планов и идеалов, зависящих от состояния, часто нет очевидного способа определить, какова наша главная цель; у нас может и не быть ее вовсе. Таким образом, для нас вышеуказанные рассуждения не должны применяться. Но сверхразум может быть устроен иначе. Если у сверхразума есть определенная декларативная целевая структура с четко определенной главной целью, то приведенный выше аргумент применим. И это хорошая причина для нас построить сверхразум с такой явной мотивационной архитектурой.

Трудно представить себе проблему, которую сверхразум не смог бы решить или хотя бы помочь решить нам. Болезни, нищета, разрушение окружающей среды, всевозможные ненужные страдания: все это способен устранить сверхразум, оснащенный передовыми нанотехнологиями. Кроме того, сверхразум может дать нам неограниченную продолжительность жизни, либо остановив и обратив вспять процесс старения с помощью наномедицины, либо предоставив нам возможность загрузить себя. Сверхразум может также предоставить нам возможности для значительного увеличения наших собственных интеллектуальных и эмоциональных способностей, и он может помочь нам в создании очень привлекательного эмпирического мира, в котором мы могли бы жить жизнью, посвященной радостным делам, отношениям друг с другом, переживаниям, личностному росту и стремлению к идеалам.

Заключение

Риски развития сверхразума включают в себя риск того, что ему не удастся поставить сверхцель филантропии. Одна из причин, по которой это может произойти, заключается в том, что создатели сверхразума решат построить его так, чтобы он служил конкретно определенной группе людей, а не человечеству в целом. Это может произойти и по другой причине: команда программистов из лучших побуждений допустит большую ошибку при разработке своей системы целей. Это может привести, возвращаясь к предыдущему примеру, к сверхразуму, главной целью которого является производство скрепок,

в результате чего он начнет преобразовывать сначала всю Землю, а затем все больше и больше частей космоса в предприятия по производству скрепок. Если говорить более тонко, это может привести к тому, что сверхразум осознает положение вещей, которое мы сейчас можем считать желательным, но которое на самом деле оказывается ложной утопией, в которой вещи, необходимые для человеческого процветания, были безвозвратно утрачены. Нам нужно быть осторожными в том, чего мы хотим от сверхразума, потому что мы можем это получить.

Список литературы

- Бостром Н. 2003. Этические проблемы, связанные с искусственным интеллектом. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2010-04-008-bostrom-n-eticheskie-problemy-svyazannye-s-iskusstvennym-intellektom-bostrom-n-ethical-issues-in-advanced-artificial/viewer> (дата обращения: 17.08.2022)
- Гаспарян Д.Э. 2021. Прикладные проблемы внедрения этики искусственного интеллекта в России. Отраслевой анализ и судебная система. М., Издательский дом Высшей школы экономики, 111 с.
- Джеймс, Баррат. 2019. Последнее изобретение человечества: искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens. М., Альпина нон-фикшн, 312 с.
- Дзялошинский И.М. 2022. Когнитивные процессы человека и искусственный интеллект в контексте цифровой цивилизации: монография. М., Ай Пи Ар Медиа, 583 с.
- Жданов А.А. 2020. Автономный искусственный интеллект. М., Лаборатория знаний, 360 с.
- Мелешко Е.Д., Назаров В.Н. 2022. Проект «Модель цифровой этики в интеграционной деятельности научно-образовательных и производственных организаций». Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 3(43): 128-137.
- Назарова Ю.В. 2022. Система профессиональной этики в высшем образовании: аксиологические предпосылки формирования и перспективы развития. Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 3(43): 40-49.
- Сотник С.Л. 2021. Проектирование систем искусственного интеллекта. М., Интернет-Университет Информационных Технологий (ИНТУИТ), Ай Пи Ар Медиа, 228 с.

References

- Bostrom N. 2003. Eticheskiye problemy, svyazannyye s iskusstvennym intellektom. [Ethical issues related to artificial intelligence]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/2010-04-008-bostrom-n-eticheskie-problemy-svyazannye-s-iskusstvennym-intellektom-bostrom-n-ethical-issues-in-advanced-artificial/viewer> (accessed: 17 August 2022)
- Gasparyan D.E. 2021. Prikladnyye problemy vnedreniya etiki iskusstvennogo intellekta v Rossii. Otrasleyoy analiz i sudebnaya Sistema [Applied problems of implementing the ethics of artificial intelligence in Russia. Industry analysis and the judicial system]. Moscow, Publ. Vysshey shkoly ekonomiki, 111 p.
- Dzheyms, Barrat. 2019. Posledneye izobreteniyе chelovechestva: iskusstvennyy intellekt i konets ery Homo sapiens. [Mankind's Last Invention: Artificial Intelligence and the End of the Homo Sapiens Era]. Moscow, Publ. Al'pina non-fikshn, 312 p.
- Dzyaloshinskiy I.M. 2022. Kognitivnyye protsessy cheloveka i iskusstvennyy intellekt v kontekste tsifrovoy tsivilizatsii: monografiya [Human cognitive processes and artificial intelligence in the context of digital civilization: monograph]. M., Publ. Ay Pi Ar Media, 583 p.
- Zhdanov A.A. 2020. Avtonomnyy iskusstvennyy intellect [Autonomous artificial intelligence]. Moscow, Publ. Laboratoriya znaniy, 360 p.
- Meleshko Ye.D., Nazarov V.N. 2022. Proyekt «Model' tsifrovoy etiki v integratsionnoy deyatel'nosti nauchno-obrazovatel'nykh i proizvodstvennykh organizatsiy». [Project "Model of digital ethics in the integration activities of scientific, educational and industrial organizations"]. Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. Vyp. 3(43): 128-137.
- Menisov A.B. 2022. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta i kiberbezopasnost': monografiya. [Artificial intelligence technologies and cybersecurity: monograph]. Moscow, Publ. Ay Pi Ar Media, 133 p.

Nazarova Yu.V. 2022. Sistema professional'noy etiki v vysshem obrazovanii: aksiologicheskiye predposylki formirovaniya i perspektivy razvitiya. [The system of professional ethics in higher education: axiological prerequisites for formation and development prospects]. Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. Vyp. 3(43): 40-49.

Sotnik S.L. 2021. Proyektirovaniye sistem iskusstvennogo intellekta: uchebnoye posobiye. [Designing artificial intelligence systems: a study guide]. M., Internet-Universitet Informatsionnykh Tekhnologiy (INTUIT), Ay Pi Ar Media, 228 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.09.2022

Поступила после рецензирования 20.12.2022

Принята к публикации 30.01.2023

Received February 20 September 2022

Revised 20 December 2022

Accepted 30 January 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Песоцкая Кристина Ивановна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия

Дунаев Роман Алексеевич, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, Белгородский государственный институт искусств и культуры, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kristina I. Pesotskaya, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science of Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Roman A. Dunaev, Associate Professor of the Department of Library and Information Activities, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

УДК 341.161

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-153-166

Правовые проблемы выхода России из Всемирной организации здравоохранения

Сафронова Е.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: elena_safronova_2010@mail.ru

Аннотация. В российском политическом дискурсе все чаще и чаще обсуждается вопрос выхода России из Всемирной организации здравоохранения (далее ВОЗ), осложненный наличием юридической проблемы – отсутствием положений о добровольном выходе в Уставе организации. Статья посвящена анализу соответствия деятельности ВОЗ декларируемой цели, вопросу юридической значимости нормативных актов организации, а также перспективам выхода из нее. В работе на основе анализа учредительного договора данной международной организации, принимаемых под ее эгидой нормативных документов, а также международно-правовой доктрины определяются виды нормативных полномочий ВОЗ, их характер и юридическая значимость; определяются способы имплементации норм «мягкого права» в законодательство Российской Федерации; дается оценка инициатив организации, реализация которых противоречит традиционным духовно-нравственным ценностям России и угрожает ее государственному суверенитету. В результате проведенного исследования установлено, что нормотворческие полномочия ВОЗ, включающие право делать рекомендации по вопросам международного здравоохранения, принимать конвенции и в строго определенных случаях устанавливать регламенты, связаны с прямым волеизъявлением государств на этапе принятия. Запрет выхода из организации противоречит принципу государственного суверенитета и может быть осуществлен на основе п.1 (б) и п. 2 ст. 56 Венской конвенции о праве международных договоров и с опорой на опыт СССР. Однако для реализации идеи требуется явно выраженная политическая воля, которая может проявиться и в разрыве отношений и в отказе от неприемлемого при сохранении членства, опираясь на положения Устава, предоставляющие такую возможность.

Ключевые слова: международное право, международный договор, специализированное учреждение ООН, денонсация, выход, международная классификация болезней, СССР, пандемия

Для цитирования: Сафронова Е.В. 2023. Правовые проблемы выхода России из Всемирной организации здравоохранения. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 48(1): 153–166. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-153-166

Legal Problems of Russia's Exit from the World Health Organization

Elena V. Safronova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: elena_safronova_2010@mail.ru

Abstract. In the Russian political discourse, the issue of Russia's withdrawal from the World Health Organization (hereinafter referred to as WHO) is increasingly being discussed, complicated by the presence of a legal problem – the absence of provisions on voluntary withdrawal in the Charter of the organization. The article is devoted to the analysis of the compliance of the activities of the WHO with the declared goal, the issue of the legal significance of the organization's regulations, as well as the

prospects for exit from it. Based on the analysis of the constituent agreement of this international organization, normative documents adopted under its auspices, as well as the international legal doctrine, the types of regulatory powers of WHO, their nature and legal significance are determined; ways of implementing the norms of "soft law" in the legislation of the Russian Federation are determined; an assessment is given of the initiatives of the organization, the implementation of which contradicts the traditional spiritual and moral values of Russia and threatens its state sovereignty. As a result of the study, it was found that the normative powers of WHO, including the right to make recommendations on international health issues, adopt conventions and, in strictly defined cases, establish regulations, are associated with the direct will of states at the stage of adoption. The prohibition of leaving the organization is contrary to the principle of state sovereignty and can be carried out on the basis of paragraph 1 (b) and paragraph 2 of Art. 56 of the Vienna Convention on the Law of Treaties and based on the experience of the USSR. However, to implement the idea, a clearly expressed political will is required, which can manifest itself both in breaking off relations and in refusing unacceptable membership while maintaining membership, based on the provisions of the Charter that provide such an opportunity.

Keywords: international law, international treaty, UN specialized agency, denunciation, withdrawal, international classification of diseases, USSR, pandemic

For citation: Safronova E.V. 2023. Legal Problems of Russia's Exit from the World Health Organization. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 153–166 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-153-166

Введение

Всемирная организация здравоохранения (далее ВОЗ) – межправительственная международная организация, специализированное учреждение ООН. Устав (Конституция) организации принят Международной конференцией здравоохранения, проходившей в Нью-Йорке с 19 июня по 22 июля 1946 г., подписан 22 июля 1946 г. представителями 61 государства¹. Устав ВОЗ вступил в силу 7 апреля 1948 г., когда в соответствии со статьями 79–80 к нему присоединились 26 государств. Целью организации провозглашалось «достижение всеми народами возможно высшего уровня здоровья» (ст. 1).

История взаимоотношений ВОЗ с нашей страной мало исследована. Общеизвестно, что СССР принимал участие в создании организации и был в числе первых 26 стран, ратифицировавших ее устав (24 марта 1948 г.). Советские специалисты принимали участие в разработке программ ВОЗ, работали экспертами, консультантами и сотрудниками штаб-квартиры организации и ее региональных бюро. Однако истории известен факт разрыва отношений СССР с ВОЗ на несколько лет. Сомнения о необходимости сотрудничества РФ с ВОЗ возникли в настоящее время. В 2021 году на консервативной платформе CitizenGO была запущена петиция «Требуем выхода России из ВОЗ!»², под которой было собрано более 150 000 граждан РФ.

Ситуация обострилась после принятия 10 мая 2022 г. на специальной сессии Европейского регионального комитета ВОЗ Резолюции, в которой отмечалось, что комитет «осуждает самым решительным образом военную агрессию России против Украины, в том числе нападение на медицинские учреждения в Украине» и призвал «регионального директора рассмотреть возможность временной приостановки проведения всех региональных совещаний в Российской Федерации, включая технические совещания и совещания экспертов, а также конференций и семинаров, состав участников которых определяется Европейским региональным бюро ВОЗ, вплоть до мирного разрешения конфликта

¹ Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения // Основные документы, сорок девятое издание (с поправками по состоянию на 31 мая 2019 года). Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2020. С. 1–23.

² Петиция о выходе России из ВОЗ // Завтра.ru URL: https://zavtra.ru/events/petitciya_o_vihode_rossii_iz_voz (дата обращения: 13.12.2022).

между Российской Федерацией и Украиной и вывода Российской Федерацией своих вооруженных сил с территории Украины в ее международно признанных границах»¹. Кроме того, было принято решение довести эту резолюцию до сведения Всемирной ассамблеи здравоохранения (далее – ВАО).

Тема была включена в повестку 75 сессии ВАО. Проект резолюции был предложен Албанией, Андоррой, Австралией, Австрией, Бельгией, Боснией и Герцеговиной, Болгарией, Канадой, Колумбией, Хорватией, Кипром, Чешской Республикой, Данией, Эстонией, Финляндией, Францией, Грузией, Германией, Грецией, Гватемалой, Исландией, Ирландией, Италией, Японией, Латвией, Литвой, Люксембургом, Мальтой, Черногорией, Нидерландами, Новой Зеландией, Северной Македонией, Норвегией, Перу, Польшей, Португалией, Республикой Молдова, Румынией, Словакией, Словенией, Испанией, Швецией, Турцией, Украиной, Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии и Соединенными Штатами Америки. В нем осуждалась «военная агрессия» России, содержался призыв «незамедлительно прекратить все нападения на больницы и другие учреждения здравоохранения»², а также указывалось на возможность введения санкций в отношении Российской Федерации – применение «соответствующих статей Устава ВОЗ» – в случае сохранения ее прежней политики. Устав ВОЗ не предусматривает исключения из организации, поэтому речь шла о статье 7, в соответствии с которой Ассамблея здравоохранения может «временно лишить члена Организации принадлежащих ему права голоса и права на обслуживание»³.

В результате обсуждения резолюция «Чрезвычайная ситуация в области здравоохранения в Украине и странах, принимающих и размещающих беженцев, возникшая в результате агрессии Российской Федерации» была принята на 8 пленарном заседании 28 мая 2022⁴.

В российской науке международного права применение ст. 7 расценивается как временное приостановление членства, что, однако, не ставит государство в положение «не члена». При этом «степень отстранения», решение о котором принимает ВАО, может быть различной [Михайлов, 1980, с. 208]. Необходимо отметить, что опыт применения 7 статьи у ВОЗ был. Более того, в 1964 году на XVII сессии ВАО было принято решение разработать «официальные предложения с целью приостановления или исключения из Организации любого члена, нарушающего ее принципы, и чья официальная политика основана на расовой дискриминации»⁵. Обсуждение проблемы вылилось в попытку внести поправку в Устав ВОЗ пунктом «б» ст. 7, допускающую возможность исключения из организации, которая не была принята.

Современные российские власти на «угрозу» ВАО применить санкции в отношении РФ отреагировали политическими заявлениями. По словам заместителя председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации П.О. Толстого, «Министерство иностранных дел России направило в Госдуму список международных согла-

¹ Резолюция Европейского регионального комитета Всемирной организации здравоохранения 10 мая 2022 г. EUR/RCSS/CONF./2 Rev.2 № 220351 «Чрезвычайная ситуация в области здравоохранения в Украине и в сопредельных странах, возникшая в результате агрессии Российской Федерации». URL: <https://extranet.who.int/iris/restricted/handle/10665/354123> (дата обращения: 13.12.2022).

² Проект Резолюции A75/A/CONF./6 от 23 мая 2022 «Чрезвычайная ситуация в области здравоохранения в Украине и странах, принимающих и размещающих беженцев, возникшая в результате агрессии» URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA75/A75_ACONF6-ru.pdf (дата обращения: 13.12.2022).

³ Там же.

⁴ Резолюция WHA75.11 от 28 мая 2022 Чрезвычайная ситуация в области здравоохранения в Украине и странах, принимающих и размещающих беженцев, возникшая в результате агрессии Российской Федерации», принятая на Восьмом пленарном заседании URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA75-REC1/A75_REC1_Interactive_ru.pdf#page=1 (дата обращения: 31.01.2023).

⁵ Meetings of the Regional Committee for Africa // Official Records of the World Health Organization. № 135. Res.N. WHA17.50, p. 23. URL: https://extranet.who.int/iris/restricted/bitstream/handle/10665/89278/WHA17.50_eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 13.12.2022).

шений, в том числе... со Всемирной организацией здравоохранения, на предмет их денонсации»¹. В СМИ появилась информация, что Председатель Государственной Думы В.В. Володин «поручил профильным комитетам парламента изучить вопрос о целесообразности присутствия России»².

В этой связи хотелось обратиться к теме соответствия деятельности ВОЗ на современном этапе декларируемой в Уставе цели, вопросу юридической значимости нормативных актов организации, а также перспективам выхода из нее России.

«Фальсифицированные пандемии – угроза для здоровья»³

Сегодня членами ВОЗ являются 194 государства планеты. Бюджет организации состоит из обязательных взносов государств-членов и добровольных пожертвований, которые могут быть дополнительными правительственными взносами, а также взносами частных партнеров (благотворительных неправительственных организаций и частных лиц). По официальной статистике «самым крупным плательщиком по линии обязательных взносов являются США, выплачивающие 22 % по начисленным взносам, на втором месте – Китай (12 %), ставка России составляет 2,4 % (10-е место)»⁴. Среди частных добровольных спонсоров первое место занимает американский Фонд Билла и Мелинды Гейтс, а также Глобальный альянс по вакцинам и иммунизации (GAVI), финансируемый преимущественно этими же лицами и британским правительством.

Устав (Конституция) ВОЗ существенным образом не менялся, однако в него несколько раз вносились поправки (3 февраля 1977 г., 20 января 1984 г., 11 июля 1994 г. и 15 сентября 2005 г.). В действующем Уставе Всемирной организации здравоохранения функции, направленные на реализацию поставленной цели, вполне благородны: *«(а) действовать в качестве руководящего и координирующего органа в международной работе по здравоохранению; ... (с) помогать правительствам по их просьбе в укреплении служб здравоохранения; (д) оказывать нужное техническое содействие и в экстренных случаях необходимую помощь по просьбе или с согласия соответствующего правительства; ... (f) обеспечить и поддерживать такое административное и техническое обслуживание, включая эпидемиологическое и статистическое, которое может потребоваться; ... (i) в сотрудничестве, где это потребуется, с другими специализированными учреждениями способствовать улучшению питания, жилищных условий, санитарных условий, условий отдыха, экономических условий или условий труда и других гигиенических условий окружающей обстановки; ... (j) способствовать сотрудничеству... в развитии дела здравоохранения; (к) предлагать принятие конвенций, соглашений и правил, делать рекомендации по вопросам международного здравоохранения и исполнять те обязанности, которые в связи с этим могут быть возложены на Организацию и которые соответствуют ее целям; (l) способствовать развитию охраны материнства и детства»*⁵ и др. Однако за годы существования деятельность Всемирной организации «обросла» скандалами, в числе которых обвинения в лжепандемии, псевдо-здравоохранении, халатном бездействии, коррупции, обслуживании интересов крупных фармацевтических компаний и др.

¹ Вице-спикер Госдумы Петр Толстой анонсировал выход России из ВТО и ВОЗ // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/05/17/17756186.shtml> (дата обращения: 13.12.2022).

² «ВОЗ или не ВОЗ»: вознамерится ли Россия выйти из Всемирной Организации Здравоохранения. URL: <https://readovka.news/news/100392> (дата обращения: 13.12.2022).

³ Ходатайство о рекомендации 18 декабря 2009 г. «Фальсифицированные пандемии - угроза для здоровья» // Веб-сайт ПАСЕ. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=12720&lang=en> (дата обращения: 14.12.2022).

⁴ О бюджете Всемирной организации здравоохранения. URL: https://geneva.mid.ru/administrativno-budzetnye-voprosy/-/asset_publisher/HOLLri4FlqmO/content/o-budzete-vsemirnoj-organizacii-zdravooхранenia-voz-?inheritRedirect=false (дата обращения: 13.12.2022).

⁵ Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения // Основные документы, сорок девятое издание (с поправками по состоянию на 31 мая 2019 года). Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2020. С. 4.

В декабре 2009 г. немецкий врач, председатель комитета здравоохранения ПАСЕ Вольфганг Водарг с группой известных врачей, в частности: Фатимой Абурто Базельгой (Испания), Джемой Мариновой Гроздановой (Болгария), Мустафой Юналом (Турция) и др., предложил проект рекомендации ПАСЕ «Фальшивые пандемии – угроза здоровью»¹, который подписали тринадцать делегатов ассамблеи. Авторы проекта призвали к расследованию названных пандемий. В июне 2010 г. на заседании комитета по здравоохранению видный британский политик Пол Филип Флинн представил доклад, где доказывал, что «серьезность пандемии была сильно преувеличена ВОЗ»². Результатом обсуждения стало принятие 24 июня 2010 г. на 26 заседании Парламентской ассамблеей Совета Европы резолюции № 1749 (2010) и рекомендации № 1929 (2010). В резолюции отмечалось, что «Парламентская ассамблея озабочена реакцией на пандемию гриппа H1N1... Особую обеспокоенность Ассамблеи вызывают некоторые последствия принятых решений и сформулированных рекомендаций, которые привели к нарушению приоритетов деятельности служб здравоохранения во всей Европе, бесцельному расходованию значительных государственных средств, а также к неоправданным страхам и опасениям всего населения Европы за свое здоровье»³. В документе говорилось о серьезных недостатках в сфере принятых решений, скрытом лоббировании интересов фармацевтических компаний, падении доверия к институтам ВОЗ.

О спорных нормативных инициативах ВОЗ

С 1 января 2022 г. Всемирной организацией здравоохранения рекомендован переход на новый «Международный классификатор болезней», принятый еще в мае 2019 г. на Всемирной ассамблее ВОЗ. Обеспокоенность породили изменения, внесенные в 6 и 17 разделы классификации, согласно которым «транссексуализм» перестал рассматриваться как психическое расстройство. В документе говорится, что «половое поведение и сексуальные предпочтения сами по себе не являются основанием для присвоения диагноза»⁴.

Опыт внесения изменений в классификацию сексуальных отклонений и расстройств ВОЗ имел и раньше. В мае 1990 г. на 43-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в десятом пересмотре МКБ «гомосексуализм» исключили из перечня сексуальных расстройств, следствием чего явилось распространение практики легализации однополых партнерств и браков.

Поправки в Конституцию РФ, вступившие в силу 4 июля 2020 г.⁵, а также Федеральный закон от 05.12.2022 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ (в части запрета пропаганды нетрадиционных сек-

¹ Ходатайство о рекомендации 18 декабря 2009 «Фальсифицированные пандемии - угроза для здоровья» // Веб-сайт ПАСЕ. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=12720&lang=en> (дата обращения: 14.12.2022).

² Алексеев А. ВОЗ попутал // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4343708> (дата обращения: 13.12.2022).

³ Резолюция ПАСЕ № 1749 (2010) «Реакция на пандемию H1N1: необходимость повышения прозрачности» // Официальный сайт Совета Европы. URL: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2010%5D/%5BJun2010%5D/Res1749_rus.asp#P3_75 (дата обращения: 13.12.2022).

⁴ Международная классификация болезней одиннадцатого пересмотра. URL: <https://icd11.ru/> (дата обращения: 13.12.2022).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 03.07.2020 № 445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007030012> (дата обращения: 13.12.2022).

⁶ Федеральный закон от 05.12.2022 № 478-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:

суальных отношений и (или) предпочтений) дают основания считать, что МКБ–11 противоречит законодательству РФ. Возникает естественный вопрос, обязана ли Россия его применять?

«Мягкое право» устанавливает жесткие правила

В отечественной историографии немного работ, посвященных анализу нормотворческой деятельности Всемирной организации здравоохранения [Каркищенко, 2004; Маличенко, 2021; Толстых, 2021].

В соответствии со статьями 2, 19, 20, 21, 22, 23 Устава (Конституции) Всемирной организации здравоохранения ее нормотворческие полномочия включают право:

– «делать рекомендации по вопросам международного здравоохранения» (ст. 2), «Ассамблея здравоохранения уполномочивается делать рекомендации членам по любому вопросу, относящемуся к компетенции Организации» (ст. 23);

– «принимать конвенции и соглашения по любому вопросу, входящему в компетенцию Организации» (ст. 19);

– устанавливать права (регламенты) в отношении: «(а) санитарных и карантинных требований и иных мероприятий, направленных против международного распространения болезней; (b) номенклатуры болезней, причин смерти и практики общественного здравоохранения; (c) стандартов диагностических методов исследования для их международного использования; (d) стандартов в отношении безвредности, чистоты и силы действия биологических, фармацевтических и подобных продуктов, имеющих обращение в международной торговле; (e) рекламы и ярлыков биологических, фармацевтических и подобных продуктов, имеющих обращение в международной торговле» (ст. 21).

Очевидно, что рекомендации – это акты «мягкого» права. Они принимаются в форме резолюций простым большинством членов на заседаниях Ассамблеи здравоохранения. Они не обладают обязательной юридической силой, однако это не означает отсутствия в них управленческого ресурса и влияния. В западноевропейской науке международного права высказываются мнения, что организацией недостаточно используется регламентирующий механизм воздействия на членов, но есть и позиция, согласно которой жесткая регламентация приводит к нарушению суверенитета и императивного принципа международного права – принципа невмешательства во внутренние дела государств.

Конвенции (соглашения) принимаются представительным органом организации – Всемирной ассамблеей здравоохранения – большинством голосов в две трети, но для вступления в силу в отношении каждого отдельного участника требуется выражение согласия на обязательность, предусмотренное внутренней конституционной процедурой (ст. 19). На практике единственным международным соглашением, принятым 21 мая 2003 г. на 56-й сессии ВОЗ и вступившем в силу 27 февраля 2005 г., стала «Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака»¹. Россия ратифицировала эту конвенцию в феврале 2008 года.

Правила (регламенты), которые принимаются Всемирной ассамблеей здравоохранения в соответствии со ст. 21, становятся обязательными, но «за исключением тех членов Организации, которые известят Генерального директора в указанный в оповещении срок об отклонении их или оговорках в отношении них» (ст. 21)². То есть регламенты вступают в силу после принятия Ассамблеей и процедуры нотификации (уведомления ее ведомством иностранных дел государства) для всех членов, за исключением тех, которые в од-

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212050019?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 13.12.2022).

¹ Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака // Официальный сайт ВОЗ. URL: <http://www.who.int/fctc/ru/index.html> (дата обращения: 13.12.2022).

² Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения // Основные документы, сорок девятое издание (с поправками по состоянию на 31 мая 2019 года). Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2020. С. 8.

ностороннем порядке в оговоренные сроки заявили о нераспространении на них данного регламента или сделали оговорки к нему. Например, для отклонения Международных медико-санитарных правил 2005 года и оговорок к ним был установлен срок 18 месяцев.

Сфера действия регламентов, как отмечалось выше, строго ограничена статьей 21 Устава ВОЗ. За всю историю существования организации было принято лишь два регламента, которые позднее неоднократно пересматривались. Во-первых, это международные медико-санитарные правила (далее ММСП), направленные против «международного распространения болезней» (ст. 21 (а) Устава ВОЗ); во-вторых, это номенклатура заболеваний и причин смерти – международная классификация болезней (далее – МКБ).

Первая редакция ММСП была принята еще в 1951 году, действующая редакция принята на 58-й сессии Ассамблеи здравоохранения 23 мая 2005 г.¹ Правила вступили в силу в июне 2007 г. Все члены ВОЗ взяли на себя обязательства их исполнять. В соответствии с ними государства обязаны оперативно реагировать на официальные декларации ВОЗ о чрезвычайных ситуациях области общественного здравоохранения, имеющие международное значение (далее ЧСЗМЗ). Контроль за соблюдением правил осуществляет Международный карантинный комитет.

Нельзя не согласиться с профессором В.Л. Толстых, что ММСП имеют ряд недостатков: «содержат общие обязательства...; не закрепляют механизмов мониторинга, принуждения и ответственности; судебная практика их применения отсутствует; их обязательность может ставиться под сомнение»; «объявление ЧСЗМЗ является «актом политического символизма и медиа-безумия» (за 2009–2020 гг. ЧСЗМЗ объявлялась шесть раз), хотя его следствия остаются неясными» [Толстых, 2021, с. 51].

Много вопросов у российской общественности вызвала идея внесения новых поправок в ММСП, которые планировалось обсуждать на 75 сессии ВАЗ. Текст поправок подготовлен США и 20 января 2022 г. разослан Генеральным директором всем государствам-участникам ВОЗ². Содержание поправок в целый ряд статей (5, 6, 9-13, 15, 18, 48, 49, 53, 59) говорит о стремлении к расширению полномочий организации в ущерб государственному суверенитету. В ряде статей (9, 10, 11, 13 и др.) исключены положения о согласовании действий структур ВОЗ с государствами-участниками, мнение которых игнорируется. Очевидно, что попытка обсуждения поправок, есть подготовка к принятию организацией планируемого соглашения по предотвращению и контролю будущих пандемий.

Вторым обязательным регламентом стала международная номенклатура болезней. Идея систематизации имеет давнюю историю. Основоположником научной систематизации болезней был французский ученый Франсуа Босье де Лакруа (1706–1767). На международном уровне первая классификация была принята в 1855 году на Международном статистическом конгрессе. Она неоднократно пересматривалась. До 1946 г. на универсальном уровне проблемами классификации болезней и причин смерти занималась Лига Наций, а с созданием ВОЗ функция пересмотра классификации перешла к ней.

«Международная классификация болезней» 11 пересмотра попадает под действие статьи 21 п. в (номенклатура болезней). Обязательность этих правил для государств-участников, как отмечалось выше, связано с добровольным согласием. Государства вправе отклонить правила, уведомив Генерального директора, или исключить действие отдельных норм путем принятия оговорки. Однако Российская Федерация этим правом не воспользовалась.

¹ Международных медико-санитарных правил (2005 г.) // Сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA58-REC1/russe/A58_2005_REC1-ru.pdf (дата обращения: 15.12.2022).

² Укрепление готовности и реагирования ВОЗ на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения. Предлагаемый текст поправок к Международным медико-санитарным правилам (2005 г.) № WHA75/18 от 12 апреля 2022 г. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA75/A75_18-ru.pdf (дата обращения: 13.12.2022).

В России распоряжением правительства от 15 октября 2021 г. утвержден План мероприятий по внедрению Международной статистической классификации болезней одиннадцатого пересмотра на период 2021–2024 г.¹. Изменившиеся условия должны подтолкнуть российские власти к внесению в него изменений.

Таким образом, подавляющее число документов, издаваемых ВОЗ, – это акты «мягкого» права, однако имплементация продвигаемых организацией инициатив в законодательство РФ происходит достаточно активно и последовательно. Одним из каналов их рецепции выступает модельное правотворчество Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (далее – МПА СНГ), в котором косвенное участие принимает Европейское региональное бюро Всемирной организации здравоохранения (далее – ЕРБ ВОЗ). Согласно п. 4 ст. 4 Меморандума между МПА СНГ и ЕРБ ВОЗ, заключенному в марте 2018 г., сотрудничество в том числе выражается в помощи со стороны ЕРБ ВОЗ «в процессе разработки типовых (модельных) законодательных актов МПА СНГ, направленных на защиту общественного здоровья»². Только за 2021 год при участии ЕРБ ВОЗ Межпарламентская Ассамблея приняла модельные законы «О равном доступе к профилактике, диагностике и лечению ВИЧ-инфекции в странах СНГ», «О донорстве органов», «Об обеспечении прав детей на охрану здоровья в государствах – участниках СНГ», «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», «О клинических рекомендациях при оказании медицинской помощи в государствах – участниках СНГ», рекомендации «О доступе к информации о правовом статусе граждан»³.

Сущность рекомендаций ЕРБ ВОЗ лучше всего демонстрируют «Стандарты сексуального воспитания»⁴, разработанные в 2010 году. Документ базировался на ранее принятых актах, в частности «Региональной стратегии ВОЗ в области охраны сексуального и репродуктивного здоровья»⁵. Согласно объявленным принципам сексуальное образование должно основываться «на сексуальных правах детей», «на гендерном равенстве, самоопределении и принятии», начинаться «с момента рождения» и «длиться всю жизнь»⁶.

Важнейшим событием 72 сессии Европейского регионального комитета ВОЗ, которая состоялась 12–14 сентября 2022 г., явилось утверждение «Регионального плана дей-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.10.2021 № 2900-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110190004?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 13.12.2022).

² Меморандум между Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ и Европейским региональным бюро Всемирной организации здравоохранения // Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov (дата обращения: 13.12.2022).

³ Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 13.12.2022).

⁴ Стандарты сексуального образования в Европе. Рамочный документ для лиц, определяющих политику, руководителей и специалистов в области образования и здравоохранения руководство по сексуальному просвещению. Федеральный центр просвещения в сфере здравоохранения, ФЦПСЗ. Кельн, 2010. 85 с. URL: <https://historiosophy.ru/wp-content/uploads/2017/09/standart.pdf> (дата обращения: 14.12.2022).

⁵ Региональная стратегия ВОЗ в области сексуального и репродуктивного здоровья. Копенгаген. Дания, ноябрь 2001 г. // Документационный центр ВОЗ. URL: <https://whodc.mednet.ru/ru/osnovnye-publikaczii/reproduktivnoe-zdorove/1156.html> (дата обращения: 14.12.2022).

⁶ Стандарты сексуального образования в Европе. Рамочный документ для лиц, определяющих политику, руководителей и специалистов в области образования и здравоохранения руководство по сексуальному просвещению. Федеральный центр просвещения в сфере здравоохранения, ФЦПСЗ. Кельн, 2010. С. 34–36. URL: <https://historiosophy.ru/wp-content/uploads/2017/09/standart.pdf> (дата обращения: 14.12.2022).

ствий в области цифрового здравоохранения для Европейского региона в период с 2023 г. по 2030 г.»¹, основным принципом которого явилась ориентация «на медицинскую помощь, оказываемую в цифровом формате» (ст. 10 (а)). Цифровые технологии объявлены ключевыми детерминантами здоровья. Собственно говоря, к медицине план не имеет отношения, его цель – максимально используя материальные и информационные ресурсы, внедрить цифровые подходы в управление сферой здравоохранения и способствовать формированию цифрового гиперподключенного общества. Частью концепции цифрового здравоохранения объявлены: большие массивы данных, блокчейн, операционная совместимость, телемедицина, интернет вещей, а по сути чипирование – «система взаимосвязанных вычислительных устройств, механических и цифровых машин, предметов, животных и людей, которым присвоены уникальные идентификаторы, обеспечивающие возможность передачи данных по сети без необходимости взаимодействия человека с человеком или человека с компьютером» (с. 16), искусственный интеллект и другое. При этом обозначается опасность инфодемии – «неточной» информации, ставящей под сомнение внедряемые идеи.

Не прошло и двух месяцев, как Постоянная комиссия МПА СНГ по социальной политике и правам человека одобрила проект модельного закона «О цифровом здравоохранении». Озабоченность в связи с этим решением высказала Председатель комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей Н.А. Останина, написавшая в своем telegram-канале 10 ноября 2022 г., что рекомендации о принятии рамочного закона «О цифровом здравоохранении» вызывают большую тревогу.

Все вышесказанное подтверждает актуальность проблемы выхода Российской Федерации из Всемирной организации здравоохранения.

Есть ли выход?

Уставом (Конституцией) ВОЗ механизм выхода государств-членов не предусмотрен. В международном праве немало договоров, которые не содержат положений о порядке денонсации и выхода. По сведениям британского ученого К. Уиддоуза, около одной пятой учредительных документов международных организаций не предусматривают права выхода [Widdows, 1983, p. 98].

В науке международного права вопрос о возможности выхода из международной организации при отсутствии положений о выходе в учредительных документах был и остается дискуссионным. Причем высказанные мнения диаметрально противоположны. Так, один из основоположников современной британской школы международного права Герш Лаутерпахт отрицал возможность выхода из международных организаций универсального характера. Близкой позиции придерживался голландский ученый-международник Генри Г. Шермерс, указывавший на невозможность выхода из организаций, в уставе которых нет положений о выходе [Schermers, 2003]. Индийский юрист, председатель Международного суда ООН (1985–1988 гг.) Нагендра Сингх, напротив, считал, что односторонний выход возможен на том основании, что «суверенное государство связано только тем, что закреплено в договоре, и не может быть связано тем, что в договоре отсутствует» [Singh, 1958, p. 176]. По его мнению, запрещение выхода – есть расширительное и произвольное толкование компетенции международной организации и нарушение суверенного права государств. Такой же позиции придерживается китайский ученый Хэ Минцзюнь, отмечавший, что «государство может выйти из международной организации в силу присущего ему качества суверенитета» [Хэ Минцзюнь, 2010, с. 97]. Наконец, еще одна группа авторов англо-саксонской доктрины выступает за возможность выхода в определенных «исключи-

¹ Региональный план действий в области цифрового здравоохранения для Европейского региона ВОЗ на 2023–2030 гг. от 12–14 сентября 2022 г. № EUR/RC72/5 // Европейское региональное бюро. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/360964> (дата обращения: 14.12.2022).

тельных» случаях. При обосновании такой точки зрения чаще всего ссылаются на выводы доклада Комитета 2 Комиссии 1, позднее одобренные на пленарной сессии Конференции в Сан-Франциско в 1945 году, обсуждавшего включение в Устав ООН положения о выходе. Комиссия большинством голосов пришла к выводу, что «Устав не должен содержать прямого положения, как разрешающего, так и запрещающего выход из Организации», а также определила «исключительные» основания (или причины) выхода¹.

Подавляющее большинство представителей советской и современной российской доктрины международного права [Лукашук, 2006; Михайлов, 1980; Осминин, 20019; Шибаева, 1966 и др.] выступает за возможность выхода, т. к. запрет противоречит принципу государственного суверенитета. Помимо этого, В.С. Михайлов называл еще два аргумента допустимости выхода: во-первых, это заявление Международной конференции здравоохранения (Нью-Йорк, 1946 г.), призванной учредить Всемирную организацию здравоохранения, в котором говорилось, что «государство-член не обязано оставаться в Организации, если его права как таковые будут изменены поправками к Уставу, с которыми это государство не согласно и которые оно считает для себя неприемлемыми»². Во-вторых, это оговорка к Уставу, сделанная США. В статье В.С. Михайлова содержится информация, что США при выражении согласия на обязательность Устава ВОЗ была сделана оговорка, закрепляющая право выхода из организации по истечении года после заявления об этом. Признав ее, ВОЗ допустила возможность добровольного выхода [Михайлов, 1980, с. 204]. Именно этой оговоркой пытался воспользоваться Трамп в мае 2020 г., заявляя о выходе США из организации³.

При разработке «Венской конвенции о праве международных договоров» 1969 г. положение, регулирующее разрешение подобной проблемы, вызвало немало дискуссий. Проект ст. 56 обсуждался достаточно долго. Итогом стали два исключения: если установлено, «что участники намеревались допустить возможность денонсации или выхода» (56, п. 1 (а)), так называемое подразумеваемое право; если «характер договора подразумевает права денонсации или выхода» (56, п. 1 (б))⁴. Нельзя не согласиться с профессором И.И. Лукашук, «что в русском тексте статьи этот пункт сформулирован неверно. Согласно русскому тексту, договор может быть прекращен, если «характер договора не подразумевает права денонсации или выхода». Иными словами, смысл, противоположный тому, что сказано в текстах на иных языках» [Лукашук, 2006, с. 178]. Как правило, выход не допускается из мирных договоров, соглашений о территориальных разграничениях; нелогична и денонсация кодификационных договоров. Устав международной организации не относится к соглашениям такого характера, право выхода из организации всегда предполагается, что, в частности, подтверждается мнением Комиссии международного права [Fitzmaurice, 1957, p. 22]. В связи с этим, руководствуясь п. 2 статьи 56 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., выход в нашем случае возможен при условии предварительного уведомления о предстоящей денонсации не менее чем за 12 месяцев до выхода.

¹ См. подробнее: Гуласарян А.С. Прекращение членства в международных организациях: международно-правовые проблемы // Мудрый юрист. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/104849-prekrashhenie-chlenstva-mezhdunarodnykh-organizaciyakh-mezhdunarodno-pravovye-problemy> (дата обращения: 19.12.2022).

² Summary report on proceedings, minutes and final acts of the International Health Conference held in New York from 19 June to 22 July 1946 // Official Records of the World Health Organization. № 2. Geneva: WHO, 1948. P. 22 //WHO. IRIS. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/85573> (дата обращения: 19.12.2022).

³ Фахрутдинов Рафаэль Трамп уведомил конгресс о выходе США из ВОЗ // Газета.ru URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/07/07_a_13144555.shtml?updated (дата обращения: 15.12.2022).

⁴ Венская конвенция о праве международных договоров 23 мая 1968 // Веб-сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 15.12.2022).

Таким образом, следует разделить мнение профессора В.С. Михайлова о том, что, хотя что в Уставе ВОЗ право добровольного выхода обойдено вниманием, «следует сделать единственно правильный вывод: это право само собой разумеется» [Михайлов, 1980, с. 211].

Есть ли выход? «Само собой разумеется» [Михайлов, 1981, с. 213]

Опыт выхода из Всемирной организации здравоохранения, как отмечалось выше, был и у нашей страны, однако это событие практически не находит отражения в отечественной историографии. В ряде зарубежных публикаций информация о демарше СССР содержится [Siddiqi, 1995; Birn, Krementsov, 2018; Helfer, 2012]. Так, в монографии Дж. Сиддики говорится о телеграмме заместителя министра здравоохранения СССР руководству ВОЗ. В ней выражалось неудовлетворение раздутым административным штатом, содержание которого обременительно для государств-членов, а также несоответствием деятельности организации поставленным задачам. Факт выхода находит подтверждение в архивных документах ВОЗ. В институциональном хранилище есть документ № EB17/32 от 15 декабря 1955 г. «Уведомление СССР об участии в ВОЗ»¹, в котором содержится информация о событиях выхода и условиях возвращения. Вопрос возвращения был поставлен в Предварительную повестку семнадцатой сессии ВОЗ. Вводя в курс дела, Генеральный директор сообщил членам предысторию событий, отметив, что «телеграммой от 12 февраля 1949 года заместитель министра здравоохранения Союза Советских Социалистических Республик проинформировал Генерального директора о том, что Союз больше не считает себя членом Всемирной организации здравоохранения» (р. 1)². Очевидно, что Советский союз использовал уведомительный порядок прекращения отношений, который может себе позволить только фактически суверенное государство.

Реакция ВОЗ нашла отражение в резолюции «увещательного» характера, которая в качестве приложения также содержится в рассматриваемом архивном материале (annex 1). В резолюции признавался «вытекающий из этого ущерб для работы Организации»; принимались «к сведению замечания, содержащиеся в сообщениях, направленных Генеральному директору»; выражалась надежда, что СССР «в ближайшем будущем пожелает пересмотреть свою позицию»; и высказывалось предложение «пересмотреть свое намерение и по возможности присоединиться к нынешней и последующим сессиям Ассамблеи здравоохранения», а государствам-членам рекомендовалось предпринять шаги, чтобы союзные государства «могли пересмотреть свое решение»³.

Поводом для выхода явилось «пенициллиновое дело» [см.: Шерстнева, 2021], связанное с организацией пенициллинового производства в странах социалистического лагеря при поддержке Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций и участии США. Однако США пытались «заморозить» проект, а ВОЗ не вмешалась в решение проблемы. Именно тогда заместитель министра здравоохранения СССР Николай Аркадьевич Виноградов (1910–1977) проинформировал первого Генерального директора ВОЗ Брока Чисхольма, что СССР недоволен деятельностью организации и больше не считает себя ее членом. Исполнительный совет ВОЗ и различные страны во главе с Канадой вели переговоры о пересмотре решения СССР, которые не увенчались успехом. Несколько делегаций также выразили недовольство мерами ВОЗ по решению проблемы нехватки медицинских услуг в их странах. Решение СССР о выходе из ВОЗ поддержали Болгария,

¹ Notification by the Union of Soviet Socialist Republics concerning participation in the World Health Organization 15 December 1955 № EB17/32 // WHO. IRIS. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/130911?show=full> (дата обращения: 16.12.2022).

² Notification by the Union of Soviet Socialist Republics concerning participation in the World Health Organization 15 December 1955 № EB17/32 // WHO. IRIS. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/130911?show=full> (дата обращения: 16.12.2022).

³ Notification by the Union of Soviet Socialist Republics concerning participation in the World Health Organization 15 December 1955 № EB17/32 // WHO. IRIS. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/130911?show=full> (дата обращения: 16.12.2022).

Румыния, Албания и Чехословакия, также отправившие свои уведомления от имени министров иностранных дел на имя Генерального директора. В них сообщалось, что «государства больше не считают себя членами Всемирной организации здравоохранения». Приняв к сведению полученные сообщения, 3-я сессия Всемирной ассамблеи Здравоохранения постановила, что «всегда будет приветствовать возобновление этими членами всестороннего сотрудничества в работе Организации» и какие-либо дальнейшие действия на этом этапе признала нежелательными (annex 2)¹.

Всемирная организация здравоохранения не признала выход, что породило явление так называемых «неактивных членов». В течение почти десятилетнего периода СССР, Болгария, Румыния, Албания, Чехословакия, а также Польша, Венгрия, Монголия признавались ее «неактивными членами». В это время страны социалистического блока создали свою собственную систему сотрудничества в области здравоохранения [Birn, Kremontsov, 2018].

СССР вернулся к взаимодействию с ВОЗ только в 1956 году. В июле 1955 г. во время двадцатой сессии ЭКОСОС делегация СССР сделала заявление о готовности присоединиться к ВОЗ, после чего контакты между Министерством здравоохранения СССР и Генеральным директором ВОЗ были восстановлены. Условием возвращения, принятым советским государством, стала выплата взноса только за 1948 год (за период активного членства) и готовность «возместить Организации расходы, понесенные в последующие годы при отправке документации в СССР»².

Заклучение

Таким образом, шанс изменить ситуацию есть у любого суверенного государства. Будучи создателем права, государство не может и не должно быть безусловно связано им. «Устанавливая нормы, оно в исключительном случае может их изменять и отменять. Без этого права (надправа) нет и не может быть никакого верховенства, независимости, самостоятельности» [Иванов, 2010, с. 17].

Сегодня требуется явно выраженная политическая воля, и выход непременно найдется. Воля может проявиться и в разрыве отношений, и в отказе от неприемлемого при сохранении членства, опираясь на положения Устава, предоставляющие такую возможность. Необходимо лишь понимание, каких целей стремится достигнуть страна. В условиях предпринимаемых Россией попыток выхода из парадигмы глобального мироустройства стоит обратиться к опыту СССР. Советское руководство в критические моменты истории умело и продемонстрировало волю и не осталось в изоляции. В нынешней ситуации богатый опыт развития регионального сотрудничества стран Восточной Европы в сфере здравоохранения вне Всемирной организации здравоохранения может оказаться полезным и еще ждет своих исследователей.

Список литературы

- Дегтерев Д.А. 2014. Механизмы принятия решений в международных организациях и коллективных наднациональных органах. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право, 4: 88–96.
- Иванов В.В. 2010. Теория государства. М., Территория будущего, 272 с.
- Каркищенко Е.И. 2004. Нормотворческая деятельность Всемирной Организации Здравоохранения. Московский журнал международного права, 1: 76–84.
- Лукашук И.И. 2006. Современное право международных договоров. Т. II. Действие международных договоров. М., Волтерс Клувер, 496 с.
- Маличенко В.С. 2021. Формирование международного права здравоохранения. Московский журнал международного права, 4: 6–20.

¹ Notification by the Union of Soviet Socialist Republics concerning participation in the World Health Organization 15 December 1955 № EB17/32 // WHO. IRIS. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/130911?show=full> (дата обращения: 16.12.2022).

² Там же.

- Михайлов В.С. 1981. К вопросу о так называемых «неактивных членах» международных организаций (на примере членства в ВОЗ). Советский ежегодник международного права, 1981: 204–213.
- Осминин Б.И. 2019. Правовые модели прекращения и приостановления государствами действия международных договоров. Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 4: 116–133.
- Нешатаева Т.Н. 1998. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., Депо, 272 с.
- Талалаев А.Н. 2009. Право международных договоров. Том 2: Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций. М., Зерцало-М, 504 с.
- Толстых В.Л. 2021. COVID-19 и международное право: общие вопросы. Московский журнал международного права, 3: 45–62.
- Шерстнева Е.В. 2021. Международное участие в организации производства антибиотиков в СССР: «пенициллиновый проект» Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (1946–1947). Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины, 29(2): 373–378.
- Шиббаева Е.А. 1966. Специализированные учреждения ООН (Международно-правовые аспекты). М., Международные отношения, 112 с.
- Хэ Минцзюнь 2010. К вопросу о праве выхода государства из международной организации. Вестник Московского университета. Сер. 11. Право, 6: 93–101.
- Birn A-E, Kremontsov N. 2018. 'Socialising' primary care? The Soviet Union, WHO and the 1978 Alma-Ata Conference. *BMJ Glob Health*, 1: 1–15.
- Feinberg N. 1963. Unilateral Withdrawal from an International Organization. *BYBIL*, 39: 163–189.
- Fitzmaurice G.G. 1957. Second Report on the Law of Treaties. Document: A/CN.4/107. Extract from the Yearbook of the International Law Commission, II: 1–70.
- Helfer L. 2012. Terminating Treaties. *The Oxford Guide to Treaties*. Ed. by D. Hollis. Oxford, 2: 634–650.
- Siddiqi J. 1995. World health and world politics: The World Health Organization and the UN system. London, 272 с.
- Singh N. 1958. Termination of Membership of International Organization. L., Praeger, 209 с.
- Schermers Henry G. 2003. International institutional law: unity within. 4th rev. Boston., Leiden., Martinus Nijhoff publ., 1302 с.
- Widdows K. 1982. The Unilateral Denunciation of Treaties Containing No Denunciation Clause. *British Yearbook of International Law*, 53: 83–114.

References

- Degterev D.A. 2014. Mekhanizmy prinyatiya reshenij v mezhdunarodnyh organizacijah i kollektivnyh nadnacional'nyh organah [Decision-making mechanisms in international organizations and collective supranational bodies]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 4: 88–96.
- Ivanov V.V. 2010. Teoriya gosudarstva [Theory of the State]. М., Territoriya budushchego, 272 p.
- Karkishchenko E.I. 2004. Normotvorcheskaya deyatel'nost' Vsemirnoj Organizacii Zdravoohraneniya [Normative activity of the World Health Organization]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 1: 76–84.
- Lukashuk I.I. 2006. Sovremennoe pravo mezhdunarodnyh dogovorov [Modern Law of International Treaties. Vol. II. The effect of international treaties]. Т. II. Dejstvie mezhdunarodnyh dogovorov. М., Volters Kluver, 496 p.
- Malichenko V.S. 2021. Formirovanie mezhdunarodnogo prava zdavoohraneniya [Formation of international health law]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 4: 6–20.
- Mihajlov V.S. 1981. К вопросу о так называемых «неактивных членах» международных организаций (на примере членства в ВОЗ) [On the issue of the so-called "inactive members" of international organizations (on the example of WHO membership)]. *Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*, 1981: 204–213.
- Осминин Б.И. 2019. Правовые модели прекращения и приостановления государствами действия международных договоров [Legal models of termination and suspension of international treaties by States]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 4: 116–133.
- Neshataeva T.N. 1998. Mezhdunarodnye organizacii i pravo. Novye tendencii v mezhdunarodno-pravovom regulirovanii [International organizations and law. New trends in international legal regulation]. М., Депо, 272 p.

- Talalaev A.N. 2009. Pravo mezhdunarodnyh dogovorov. Tom 2: Dejstvie i primeneniye dogovorov. Dogovory s uchastiem mezhdunarodnyh organizacij [The law of international treaties. Volume 2: Operation and application of contracts. Agreements with the participation of international organizations]. M., Zercalo-M, 504 p.
- Tolstyh V.L. 2021. SOVID-19 i mezhdunarodnoe pravo: obshchie voprosy [With COVID-19 and international law: general issues]. Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava, 3: 45–62.
- Sherstneva E.V. 2021. Mezhdunarodnoe uchastie v organizacii proizvodstva antibiotikov v SSSR: «penicillinovyy proekt» Administracii pomoshchi i vosstanovleniya Ob"edinennyh Nacij (1946–1947) [International participation in the organization of antibiotic production in the USSR: "penicillin project" of the United Nations Relief and Rehabilitation Administration (1946–1947)]. Problemy social'noj gigieny, zdavoohraneniya i istorii mediciny, 29(2): 373–378.
- Shibaeva E.A. 1966. Specializirovannyye uchrezhdeniya OON (Mezhdunarodno-pravovyye aspekty) [Specialized agencies of the United Nations (International legal aspects)]. M., Mezhdunarodnye otnosheniya, 112 p.
- He Minczyun 2010. K voprosu o prave vyhoda gosudarstva iz mezhdunarodnoj organizacii [On the issue of the right of withdrawal of a State from an international organization]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo, 6: 93–101.
- Birn A-E, Kremmentsov N. 2018. 'Socialising' primary care? The Soviet Union, WHO and the 1978 Alma-Ata Conference. BMJ Glob Health, 1: 1–15.
- Feinberg N. 1963. Unilateral Withdrawal from an International Organization. BYBIL, 39: 163–189.
- Fitzmaurice G.G. 1957. Second Report on the Law of Treaties. Document: A/CN.4/107. Extract from the Yearbook of the International Law Commission, II: 1–70.
- Helfer L. 2012. Terminating Treaties. The Oxford Guide to Treaties. Ed. by D. Hollis. Oxford, 2: 634–650.
- Siddiqi J. 1995. World health and world politics: the World Health Organization and the UN system. London, 272 p.
- Singh N. 1958. Termination of Membership of International Organization. L., Praeger, 209 c.
- Schermers Henry G. 2003. International institutional law: unity within. 4th rev. Boston., Leiden., Martinus Nijhoff publ., 1302 p.
- Widdows K. 1982. The Unilateral Denunciation of Treaties Containing No Denunciation Clause. British Yearbook of International Law, 53: 83–114.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.09.2022
Поступила после рецензирования 14.12.2022
Принята к публикации 20.12.2022

Received September 15, 2022
Revised December 14, 2022
Accepted December 20, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафронова Елена Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-0335-9890](https://orcid.org/0000-0002-0335-9890)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Safronova, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-0335-9890](https://orcid.org/0000-0002-0335-9890)

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 122/129

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-167-173

Обмирщение как религиозно-философская проблема в творчестве В. Н. Лосского

Щипков В.А.

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76
E-mail: vas.ship@mail.ru

Аннотация. Автор анализирует понимание и использование В.Н. Лосским религиозной и философской категории «обмирщение/секуляризация», а также показывает, что эта категория является одним из узловых элементов в философских построениях Лосского, которая объясняет, каким образом Лосский трактовал как общую историософскую картину истории человечества, так и её частный этап — современные (XX в.) культурные процессы. Для этого Лосский вводил и использовал такие категории, как «экклесиологические монофизиты» и «экклесиологические несториане». Автор приходит к выводу, что обмирщение и секуляризация для Лосского — это последствие как отрыва Церкви от культуры, так и их полного слияния, как абстрагирования и формализации Церковной истины, так и чрезмерно мирского понимания предназначения Церкви, а также результат неразличения религии и культуры, ведущего к подмене церковного универсализма (вселенскости) искусственным культурным универсализмом (ложно понимаемой вселенскостью).

Ключевые слова: В.Н. Лосский, обмирщение, секуляризация, Церковь, культура

Для цитирования: Щипков В.А. 2023. Обмирщение как религиозно-философская проблема в творчестве В. Н. Лосского. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 48(1): 167–173 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-167-173

Secularization as Religious and Philosophical Problem in the Works of V. N. Lossky

Vasily A. Shchipkov

Moscow State Institute of International Relations,
76 Vernadskogo Av, Moscow 119454, Russian Federation
E-mail: vas.ship@mail.ru

Abstract. The article analyzes the way Orthodox theologian V.N. Lossky (1903–1958) understood the concept of a "secular" and how he applied it to explain the cultural history of the Christian world. Lossky never devoted a separate paper to the problem of secularization, but it always remained a pervasive issue for him and his works. The analysis stands to show that Lossky connected the origin of the secularization trend in the European history with the distortion of Christian ecclesiology, and the false understanding of the Church and the culture. He saw the Church as the center and the cause of the universe, as well as the source of development for the world. For him, the secularization of the Church led to the destruction of the universe. Lossky explained the relationship between the Church and the earthly world by the

Chalcedonian dogma about the two natures in Christ. He generalized the variety of historical distortions of this teaching into two large groups: “ecclesiological monophysites” and “ecclesiological nestorians”. He criticized the former for trying to break the connection between the Church and the earthly (icononomy), to render the Church an ideal abstraction, to deprive it of the material concreteness, and to tear it away from the historical tradition, thereby turning it into an inanimate body. According to Lossky, the “nestorian” understanding of the ecclesiology eventually led to the secularization of the theological language, to the emergence of secular (autonomous) areas of culture.

Keywords: V.N. Lossky, secularization, Church, culture

For citation: Shchipkov V.A. 2023. Secularization as Religious and Philosophical Problem in the Works of V. N. Lossky. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 167–173 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-167-173

Введение

Русский религиозный философ и богослов В.Н. Лосский (1903–1958, был выслан с семьёй из России в 1922 г., жил во Франции) не посвящал проблеме обмирщения отдельной работы. Однако для его творчества она являлась сквозной, его интересовали как причины, так и результаты мирских, секулярных тенденций в истории христианской Европы. Современный термин «секулярный» использовался Лосским редко и употреблялся в значении «мирской», то есть в большей степени в философско-богословском, а не социологическом смысле.

Возникновение в европейской культуре дискурса обмирщения, или секуляризации, Лосский связывал с двумя факторами – с деформацией христианской экклезиологии (ложным пониманием Церкви) и ложным пониманием культуры.

Две крайности экклезиологии

Мышление Лосского – экклезиоцентрично, Церковь для него – не социальный институт, а центр мироздания, смысл и причина всех происходящих событий. Лосский ставил Церковь над историческим, культурным и социальным миром, именно вокруг Церкви для него разворачивается история человечества (эта мысль рефреном проходит через его произведения [Лосский, 2012; Лосский, 1972]). При этом Церковь обладает внутренней, неотмирной свободой, независимостью от мира. Всё разнообразие искажений христианской экклезиологии Лосский оценивал по критерию соотношения небесной Церкви и земного, божественного и человеческого в природе Церкви, объединяя их в две большие группы, которые для простоты обозначил названиями двух ересей — «монофизитством» и «несторианством» [Лосский, 1950].

Условные экклезиологические монофизиты – это те, кто стремился ради сохранения божественной истины Церкви пренебречь всем земным в Церкви, икономией, они противопоставляли Церковь мирской жизни, «мумифицировали» её, превращая в отстранённый, отвлечённый, абстрактный и «неподвижный» организм, существующий отдельно от жизни людей, а значит мёртвый. В связи с этим Лосский критиковал любую абстрактность в интеллектуальной и духовной сфере (опору на абстрактные конструкции) и превозносил конкретность, которую чаще всего связывал с христианской религиозной традицией [Лосский, 1972].

Условные экклезиологические несториане – это те, кто принципиально разделял Церковь на две части, лишая их связи, – небесную и земную (историческую), противопоставляли их друг другу: небесную Церковь они абстрагировали, характеризовали как недостижимую, а своё внимание сосредотачивали на земной Церкви, икономии, исходили из того, что источником её развития, источником истины является сам мир, земные идеа-

лы из областей философской, художественной, социальной, политической [Лосский, 2012, с. 281]: Церковь превращалась в одну из «стихий мира», подчинялась миру (обмирщалась), а учение об истине превращалось в хилиастические утопии земного благополучия. Такое сосредоточение на мире, чрезмерная сакрализация мирского, вело к нескольким фундаментальным последствиям.

Во-первых, – к появлению «автономной» светской морали, а та отдаляла европейское общество от христианства (в основном Лосский говорил про французское общество, частью которого себя считал). Он употреблял определение «автономный» в кавычках, считая светскую мораль и всю секулярную культуру искажёнными производными христианства и Церкви, то есть не подлинно автономными [Лосский, 2014a]. Саму рациональность он отказывался считать автономной (от религии) сферой человеческого бытия, использовал определение «рациональный» почти исключительно как негативную характеристику, в смысле чего-то огрублённого и упрощённого («Полнота» и рациональное раскрытие друг друга исключают» [Лосский, 1995, с. 59]), высказывался против рационализации богословия [Лосский, б.д.]. В связи с этим Лосский также отмечал недостаточность методологии светской науки (рациональной, объективной) для полноценного познания окружающего мира. По его мнению, науки не могут установить истинные причины происходящих в мире событий, но занимаются лишь тем, что пытаются предсказать их, предотвратить или минимизировать их негативные последствия. Философия использует обмирщённый богословский язык, но тоже оказывается не способна подняться до уровня богословия, поскольку не имеет в себе эсхатологического момента, целиком обращена к мирскому, посюстороннему [Лосский, 1995, с. 82]. В связи с этим Лосский выступал за преодоление узкой парадигмы религиозной философии, что особенно ярко выразил в «Споре о Софии» (1936) с о. С. Булгаковым, и за возвращение к святоотеческому преданию.

Во-вторых, – к обмирщению богословского языка на протяжении последних веков, начиная со Средневековья. Ключевые термины – «предание», «духовность», «мистика», «причастие» и другие – вынимались из христианского контекста и становились обыденными [Лосский, 2014b, с. 7; Лосский, 1995, с. 49].

Наконец, хилиастическое, «несторианское» (в терминах Лосского) мышление о Церкви и мире вело к смешению мирского и духовного, к глубинной подмене христианского универсализма (вселенскости) «универсализмом» культурным, искусственным и ложным, устремлённым к земной власти, что у Лосского вело не только к обмирщению форм церковной жизни, но и разрушению самого мироздания. Именно в этом тезисе Лосский видел ключевое объяснение происхождения и природы современной обмирщённой, секулярной культуры.

Универсализм и обмирщение

Подмена христианского универсализма универсализмом культуры, по Лосскому, в истории Запада происходила в два этапа: схизма с православием (разрыв Запада с Востоком) и Реформация (приведшая к разрыву «германского мира с Римом») [Лосский, 2014a]. Различие между двумя универсализмами Лосский объяснял через понятие «вселенскость», которое имеет разное значение для Церкви и для латинской светской культуры. Вселенскость Церкви, в отличие от «латинизма», не локальна и не абстрактна, едина в различии и различна в единстве, и ни одна поместная церковь не может ставить себя выше других поместных церквей и навязывать им «свои предания» в качестве универсальных. Любые попытки сделать это Лосский называл «абберрацией латинизма» (когда духовная власть пап становится светской, а вселенскость превращается в имперскость) [там же]. Именно за смешение «вечного и временного» пределов (мирского и духовного) Лосский критиковал «латинизм», империю Карла Великого, в которой стало нормой участие епископов в административно-политическом управлении, а светской знати — в реформи-

вании канонов и догматов (в связи с этим Лосский критиковал католический догмат о филиокве как принятый под давлением светской элиты Франкской империи). Всю религиозную историю Франции Лосский рассматривал как историю взаимоотношений Церкви и мира, в которой были этапы «нездорового смешения», вливавшие в Церковь секулярный «яд», так и периоды благотворной дистанции между политической и духовной властью (как при Людовике IX) [там же].

По Лосскому, светская культура произошла из этого смешения, из попыток с помощью революций предать частным чертам латино-христианских национальных культур характер абстрактной универсальности, которые «навязывались всему миру» в форме прав человека [там же]. В рамках этого же тезиса Лосский особо критиковал тенденцию в эмигрантской православной среде в Европе к пересмотру принципов православного церковного устройства, к замещению внутренних принципов церковной каноничности и иерархичности внешним, процедурным, протестантско-демократическим принципом управления общиной. Попытки лишить епископат реальной власти в жизни общины (духовной и административной) и наделить его лишь номинальными, представительными функциями Лосский в споре с о. С. Булгаковым называл «восточным тестантизмом». По Лосскому, ключевое понятие, на котором основывались аргументы в пользу демократизации приходов, – «соборность», была взята у славянофилов, но оставалась «туманной» и «бесформенной», то есть представляла собой ложный универсализм. По Лосскому, в зависимости от ситуации соборность (к которой, например, апеллировал о. С. Булгаков) могла означать и «общественное мнение», и «демократический принцип большинства», и недопустимость церковной власти принимать какие-либо решения без постоянного созыва поместного или вселенского собора [Лосский, 2006, с. 16]. Каждая из этих трактовок по-своему рушила принцип иерархичности Церкви, подменяла христианский универсализм, мистическую церковную вселенскость – общечеловеческими культурными ценностями и формальными процедурами [там же].

Поэтому Лосский видел в основе обмирщения (секуляризации) ложно понятые вселенскость и универсализм, утверждал, что светские «универсальные» свободы, права и процедуры служат лишь цели укрепления мирского благополучия и власти, поэтому демократические революции в конечном итоге ведут к созданию империи, мировой власти, воплощающей свои «универсальные» идеалы. Этот процесс Лосский прочно связывал с характером культуры «латинизма» и протестантизма [Лосский, 2014а].

Множеству оттенков экклезиологических «монофизитства» и «несторианства» Лосский противопоставляет Халкидонское учение о двух неслиянных, неизменных, нераздельных, неразлучных природах во Христе, разделение которых не исчезает от их соединения. Это учение он переносит на Церковь (Тело Христово), в которой так же выделяет два начала — божественное («неизменяемая полнота») и человеческое («изменяемая неполнота») [Лосский, 1950]. Этот подход в целом весьма характерен для Лосского – он распространяет его и на трактовку человека (со ссылками на патриарха Московского Сергия [Лосский, 1947]), в котором личность и природа соединены таинственным образом, не сливаясь и не разделяясь полностью, и на понимание богочеловечества Христа, и на объяснение природы Церкви, культуры, религии. Характерная особенность философии Лосского в том, что он, оценивая развитие культуры исключительно с богословской, экклезиологической точки зрения, при этом принципиально отделял религию от культуры и настаивал на недопустимости их полного отождествления. У Лосского не звучит тема антиномии и диалектики, он не пытается соединить с помощью дополнительного третьего элемента противоречия богословского характера (в связи с этим и не поддерживает софиологическую концепцию о. С. Булгакова), оставляет место божественной тайне, в качестве соединительной и объяснительной силы у него выступает богочеловеческая природа Христа, Церковь.

Поэтому он последовательно защищал различие мирского и духовного в обществе, секулярной власти и церковной, «то, что от Бога» и «то, что Кесаря» [Лосский, 2014а], но не окончательное их разделение на непересекающиеся автономные области. Для него это было залогом того, что Церковь не окажется подчинена мирским институтам и правителям, не перестанет быть Церковью, но при этом продолжит выполнять организующую роль в истории человечества. Лосский негативно оценивал секулярное в тех моментах, когда она начинала влиять на Церковь. В то же время секуляризация в качестве принципа защиты Церкви от поглощения политикой оценивалась им как положительный феномен. В этом вопросе Лосский был близок французскому лаицизму и «галликанизму» (стремление к независимости от власти папы, в данном случае Лосский имел в виду свою верность католическому устройству Церкви, а не формальному административному-политическому).

Обмирщение и секуляризация для Лосского – это чрезмерное абстрагирование Церковной истины, слишком мирское понимание предназначение Церкви, а также различие религии и культуры, ведущее к подмене церковного универсализма (вселенскости) искусственным культурным универсализмом (ложно понимаемой вселенскостью). Для Лосского «Церковь не от мира, но она в мире и для мира», поэтому она существует для того, чтобы мир мог существовать и созидаться, чтобы могла существовать культура. Значит, и подчинение Церкви миру, и вывод Церкви полностью за границы культуры, и подмена Церкви культурой — одинаково ведёт к разрушению самого этого мира, поскольку разрушает Церковь [Лосский, 1950].

Путь преодоления негативных черт секулярной культуры он видел в возвращении европейского общества к христианским истокам, которые, по его мнению, ещё не иссякли (в середине XX века), но стали невидными, имплицитными. Их источник Лосский определял в православии, которое понимал не как «восточное», а как вселенское христианство, которое лежит в основе не только культуры России, но и Западной Европы. Он видел своей целью возвращение христианства в первоначальной, православной форме в жизнь Франции и других европейских стран. Примечательно, что Лосский принципиально следовал своим еkkлезиологическим взглядам в жизни: отстаивая святоотеческое понимание католичности (вселенскости), он не смешивал политические и административные процессы с природой церкви и сохранял верность московской юрисдикции (тогда как большая часть эмигрантов перешла под юрисдикцию Константинополя в знак политического несогласия с большевистской Россией), последовательно критиковал популярную в то время во Франции софиологию о. С. Булгакова как гностический способ богословствования, за что также нередко подвергался остракизму [Голубицкая, 2017]; сохранял верность русской культуре, но при этом считал себя европейцем, французом (почти все свои работы он написал на французском языке), а в сохранении самостоятельности церковной жизни — даже «галликанистом»; поэтому, критикуя «филиокве», он не переставал смотреть на многовековую историю католичества как на часть собственной, православной истории.

По этой причине секуляризация (обмирщение) Церкви в трудах Лосского может быть интерпретировано в том числе как разрушение мироздания. Сам по себе мир для Лосского не имеет собственных оснований: он развивается в парадигме между революцией и консерватизмом. Революция одержима утопическими абстракциями и игнорирует исторический опыт, а консерватизм желает лишь сохранить в неприкосновенности старые институты и лишён всякого обновления и развития. Обе эти крайности критикуются Лосским как несущие «начало смерти». Единственный выход из этого порочного круга он видит только в Церкви, которая совмещает в себе и неизменную Традицию и бесконечное обновление, воплощает в себе развитие, не знающее революций. Не являясь мирской, Церковь является источником, из которого мир и мирские власти черпают силы [Лосский, 2014а].

Заклученне

Таким образом, В.Н. Лосский понимал «мирское» как секулярные исторические тенденции в европейской культуре, связывал их происхождение с искажением христианской экклезиологии, с ложным пониманием Церкви и культуры. В трудах Лосского Церковь представляла центром и причиной мироздания, источником развития мира, но не самим миром. Поэтому важность секулярных процессов для него в том, что обмирщение (секуляризация) Церкви ведёт к разрушению мироздания. Лосский объяснял тайну соотношения Церкви и мира (культуры) халкидонским догматом о двух природах во Христе, которые одновременно и неслиянны, и нераздельны. Многообразие aberrаций этого учения Лосский разделял на две группы, которые условно называл «монофизитской» и «несторианской» (по названию ранних христологических ересей). К первым он относил любые исторические попытки порвать связь между Церковью и земным («икономией»), сделать Церковь недостижимой абстракцией, лишить её материальной, мирской конкретности, оторвать от исторической традиции, что превращало её в неживой организм. Ко вторым он относил попытки принципиально разделить Церковную природу на две автономные сферы, божественную и мирскую, и обозначить в качестве основной вторую, мирскую составляющую, сделать источником Истины сам «мир», земные абстрактные идеалы искусств, философии, политики. По Лосскому, «несторианское» понимание экклезиологии со временем вело к обмирщению богословского языка, появлению «автономных», светских областей культуры (морали, рациональности, науки) и, наконец, к смешению мирского и духовного. В результате происходила подмена христианского универсализма (в смысле вселенскости, понимаемой как кафоличность) универсализмом ложным, культурным, устремлённым к земной власти. Проводником секулярной культуры в истории, по Лосскому, стал «латинизм» (и следовавший за ним протестантизм), который стал механически смешивать небесное и земное, превращая вселенскость в имперскость, догматику – в логику, а каноничность, основанную на предании и благодатной иерархии, – в демократическую процедурность. Единственный способ преодолеть негативные последствия секулярной культуры для европейского мира (про который в основном писал Лосский) он видел в учении Халкидонского собора, принципы которого использовал для объяснения природы не только Церкви, но и личности, культуры, религии, истории, а также не сводил их к формализованной антиномии или диалектике, оставляя место догматической тайне. Обмирщение и секуляризация для Лосского — это последствие как отрыва Церкви от культуры, так и их полного слияния, как абстрагирования и формализации Церковной истины, так и чрезмерно мирского понимания предназначения Церкви, а также результат неразличения религии и культуры, ведущее к подмене церковного универсализма (вселенскости) искусственным культурным универсализмом (ложно понимаемой вселенскостью).

Список литературы

- Лосский В.Н. 2012. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Сергиев Посад, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 586 с.
- Лосский В.Н. 1972. Господство и Царство. *Богословские труды*, 8: 205–214.
- Лосский В.Н. 1950. Соблазны церковного сознания. *Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата*, 1: 16–21.
- Лосский В.Н. 2014а. Семь дней по дорогам Франции. Этюд о терминологии святого Бернарда. Санкт-Петербург, Духовное Наследие, с. 12–67.
- Лосский В. Н. 1995. По образу и подобию. Москва, Издание Свято-Владимирского Братства, 92 с.
- Лосский В.Н. б.д. Вера и богословие. Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Losskij/vera-i-bogoslovie/ (дата обращения 26.04.2022).
- Лосский В.Н., Успенский Л.А. 2014б. Смысл икон. Москва, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, с. 336.

- Лосский В.Н. 2006. Боговидение, Москва, АСТ, 759 с.
Лосский В.Н. 1947. Личность и мысль Святейшего Патриарха Сергия. *Патриарх Сергий и его духовное наследие*, Москва, Издание Московской патриархии, с. 263–272.
Голубицкая А. 2017. Владимир Лосский. История одного проводника в православие. *Портал Православная жизнь*, URL: <https://pravlife.org/ru/content/vladimir-losskiy-istoriya-odnogo-provodnika-v-pravoslavie> (дата обращения: 26.04.2022).

References

- Lossky, V.N. 2012. Oчерk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie [Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology]. Sergiev Posad, Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra.
Lossky, V.N. 1972. Gosподство i Tsarstvo [Dominion and Kingdom]. *Bogoslovskie trudy* [Theological works], 8: 205–214.
Lossky, V.N. 1950. Soblazny tserkovnogo soznaniya [Temptations of Church Consciousness]. *Vestnik Russkogo Zapadno-Evropeyskogo Patriarshego Ekzarkhata* [Bulletin of the Russian West-European Patriarchal Exarchate], 1: 16–21.
Lossky, V.N. 2014a. Sem' dney na dorogakh Frantsii [Seven Days on the Roads of France], available from: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Loskij/sem-dnej-na-dorogah-frantsii/ (Accessed: 26th April 2022).
Lossky, V.N. 1995. Po obrazu i podobiyu [In the Image and Likeness]. Moscow, Izdanie Svyato-Vladimirskogo Bratstva.
Lossky, V.N. Vera i bogoslovie [Faith and Theology]. Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Loskij/vera-i-bogoslovie/ (Accessed: 26th April 2022).
Lossky, V.N. 2014b. Smysl ikon [The meaning of Icons]. Moscow, Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy gumanitarnyy universitet.
Lossky, V.N. 2006. Spor o Sofii [The Dispute about Sofia]. In *Bogovidenie* [The Vision of God]. Moscow, AST.
Lossky, V.N. 1947. Lichnost' i mysl' Svyateyshego Patriarkha Sergiya [Personality and thought of His Holiness Patriarch Sergius]. In *Patriarkh Sergiy i ego dukhovnoe nasledstvo* [Patriarch Sergius and His Spiritual Inheritance]. Moscow, Izdanie Moskovskoy patriarkhii, pp. 263–272.
Golubitskaya, A. 2017. Vladimir Losskiy. Istoriya odnogo provodnika v pravoslavie [Vladimir Lossky. The Story of One Guide to Orthodoxy]. Available from: <https://pravlife.org/ru/content/vladimir-losskiy-istoriya-odnogo-provodnika-v-pravoslavie> (Accessed: 26th April 2022).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.09.2022

Received September 15, 2022

Поступила после рецензирования 14.12.2022

Revised December 14, 2022

Принята к публикации 20.12.2022

Accepted December 20, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щипков Василий Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры международной журналистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasily A. Shchipkov, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor, Department of the International Journalism, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

CULTURAL STUDIES AND PHILOSOPHY OF ART

УДК 1 (075.8)

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-174-180

Аксиология вещного мира повседневной культуры эвенков (философский аспект)

Адань

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Королева 7, г. Белгород 308000, Россия
E-mail: our.story-adafeng@qq.com

Аннотация. В современном мире исходное значение и ценность вещи определяются ее многофункциональностью и утилитарной способностью быть частью удобоприемлемых комбинаторских решений, диапазон которых оптимизируется и дополняется нами в зависимости от контекста. Наш ответ лежит в плоскости понимания того, что для эвенкийской модели повседневности характерно не утилитарно-потребительское, доминантно-прагматичное отношение к природе и вещам, а парадигма сакрального-магического взаимодействия с природным и вещным мирами, на основе которого у эвенков исторически сложилась гармония «человек – мир». В общих чертах данную парадигму мы бы сформулировали так: это ценностное отношение к природе как основа миропонимания и мироощущения. Собственно, эта модель, на наш взгляд, обладая аксиологическим зарядом и глубокой философией природы, сформировала в ходе эволюции «собираемый образ» повседневной культуры эвенкийского этноса.

Ключевые слова: эвенкийская повседневная культура, мир вещей, природный мир, аксиология, субъект-объектное мироотношение, символическое «присутствие», ценностное отношение, утилитарность, прагматизм, сакрализация, национально-этническая традиция, тунгусский костюм, декорирование, интеграция, трансформация

Для цитирования: Адань. 2023. Аксиология вещного мира повседневной культуры эвенков (философский аспект). НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 48(1): 174–180. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-174-180

Axiology of the Material World of Everyday Evenk Culture (Philosophical Aspect)

Adan

Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308000, Russian Federation
E-mail: our.story-adafeng@qq.com

Abstract. In the modern world, the initial meaning and value of a thing is determined by its versatility and utilitarian ability to be part of convenient combinatorial solutions, the range of which is optimized and supplemented by us depending on the context. Our answer lies in the plane of understanding that the Evenki model of everyday life is characterized not by a utilitarian-consumer, dominant-pragmatic attitude to nature and things, but by a paradigm of sacred-magical interaction with the natural and material

worlds, on the basis of which the Evenks historically had an amazing harmony of "man– world". In general terms, we would formulate this paradigm as follows: this is a value attitude to nature as the basis of worldview and attitude. Actually, this model, in our opinion, having an axiological charge and a deep philosophy of nature, formed in the course of evolution a "collective image" of the everyday culture of the Evenk ethnic group.

Keywords: Evenk everyday culture, world of things, natural world, axiology, subject-object world relation, symbolic "presence"; value attitude, utilitarianism, pragmatism, sacralisation, national and ethnic tradition, Tunguska costume, decoration, integration, transformation

For citation: Adan. 2023. Axiology of the Material World of Everyday Evenk Culture (Philosophical Aspect). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 174–180 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-174-180

Введение

Особенности современного миропорядка, находящегося на пересечении интеграционных потоков и расширения сферы межкультурных коммуникаций, предъявляют новые требования к моделям, правилам и нормам повседневного общения. А они, в свою очередь, активно реагируют на изменение этнокультурного контекста [Алехин, 2001, с. 3]. «Установка на изживание традиций и успехи советской интеграционистской и модернизационной политики в отношении народов Севера привели к быстрым культурным изменениям, результаты которых, тем не менее, не являются однозначными, требуя дополнительных междисциплинарных исследований и целостной рефлексии» [Сирина, 2011, с. 9]. В этой связи вопросы современного состояния небольших локальных сообществ, ретрансляции этнической культуры и самосознания являются актуальными, о чем пишут многие исследователи [Алехин, 2001; Войтишек, Бочкарева, 2014; Каплин, 2000; Полякова, 2015; Сирина, 2011].

Объекты и методы исследования

Объект исследования – повседневная культура эвенкийского этноса в ее понимании как «мира одухотворенных вещей» и в контексте специфики эвенкийских национальных традиций.

В методологии повседневности мы опираемся на диалектику сопряжения «классических» и неклассических подходов в ее понимании и трактовке, отдавая предпочтение трансформационной модели, в рамках которой повседневность включает предельно широкий круг феноменов культуры, за счет чего, во-первых, раздвигаются ее функциональные границы [Болтански, Тевено, 2000; Капкан, 2016; Мясникова, Дроздова, 2015] и, во-вторых, возникает возможность исследования повседневности как относительно автономного «мира опыта», коррелирующего с другими культурными мирами (А. Шюц, Ле Гоф Же, Н.Е. Мазалова, М.Г. Рабинович, С.М. Толстая, Ж-Ф. Ревель, Э. Уилсон и пр.).

Применен междисциплинарный подход, связанный с новыми формами социальности в контексте мозаичности мира и форм его проявления, что подразумевает наличие множественности опыта и «миров повседневности» в их понимании как «индивидуальных жизненных миров». Такая методология, во-первых, позволяет интерпретировать повседневность как динамичную сложно структурированную подсистему, функционирующую в лоне материнской культуры; во-вторых, предоставляет право выбора «своей модели повседневности» из вариантов возможных; в-третьих, отрицает возможность ортодоксальных унификаций повседневной культуры (раз и навсегда заданных) параметров, поскольку это вольно и невольно ведет к недопустимым крайностям. Мы отрицаем экстраполяционные подходы

к эвенкийской повседневной культуре, когда явления прошлого необоснованно переносятся и накладываются на настоящее, поскольку они искажают положение вещей и не являются адекватными и объективными. Тем более, что на фоне межкультурной интеграции, современных глобализационных изменений традиционно сложившаяся этнокультурная шкала переживает непростой этап радикализации контекста [Алехин, 2001].

Результаты и их обсуждение

Вначале отметим некоторую бинарность в отношении сохранившихся еще у эвенкийской народности этнических традиций. С одной стороны, «современное положение коренных сибирских культур может быть охарактеризовано как кризисное» [Адань, 2019, 2020; Наурзбаева, Ким и др.; Алехин, 2001; Афанасьева, 2010; Голошумова, 2012; Новикова, 2010; Сирина, 2011 и др.], а с другой стороны, следует признать: во все времена цементирующим основанием социокультурной среды служили базовые ценности, предопределенные традицией и укорененные в культуре [Шаров, 2004; Насу, 2019 др.]. Говоря о повседневности как культурно-историческом феномене, присущем самым ранним жизненным практикам человечества, необходимо отметить несколько опорных положений, проливающих свет на особенности ее идентификации.

В этой связи скажем, что, во-первых, в повседневной жизни мы ведем себя, не придерживаясь правил рационально-рефлексивной культуры (собственно, это то, что мы в обыденном словоупотреблении привычно называем «логикой здравого смысла») [Борисов и др., 2016; Штейнмиллер, 2017]. На данном основании Альфред Шюц, социолог, теоретик повседневности, включает повседневную сферу в один ряд с другими жизненными феноменами (религией, игрой, научным теоретизированием и пр. [Шюц, 1998], он же дает типологию ее основных отличительных признаков, обращая внимание на специфическое восприятие «времени повседневности» в цикле трудовых будней, в основе чего лежит внутреннее ощущение «вчера» и «завтра» [Шюц, 1998, с. 129]. В нашем понимании никакая типология признаков не может считаться универсальной, при том, однако, что наша повседневная практика удостоверяет справедливость многих из них [Культурные..., 2016]. В свою очередь, другие исследователи отмечают, что, с точки зрения коммуникативного взаимодействия индивидуумов, каждый из участников процесса является носителем так называемых неосознанных установок-предположений, включая установку «о взаимности перспектив» по принципу: «Я принимаю на веру и предполагаю, что другой поступает также» [Лелеко, 2002, с. 160]. Логично, что в совокупности комплекс характеристик, будучи взаимосвязанным, не исчерпывает себя и обладает свойством пополнения и развития [Гудков, 1988; Золотухина-Оболина, 2003].

Во-вторых, целесообразно фокусирование внимания на очевидности сопряжения, близости и взаимосвязанности концептов «повседневность» и «быт» при том, что вполне приемлемо и оправданно разное толкование быта (от узкого до предельно общего, широкого), то есть и как «обычное протекание жизни в ее реально-практических формах». Данный аспект хорошо описан в работах российских социологов и культурологов [Лотман, 1994], к которым мы прибегаем в методологическом анализе трактовки повседневной культуры.

Обобщая вышеизложенное, скажем так: нам представляется, что в любой интерпретации и при многих теоретических нюансах толкования «быта» он а) является, образно говоря, «коллективным культурно-историческим феноменом», в) выступает процессом и результатом эволюционного пути, в) берет свое начало в ранних культурных практиках и формах материального/духовного производства, г) выступает носителем ментальных

характеристик той или иной социальности, устойчивых предпочтений конкретного этноса [Людтке, 2010; Серто, 2013].

В совокупности это означает следующее: во-первых, бытовую культуру, «быт» можно считать неизменным спутником человеческой жизни; во-вторых, повседневность, как ни какая другая сфера жизни человека, «диктует», задает ему основную систему координат, с позиций которой оцениваются и измеряются все остальные области его мыследеятельности. Это означает, что, по сути, любой человек может быть причастным (непричастным) к различным сферам специализированной высокой культуры, но он не сумеет «убежать» от повседневности – фундамента, на котором возводится и держится вся конструкция усвоения культурных образцов любым человеком на протяжении всей его сознательной жизни. А пространство повседневности есть частный случай социальных связей [Капкан, 2016]. Иными словами, налицо взаимопроникновение высокой и повседневной культуры, где вторая все в большей степени является питательным источником базовой культуры [Капкан, 2016] (в отличие от культурно-релятивистского взгляда на культуру как «специфический набор знаний целостных образований, обитающих в отдельных друг от друга ареалах» [Рот, Коптельцева, 2006, с. 34].

По нашему мнению, такая ситуативная специфика имеет вполне логичное объяснение. Она в известной мере свидетельствует о процессах стирания, смягчения каких бы то ни было культурных демаркаций в современном интегрированном мире, в котором, к сожалению, наблюдается частое несовпадение реализации жизненных установок и принципов моральной практики [Головко, 2009]. Строго говоря, мы разделяем подход, согласно которому этническая культура, в том числе такая ее часть, как культура повседневности, погружена сегодня (впрочем, как и всегда) в широкий коммуникативный контекст, в котором, собственно, развиваются и функционируют те или иные этносы (в нашем случае это эвенки – носители этнической культуры в ее уникальной качественной специфике) [Вахтин, 1993]. В модусе повседневности культурное измерение пространства выражает его функциональные характеристики и тесно связано с реализацией утилитарных ценностей, в свою очередь, отличающихся устойчивым набором значений. Это наглядно прослеживается на материально-духовной сфере вещей, которые, как известно, могут многое рассказать об их обладателе, хозяине вещи, субъекте повседневной культуры.

В этой связи обратимся к отношениям людей и вещей в контексте их взаимного влияния и контакта, отметив, что в традиционной эвенкийской повседневности между человеком и принадлежащими ему вещами устанавливается некая сакральная и природная связь, восходящая к древним магическим представлениям. Вещи поэтизируются, одухотворяются, поскольку существует явное или неявное представление о «душе» вещи. И это вполне объяснимо и естественно, ведь «вещь ценна тем опытом, который связан с ней. Велико значение эмоционального аспекта образа вещи, поскольку она представляет собой материализованную память о прожитом. Вещь передает информацию о своем создателе и поколениях обладателей, что создает особую ауру индивидуальных воспоминаний и культурных коннотаций» [Капкан, 2016 с. 53], с чем трудно не согласиться.

На наш взгляд, это особенно проявляется в модели национального тунгусского костюма и его декорирования (а шире – в одежде как одном из образцов повседневности, а также в практиках повседневного быта, в котором присутствуют и живут своей жизнью образы и элементы окружающего первозданно-девственного мира, комфортного жизненного пространства эвенков – «детей природы»). Также подчеркнем: анимистическое мировоззрение (олицетворение, одушевление и персонификация природы) – неизменного спутника эвенкийского взгляда на мир, в котором, заметим, миссия человека значима, но она ни в коей мере не наделяется статусом исключительности. Описание такой парадигмы есть у исследователей. При этом имплицитно признаки этой связи обнаруживаются в тра-

диционной эвенкийской культуре повседневности. Их можно обнаружить в мифологических преданиях и произведениях современных эвенских и эвенкийских писателей и поэтов, в традиционном народном искусстве (вышивки или рисунки-обереги в виде оленьих рогов, деревьев с развилками, птичьих лапок), в верованиях, в фактах повседневной жизни.

Надо сказать, что отношения эвенков и эвенов с животными – это разновидность социальных отношений, иллюстрирующих общие представления эвенков об окружающей природе и сформировавших специфическое, отчасти сакральное мировосприятие, которое, как в зеркале, отражается в культурных практиках повседневного быта. Такая этика имеет, на наш взгляд, сильный аксиологический потенциал не только в настоящем, но в горизонтах коэволюционной планетарной жизненной стратегии. Она дает надежды на решение глобальной экологической проблемы, сопряженной с проблемой не менее острой – системных духовным кризисом культуры в третьем тысячелетии. И в этом плане эвенкийские традиции, восприятие мира и природы несут в себе значительную ценность как образец мироощущения и отношения к природе. В данном контексте правомерно говорить о гуманистической сущности эвенкийской культуры, о чем наглядно свидетельствуют и стороны повседневной бытовой жизни, и сфера искусства, и народный эпос, фольклорная устная и певческая традиция.

Сегодня налицо расхождение между важностью установки среди эвенкийской народности на неуклонное сохранение своей идентичности, сбережение традиций природопользования, для чего требуется приложить усилия, с одной стороны, и относительно независимым характером мировоззрения эвенков, специфика которого сложилась в процессе их культурного исторического генезиса, предопределив формы быта и образа жизни, обусловленных и сегодня синкретичностью их «природного» сознания – с другой.

Заключение

Практически во всех атрибутах повседневной культуры эвенков (от простых предметов домашней утвари и одежды до росписи головных уборов и украшений) присутствует отличительная особенность – традиционное искусство и техника декорирования изделий, что в наиболее ярком виде нашло отражение во внешнем облике и функциональности национального традиционного костюма. Представляется правомерным утверждать, что именно эвенкийское декорирование определяет «эстетику вкуса» вплоть до настоящего времени. Во многом именно декор формирует уникальный эвенкийский колорит и «узнаваемость» всех эвенкийских изделий. При этом сегодня, как и в древности, образы эвенкийской культуры наполнены глубоким и во многом «потайным», сокрытым от посторонних глаз смысловым содержанием. Особую роль играет орнамент, который отличается строгой геометричностью, структурной, ясностью, простотой формы, композиционной сложностью, насыщенностью цветовой гаммы, наделялся сакральной силой. Семантику декора определяет культ природы [Адань, 2020].

Собственно, в этой «природной» специфике и состоит основополагающая парадигма эвенкийской повседневности, «строительными лесами» которой, как мы постарались показать, выступает одухотворение вещей и отрицание их сугубо утилитарного, прагматичного предназначения в культуре.

Список литературы

- Адань. 2020. Аксиология человекообразности знания и культуры. В кн.: Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сборник докладов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Белгород, 12 февраля 2020 г.). Белгород, БГИИК, 334 с.
- Алехин К.Д. 2001. Этнокультурная характеристика локального сообщества. Проблемы коммуникативной культуры: на материале эвенков Суринды. Проблемы коммуникативной культуры. Дис. ... канд. истор. наук. Новосибирск, 197 с.

- Бодрийяр Ж. 1993. Система вещей. М., Рудомино, 123 с.
- Болтански Л., Твено Л. 2000. Теоретические проблемы социологии и социальной антропологии. Социология критики и оправдания. Журнал социологии и социальной антропологии, 3: 66–83.
- Борисов С.Н., Борисова О.В., Калинина Г.Н. 2016. Знание и наука: культурно-историческая эволюция и современность. Белгород, ООО «Иридис», 132 с.
- Головко В.В. 2009. Сущность и содержание нравственной культуры. Нижневартовск, Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 170 с.
- Гудков Л.Д. 1988. Культура повседневности в новейших социологических теориях. Общие проблемы культуры: Обзорная информация. М., Формкультура, 32 с.
- Золотухина-Аболина Е.В. 2003. Повседневность и другие миры опыта. М., Ростов н/Д, МарТ, 192 с.
- Капкан М.В. 2016. Культура повседневности. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 110 с.
- Серто М. де. 2013. Изобретение повседневности. Искусство делать. СПб., Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 330 с.
- Культурные локусы «города» и «деревни» в свете мир-системного анализа: монография. 2016. Отв. ред. Е.Л. Антонова. Прага: Vedecko vydavatelske centrum «Sociosfera-CZ», 165 с.
- Лелеко В.Д. 2002. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 160 с.
- Насу. 2019. Монгольский народный музыкальный инструмент моринхуур в культуре Китая (проблемный ракурс). Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 4(32): 76-84.
- Рот Юлиана, Г. Коптельцева Г. 2006. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 36 с.
- Рыбалкина П.В. 2017. Генезис проектного мышления в истории культуры. Наука. Искусство. Культура. Научный рецензируемый журнал БГИИК, 2(14): 76-80.

References

- Adan. 2020. Aceology chelovekoobraznoe of knowledge and culture. The science. Culture. Art: actual problems of theory and practice: collection of reports of the All-Russian (with international participation) scientific and practical conference (Belgorod, February 12, 2020): in 3 volumes / Responsible editors: Yu. V. Bovkunova, S. N. Zenin, A. A. Shakmakov. – Belgorod : the BGIK. 1: 75-77 – 334 (in Russian).
- Alyokhin K. D. 2001. Ethno-cultural characteristics of the local community. Problems of communicative culture: Based on the material of the Evenks of Surinda. Problems of communicative culture. Dis... to the history of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, 197 p.
- Baudrillard J. 1993. The system of things. Moscow: Rudomino, 123 p.
- Boltanski L, Teno L. 2000. Theoretical issues in sociology and social anthropology. Sociology of Criticism and Justification. Journal of Sociology and Social Anthropology, 3: 66–83 (in Russian).
- Borisov S. N., Borisova O. V., Kalinina G. N. 2016. Knowledge and Science: Cultural and historical evolution and modernity. Belgorod, LLC "Iridis", 132 p.
- Golovko V. V. 2009. The essence and content of moral culture. Nizhnevartovsk: Publishing House of Nizhnevart. humanit. un-ta, 170 p.
- Gudkov L. D. 1988. Culture of everyday life in the latest sociological theories / L. D. Gudkov. General problems of culture: Overview. Moscow: Permculture, pp. 1-32. (in Russian).
- Zolotukhina-Abolina E. V. 2003. Everyday life and other worlds of experience. Moscow, Rostov n/A : March, 192 p.
- Certeau M. de. 2013. The invention of everyday life. The art of making /M. de Serto; per. with fr. D. Kalugin, N. Movnina. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 330 p.
- Cultural loci of "cities" and "villages" in the light of world-system analysis: monograph. 2016. ed. by E.L. Antonov. Prague: Vedecko vydavatelske centrum "Sociosfera-CZ", 165 p.

- Leleko V. D. 2002. The space of everyday life in European culture. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts, 160 p.
- Nasu. 2019. Mongolian folk musical instrument morinhuur in the culture of China (problem perspective). Humanitarian Bulletin of the Tolstoy State Pedagogical University. Issue 4 (32). Т 1: 76-84 (in Russian).
- Rybalkina P.V. 2017. Genesis of project thinking in the history of culture. The science. Art. Culture. Scientific peer-reviewed journal of ВГІІК. Issue 2 (14): 76-80 (in Russian).
- Sirina A. A. 2011. Problems of typology and continuity of ethnic cultures of Evenks and Evens (late XIX-early XXI centuries). Autoref. dis. Specialty 07.00.07-ethnography, ethnology and anthropology. Moscow, 46 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.09.2022

Received September 28, 2022

Поступила после рецензирования 30.10.2022

Revised October 30, 2022

Принята к публикации 30.10.2022

Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Адань, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия

Adan, Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

УДК 111.85

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-181-187

Между репликой и новацией: к определению фигуры режиссера

¹ Кожяева И.В., ² Гэ Цили

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Королева 7, г. Белгород 308000, Россия;

E-mail: ikorotaeva@bk.ru

² Хулунбуирский институт,
Хулун-Буир, Внутренняя Монголия, 021008, КНР

Аннотация. Философско-антропологическое осмысление фигуры режиссера при всей изученности проблем творчества, игры, перформанса, театра, остается недостаточным. Методологическое измерение такого пробела в антропологии представления может быть объяснено сложностью самого объекта, который находится на пересечении собственно театрального, исторического, педагогического, искусствоведческого дискурсов. Авторами представлен анализ трансляции знания от режиссера к актеру и зрителю, трактовка этого процесса как культурно-антропологической практики. Специфика деятельности режиссера раскрывается нами через обращение к методологии М.К. Петрова в его исследованиях проблемы наследования знания. Через концепты трансляции и трансмутации мы приходим к внутреннему противоречию режиссерских практик, связанных с воспроизведением уже имеющегося смыслового содержания, но также неременным требованием запрета на повторение. Вторым контуром противоречий является противоречие между педагогическими и креативными с одной стороны, и административными практиками в деятельности режиссера, с другой стороны.

Ключевые слова: режиссер, знание, творчество, трансляция, культура, практика, представление

Для цитирования: Кожяева И.В., Гэ Цили. 2023. Между репликой и новацией: к определению фигуры режиссера. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 48(1): 181–187. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-181-187

Between Replica and Innovation: To the Definition of the Figure of the Director

¹ Irina V. Kozhaeva, ² Ge Zili

¹ Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308000, Russian Federation;

E-mail: ikorotaeva@bk.ru

² Hulunbuir Institute
Hulunbuir, Inner Mongolia 021008, PRC

Abstract. Philosophical and anthropological understanding of the director's figure, despite all the study of the problems of creativity, play, performance, theater, remains insufficient. The methodological dimension of such a gap in the anthropology of representation can be explained by the complexity of the object itself, which is located at the intersection of theatrical, historical, pedagogical, and art history discourses proper. The authors present an analysis of the translation of knowledge from the director to the actor and the viewer, the interpretation of this process as a cultural and anthropological practice. The specifics of the director's activity are revealed by us through an appeal to the methodology of M.K. Petrov in his studies of the problem of inheritance of knowledge. Through the concepts of translation and transmutation, we come to the internal contradiction of directing practices related to the reproduction of already existing semantic content, but also the indispensable requirement of a ban on repetition. The second circuit of contradictions is the contradiction between pedagogical and creative, on the one hand, and administrative practices in the director's activities, on the other hand.

Keywords: director, knowledge, creativity, broadcasting, culture, practice, performance

For citation: Kozhaeva I.V., Ge Zili. 2023. Between Replica and Innovation: To the Definition of the Figure of the Director. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 181–187 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-181-187

Введение

Достаточно простое сравнение известных актеров и режиссеров театра и кино раскрывает проблему, которую, как нам кажется, старательно обходит стороной философский дискурс. Она заключается в осмыслении фигуры режиссера. Ведь, в противоположность актеру, режиссер остается скрытым не только от взглядов публики, но также от исследовательского интереса, тогда как представляет собой не только автора зрелища, но также того, кто учит актера, находит ресурсы для создания представления и непосредственно им управляет.

Сложность и многогранность фигуры режиссера указывает на междисциплинарный характер исследования. Потому философский анализ будет выстраиваться на пересечении собственно философского дискурса, а также педагогического и психологического. Родственные проблемы игры, театра и творчества представлены в работах А. Бадью [2014], Н.В. Бараниченко [2020], М.М. Бахтина [1986], Г.Г. Шпета [2007], Н.А. Хренова [2006], Й. Хейзинги [1997]. Важными для осмысления профессии режиссера можно считать труды известных театральных деятелей и режиссёров: А. Арто [2000], Э. Барба [2008], Б. Боймерс [2012], Е. Гротовского [2013], Н.Н. Евреинова [2003], М. Липовецкого [2012], В.Э. Мейерхольда [2001], К.С. Станиславского [2017].

Анализ трансляции знания от режиссера к актеру и зрителю, трактовка этого процесса как культурно-антропологической практики осуществим на основе концепции М.К. Петрова и В.П. Римского. Тем более, что исследование процесса трансляции и трансмутации, повторения и творчества фигурой режиссера не отделено от нас веками, а разворачивается здесь и сейчас, что дает нам возможность выявить практики именно «живого» человека. Специфика деятельности режиссера раскрывается нами через обращение к методологии М.К. Петрова, в его исследованиях проблемы наследования знания. Через концепты трансляции и трансмутации мы приходим к внутреннему противоречию режиссерских практик, связанных с воспроизведением уже имеющегося смыслового содержания, но также непереносимым требованием запрета на повторение. Также мы предполагаем, что вторым контуром противоречий является противоречие между педагогическими и креативными с одной стороны, и административными практиками в деятельности режиссера, с другой стороны.

Повторение и рождение нового

Вопрос о том, как научить режиссуре, решается на практике, однако мы позволим себе высказать предположение, что в контексте обозначенного нами понимания представления и режиссера процесс научения режиссуре нуждается в осмыслении или переосмыслении. При этом само обучение мы будем понимать в широком смысле как коммуникацию, передачу знаний от человека к человеку. Такая трактовка восходит к идеям М.К. Петрова о наследовании знания в культуре. Он отмечает, что знание с момента своего возникновения вместе с самим человеком и культурой, передается, транслируется. И исходным способом для этого является ритуал, а то, как это происходит, определяет тип той или иной культуры, и первым из них был первобытный культурный тип, которому присущи «...ситуативные технологии, которыми мы до сих пор пользуемся в своей повседневной деятельности (это тот «хребет материальной жизни», о котором писал Бродель, и на который и мы, «современные», опираемся в самые кризисные времена); лично-именной социокод, также сохраняющийся даже в контексте научных способов кодирования и передачи информации и знания» [Римский, 2017, с. 96].

Ситуативные технологии позволяли достаточно надежно дробить знание и помещать его «в головы» субъектов исходя из тематического деления на основе профессионально-именного кода, также отчуждать это знание «в головы» старейшин, являвшихся хранителями коллективного знания, существовавшего в форме мифа [Борисов, 2018]. Ритуал выполнял сложную роль как извлечения знания из наличного мифологического архива, так и трансляции его от поколения к поколению в ритуалах инициации. Отметим, что отголоски этих форм мы еще сейчас можем найти в традиционных празднествах и зрелищах. Тем более, что возврат к ним становится более заметным в кризисные периоды жизни общества, когда ситуативные технологии вновь становятся актуальными по причине отката в прошлое социокультурной системы [Римский, 2003].

Следующий за первобытным культурный тип, который выделяет М.К. Петров, получил название «олимпийско-традиционный», поскольку «именно олимпийские культуры предполагали цикличность космических и социальных процессов и специфический хронотоп. Они опирались на жреческий ритуал, профессионально-именной социокод, воплощенный в мифопоэтических знаково-символических системах политеистических религий, и на такой институт обновления, как семья, в рамках которого шло создание и наследование инноваций и профессиональных технологий, их закрепление и совершенствование по принципам родства – от отца к сыну» [Римский, 2017, 106]. М.К. Петров отмечает, что только на этом этапе и в этом типе появляется собственно человек «как устойчивая социальная реальность» [Петров, 1992, 26]. Появляется фигура жреца и институт жречества, что означает отход от ритуала, в котором есть только «мы», сообщество в целом. Теперь в ритуале (а значит и в празднике, и в зрелище), есть фигура жреца – администратор, и фигура – прототип зрителя, пока еще вовлеченная и активно участвующая, но все более становящаяся зрителем.

Наиболее современный культурно-цивилизационный тип, представленный цивилизациями «осевого времени», характеризуется «... базисной полисоциетей, проявленной во всем многообразии культурных парадигм, спекулятивно-теоретическими технологиями, государственно-политическим ритуалом, наррадигмальным социокодом и философско-корпоративными институтами обновления знаний и производства инноваций, письменными семиотическими формами, преобразующими все предшествующие знаково-символические миры» [Римский, 2017, 108]. В приведенном перечне характеристик сконцентрировано достаточно много, однако выделим то, что касается коммуникации, а значит образования и праздника. Прежде всего, это наррадигмальный социокод, который переосмысливает способы трансляции знания. Принцип от отца к сыну, локализирующий знание и практики внутри семейной группы, сменяется более подвижным и потому более отзывчивым к инновациям (а также ошибкам) способом научения через нарратив [Черкесова, 2019]. Применительно к нашему объекту исследования, корпоративные праздники цеховых сообществ сменяются общегородскими, доступными, а главное понятными всем горожанам. Но, что еще более важно, знание становится более открытым и отчуждается в текст, доступный все более широким массам. Можно сказать, что происходит эмансипация праздника вместе с эмансипацией знания.

Творчество и запрет на повторение

При этом если трансляция знания не вызывает проблемы с осмыслением, то насчет искусства есть масса споров. Сам М.К. Петров разрешает их в работе «Искусство и наука». Понимание творчества разворачивается в противопоставлении ему понятия репродукции. «Репродукция – родной дом для человека, привычный и обжитый. Его он застает готовым при рождении, его он получает в наследство и оставляет своим потомкам, над ним он бьется всю жизнь, стараясь перестроить его по собственной мерке или по мерке своих представлений о том, что может потребоваться его потомкам» [Петров, 1995, с. 16]. В центре репродукции лежит повтор, серийные действия и идеи. В основе же творчества (а также науки) находится запрет на повтор или плагиат. Творчество всегда связано

с появлением нового. Это не отрицает существования канона, который есть некоторая форма для произведения, всегда открытая и в противовес закону, регулирующему репродукцию, не ограничивающая творчество: «Как закон, так и канон, реализуют себя в повторах в качестве единого и устойчивого во многом. Но закон не просто реализует себя: он подчиняет себе повтор, организует его в последовательность неразличимых актов. Канон же лишь ограничивает повтор, не только не пытается организовать и стабилизировать его, но, используя запрет на плагиат, решительно отсекает любую попытку свертывания творчества в репродукцию» [Петров, 1995, 18]. То есть в отношении творчества при всей условности канона, также можно вести речь о некоторых формах существования нового. Как нам представляется, в этом кроется внутреннее противоречие между содержанием и формой, присущее творчеству. Оно проходит между новым как таковым и необходимостью его оформления канонами. Отметим, что необходимостью не только оформления, но также трансляции, передаче кому бы то ни было. И здесь есть еще один аспект противоречия, связанный с обучением творчеству, которое есть по определению нечто новое, что составляет второе измерение указанного противоречия.

В нескольких других категориях обращает внимание на противоречие личного и коллективного, субъективного и объективного, противоречие, лежащее в основе творчества, обозначает Л.С. Выготский. Он резюмирует анализ творчества следующими словами: «Переплавка чувств вне нас совершается силой социального чувства, которое объективировано, вынесено вне нас, материализовано и закреплено во внешних предметах искусства, которые сделались орудиями общества. Существеннейшая особенность человека, в отличие от животного, заключается в том, что он вносит и отделяет от своего тела и аппарат техники, и аппарат научного познания, которые становятся как бы орудиями общества. Так же точно и искусство есть общественная техника чувства, орудие общества, посредством которого оно вовлекает в круг социальной жизни самые интимные и самые личные стороны нашего существа» [Выготский, 2021, с. 435].

Как мы уже отмечали, Л.С. Выготский решал другую задачу – снятия противоречия между трактовкой искусства как индивидуального и субъективного чувства и искусства как социального феномена, имеющего объективную сторону. Однако, относительно нашей линии размышления, идеи Л.С. Выготского важны указанием именно на этот переход от общего и социального к индивидуальному. Конкретный человек в своей непосредственной деятельности, пользуясь терминологией М.К. Петрова, распаковывает творчество и присваивает его как нечто очень личное и интимное. Отсюда искусство и определяется Л.С. Выготским как «общественная техника чувства». Именно техника или практика, определенный и культурно закреплённый способ деятельности в широком смысле. Отметим: способ, постоянно стремящийся к изменению и выходу за установленные рамки канона, формы. Именно в таком «формате» творчество возможно транслировать и возможно ему обучать.

Более того, в процессе формирования готовности будущих режиссеров театрализованных представлений и праздников к творческой деятельности по созданию проектов ТП в условиях вуза культуры и искусства развитие творческих способностей студентов является важнейшей задачей их образования, воспитания и развития в соответствии с установками Стандарта высшего образования в условиях творческого учебного заведения, каким является институт искусств и культуры. Поэтому процесс обучения студентов созданию проектов театрализованных представлений и праздников основывается на третьем типе учения, особенность которого заключается в том, что он «характеризуется полной ориентацией человека не на условиях выполнения конкретного действия, а на принципы строения изучаемого материала, на единицы, из которых он состоит, и законы их сочетания. Основы ориентировочной действительности такого рода обеспечивает глубокий анализ изучаемого материала, формирование познавательной мотивации» [Гальперин, 1999, с. 255]. И этот принцип или, по П.Я. Гальперину, третий тип учения очень схож с описанием канона М.К. Петровым, который обозначает его как «закон с дыркой», такой закон, который предлагает решать поставленную задачу каждый раз новым способом [Петров, 1995, 17].

Организаторские способности можно разделить на две части, составляющие единство: личностные качества и профессиональные. На качественную характеристику последних влияют индивидуальные особенности личности режиссёра-педагога: целенаправленность, духовно-нравственные ценности, социальная направленность режиссёра, требовательность к себе и своим ученикам, ответственность за выполнение порученного дела, инициативность, наблюдательность, самообладание, воля в преодолении трудностей, возникающих в процессе профессиональной деятельности, не успокоенность достигнутыми результатами, эмоциональная отзывчивость и т. п. Вместе с тем педагогический дискурс о профессиональных способностях режиссера не акцентирует внимания на их противоречии самим педагогическим практикам, в центре которых лежит реплика, повторение уже известного. Также они не чувствительны к тому, что организационно-управленческие способности как часть профессиональных способностей содержат еще одно противоречие: между организацией как одной из основных деятельностей режиссера и необходимостью в итоге добиться того, что превышает форму как объект управления. Катарсис или истина произведения избыточны по отношению к самому произведению, а значит и организации как деятельности по его созданию. В разрезе уже рассматриваемых практик трансляции (педагогических) и трансмутации (креативных) эта избыточность находится на стороне вторых. Именно создание нового проблематизирует управление им как таковое.

Вопрос противоречия между трансляцией уже известного знания и трансмутацией, созданием нового, образованием и творчеством, образовательными практиками и деятельностью режиссера с приоритетом запрета на плагиат нуждается в разрешении, которое бы объясняло возможность достижения цели зрелища или произведения, называемого катарсисом или событием.

Среди перечисленных умений будущего режиссера мы отмечали проектные навыки. Проект является основной организационной формой обучения режиссеров-постановщиков. И проект как форма может претендовать на разрешение указанных противоречий при соблюдении некоторых условий. Проект, понимаемый практически дословно как выброшенный вперед, создает особый континуум, который, хоть и опирается на имеющиеся ресурсы, наделен некой экстерриториальностью. Мы вкладываем в это смысл оторванности проекта от настоящего и буквально выброшенности в будущее, что позволяет режиссеру действовать, как будто событие уже явлено и воплотилось в зрелище. Если это режиссеру удастся, творчество «побеждает» репликацию образования.

Последнее, которое составляет основу и без которого творчество невозможно, является содержанием процессуального компонента готовности к проектной деятельности у будущих режиссеров, что конкретизировано группами следующих умений:

1. Практические навыки и умения в области сценарного мастерства (разработка замысла представления, выявление темы, идеи представления, создание сценарного плана, написание литературного сценария).

2. Практические навыки и умения в области режиссерского искусства (владение методологией творческого решения и воплощения замысла; владение приемами использования выразительных средств режиссуры, в том числе и инновационных, владение методикой и технологией проведения репетиций на различных этапах работы; владение навыками составления режиссерской документации на всех этапах подготовки проекта).

3. Практические навыки и умения в области проектирования (владение технологией создания проекта на всех стадиях его осуществления; умения осуществлять и обосновывать выбор проектных решений для постановки театрализованных представлений и праздников и других форм праздничной культуры).

4. Умения педагогического руководства творческим процессом: владение методикой учебной, воспитательной и творческой работы; умение видеть и формировать педагогические задачи на основе анализа педагогических ситуаций и находить оптимальные способы их решения; умение организовать работу над проектом как способ духовного, интеллектуального, нравственного, художественного, эмоционального обогащения исполнителей проекта.

Заклучение

В качестве итога можно сделать вывод о сложности фигуры режиссера, который в деятельности по созданию театрализованного представления соединяет целый ряд практик. Их анализ позволил выявить противоречия между практиками педагогическими и практиками креативными.

Так, если первые направлены на передачу знания (этот процесс разворачивается между режиссером и актерами, между актером и зрителем), то вторые сосредоточены на создании принципиально нового. М.К. Петров отмечает, что подобная деятельность регулируется запретом на повторение. Вторым противоречием, значимым для понимания режиссерских практик, является противоречие между креативными практиками и административными. Поскольку режиссер не только создает, является автором представления, но также организует процесс его создания, управленческие практики составляют неотъемлемую часть того комплекса практик, которые и образуют фигуру режиссера.

Таким образом, суть первого противоречия заключается в рамках между воспроизводством и новацией, а второго – между творчеством и управлением. Последнее, по нашему мнению, находит адекватную форму в проектном обучении режиссеров, позволяющем через принятие установки «как будто событие уже есть» рефлексивной позиции режиссера совмещать администрирование и творчество.

Список литературы

- Арто А. 2019. Театр и его Двойник = *Le théâtre et son double*. Москва, ABCdesign, 408 с.
- Бадью А. 2014. Малое руководство по инэстетике. Пер. с фр. Д. Ардамацкой, А. Магуна. СПб., Изд. Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 156 с.
- Бараниченко Н.В. 2020. Философско-антропологический анализ перформанса в истории европейской цивилизации. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права.* 45 (1): 158–163.
- Барба Э. 2008. Бумажное каноз: Трактат о Театральной Антропологии. Пер. с фр. М. Александровской. СПб., Санкт-Петербургской гос. акад. театрального искусства, 304 с.
- Бахтин М. 1986. Эстетика словесного творчества. М., 445 с.
- Борисов С.Н., Черкесова К.И. 2018. Социокоды и технологии хранения информации в первобытной культуре. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 43(3): 443–448.
- Выготский Л.С. 2021. Психология искусства. М., Искусство, 435 с.
- Гротовский Е. 2013. Театр и ритуал. URL: <https://dokumen.tips/documents/-55cf9a90550346d033a25e7f.html?page=4> (дата доступа: 22.01.2023).
- Евреинов Н.Н. 2003. Театр как таковой: (Обоснование театральности в смысле положит. начала сцен. искусства и жизни). Санкт-Петербург, тип. Н.И. Бутковской, [1912], 120 с.
- Липовецкий М., Боймерс Б. 2012. Перформансы насилия. Литературные и театральные эксперименты «новой драмы». М., Новое литературное обозрение, 376 с.
- Мейерхольд В. 2001. Лекции: 1918—1919. М., О.Г.И., 280 с.
- Петров М.К. 1992. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д., изд-во Рост. ун-та, 267 с.
- Петров М.К. 1995. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.:16.
- Римский В.П. 2003. Миф и религия: к проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород, Крестьянское дело, 184 с.
- Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектуал в интерьере культурного капитала. 2017. Под ред. В. П. Римского. М., Канон+, 455 с.
- Станиславский К.С. 2017. Работа актера над собой. М., Артист. Режиссер. Театр, 488 с.
- Хэйзинга Й. 1997. *Homo Ludens*; Статьи по истории культуры. М., Прогресс-традиция, 416 с.
- Хренов Н.А. 2006. Зрелища в эпоху восстания масс. М., Наука, 646 с.
- Шпет Г.Г. 2007. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., РОССПЭН, 712 с.

References

- Arto A. 2019. *Teatr i ego Dvojniki = Le théâtre et son double*. [Theater and its Double = *Le théâtre et son double*]. М., Publ. ABCdesign, 408 p.

- Bad'yu A. 2014. Maloe rukovodstvo po inehstetike. [A small guide to aesthetics]. Translated from French D. Ardamatskaya, A. Maguna. SPb., Publ. Ed. European University in St. Petersburg, 156 p.
- Baranichenko N.V. 2020. Filosofsko-antropologicheskii analiz performansa v istorii evropeiskoi tsivilizatsii. [Philosophical and anthropological analysis of performance in the history of European civilization]. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 45 (1): 158–163.
- Barba E.H. 2008. Bumazhnoe kanoeh: Traktat o Teatral'noi Antropologii. [Paper canoe: A Treatise on Theatrical Anthropology]. Translated from French M. Alexandrovskaya. SPb., Publ. State Academy. theatrical art, 304 p.
- Bakhtin M. 1986. Ehstetika slovesnogo tvorchestva. [Aesthetics of verbal creativity]. M., 445 p.
- Borisov S.N., Cherkasova K.I. 2018. Sotsiokody i tekhnologii khraneniya informatsii v pervobytnoi kul'ture. [Sociocodes and information storage technologies in primitive culture]. Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law, 43(3): 443–448.
- Vygotskii L.S. 2021. Psikhologiya iskusstva. [Psychology of Art]. M., Iskusstvo, 435 p.
- Grotovskii E. 2013. Teatr i ritual. [Theater and ritual]. URL: <https://dokumen.tips/documents/-55cf9a90550346d033a25e7f.html?page=4> (access date: 22.01.2023).
- Evreinov N.N. 2003. Teatr kak takovoi: (Obosnovanie teatral'nosti v smysle polozhit. nachala stsen. iskusstva i zhizni). [Theater as such: (Justification of theatricality in the sense of posits. the beginning of the scenes. art and life)]. St. Petersburg, Publ. N.I. Butkovskoi, [1912], 120 p.
- Lipovetskii M., Boimers B. 2012. Performansy nasiliya. Literaturnye i teatral'nye ehksperimenty «novoi dramY». [Performances of violence. Literary and theatrical experiments of the "new drama"]. M., Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 376 p.
- Meierkhol'd V. 2001. Leksii: 1918—1919. [Lectures: 1918–1919]. M., O.G.I., 280 s.
- Petrov M.K. 1992. Samosoznanie i nauchnoe tvorchestvo. [Self-awareness and scientific creativity]. Rostov n/D., Publishing House Rost. un-ta, 267 p.
- Petrov M.K. 1995. Iskusstvo i nauka. Piraty Ehgeiskogo morya i lichnost'. [Art and science. Pirates of the Aegean Sea and personality]. M., 16 p.
- Rimskii V.P. 2003. Mif i religiya: k probleme kul'turno-istoricheskoi spetsifiki arkaicheskikh religii. [Myth and Religion: on the problem of cultural and historical specificity of archaic religions]. Belgorod, Publ. Krest'yanskoe delo, 184 p.
- Uchrezhdayushchaya diskursivnost' Mikhaila Petrova: intellektual v inter'ere kul'turnogo kapitala. [Mikhail Petrov's Founding Discursivity: An Intellectual in the Interior of Cultural Capital]. 2017. Edited by V. P. Rimskii. M., Canon+, 455 p.
- Stanislavskii K.S. 2017. Rabota aktera nad soboi. [The actor's work on himself]. M., Publ. Artist. Rezhisser. Teatr, 488 p.
- Kheizinga I. 1997. Homo Ludens; Stat'i po istorii kul'tury. [Homo Ludens; Articles on the history of culture]. M., Publ. Progress-traditsiya, 416 p.
- Khrenov N.A. 2006. Zrelishcha v ehpokhu vosstaniya mass. [Spectacles in the era of the uprising of the masses]. M., Publ. Nauka, 646 p.
- Shpet G.G. 2007. Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury. [Art as a kind of knowledge. Selected works on the philosophy of culture]. M., Publ. ROSSPEHN, 712 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.02.2022

Received February 28, 2022

Поступила после рецензирования 30.05.2022

Revised May 30, 2022

Принята к публикации 30.10.2022

Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кожаева Ирина Владимировна, декан факультета режиссуры театрализованных представлений и праздников, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия

Irina V. Kozhaeva, Dean, Department of Stage Direction, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Гэ Цзили, преподаватель Хулунбуирского института, Хулун-Буир, Внутренняя Монголия

Ge Zili, Teacher, Hulunbuir Institute, Hulunbuir, Inner Mongolia

УДК 1 (075.8)

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-188-194

Китайское аккордеонное искусство: национальный характер и духовные приоритеты

И Лань

Тамбовский государственный музыкальный педагогический институт им. С.В. Рахманинова,
Россия, 392000, Тамбов, ул. Советская, 87
E-mail: yilanajiaxi@163.com

Аннотация. При относительно невысоком историческом и репертуарном «генетическом пороге» (50-е годы XX столетия), восходящем к военно-гражданской истории, молодое китайское аккордеонно-исполнительское искусство характеризуется своей качественной спецификой, представленной в уникальных звуковых имиджевых формах. Китайское композиторство при разной содержательной основе несет в себе оригинальность творческого метода, индивидуальность подчерка, особые принципы работы с обработками и переложениями произведений (от вокальных, инструментальных до оркестровых и сценических). Вместе с тем в данном предметном поле мы выделяем проблемные зоны. Китайское композиторство, основываясь на базовых принципах теории китайского искусства, тесно связано с эстетическими предпочтениями и национальными настроениями китайского человека. Аккордеонное искусство в совокупности своей отражает национальный характер и духовные приоритеты народа. Во многом именно этим объясняется, на наш взгляд, факт внезапного, стремительного вхождения аккордеонного искусства в музыкальную жизнь страны и его сегодняшней популяризации в культуре. С другой стороны, этот процесс не лишен противоречия, отчасти связанного с курсом современной культурной политики КНР. Он продуцирует проблемные зоны в китайской музыкальной культуре, стремящейся и к музыкальной интеграции, и к определенной консервации собственной стилиевой, репертуарной, звуковой специфики. Данное проблемное поле мы пытаемся отразить в статье.

Ключевые слова: китайское аккордеонное искусство, репертуар, музыкальное образование, исполнительство, китайское композиторство, парадигма воспитания, национальные приоритеты, музыкальная интеграция, границы, культурная политика, интеграция, противоречие

Для цитирования: И Лань. 2023. Китайское аккордеонное искусство: национальный характер и духовные приоритеты. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 48(1): 188–194. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-188-194

Chinese Akkordeone Art: National Character and Spiritual Priorities

I Lan'

S.V. Rachmaninov Tambov State Music Pedagogical Institute,
87 Sovetskaya St, Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: yilanajiaxi@163.com

Abstract. With a relatively low historical and repertory "genetic threshold" (the 50s of the twentieth century), dating back to the military-civil history, the young Chinese accordion-performing art is characterized by its qualitative specificity, presented in unique sound image forms. Chinese composing, with different content bases, carries the originality of the creative method, the individuality of the handwriting, special principles of working with treatments and arrangements of works (from vocal, instrumental to orchestral and stage). At the same time, we identify problem areas in this subject field.

Chinese composing, based on the basic principles of the theory of Chinese art, is closely related to the aesthetic preferences and national moods of the Chinese person. Accordion art in its entirety reflects the national character and spiritual priorities of the people. In many ways, this explains, in our opinion, the fact of the sudden, rapid entry of accordion art into the musical life of the country and its current popularization in culture. On the other hand, this process is not without contradiction, partly related to the course of modern cultural policy of the People's Republic of China. He produces problem areas in Chinese musical culture, which strives both for musical integration and for a certain preservation of its own stylistic, repertoire, and sound specifics. We are trying to reflect on this problem field in the article.

Keywords: Chinese accordion art, repertoire, music education, performance, Chinese composing, parenting paradigm, national priorities, musical integration, borders, cultural policy, integration, contradiction

For citation: I Lan'. 2023. Chinese Akkordeone Art: National Character and Spiritual Priorities. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 188–194 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-188-194

Введение

Прежде всего, в рамках культурно-исторического генезиса аккордеонного искусства и связанного с этой музыкальной сферой феномена китайского композиторства мы отметим, что, согласно источникам, вплоть до периода 1949 года не было создано оригинальных произведений для аккордеона по ряду причин. Во-первых, с момента, когда инструмент вошел в обиход, прошло совсем немного времени: для композиторов аккордеон был малознакомым инструментом в виду того, что исполнителей-аккордеонистов насчитывались единицы; во-вторых, когда аккордеон практически внезапно стал частью музыкальной культуры Китая¹, социальная ситуация была сложной – страна находилась в состоянии гражданской войны. В-третьих, развитие мастерства исполнителей стимулировало расширение репертуара, основу которого составляли исключительно переложения с материалов таких жанров прикладной музыки, как школьные, военные песни, танцевальная музыка и пр. В-четвертых, синтезирование западноевропейских традиций и китайского национального музыкального стиля, характерный для творчества профессиональных композиторов (характерные образцы такой линии представлены творчеством Ли Юйцю (李遇秋)² [Чан Лиин, 2007], Ван Юйпин (王域), Чжан Цзэнлян (张增亮), [Ван Дэцун, 2014] и пр. В-пятых, китайское композиторство основывалось на базовых принципах теории китайского искусства, будучи тесно связанным с уникальными эстетическими и национальными настроениями китайского человек [Nasy, 2019].

В развитие сказанного полагаем уместным сослаться на китайских авторов. Так, анализируя ключевые вехи и направления поисков китайских композиторов и исполнителей в формировании аккордеонного репертуара со времени его зарождения, Ван Дэцун отмечает: «История аккордеонного исполнительства в Китае относительно молода, а история репертуара для аккордеона насчитывает всего несколько десятилетий. Однако этот факт не мешает говорить о его самобытности: китайские произведения для аккордеона имеют ярко выраженный национальный характер и несут в себе уникальный дух исторического *пери-*

¹ По свидетельствам документальных источников, это произошло 50 в начале XX века, когда стала заметна нарастающая популярность аккордеона,

² Ли Юйцю – композитор аккордеонной музыки, который знал базовые принципы теории китайского искусства. благодаря европейскому обучению, хорошо был знаком с техникой музыкальной композиции, что обеспечило его произведениям «Кавалерия в степи» ("草原轻骑").

ода» [Ван Дэцун, 2014]. То есть учтен комплекс социально-политических, историко-культурных и иных факторов новейшей китайской истории.

Объекты и методы

Объектом исследования выступает китайское аккордеонное искусство и китайское композиторство как частный случай в системе национального инструментального искусства и музыкально-исполнительской культуры КНР, опирающейся на лучшие традиции европейского искусства и одновременно по-праву олицетворяющее собой уникальный пласт традиционной культуры Империи Поднебесной и являющееся носителем ее самобытного национального имиджа.

Методологической основой наших рассуждений послужили подходы российских ученых (М.Г. Арановского, О.В. Соколова, В.Д. Конен, В.Н. Холоповой, Б.Б. Бородина, М.И. Ройтерштейна, И.И. Земцовского, Г.Л. Головинского, В.Б. Вальковой, В.И. Руденко, Т.В. Тихоновой, О. И. Спешиловой, О. А. Немцевой и др.).

Основная часть

Во-первых, накопительный профессиональный опыт российских исполнителей и педагогов в сфере баянно-аккордеонного искусства (М.И. Имханицкого, В.В. Бычкова, В.А. Семенова, А.М. Мирека, Е.В. Показанник и др.) во многом послужил основой развития аккордеонной культуры в Китае. Во-вторых, этот опыт не просто оптимально адаптирован применительно к проблемам китайского музыковедения, но и выявляет некоторые качественные линии сопряжения между явлениями, происходящими в музыкально-инструментальных искусствах Китая и в сфере российской исполнительской культуры, музыкально-исполнительской искусстве соответственно. В-третьих, он позволяет сегодня обогатить художественный репертуар и поднять уровень композиционного творчества китайских музыкантов и тем самым оптимизировать рейтинговую шкалу их востребованности в современной китайской концертной и педагогической практике. Все это создает благоприятную почву для решения генеральной задачи в области решения важной проблемы национальной культуры современной КНР – сопряжение прошлого и настоящего, традиции и новаторства, соблюдение принципа уважения к древности с одной стороны и соответствия современным, но, заметим, отнюдь не однозначным для исторических корней Поднебесной Империи запросам и условиям процесса музыкальной интеграции. И все это разворачивается на общем фоне гармоничного сочетания композиторского творчества разных поколений и в русле культурной политики, где музыкальная образованность декларируется как «...главный путь удовлетворения потребностей в духовной культуре народных масс»¹.

Примечательно, что привлекаемые исследователями методологические приемы (скажем, исторического обобщения, методы анализа и синтеза музыковедческой и юридической литературы и пр.) позволяют более тщательно и целостно выявить пути и формы развития системы музыкального образования в Новом Китае, равно как и определить заимствование способов музыкального образования из восточных культур, что, конечно, важно для системного понимания процессов современной музыкальной культуры КНР вообще и музыкального наследия древних монголов в особенности [Насу, 2019].

Кроме того, *генезис композиторского творчества на севере Китая рассматриваются в работах Сун Жуй Луна. Осуществленный исследователем анализ публикаций в журналах «Рубеж», «Концерты. Музыкальное образование» и в газете «Слово» в*

¹ Доклад о развитии мировой культуры – культурное многообразие, столкновение и сосуществование множества. 2002. URL: <https://obrazovanie-gid.ru/doklady/doklad-czyan-czeminya-na-16-m-vsekitajskom-sezde-kpk.html> (дата обращения: 08.02.2022).

1920-х годах дал возможность выявить факты о деятельности первых на территории северного Китая российских композиторов, которые в числе первых приехали преподавать в музыкальных школах Харбина. Это были Максимилиан Штейнберг (ученик Н. Римского-Корсакова, А. Лядова и А. Глазунова), который приехал в Харбин из Петербурга в 1921 году и преподавал основы композиции в первой, только что образованной в Харбине музыкальной школе. Из Московской консерватории приехали Леонид Терехов, который продолжал пропагандировать в Китае школу своего наставника Н. Глиэра и Сергей Аксаков (ученик А. Гречанинова и С. Ляпунова). В 1924–1925 годах Штейнберг и Терехов преподавали историю музыки и основы композиции в Высшей музыкальной школе им. А. Глазунова (образованной в 1924 г.). Влияние их творчества на композиторскую школу Китая является важным в смысле первых профессиональных зарубежных представителей из Восточной Европы.

Надо сказать, что масштабные научные исследования в Китае, где рассматриваются проблемы развития композиторского творчества, появились только в период новейшей истории Китая, главным образом – в период на рубеже XX–XXI вв. Среди них – труды об общих вопросах развития китайского композиторского и исполнительского творчества Бу Ли, Вэй Тинге, Лю Сяо Лун, Чжан Сяошен. Обзор творчества китайских композиторов в период Новой и Новейшей истории содержится в работе Ван Юйхе. В 1994 г. профессором Шэньянской консерватории Сян Яньеном был создан первый объемный энциклопедический словарь биографий современных китайских композиторов.

Кроме начала научной работы в китайских консерваториях, 1950-е годы стали периодом появления первых переводов на китайский язык некоторых основополагающих трудов из различных отраслей музыкального искусства. Важно, что они сопровождались объемными предисловиями китайских ученых, что является весьма ценным. Среди них важнейшими стали китайские переводы трудов Франческо Ламперти «Теоретико-практическое руководство пения» и Джованни Ламперти «Искусство пения», в которых изложены педагогические принципы метода выдающегося итальянского педагога о выработке у певцов произношения, фразировки, правильного расходования дыхания и др.; как образец двойного перевода был осуществлен перевод русского издания труда Муцио Клементи «Методика игры на фортепиано». В совокупности методологическая работа китайских и зарубежных специалистов дала продуктивный импульс для развития искусства аккордеона в современном Китае. Это во многом способствовало успешности китайских музыкантов в исполнительстве, композиторском творчестве и педагогике. Особая роль отводится фортепианному обучению.

Необходимо отметить, что согласно источникам, со второй половины XX века и в первые десятилетия XXI, в единстве сфер исполнительства, образования, инструментального производства, национальное китайское композиторство обращается к крупным циклическим композициям в области концертного жанра (в этом ряду, в частности, концерт «Для матерей» Ли Юйцю для аккордеона с симфоническим оркестром), сюиты («Стили Северо-Востока» Ду Нина, «Детская сюита» Ван Шушэна, «Детская жизнь» Ли Вэймина и А Ту, «Ляочжай» и «Глиняные фигуры в Хуэйшань» Ли Юйцю), сонаты (Первая соната «Великий поход», Вторая соната «Чжаси дэлэ» Ли Юйцю). В контексте развития китайского аккордеонного искусства следует отметить, во-первых, что типология адаптированных произведений для аккордеона имеет различные источники происхождения оригинального музыкального текста и разную степень преобразования материала и, во-вторых, в оригинальных произведениях для аккордеона второй половины XX – начала XXI вв. в той или иной степени представлены мотивы и концепт-образы китайской традиционной музыки, восходящей своими истоками к древней фольклорной традиции и народной музыкально – певческой культуре [Ван Дэцун, 2014, с. 6].

Значительную ценность для аккордеонного искусства представляет цикл сочинений, «песен для аккордеона» Ли Юйцю – одного из самых влиятельных композиторов в современном мире аккордеона в Китае, на наш взгляд, по той достойной причине, что его аккордеонная музыка не только основана на традиционной национальной музыкальной культуре с богатым народным музыкально-певческим материалом, взятым в качестве исходного и базового творческого материала, но еще и сочетает западные композиторские техники, гармонично передают структуру песни и технику исполнения. Все его творчество наполнено богатым национальным стилем и одновременно современной атмосферой, оказывая глубокое влияние на китайское аккордеонное творчество. При этом и сама личность композитора имеет значительный авторитет в мире сегодняшнего аккордеонного искусства КНР. Подчеркнем, что сочинения для аккордеона Ли Юйцю охватывают широкий спектр жанров и форм: сонаты, фуги, групповые, сольные, концертные, репертуарные и другие произведения. Композиторская техника не ограничивается традиционными методами сочинения, некоторые работы используют двенадцатитонную последовательность. Некоторые из этих классиков являются ценными исследователями национального пути аккордеонной музыки и играют значительную роль в создании аккордеонной музыки не только в настоящем, но и за горизонтами будущего, о чем уже сегодня свидетельствуют успехи и удивительные взлеты молодых и, надо сказать, подчас совсем юных китайских исполнителей [Дуин, Калинина, 2019].

Говоря о богатстве национального и народного музыкального материала, который представлен в аккордеонном творчестве, важно отметить, что изучение и развитие произведений с китайскими культурными традициями и национальным духом всегда было целью создания аккордеонной музыки Ли Юйцю. Репрезентативные композиции для аккордеона, им созданные, отличаются уникальной авторской гармоничной техникой, оригинальностью композиционного материала, структурного построения этих композиций, создание которых, подчеркнем, основано на традиционной музыкальной культуре древней китайской нации и ее духовных традициях.

Вместе с тем Ли Юйцю шел по пути сочетания этих традиций с европейскими образцами, изучая и применяя отработанные и устоявшиеся западные музыкальные техники, используя их для создания собственных выдающихся произведений для аккордеона. В этом ряду можно назвать, например, композицию «Небесная красавица, осыпанная цветами», которую по-праву специалисты характеризуют как один из шедевров Ли Юйцю (эта работа является второй песней аккордеонной группы «Хуэйшаньская глиняная игрушка (народный промысел города Уси, пров. Цзянсу)», написанной в 1987 году). Примечательно, что исполнение этой композиции на международном конкурсе аккордеонистов в Клингентале (Германия) композитором Чжан Гуопин сопровождалась бурной овацией. Музыка впитала в себя тон цзяннаньской и местной опер, передав технику игры на гучжэн (древний щипковый музыкальный инструмент), пипа (китайская четырехструнная гитара) и бамбуковой флейте со всей гаммой и диапазоном мелодии – от спокойного, мелодичного до теплого. Добавим, что, с точки зрения выбора аккордеонных композиций, аккордеонные работы Ли Юйцю в сегодняшнем Китае являются учебными материалами, по которым ведется обучение молодых китайских музыкантов, а наработанный мастером аккордеонный репертуар является широко востребованным и особенно ценным в китайской музыкально-образовательной школе [Бениумов, 2014; Бодина, 2014].

Итак, мы ограничили наши рассуждения отдельным иллюстративным примером аккордеонного искусства на образце творчества китайского композитора и сочинителя Ди Юйцю. Однако он красноречив и достаточен, на наш взгляд, для предварительного заключения о том, что китайское аккордеонное искусство является самостоятельной ветвью му-

зыкальной культуры страны, опирающейся на традиции европейского искусства, но в то же время сохраняющей самобытные национальные черты.

Заклучение

Таким образом, аккордеонное искусство, которое развивалось изначально в сопряженности с композиторским творчеством, правомерно идентифицировать по ряду качественных его характеристик, отражающих традицию художественного творчества, а именно:

– во-первых, как целостный культурный феномен, обладающий национальной пластической спецификой и уникальной историей, в связи с чем можно говорить, что в своем основном массиве интерес исследователей лежит в области изучения китайского фольклорного песенного пространства, стоявшего, по нашему мнению, у истоков генезиса и последующего формирования профессиональной национальной композиторской школы в культуре Китая;

– во-вторых, аккордеонные адаптированные переложения имеют общие признаки, резонирующие с собственно китайскими задачами музыкально-исполнительской культуры, в ряду которых назовем поэтическое обогащение музыкальных концепт-образов, их наполнение традиционными духовно-этическими ценностями, отражающими самобытную китайскую картину мира, совпадающую с понятием китайской ментальности. С этих позиций правомерен тезис о том, что китайское аккордеонное искусство не просто уникальный «фактурный» пласт древней культуры и ее востребованный ресурс в стратегии культурной индустрии современной КНР, но также определенная, крайне интересная форма мироотношения, соотносящаяся традицией и парадигмой духовно-нравственного воспитания музыкой (в духе системных принципов конфуцианской этики). При том, конечно, что по вполне объективным причинам целостность панорамы становления феномена китайского аккордеонного искусства, взятого «в единстве исполнительского, образовательного, производственного и методического аспектов» [Ван Дэцун, 2016], не представляется возможным вне «полей притяжения» со стороны европейских музыкально-интеграционных потоков, степень влияния которых на звуковой облик, аутентичность оригинальных инструментов, композиционные особенности творчества китайских мастеров нельзя отрицать. В известной мере оно не свободно от копирований, заимствований, гениальной подражательности, тенденций к так называемому музыкальному технологизму и штамповки. Все это, полагаем, усиливает темпы психологической и культурной интеграции в западный мир молодых талантов молодежного китайского сектора. Отсюда, как нам представляется, обостряется вопрос этических границ технической и интерпретационной аутентичности, личности исполнителя в передаче оригинального музыкального текста и разную степень вторжения, преобразования музыкального первоисточника.

Список литературы

- Бениумов М. 2014. Концепция музыкального перфоманса. Журнал Сибирского Федерального университета. Социально-гуманитарные науки, 3: 467-469.
- Ван Дэцун. 2014. К истории развития аккордеонного репертуара в Китае (1949–1966). Актуальные проблемы высшего музыкального образования, 3(33). URL: <https://rucont.ru/efd/278941> (дата обращения: 08.02.2022).
- Ван Дэцун, 2015. Новые перспективы китайской аккордеонной педагогики в XXI веке. Музыкальное образование и наука, 2(3): 46-50.
- Ван Дэцун. 2015. Пути развития аккордеонного репертуара в последней четверти XX в. Вестник Кемеровского университета культуры и искусств, 3 (32): 163-169.
- Ван Дэцун. 2015. Развитие жанра переложения для аккордеона в Китае периода Культурной революции. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 4 (54): 41-43.

- Ван Дэцун. 2016. Обработки и переложения для аккордеона на основе вокального оригинала в творчестве китайских композиторов. Музыкальное образование и наука, 1 (4): 27–32.
- Ван Дэцун. 2016. Творчество китайских композиторов в контексте становления национального аккордеонного искусства. Специальность 17.00.02. Музыкальное искусство Автореферат дис. канд. искусствовед. Нижний Новгород. 26 с.
- Дуин, Калинина Г.Н. 2019. Концептуализация музыки Баха в интерпретации современных китайских исполнителей (философско-критическая рефлексия. Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 4(32): 5-13.
- Насу. 2019. Национально-культурные особенности монгольской народной музыки и ее гуманистический потенциал. Датский научный журнал, 28: 55-57.

References

- Beniumov M. 2014. Kontseptsiya muzykal'nogo perfomansa [The concept of musical performance. Journal of the Siberian Federal University]. Zhurnal Sibirskogo Federal'nogo universiteta. Sotsial'no-gumanitarnyye nauki, 3: 467-469.
- Van Detsun. 2015. Novyye perspektivy kitayskoy akkordeonnoy pedagogiki v XXI veke [New Perspectives on Chinese Accordion Pedagogy in the 21st Century]. Muzykal'noye obrazovaniye i nauka, 2(3): 46-50.
- Van Detsun. 2015. Puti razvitiya akkordeonnogo repertuara v posledney chetverti XX v. [Ways of development of the accordion repertoire in the last quarter of the 20th century]. Vestnik Kemerovskogo universiteta kul'tury i iskusstv, 3(32): 163-169.
- Van Detsun. 2015. Razvitiye zhanra perelozheniya dlya akkordeona v Kitaye perioda Kul'turnoy revolyutsii [The development of the genre of arrangement for the accordion in China during the Cultural Revolution]. Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki, 4(54): 41-43.
- Van Detsun. 2016. Obrabotki i perelozheniya dlya akkordeona na osnove vokal'nogo originala v tvorchestve kitayskikh kompozitorov [Arrangements and arrangements for accordion based on a vocal original by Chinese composers]. Muzykal'noye obrazovaniye i nauka, 1(4): 27–32.
- Van Detsun. 2016. Tvorchestvo kitayskikh kompozitorov v kontekste stanovleniya natsional'nogo akkordeonnoy iskusstva [Creativity of Chinese composers in the context of the formation of national accordion art]. Abstract. dis. cand. iskusstvoved. Nizhniy Novgorod, 26 p.
- Duin, Kalinina G.N. 2019. Kontseptualizatsiya muzyki Bakha v interpretatsii sovremennykh kitayskikh ispolniteley (filosofsko-kriticheskaya refleksiya) [Conceptualization of Bach's Music in the Interpretation of Modern Chinese Performers (Philosophical and Critical Reflection)]. Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo, 4(32): 5-13.
- Nasu. 2019. Natsional'no-kul'turnyye osobennosti mongol'skoy narodnoy muzyki i yeye gumanisticheskyye potentsial [National and cultural features of Mongolian folk music and its humanistic potential]. Datskiy nauchnyy zhurnal, 28: 55-57.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.02.2022

Received February 28, 2022

Поступила после рецензирования 30.05.2022

Revised May 30, 2022

Принята к публикации 30.10.2022

Accepted October 30, 2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT AUTHOR

И Лань (КНР), аспирант кафедры народных инструментов, Тамбовский государственный музыкальный педагогический институт имени С.В. Рахманинова, Тамбов, Россия

I Lan' (PRC), Graduate Student of the Department of Folk Instruments, S.V. Rachmaninov Tambov State Music Pedagogical Institute, Tambov, Russia

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 342; 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-195-200

Философское обоснование традиционализма в русской правовой культуре

Исмагилова М.М.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: masha.stepkina.2012@mail.ru

Аннотация. Представлена попытка интерпретировать совесть и достоинство в контексте правовых изменений в российском обществе, исходя из положения о нравственном смысле права в традиционной правовой культуре России. Автор полагает, что нравственные категории в русской культурной традиции носят не индивидуалистический смысл, а связаны с экзистенциальными измерениями, выводят право на состояние обращенности к народной органической жизни, где мериллом является совесть как явление национального самосознания. Сделан вывод о том, что в традиционной правовой культуре обосновано понимание морали как ключа к достоинству человека, при этом для автора самоочевидным становится нравственное регулирование диалога общества и государства, власти и народа.

Ключевые слова: правовая культура, правовая традиция, право в культуре модернити, нравственность, достоинство, сила права, интеллигенция

Для цитирования: Исмагилова М.М. 2023. Философское обоснование традиционализма в русской правовой культуре. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 48(1): 195–200. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-195-200

Philosophical Grounding of Traditionalism in Russian Legal Culture

Maria M. Ismagilova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: masha.stepkina.2012@mail.ru

Abstract. Various spheres of socio-political, economic, cultural and spiritual life have long been under the influence of so-called socio-political transformations that have led to gigantic shifts in the civilizational structure. An attempt to interpret conscience and dignity in the context of legal changes in Russian society, based on the provision of the moral sense of law in the traditional legal culture of Russia is presented. The author of the article believes that moral categories in Russian cultural tradition have not individualistic meaning, but are associated with existential dimensions, and bring law to the state of being addressed to the people's organic life, where the measure is conscience as a phenomenon of national self-consciousness. The author concludes that traditional legal culture justified the understanding of morality as a key to human dignity, with the moral regulation of the dialogue between society and state, power and the people becomes self-evident for the author.

Keywords: legal culture, legal tradition, law in modernity culture, morality, dignity, the power of law, intellectuals

For citation: Ismagilova M.M. 2023. Philosophical Grounding of Traditionalism in Russian Legal Culture. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 195–200 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-195-200

Введение

Различные сферы общественно-политической, экономической, культурной и духовной жизни долгое время находились под влиянием так называемых социально-политических трансформаций, приведших к гигантским сдвигам в цивилизационной структуре. Российские ученые ориентированы на то, что российское общество сложное, многоукладное и включает в себя носителей часто противоположных социальных и культурных интенций, что в обществе якобы подорваны моральные регуляторы, перекодируется культурно-историческая память, единственным устойчивым и верным ориентиром является правовая система. В условиях исчезновения социального доверия формальные правовые скрепы и формальные правовые институты призваны сдерживать противоречия общественной жизни и общественного сознания и таким образом создавать предпосылки перехода к усовершенствованному цивилизационному состоянию.

Но такая постановка скорее порождает вопросы, чем ответы, и здесь особенно нужно выделить российскую традицию в правовой культуре, привычные схемы которой часто противоречат фактам современной социальной жизни. Например, попытки охарактеризовать несовершенство правовой культуры в российском обществе характеризуют стремление показать цивилизационную «немодерность» России, которая будто бы не испытала влияние эпох Ренессанса и Просвещения, что в истории нашей страны сила права подменялась и подменяется силой государства.

Ответить на обозначенные вопросы в исследовании традиции и русской правовой культуры можно, опираясь на философско-культурологические и философско-правовые идеи зарубежных и отечественных классических мыслителей [Данилевский, 1991; Ильин, 1991; Алексеев, 1998; Леонтьев, 2000; Генон, 2005]. Поэтому в рамках предметной сферы исследования необходимо использовать метод философско-компаративного анализа концепций отечественных и зарубежных авторов, посвященных данной теме. Понимание проблематики возможно на основе методологического принципа единства исторического и логического, что позволяет исследовать традиционную правовую культуру в культурогенезе российского человека.

Мораль и нравственность в контексте правовой культуры

Сейчас в России фактически существуют два пласта правовой культуры: правовой дискурс, сформировавшийся под влиянием юридических заимствований у Запада, и традиционная правовая культура, которая уходит корнями в органическую народную жизнь, о чём много писали русские философы и писатели ещё в XIX веке, начиная со славянофилов. Их идеи были дискредитированы с приходом к власти большевиков и теоретиков вульгарного марксизма с опытом гражданской войны, и с построением советского общества подобная дискредитация была продолжена новыми либеральными западниками в период рыночных реформ 90-х годов XX века.

В рамках либерального дискурса право воспринимается как *конвенциональная ценность*, достигнутая в результате договоренности людей и взятая в культурно-историческом контексте как главный признак перехода от «дикого состояния» (для либерала всегда таковой и будет традиционная культура) к состоянию «просветленности» или «просвещения» [Смит, 2008]. Конвенционализм и конструктивизм в понимании правовой

культуры имел некоторые интеллектуальные предпосылки в античности и Возрождении, был концептуально определен в эпоху Просвещения, но закрепился и стал ориентиром в открытиях европоцентризма и ориентализма, согласно которым современная цивилизация обязана позитивному воздействию европейского права. Да, его истоки во многом обнаруживаются в латинской античности (римское право), но здесь определенным образом действует *правило интеллектуальной трансформации*, как отмечал П. Бурдьё [1993, с. 94], согласно которому традиция не воспринимается как сумма неизменных знаний и навыков, а каждый раз изменяется в контексте нового социального опыта.

Почему мы обращаемся в понимании права к традиции? Хотя бы потому, что правовая культура (и культура вообще) изначально определяется традиционностью как онтологической реальностью, если только поверхностно не держаться точки зрения о формально-логической рациональности М. Вебера. Для российского общества традиция есть ключ к пониманию культурно-цивилизационного многообразия в широком смысле и, как пишет В.П. Римский [1997; 2022], цивилизация как социокультурная целостность выступает всеобщим базисом культуры, культуурообразующим основанием неповторимых национальных культурных миров и космосов.

Наша исследовательская позиция рассматривает право как экзистенциально значительную характеристику человеческой культуры и цивилизации, что конечно не отменяет её специфические этнокультурные формы. При этом мы утверждаем несомненное отличие нашей позиции от тоталитарного космизма в том, что принцип бессубъектности (безличности) в праве является ущербным объективизмом: вместо этого требуется введение понятия *правового субъекта*, точнее *правовой личности*, обремененной не только осознанием своих прав и права на их относительность, но и признание за личностью долженствования, обязанности защищать универсальные нормы права, исходя из общепринятых культурно-цивилизационных смыслов.

Русский историк и философ-евразиец Н.Н. Алексеев в работе «Русский народ и государство» выразил как нельзя лучше свою теоретическую и гражданскую позицию. Он отметил, что выработка юридической теории, которая, с одной стороны, исходила из органического социального развития русского народа, с другой – соответствовала критериям современности, актуализировала осмысление всех существовавших в имперский и советский период подходов [Алексеев, 2000, с. 7]. Важно, что Н.Н. Алексеев разделял консолидированную позицию с российскими славянофилами и евразийцами, немецкими органицистами и романскими традиционалистами, но определил свой *оригинальный подход*, исходя из культурно-цивилизационной парадигмы российского общества, где традиция является высшим благом. Однако мы не должны сводить наследие Н.Н. Алексеева к телеологическому выводу о «не отрицательности» современного прогрессивного Запада.

Н.Н. Алексеев, говоря о необходимости обращения к Востоку, выявил факт того, что традиционное право потенциально выражает всечеловечность права, противостоит западному космополитизму, чреватому национальным тоталитаризмом или либеральным посттоталитаризмом. Характерно также и то, что он, исследуя российское традиционное право, являлся сторонником традиционности как сосредоточения национального, культурно-уникального и всеобщего в праве, где универсальность – и это доказывается фактами современности – порой превращается в негативный глобализм, который отменяет культурно-правовую традицию на основе «правил» и выражает интересы глобалистской «элиты» и финансовой олигархии, чуждых национальным государствам и культурным традициям.

В таком контексте становится ясным, что концепция разделения универсальной и традиционной правовой культур нуждается в категоризации и интерпретации с целью прояснения и рационализации. Это полемическая ситуация для нас является необходимой исследовательской процедурой, так как вне определения в российской интеллектуальной жизни соотношения универсальной и традиционной культуры можно вести бесконечные

споры о том, какие правовые нормы являются наиболее действенными в российском обществе, возможен ли переход российского общества к повторению истории, к сближению с Западом и на каких основаниях могут строиться мосты межкультурного понимания и сотрудничества. Важно отметить, что такой подход подразумевает необходимость отказа от роли России как «вечного ученика», а также от того, чтобы впасть в состояние цивилизационной гордыни.

Исходя из общего определения права как совокупности законодательных ценностей и норм требуется понимать, что *универсальное право* относится к тому, что мы можем называть результатом *глобальных практик*, имеющих в основе западную формально-правовую традицию, осмысленную как переход от нецивилизованного общества к цивилизованному, и традиционного права, которое может проявляться в двух смыслах: как *не артикулированная правовая культура в повседневной жизни*, основанная на историческом опыте, и как *альтернатива глобализму* в качестве самостоятельного выбора (исламское, буддистское, родоплеменное право).

Акцентируя внимание на том, что различие между универсальным, связываемым с цивилизацией и культурой, выражением традиций и особенностей заключается в том, что признается *множественность культур* и *целостность цивилизации*, определимся дополнительно с тем, что является правовой культурой. На наш взгляд, исследовательская сложность состоит в том, что правовая культура в рамках аксиологии, в общей ценностно-нормативной системе несёт в себе и своеобразие, и принадлежность к разным культурам, и одновременно основывается на сверхценностях цивилизованности и гуманизме человека.

Признано, что носителем универсальной правовой культуры являются образованные слои российского общества, русская интеллигенция, о которой пишется как о феномене русского общества со времен Петра I. В то же время выдвигается противоположный тезис, будто бы интеллигенция являла только узкий слой общества и ограничивалась большими городами. И к концу XIX века, рассуждая о смысле русской идеи, философы, принадлежащие к интеллектуальной элите, говорили о народной стихии, касаясь и морально-духовного состояния, и деградации, связанной с влиянием модернизации на общественные устои и порядки. Но весь смысл так или иначе сводился к тому, что традиционность в правовой культуре подразумевает непрерывность правовой культуры, соответствие её общественным ценностям.

В этом смысле универсальное право может существовать только адаптируясь, признавая и впитывая правовую традицию. Но есть сложность и в том, что правовая культура как культура рационально-формальная и нормативная принимается на уровне культурных универсалий. А если говорить о нынешнем состоянии западной правовой культуры, которая всё чаще утверждается от идеологии политкорректности, трудно не согласиться с тем, что существует определенный правовой конфликт в России: являясь составной частью Европы, в основах – восточно-христианской цивилизацией, наша страна занята *поиском собственных культурных универсалий*, но универсализация правовой культуры не может выступать как канал исторического влияния на актуальное российское сознание.

Понимая, что традиция – не только и не столько наследие, имеющее свои корни в прошлом, нужно подчеркнуть, что традиционная культура в её идеальном сущностном значении связана с истоками права в общественном сознании народа. Сложность состоит в том, что право имеет *формально-рациональную структуру*, в то время как традиция включает в себя *конфигурацию эмоций, оценок, образцов восприятия*. В этом смысле правовая культура может оцениваться как восприятие и освоение культурных норм в отличие от того, чем общество обладало раньше, в истории.

Но отметим важный момент, состоящий в том, что российская государственность существует уже в течении десяти веков и, следовательно, имела свое основание в «Русской правде», в «Домострое», в Кодексе законов и уложений Российской империи, в правовой системе советского периода. Поэтому, когда мы говорим об универ-

сальности традиции, речь может идти только о реальном балансе, представительстве в правовой культуре традиции и универсализма, недопустимости, с одной стороны, унифицирующего глобализма, ведущего к диффамации и деформации правовой традиции, и, с другой стороны, стремлении через традиционность отойти в состояние правового беспамятства и в архаику.

Эта объяснительная схема нуждается в уточнении, поскольку универсальность права, понимаемая как сверхценность человеческого существования, развивается на основе традиционности, традиции как того, что не только выражается в прошлом, но и присуще современности, в том, что *через традицию осуществляется обновление социального опыта*. В.П. Римский [2017] пишет, например, о «традициях модерна», хотя это вроде бы противоречит догмам о том, что модерн якобы «отвергает традицию». Наоборот, «современность» постоянно *продуцирует собственную традицию*, чтобы её постоянно рационализировать и обновлять, благодаря чему право и утверждается в антропологической повседневности. В этом и состоит природа устойчивости культурных универсалий цивилизации модерна.

Следует говорить и о том, что традиция и универсальность правовой культуры не являются статичными. Но если говорить о соотношении универсальности и традиционности, правовая культура крепка в своих традиционных основаниях, которые выражаются не в неизменности правовых форм, а в том, что на язык права переводятся нормы жизни, и правовая культура утверждается фактом метаморфоза этих норм, придания им осознанности и притягивания в обществе.

Заклучение

Таким образом, универсальность в праве является не следствием исключительности, как это предписывается в западноевропейских либеральных теориях, которые столкнулись с проблемой поиска определения общего блага и практически исходят из понимания негативной свободы. В контексте русской философско-правовой традиции правовая культура есть выражение нравственности в праве, гарантирует высшую цель, указывая на определенные правовые признаки, обладание которыми и есть выход на универсальность права.

Список литературы

- Алексеев Н.Н. 1998. Русский народ и государство. М., Аграф, 640 с.
Бурдьё П. 1993. Социология политики. М., SocioLogos, 336 с.
Генон Р. 2005. Восток и Запад. М., Беловодье, 240 с.
Данилевский Н.Я. 1991. Россия и Европа. М., Книга, 556 с.
Ильин И.А. 1991. О грядущей России. Джорданвилл, Н.Й. США: Изд. Св.-Троицкого Монастыря и Корпорации Телекс, 367 с.
Леонтьев К.Н. 2000. Поздняя осень России. М., Аграф, 336 с.
Римский В.П. 1997. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород, БелГУ, 199 с.
Римский В.П. 2017. Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова: интеллектual в интерьере культурного капитала. М., Канон+ РООИ «Реабилитация», 456 с.
Римский В.П. 2022. Тотальность культуры и свобода человека. Белгород, БГИИК, 215 с.
Смит Р. 2008. История гуманитарных наук. М., 392 с.

References

- Alekseyev N.N. 1998. Russkiy narod i gosudarstvo. [Russian people and the state]. Moscow, Agraf, 640 p.
Burd'yo P. 1993. Sotsiologiya politiki. [Sociology of Politics]. Moscow, SocioLogos, 336 p.
Genon R. 2005. Vostok i Zapad. [The East and the West]. Moscow, Belovodie, 240 p.
Danilevskiy N.YA. 1991. Rossiya i Yevropa. [Russia and Europe]. Moscow, Book, 556 p.

- Il'in I.A. 1991. O gryadushchey Rossii. [On the coming Russia]. Jordanville, N.Y. USA: St. Trinity Monastery Press and Telex Corporation, 367 p.
- Leont'yev K.N. 2000. Pozdnyaya osen' Rossii. [Late Autumn of Russia]. Moscow, Agraf, 336 p.
- Rimskiy V.P. 1997. Demony na pereput'ye: kul'turno -istoricheskiy obraz totalitarizma. [Demons at the crossroads: the cultural and historical image of totalitarianism]. Belgorod, BelGU, 199 p.
- Rimskiy V.P. 2017. Uchrezhdayushchaya diskursivnost' Mikhaila Petrova: intellektual v inter'yere kul'turnogo kapitala. [Establishing discursiveness of Mikhail Petrov: intellectual in the interior of cultural capital]. Moscow, Kanon+ ROOI Rehabilitation, 456 p.
- Rimskiy V.P. 2022. Total'nost' kul'tury i svoboda cheloveka: monografiya. [The totality of culture and human freedom: a monograph]. Belgorod, BGIIC, 215 p.
- Smit R. 2008. Istoriya gumanitarnykh nauk. [History of the Humanities]. Moscow, 392 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.06.2022

Received February 18 June 2022

Поступила после рецензирования 18.07.2022

Revised 18 July 2022

Принята к публикации 20.09.2022

Accepted 20 September 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Исмагилова Мария Михайловна, аспирант кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Maria M. Ismagilova, Postgraduate Student at the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ И ЭССЕ ARCHIVED PUBLICATIONS, TRANSLATIONS AND ESSAYS

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-201-206

Другой как основа своей значимости

Стоянович Войислав

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: vstojanovich_26@yahoo.com

Аннотация. Одной из основных свойств личности является уникальность, а присутствие другого влияет на выразительность этой уникальности. Без других людей мы могли бы никогда не узнать о сообществе, его значении, а также о некоторых наших качествах и характеристиках. Другой – это не статичный объект, чья функция не оказывает на нас никакого влияния. Наоборот, само присутствие другого человека является важным фактором, влияющим на наше понимание самих себя. В этой работе другой рассматривается в смысле отдельной личности вообще, а не принадлежащему какой-либо группе или подгруппе. Сделан вывод о том, что человек всё меньше и меньше видит в другом смысл и всё больше – угрозу. Возможно, именно поэтому страх перед другими подавил любовь к ним.

Ключевые слова: другой, человек, личность, индивид, самопознание

Для цитирования: Стоянович В. 2023. Другой как основа своей значимости. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 48(1): 201–206. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-201-206

The Other as the Basis of Its Significance

Vojislav Stojanovich

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: vstojanovich_26@yahoo.com

Abstract. One of the main features of personality is uniqueness, and the presence of the other affects the distinctness of this uniqueness. Without other people, we might never know about the community, its meaning, as well as some of our qualities and characteristics. The other is not a static object whose function has no effect on us. On the contrary, the very presence of another person is an important factor influencing our understanding of ourselves. In this article, the other is considered in the sense of an individual (separate) person in general, and not belonging to any group or subgroup. It is concluded that a person sees less and less meaning in another and more and more a threat. Perhaps that is why fear of others has suppressed love for them.

Keywords: other, person, personality, individual, self-knowledge

For citation: Stojanovich V. 2023. The Other as the Basis of Its Significance. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 201–206 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-201-206

Введение

Достигнута ли коммуникация и имеет ли сообщение вообще смысл, если его, кроме отправителя, некому понять? В мире, живущем информацией и посылками (между которыми следует проводить чёткое различие), человек, встречаясь с ними, определяет их значимость для себя. Мы выбираем, какое послание будем реализовывать во времени и пространстве как важное. Одни и те же сообщения важны не для всех, и поэтому сообщение, которому мы придаём полноту значения своим принятием (или, по крайней мере, реакцией на него), говорит о нас и наших ценностях, а также и о наших страхах, зависимости, положении, интересе. Сообщение не может быть сообщением, если нет никого с «другой стороны», чтобы его осуществить. Оно не имеет смысла, если некому его осмыслить своим пониманием. Без другого (серб. *другости*) нет ни послания, ни его смысла, ни реализации. Если бы не было тех, кому послано послание, оно было бы не чем иным, как пустотой пространства, бессмысленностью и тишиной звука или невидимостью вспышек визуального эффекта, путешествующих в никуда. Вес реализованного сообщения поровну делится между тем, кто его посылает, и тем, кто благодаря своему пониманию, делает его таким, какое оно есть.

Жизнь без кого-то (Бога, человека, или другой стороны вообще), с кем можно было бы вступить в контакт, была бы обращением в бессмысленность и пустоту. Жизнь без другого – это трагедия невозможности раскрыть более полную картину собственной значимости. Например, другой человек часто вызывает в нас сравнительную ценность, но также даёт нам возможность ещё полнее узнать себя. Без коммуникации человек не может выполнять свою роль в природе и обществе как гармоничном целом. В конце концов, чего стоит любой успех, если нам не с кем его разделить? Разве избыток чего-то хорошего есть действительно хорошее, если человек одинок в нём?

Индивид и личность

На пути к пониманию значимости другого стоит упомянуть проблему личности. Чтобы понять значение личности (а затем и индивидуальности, и идентичности) необходимо понять значение термина «индивид». Таким образом, идём от общего к особенному, неповторимому, личному. Это этапное движение по пути онтогенеза. По рождению человек есть прежде всего живое существо, обладающее тем, что можно определить как физическое явление. Первый вид «разделения» находит своё отражение в «индивиде», являющемся примером отделения от остальных. Следующий уровень – это то, что называем «личностью». Личность – ярчайший пример того, что нет двух одинаковых людей, но эта неповторимость не означает, что нет похожих людей. Итак, есть одно и всё остальное, более или менее отличное от этого одного.

Учёные сходятся во мнении, что есть два основных фактора, влияющих на развитие и уникальность личности – внутренний и внешний. Внутренний или генетический фактор психологических изменений проявляется внутри организма (через различия в белковом синтезе, нейроанатомических структурах и нервных и гормональных механизмах), а внешний – проявляется вне организма через культурные или социальные посредники или индивидуальный опыт больших жизненных событий [Kandler, Zapko-Willmes, 2017]. Внешним фактором, влияющим на изменение личности, являются критические жизненные события, такие, например, как уход из родительского дома или окончание школы [De Vries, Spengler, 2021].

То, как внешний фактор повлияет на человека, зависит не только от этого фактора, но и от ответа человека – автоматической или продуманной (запланированной) реакции. Это значит и от рефлексов, и от свободы воли, которая во многом определяет направление развития личности. Опыт окружения уникален, потому что тот, кто его испытывает,

уникален в своей полноте. То, как человек реагирует на окружающую среду, представляет собой «открытое пространство», в котором последствия могут быть разными или похожими, и они, опять же, могут по-разному влиять на личность. Это своего рода *perpetuum mobile* взаимного влияния.

Самопознание и свобода воли

Развитие самопознания – это процесс, в котором человек осознает себя и «узнает себя». Существуют разные мнения о том, в каком возрасте человек осознает себя и начинает переживать опыт других и понимать их существование, а также понимать себя как другого по отношению к другим. В процессе исследования самопознания и его зачатков часто применялся «зеркальный тест». Одно исследование привело к тому, что 85 % малышей в возрасте от шести до двенадцати месяцев (участвовавших в исследовании), увидев своё отражение в зеркале, вели себя как дружелюбные товарищи по играм [Amsterdam, 1972]. В возрасте около года младенец начинает проявлять признаки истинного самораспознавания [Dixon, 1957], а дети до двух – трёх лет начинают иметь в виду других, когда действуют (ведут себя, англ. *behave*) [Rochat, 2003].

Самопознание можно грубо разделить на прямое и косвенное, то есть понимание себя как факта и познание себя по отношению к другим. Присваивая ценности другим, мы автоматически присваиваем ценности самим себе, потому что мы рассматриваем других в значительной степени через призму самопознания и по отношению (в сравнении) к себе (но и наоборот, рассматриваем себя по отношению к другому). Путь от просто живого существа к живому существу, понимающему себя и отождествляющему себя с чем-то или кем-то, есть продукт стечения обстоятельств и своеобразной реакции на них. В самом общем смысле идентичность можно отождествить с наследием, то есть с чем-то, что категоризирует, разделяет или объединяет, что делает человека похожим или выразительно отличным, что идентифицирует или дифференцирует. Это наследие должно не только передаваться предыдущими поколениями, но и выбираться самой личностью. Свобода воли является важным звеном в процессе определения идентичности, потому что человек часто выбирает то, что потом может в каком-то смысле определить её или его. Жан Поль Сартр указал, что, поскольку свобода не является качеством среди других качеств, каждый человек является свободой [Сартр, 2004, р. 318]. Следовательно, развитую личность можно рассматривать как результат не только генетической предрасположенности, но прежде всего как результат свободы воли в определённых обстоятельствах.

Другой

Свобода, которая не может быть выражена через общение или контакт, не является полной свободой. Поэтому человек неполноценен (неполный, не весь) без контакта и общения с «другой стороной». Один из самых значительных сербских психотерапевтов Владета Еротич среди шести характеристик, описывающих зрелую личность, первой упоминает способность любить другого человека, а не только самого себя [Kandler, Zapko-Willmes, 2017, р. 12]. Для человека как социального существа чувство инаковости (другости) является важным элементом для достижения контакта и сообщества, а также для представления себя как единицы (отдельного лица) в этом сообществе. Растущее число присутствующих (других) увеличивает возможность выражения уникальности себя (серб. сопства). Отличия других помогают «Я» быть более выразительным.

Первым, кто чётко сформулировал проблему других умов, был Джон Стюарт Милль, работа «Исследование философии сэра Уильяма Гамильтона» («An Examination of Sir William Hamilton's Philosophy»), хотя прецеденты есть и у Декарта [Bernasconi, 2005]. Тему «другого» комментировали и развивали Фихте, Гегель, Гуссерль, Сартр, Деррида, Леви-

нас. Этот вопрос в известном смысле опосредованно (косвенно) раскрывается через тему общественной жизни и контакта с другими людьми. В «Никомаховой этике» (книги VIII и IX) Аристотель выделил дружбу как важный сегмент человеческой жизни. Он считал, что для достижения величайшего блага человеку необходима общественная жизнь [Stalley, 1995, p. 397]. Как замечает Рубен Грантович Апресян, для него важно само отношение, а участники этого отношения кажутся лишь функциями отношения [Апресян, 2014, p. 65]. Может быть, не будет ошибкой заключить, что в центре его внимания находится отношение как реализация функций, а не функции как таковые.

В «Феноменологии духа» Георг Фридрих Гегель писал о для-себя-бытии и бытии для другого: «Каждое для другого есть средний термин, через который каждое с самим собой опосредствуется и смыкается, и каждое оказывается для себя и для другого непосредственной для себя сущей сущностью, которая в то же время есть таким образом для себя только благодаря этому опосредствованию» [Гегель, 2021, с. 176]. Аналогичный подход у Сартра, который начинает рассмотрение существования другого с представления другого как одно из условий нашего различного переживания (понимания) самих себя: «Другой является неизбежным посредником, соединяющим меня со мной самим; я стыжусь, *каким я являюсь* другому» [Сартр, 2004, с. 246]. Приводя пример стыда, он выдвигал на первый план другого как причину нашего другого опыта самих себя. Таким образом, «другой» является причиной появления в нас стыда, потому что мы стыдимся не перед собой, а перед кем-то другим. Сартр прямо указывает, что нам нужен другой, чтобы понять все структуры своего бытия [Сартр, 2004, с. 247]. То, как мы видим себя в целом, во многом зависит от того, как мы думаем как другой видит нас. В присутствии другого акцент смещается с себя на другого для того, чтобы снова вернуться на себя, то есть мы акцентируем себя через другого. Другой помогает нам категоризировать себя «по-другому», через некую «иную перспективу», то есть, понять (или хотя бы предположить) какие мы в понимании другого. Итак, другой помогает нам иметь представление о себе более широкое, чем то, которое мы имеем как бытие-для-себя.

Мы осознаём себя, и через опыт среды, в которой мы находимся, мы начинаем осознавать эту среду (и самих себя по отношению к этой среде). Очень часто мы начинаем осознавать сложность чего-либо, когда нам есть с чем это сравнить. Мы осознаём своё бессилие, когда сталкиваемся с чем-то более сильным, чем мы; мы осознаём, что наша проблема может быть не такой уж большой проблемой, когда видим чью-то проблему более серьёзную, чем наша; мы замечаем некоторые из наших характеристик, через характеристики других; мы чего-то стыдимся или чем-то гордимся перед другими людьми. Если бы не было другого, осознание своей особенности, наверное, не существовало бы в форме, в которой существует, потому что мы понимаем свою особенность не по отношению к себе, а по отношению к другим. Мы понимаем себя как факт, но и как отличие в сравнении с кем-то. В книге «Гегель и другой» («Hegel and the Other»), Филип Дж. Кейн пишет, что другой – это наша сущность, а мы – сущность другого [Kain, 2005, с. 219]. Никто не мог бы быть другим, если бы не было другого другого.

Заключение

Наша особенность без других людей не была бы особенностью, в том смысле (форме, объёме), в каком она проявляется в их присутствии. «Я» является причиной различия других, а другие являются причиной различия «я». Это значит, что «я» без другого может существовать как факт, но оно не может отличаться от кого-то, быть другим, иным, различным. У нас есть свои характеристики, и возрастающее число присутствующих (других) делает эти характеристики более выразительными. Другие подчёркивают нашу особенность (уникальность, специфичность, свойство) своей собственной особенностью.

В мире постоянной нестабильности тема другого становится всё актуальнее, но оказывается больше, как предмет отталкивания, чем притяжения. Различия рассматриваются как противоположности, а не оттенки одного целого. Ксенофобская атмосфера является результатом как духовного, так и материального кризиса, в котором уникальность надстраивается «извне», а не развивается «изнутри», в которой то, что нынче модно, важнее собственной оригинальности, в котором общение с кем-то очень часто требует отождествления с кем-то, а не гармоничное различие, не предполагающее противоположности, а представляющее элементы более полной картины. Человек всё меньше и меньше видит в другом смысл и всё больше – угрозу. Возможно, именно поэтому страх перед другими подавил любовь к ним.

Список литературы

- Апресян Р.Г. 2014. Проблема Другого в философии Аристотеля. *Этическая Мысль*. № 14: 65-85.
- Гегель Г.В.Х. 2021. *Феноменология духа*. Перевод с нем. Г. Шпета. М., Издательство АСТ, 768 с.
- Сартр Ж.П. 2004. *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии*. М., Издательство «Республика», 639 с.
- Amsterdam B. 1972. Mirror Self-Image Reactions Before Age Two. *Developmental Psychology*. V. 5(4): 297-305.
- Aristotle. 2004. *Nicomachean Ethics*. Translated and edited by Roger Crisp. Cambridge: Cambridge University Press, 215 p.
- Bernasconi R. 2005. Other. *The Oxford Companion to Philosophy*. Second Edition. Honderich, T. (ed.) New York: Oxford University Press Inc. P. 673.
- De Vries, J. H., Spengler, M., Frintrup, A., and Mussel, P. 2021. Personality Development in Emerging Adulthood-How the Perception of Life Events and Mindset Affect Personality Trait Change. *Frontiers in Psychology*. V. 12. Article 671421. doi: 10.3389/fpsyg.2021.671421
- Dixon, J. C. 1957. Development of Self Recognition. *The Journal of Genetic Psychology: Research and Theory on Human Development*. V. 91 (2): 251-256.
- Jerotić, V. 1989. Čovek i njegov identitet: psihološki problemi savremenog čoveka. Drugo izdanje. Gornji Milanovac: Dečje novine. 228 p.
- Kain P.J. 2005. *Hegel and the Other: A Study of the Phenomenology of Spirit*. Albany: State University of New York, 318 p.
- Kandler C., Zapko-Willmes A. 2017. Theoretical Perspectives on the Interplay of Nature and Nurture in Personality Development. *Personality Development Across the Lifespan*. Specht J. (ed.) Academic Press, an imprint of Elsevier. P. 101-115.
- Rochat, P. 2003. Five levels of self-awareness as they unfold early in life. *Consciousness and Cognition*. V. 12 (4): 717-731.
- Sartre J. P. 1947. *Situations, I: Essais Critiques*. Paris, Éditions Gallimard. 308 p.
- Stalley R.F. 1995. *Explanatory Notes. Aristotle: Politics*. Translated by Ernest Barker; Revised with an Introduction and Notes by R. F. Stalley. Oxford: Oxford University Press: 318-409.

References

- Aprasyan R.G. 2014. Problema Drugogo v filosofii Aristotelya [The Problem of the Other in Aristotle's Philosophy]. *Eticheskaya Mysl'*. № 14: 65-85.
- Gegel' G.V.KH. 2021. Fenomenologiya dukha. Prevod s nem. G. Shpeta. [Phenomenology of Spirit. Translation with him. G. Shpet.]. Moscow, Izdatel'stvo AСТ, 768 s.
- Sartre ZH.P. 2004. Bytiye i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii. [Being and Nothingness: An Experience of Phenomenological Ontology]. Moscow, Izdatel'stvo «Respublika», 639 s.
- Amsterdam B. 1972. Mirror Self-Image Reactions Before Age Two. *Developmental Psychology*. V. 5 (4): 297-305.
- Aristotle. 2004. *Nicomachean Ethics*. Translated and edited by Roger Crisp. Cambridge: Cambridge University Press, 215 p.
- Bernasconi R. 2005. Other. *The Oxford Companion to Philosophy*. Second Edition. // Honderich, T. (ed.) New York: Oxford University Press Inc. P. 673.

- De Vries, J. H., Spengler, M., Frintrup, A., and Mussel, P. 2021. Personality Development in Emerging Adulthood-How the Perception of Life Events and Mindset Affect Personality Trait Change. *Frontiers in Psychology*. V. 12. Article 671421. doi: 10.3389/fpsyg.2021.671421
- Dixon, J. C. 1957. Development of Self Recognition. *The Journal of Genetic Psychology: Research and Theory on Human Development*. V. 91 (2): 251-256.
- Jerotić, V. 1989. *Čovek i njegov identitet: psihološki problemi savremenog čoveka*. Drugo izdanje. Gornji Milanovac: Dečje novine. 228 p.
- Kain P.J. 2005. *Hegel and the Other: A Study of the Phenomenology of Spirit*. Albany: State University of New York, 318 p.
- Kandler C., Zapko-Willmes A. 2017. Theoretical Perspectives on the Interplay of Nature and Nurture in Personality Development. *Personality Development Across the Lifespan*. Specht J. (ed.) Academic Press, an imprint of Elsevier. P. 101-115.
- Rochat, P. 2003. Five levels of self-awareness as they unfold early in life. *Consciousness and Cognition*. V. 12 (4): 717-731.
- Sartre J. P. 1947. *Situations, I: Essais Critiques*. Paris, Éditions Gallimard. 308 p.
- Stalley R.F. 1995. *Explanatory Notes. Aristotle: Politics*. Translated by Ernest Barker; Revised with an Introduction and Notes by R. F. Stalley. Oxford: Oxford University Press: 318-409.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 12.09.2022

Received September 12, 2022

Поступила после рецензирования 14.10.2022

Revised October 14, 2022

Принята к публикации 30.10.2022

Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Стоянович Войслав (Сербия), ассистент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Vojislav Stojanovic, Assistant of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia,

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИИ SCIENTIFIC LIFE, COMMUNICATIONS AND REVIEWS

УДК 167.5(081)

DOI 10.52575/2712-746X-2023-48-1-207-212

Встречи с Утопией

(рецензия на книгу Т.С. Паниотовой

«Миры утопии: избранные труды = *Mundos de la utopía: obras seleccionadas*».

Ростов-на-Дону ; Таганрог : Изд. Южного федерального университета. 2022. 351 с.)

¹ Трунов А.А., ² Олещенко Е.О.

¹ Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а;

² Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина,
308024, Россия, Белгород, ул. Горького, 71
E-mail: trunovv2013@yandex.ru, evoveto@mail.ru

Аннотация. Т.С. Паниотова внесла значительный вклад в научное осмысление генезиса и эволюции утопического дискурса в Европе, Латинской Америке и России. Статьи и переводы Т.С. Паниотовой позволяют исследовать диалектику реального и фантастического, воображаемого и действительного, случайного и закономерного в утопиях Ренессанса и Нового времени. Разработанная ею категория утопического императива позволяет осуществить деконструкцию смыслового ядра классических и неклассических утопий. Значительный научный интерес также представляет предложенная ею концепция, которая позволяет исследовать влияние реальности на утопии и утопий на реальность.

Ключевые слова: Т.С. Паниотова, Т. Мор, утопия, утопический императив, утопический дискурс, Латинская Америка, Европа, Россия

Для цитирования: Трунов А.А., Олещенко Е.О. 2023. Встречи с Утопией (рецензия на книгу Т.С. Паниотовой «Миры утопии: избранные труды = *Mundos de la utopía : obras seleccionadas*». Ростов-на-Дону ; Таганрог : Изд. Южного федерального университета. 2022. 351 с.). НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 48(1): 207–212. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-207-212

Meetings with Utopia

(Review of the book by T.S. Paniotova

"Worlds of Utopia: selected works = *Mundos de la utopía: obras seleccionadas*".

Rostov-on-Don; Taganrog : Publishing House of the Southern Federal University. 2022. 351 p.)

¹ Anatoly A. Trunov, ² Ekaterina O. Oleshchenko

¹ Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
116a Sadovaya St, Belgorod 308023, Russian Federation;

² I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation
E-mail: trunovv2013@yandex.ru, evoveto@mail.ru

Abstract. T.S. Paniotova has made a significant contribution to the scientific understanding of the genesis and evolution of utopian discourse in Europe, Latin America and Russia. T.S. Paniotova's articles and

translations allow us to explore the dialectics of the real and the fantastic, the imaginary and the real, the accidental and the natural in the utopias of the Renaissance and Modern times. The category of utopian imperative developed by her makes it possible to deconstruct the semantic core of classical and non-classical utopias. Of considerable scientific interest is also the concept proposed by her, which allows us to study the influence of reality on utopias and utopias on reality. In general, the collection of selected works by T.S. Paniotova may be of interest to anyone who is engaged in social and political philosophy, cultural studies, science, intellectual history and aesthetics. The general conclusion that arises after reading the materials of this collection is as follows: a better future is possible.

Keywords: T.S. Paniotova, T. More, utopia, utopian imperative, utopian discourse, Latin America, Europe, Russia

For citation: Trunov A.A., Oleshchenko E.O. 2023. Meetings with Utopia (Review of the Book by T.S. Paniotova "Worlds of Utopia: Selected Works"). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 48(1): 207–212 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-1-207-212

К юбилею видного российского философа и культуролога профессора Таисии Сергеевны Паниотовой в 2022 году был издан сборник научных статей и переводов, раскрывающих основную проблематику её научных исследований ¹. Собранные под одной обложкой и написанные на разных языках научные труды Т.С. Паниотовой создают весьма благоприятное и целостное впечатление о незаурядной личности автора, внёсшего значительный вклад в разработку генезиса и эволюции утопического дискурса в Европе, Латинской Америке и России.

Первая статья сборника как раз и посвящена изучению реального и фантастического в знаменитой «Утопии» Томаса Мора ² (Паниотова, 2022, с. 21–41). И это закономерно. Именно этот английский мыслитель и государственный деятель стал создателем первой классической утопии Ренессанса и Нового времени, что оказало значительное влияние на дальнейшее развитие представлений о возможном и невозможном, воображаемом и реальном, желаемом и действительном. С начальных строк этой установочной статьи Т.С. Паниотова подвергает обоснованной критике распространённую точку зрения, согласно которой утопия – это исключительно фантастический жанр. Она исходит из предположения о том, что отношения между фантазией и реальностью в утопиях гораздо сложнее. Конечно же, в основе любой утопии всегда лежат теоретический замысел и авторский вымысел, однако вымысел здесь – это отнюдь не оторванная от реальности фантазия создателя утопии, а скорее своеобразный мысленный эксперимент (Паниотова, 2022, с. 21). Собственно, без такого рода мысленных экспериментов, предвосхищающих практику и в значительной степени воздействующих на неё, сегодня трудно представить себе развитие науки, философии, идеологии, да и всей проектно-конструкторской культуры Модерна.

Предпринятый Т.С. Паниотовой текстологический анализ различных вариантов «Утопии» позволяет не только реконструировать специфику мышления Т. Мора (Мор, 1978), но также изучить основные стратегии, которые он использовал для того, чтобы его философское и литературное произведение стало культурным текстом эпохи, оказавшим большое влияние на развитие европейского гуманизма. На основании приведённых в статье примеров можно с большой долей уверенности предположить, что Т. Мор сознательно

¹ Паниотова Т.С. Миры утопии: избранные труды = *Mundos de la utopía: obras seleccionadas* / Т.С. Паниотова ; [предисловие Г. В. Драч, с. 7–18] ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2022. – 351 с.

² Мор Т. 1987. Утопия. Пер. с лат. М.: Наука, 416 с.

стремился к тому, чтобы его произведение не только стало известно максимально широкому кругу мыслителей-гуманистов, но и сформировало своеобразную интеллектуальную моду на утопический дискурс.

Центральной фигурой, которая обеспечивала интеллектуальные коммуникации между Т. Мором и другими влиятельными учёными-гуманистами, был его друг и единомышленник Эразм Роттердамский, который действительно способствовал популярности главного философского произведения Т. Мора. Заслуживает внимания также и то, что героями «Утопии» выступают как вымышленные персонажи, так и реальные лица, разделявшие основные ценности гуманизма и близкие к кругу Т. Мора. С опорой на первоисточники Т.С. Паниотова установила примерный круг этих достаточно влиятельных лиц, что является важным для понимания исторического и социокультурного контекстов генезиса и эволюции утопического дискурса на рубеже Ренессанса и Нового времени.

Согласно Т.С. Паниотовой, подход Т. Мора к проектированию идеального общества построен на том, что «вымысел ищет подтверждение в другом вымысле» (Паниотова, 2022, с. 28), в результате чего возникают довольно сложные отношения между текстом и реальностью, на которую английский мыслитель пытается определённым образом воздействовать. «Общая логика произведения такова, что от полилога с участием многих действующих лиц постепенно совершается переход к монологу главного персонажа» (Паниотова, 2022, с. 28), что позволяет Т. Морю вслед за развёрнутой критикой реальных беспорядков и неустойчивости вполне логично перейти к рассмотрению если не идеального, то гораздо более совершенного общества. При описании воображаемого мира Т. Мор использует характерную для Ренессанса сложную языковую игру, основанную на инверсии смыслов. Так, Утопия обозначается им термином *Nusquam* («нигде», «место, которого нет», «ещё-не-бытие», «ещё-не-сущее»). Да и главный нарратор Р. Гитлодей, от имени которого ведётся рассказ, предстаёт как «пылкий» и «болтун», что отпугивает профанов, но усиливает внимание посвящённых. Такое снижение образов в нарочито карнавальном стиле сближает Т. Мора с Ф. Рабле¹. И это также работает на усвоение основных концептов потенциальным читателем «Утопии».

Следует зафиксировать ещё один важный момент. На рубеже XV–XVI в. стартовала эпоха Великих географических открытий, вследствие чего начали рушиться привычные представления о реальности. Уютный, привычный и маленький мир оказался большим, незнакомым и неудобным. Открытие Америк (или, как тогда думали и говорили, Западных Индий) ввергло многих мыслящих людей в состояние своеобразного культурного шока. Имеющиеся представления о реальности вошли в фундаментальное противоречие с самой реальностью. Появились новые опасения и надежды. При этом все сведения, на которые опирались и с которыми работали интеллектуалы, были весьма эклектичны. Они содержали взаимоисключающие фрагменты, которые так и не складывались в единую и динамично обновляющуюся картину. Здесь причудливым образом перемешивалось существенное и ничтожное, полезное и бесполезное, результаты тщательных наблюдений и нелепых фантазий: «от описания различных чудес и несуществующих в природе монстров – до реалистичных картин природы, общественного устройства, обычаев и нравов коренных народов Америки» (Паниотова, 2022, с. 34). Сама же идеализация вольно или не вольно приводила к тому, что в сознании гуманистов и их последователей актуализировался миф о Золотом веке с его природным изобилием и социальной гармонией. При этом позитивные описания Нового Света могли соседствовать с негативными, например, с историями про далёкие земли, населённые кровожадными каннибалами, антропоморфными существами с собачьими мордами или хвостами, чудовищами-циклопами, сиренами.

Впрочем, такого рода описания как раз вполне соответствовали средневековой и ренессансной картина мира. Абстрагируясь от всей этой мрачной экзотики, Т. Мор устами

¹ Рабле Ф. 1973. Гаргантюа и Пантагрюэль. Пер. с франц. М.: Худож. лит., 800 с.

Р. Гитлодея излагает сюжет о мудреце Утопе, который «привёл скопище грубого и дикого народа к такой просвещённости, что ныне они превосходят в этом почти всех смертных» (Мор, 1978, с. 172). Как афористично замечает Т.С. Паниотова, «главное предназначение вымысла – зримо представить возможное» (Паниотова, 2022, с. 39). Поэтому в случае с инициированным Т. Мором утопическим дискурсом наблюдается сложное взаимодействие между идеальным и реальным, воображаемым и действительным.

В следующей статье сборника Т.С. Паниотова обращается к характеристике основных социокультурных механизмов производства и трансляции смыслов в обществах модерна типа. Если марксизм развивался от утопии к науке, то сами утопии – от интенции к научному моделированию более совершенного общества. Исходя из этого, Т.С. Паниотова предпринимает весьма удачную попытку категориального различения утопии и утопического императива. Если утопия рассматривается ею в качестве «универсальной культурной формы чувственно-рационального освоения социальной реальности» (Паниотова, 2022, с. 43), то утопический императив – это «смыслообразующее ядро утопии» (Паниотова, 2022, с. 43). В своём идеально-типическом выражении он артикулирует присущее многим людям стремление к счастью.

Утопический императив характеризуется Т.С. Паниотовой как мироустроительная интенция счастливого коллективного бытия. Безусловно, мечта о светлом будущем или о справедливом обществе сопровождает практически всю историю человечества. Однако генезис «моделетворческой» (или парадигмально-креативной) составляющей утопии приходится как раз на период Ренессанса и эпоху Модерна. Опираясь на работы предшественников и результаты проведённых ею исследований, Т.С. Паниотова выделяет базовые признаки утопии как идеальной модели желаемого общества: изоляцию, автаркию, ахронию, регламентацию, урбанизм, калогатию и эвдемонизм (Паниотова, 2022, с. 48–51). При этом в основу утопического дискурса эпохи Модерна положены представления о принципиальной возможности человеческого счастья в рационально организованном обществе. Ведь по сути «все утопии описывают счастливые миры» (Паниотова, 2022, с. 54). Однако реальность и здесь вносит свои коррективы.

Отмечая огромную роль утопий в формировании мировоззрения и массовых ожиданий переломных исторических эпох, Т.С. Паниотова убедительно доказывает, что конструирование утопий происходит также и в относительно благополучные, стабильные периоды истории. При этом создателями и трансляторами утопического дискурса чаще всего выступают не социальные аутсайдеры или психически нездоровые индивиды, а «образованные люди с положением в обществе» (Паниотова, 2022, с. 56). Критически настроенные по отношению к реальности аристократы, амбициозные буржуа, преуспевающие интеллигенты и интеллектуалы порою «демонстрируют удивительную силу духа и тратят свои состояния на создание утопических коммун» (Паниотова, 2022, с. 56). Всё это действительно так. Людям данного типа свойственно надеяться на лучшее и желать невозможного. Социальное творчество позволяет им лучше понять самих себя и реализовать своё предназначение. Хотя чаще всего претворение утопии в жизнь приводит к результатам, весьма далёким от первоначального красивого замысла.

Характерно, что битва за будущее почти всегда осуществляется не где-нибудь, а на перекрёстке конкурирующих утопий. Надежда – это не только экзистенциальная потребность отдельного человека, но и важнейший принцип существования коллективных сообществ, желающих сохранить себя в истории. Сегодня мы переживаем не просто кризис, а крах многих смысловых конструкций знакомого мира. Мыслящие люди оказались в ситуации стратегической растерянности. Идеологии и утопии Модерна исчерпали себя. Они уже никого и ни на что не вдохновляют. Постмодернистская ирония и деконструкция идеологических и утопических нарративов не устраняют необходимости философских размышлений о сути происходящего. Тем ценнее предложенные Т.С. Паниотовой рассмотрение альтернативных сценариев будущего, некогда разработанных интеллигентами

А.А. Богдановым, А.К. Гастевым и А.В. Чаяновым в философских и художественных текстах (Паниотова, 2022, с. 59–80) или анализ роли художественного авангарда в проектировании советской версии цивилизации Модерна (Паниотова, 2022, с. 81–99).

Отдельного внимания заслуживает статья, посвящённая утопическому измерению советских революционных празднеств, призванных сакрализировать и легитимировать новый общественный строй (Паниотова, 2022, с. 100–118).

Второй раздел сборника посвящён Латинской Америке. Следует отметить, что Т.С. Паниотова является великолепным экспертом по данному вопросу. Как отмечает ответственный редактор и автор предисловия профессор Г.В. Драч, «во время обучения в аспирантуре Т.С. Паниотова была направлена на стажировку в Гаванский университет на Кубе, где в библиотеках и архивах работала над диссертационным исследованием» (цит. по: Паниотова, 2022, с. 8). Отсюда – превосходное знание языка и местных культурных реалий, которое позволяет выявлять истоки латиноамериканской утопии (Паниотова, 2022, с. 133–151), размышлять о воображении и творении новых смыслов (Паниотова, 2022, с. 152–172), затрагивать сложнейшие и идеологически насыщенные проблемы конкисты, войн и колониального рабства (Паниотова, 2022, с. 172–186).

Статья о латиноамериканском свадебном ритуале открывает ещё один талант Т.С. Паниотовой – на этот раз социального антрополога (Паниотова, 2022, с. 187–210). По сути, в Латинской Америке используется иной алгоритм конструирования утопий. В его основе – «наблюдение за жизнью вновь открытых народов» (Паниотова, 2022, с. 123), глубокое и всестороннее изучение местных способов господства, хозяйственных практик и технологий управления, сравнение их с европейским опытом производства социального и уже далее – «построение некой новой модели» (Паниотова, 2022, с. 123), творение нового мира. В целом же опубликованный в сборнике цикл статей о Латинской Америке является замечательным контрапунктом к анализу европейского и российского утопического дискурса.

Для современного учёного-гуманитария крайне важно поддерживать интеллектуальные коммуникации с коллегами, работающими за рубежом. Это позволяет не только предъявить результаты своих научных изысканий мировому гуманитарному экспертному сообществу, но и понять, что уже исследовано, а что ещё ждёт своего часа, познакомиться с новыми источниками и методами научной работы, найти единомышленников и оппонентов. Поэтому третий и четвёртый разделы сборника включают статьи Т.С. Паниотовой, опубликованные на испанском и английском языках (Паниотова, 2022, с. 211–302). Так, в статьях «Цивилизационный контекст утопического дискурса» (Паниотова, 2022, с. 239–250) и «Пути утопии: из Средиземного моря в Новый свет» (Паниотова, 2022, с. 251–265) показано не только открытие (или изобретение) европейцами Нового света как Нового мира, но и обратное влияние утопии на реальность.

Диалектика старого и нового, архаики и футуристики изучена в статье, посвящённой советскому конструктивизму (Паниотова, 2022, с. 224–236). Не меньший научный интерес представляют статьи, в которых рассматривается соотношение утопии и исторической памяти (Паниотова, 2022, с. 266–288), утопии и мифа (Паниотова, 2022, с. 289–302).

Заключительный раздел сборника содержит авторские переводы двух важных работ: «Недомыслие Запада» (Карлос Х. Бланко, см.: Паниотова, 2022, с. 305–334) и «Утопия: альтернативные модели и формы культурно самовыражения в Латинской Америке» (Фернандо Аинса, см.: Паниотова, 2022, с. 335–351). «Америка, прежде бывшая хранилищем утопий для других, теперь творит утопии для себя» (цит. по: Паниотова, 2022, с. 348). При этом открытый и теоретически обоснованный Т.С. Паниотовой утопический императив является смысловым ядром критического и освободительного дискурса. Человечество нуждается в новой Утопии. И когда-нибудь она будет создана.

В целом же сборник избранных трудов Т.С. Паниотовой может быть интересен для всех, кто занимается социальной и политической философией, культурологией, науковед-

дением, интеллектуальной историей и эстетикой. При этом каждая из статей, включённых в сборник, представляет собой отдельный кейс, объединённый общим замыслом и методологией исследования. Это позволяет не только по-новому взглянуть на место утопии в процессе социального конструирования реальности, но и выявить специфику важнейшего аспекта проектной культуры Модерна, связанного с попытками выйти за пределы очевидного и пересечь ту границу, которая отделяет фантазии от реальности.

Общий вывод, который возникает после прочтения материалов этого сборника, состоит в следующем: лучшее будущее возможно.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.02.2022

Received February 28, 2022

Поступила после рецензирования 30.05.2022

Revised May 30, 2022

Принята к публикации 30.10.2022

Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Трунов Анатолий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород, Россия

Anatoly A. Trunov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

Олещенко Екатерина Олеговна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, Белгородский юридический институт МВД РФ имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

Ekaterina O. Oleshchenko, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer in the Department of Psychology and Pedagogy, I.D. Putilin Belgorod Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Belgorod, Russia